

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ
РУССКИЙ МИР И ДОНБАСС

ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ,
НАУКИ, ИННОВАЦИЙ И КУЛЬТУРЫ

ФОНД РУССКИЙ МИР

МАТЕРИАЛЫ

IV Международной научной конференции

Донецкие чтения 2019: образование, наука,
инновации, культура
и вызовы современности

Донецк
31 октября 2019 г.

Том 4

ч. 2

Филологические науки.
Культура и искусство

Дорогие коллеги!

Сборник материалов Международной научной конференции «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» является 9-томным изданием, включающим 13 книг. Труды конференции охватывают разнообразные направления фундаментальных и прикладных исследований в области естественных, технических и социально-гуманитарных наук. Они представляют широкий спектр новых научных результатов, полученных учеными Донецкого национального университета, многих других вузов и научных учреждений Донецкой и Луганской Народных Республик, а также специалистами целого ряда стран Европы и Азии – Российской Федерации, Азербайджанской Республики, Китайской Народной Республики, Республики Беларусь, Республики Болгария, Республики Сербия, Республики Узбекистан, Республики Южная Осетия, Туркменистана, Федеративной Республики Германия, Эстонской Республики. Значительная часть представляемых результатов получена в итоге совместных исследований ученых ДНР и других стран-участниц.

Девиз, под которым проходит конференция – «Русский мир и Донбасс: от сотрудничества к интеграции образования, науки, инноваций и культуры». Он отражает новый уровень и перспективы расширения сотрудничества, обмена мнениями и творческого взаимодействия ученых, педагогов, деятелей культуры и искусства Донецкой Народной Республики в качестве полноправных представителей научно-образовательного пространства Русского мира с коллегами из многих уголков земного шара. Выражаю уверенность, что наша совместная работа во время конференции внесет свой вклад в сокровищницу научных знаний, будет способствовать дальнейшему укреплению и развитию творческих контактов и дружеских связей!

Ректор,
доктор физико-математических
наук, профессор

С.В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
Фонд «Русский мир»

IV Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 4

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ. КУЛЬТУРА
И ИСКУССТВО**

Часть 2

Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
31 октября 2019 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2019

ББК Ш.я431 + Ч11я431 + Щ.я431
УДК 8+008+7(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (главный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
В.А. Дубровина, В.И. Сторожев, Л.П. Квашина, М.Н. Панчехина, А.В. Трошкин

Д672 Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). – *Том 4: Филологические науки. Культура и искусство. Часть 2* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – 410 с.

Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

Во вторую часть четвертого тома материалов IV Международной научной конференции «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам филологических наук. Рассматриваются вопросы грамматики и словообразования русского языка, актуальные проблемы лингворусистики, общего языкознания и истории языка, истории русской литературы и теории словесности, славянской филологии и прикладной лингвистики, журналистики, мировой и отечественной культуры, дизайна и арт-менеджмента.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим научные исследования в области филологических наук.

ББК Ш.я431 + Ч11я431 + Щ.я431
УДК 8+008+7(043.2)

© Коллектив авторов, 2019

© Донецкий национальный университет, 2019

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В. д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк)

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н. д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва)

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю. д-р юрид. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог)

Беспалова Т.В. д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (г. Москва)

Болнокин В.Е. д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва)

Воронова О.Е. д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань)

Илюхин А.А. д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры математики Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) ФБГОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Таганрог)

Качалов Р.Н. и.о. ректора ГОУ ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева» (г. Донецк)

Кшикань Р.В. председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк)

- Ковалев А.М.* д-р физ.-мат. наук, профессор, директор ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк)
- Кожухов И.Б.* д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва)
- Нечаев В.Д.* д-р полит. наук, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь)
- Рябичев В.Д.* д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск)
- Приходько С.А.* канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк)
- Решидова И.Ю.* канд. физ.-мат. наук, и.о. директора ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк)
- Савоськин М.В.* канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк)
- Скафа Е.И.* д-р пед. наук, профессор, проректор по научно-методической и учебной работе Донецкого национального университета (г. Донецк)
- Сорокина Г.А.* д-р пед. наук, профессор, первый проректор Луганского государственного университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск)
- Сторожев В.И.* д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого национального университета (г. Донецк)
- Тедеев В.Б.* канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова, (г. Цхинвал)
- Шемякина Н.В.* канд. экон. наук, доцент, и.о. директора ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк)

Русский язык.

Грамматика и словообразование

УДК 81'373.611

СИНХРОННЫЙ (ЭКВИВАЛЕНТНОСТНЫЙ) АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЕ «АВИА»

Белых А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
anabelykh@ukr.net

Введение. Работа посвящена синхронному описанию наименований лица, входящих в аббревиатурную группу «авиа». Целью синхронного анализа является рассмотрение и установление мотивационных отношений в гнездах эквивалентности. Под эквивалентами аббревиатуры мы вслед за В.И. Теркуловым понимаем «те словосочетания, которые употребляются как абсолютные синонимы (дублеты) сложнокращённого слова в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры» [1, с. 87]. Например, для сложнокращённого слова *авиаоператор* существуют следующие эквивалентные словосочетания:

Авиационный оператор – слово *авиационный* трансформируется в аббрекконструктор *авиа*, а слово *оператор* – представлено в неизменном виде. Данные слова используются в текстах как абсолютные синонимы: *Глава «Интуриста» Александр Арутюнов и его коллега из «Авиачартера» (авиационный оператор «Интуриста») Михаил Шаманов вчера отказались от комментариев (Сергей Стариков. АФК «Система» смотрит в небо // РБК Daily, 2007.05.24). Оператор авиационной техники* – *авиа* соответствует части слова *авиационной*, слово *техники* опускается, слово *оператор* употребляется в неизменном виде: *К ним относятся владельцы, операторы, покупатели, продавцы и арендаторы авиационной техники. К этой категории относятся также лица, использующие авиационную технику по договору лизинга и предоставляющие услуги по ремонту, техническому обслуживанию авиационной техники и заправке ее топливом. (<http://www.insur-info.ru/dictionary/3279/>). Оператор авиане перевозок* – *авиа* соответствует первой части сложного слова *авиане перевозок*, *оператор* употребляется без изменения грамматической и словообразовательной форм: *Следующий оператор авиане перевозок по ПФО получит трехлетний контракт. (<http://fedpress.ru/news/econom/train>).*

Цель работы. Определить базовые модели эквивалентности для обозначений лица, входящих в аббрегруппу «авиа».

Основная часть. Существование множества различных эквивалентных словосочетаний у одного абброконструкта указывает на множественность дешифровальных стимулов, что объясняется существованием в сознании носителей языка различных подходов к расшифровке определённой аббревиатуры. Например, для изучаемого абброконструкта **авиа** существуют следующие дешифровальные стимулы: *авиационный*, для *авиации*, по *авиации*, в *авиации* и под. Данные дешифровальные стимулы различаются по количеству компонентов, входящих в их состав: однокомпонентные (*авиаспециалист – авиационный специалист, авиатехник – техник авиации, авиапредставитель – авиационный представитель*), двухкомпонентные (*авиаперсонал – персонал авиационного предприятия, авиамеханик – механик авиационных двигателей, авиаменеджер – менеджер по авиации*) и трёхкомпонентные (*авиаинструктор – инструктор по авиационной безопасности, авиаперсонал – персонал для гражданской авиации, авиаспециалист – специалист по авиационной технике*).

Синхронный подход к описанию эквивалентностных гнезд предполагает два вида анализа: семантико-ономасиологический и формально-структурный.

Формально-структурный анализ. Формально-структурный анализ определяет формальную структуру абброконструкта. Данный вид анализа осуществляется в два этапа. На первом этапе анализа устанавливается форма употребления данного абброконструкта в словосочетании. На втором этапе анализа формируется определенная модель формирования аббревиатуры и эквивалентного словосочетания. Принцип применения и значения символов, применяющихся для данного анализа, описаны в статье В.И. Теркулова «Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания» [1]. Для рассматриваемой группы авиа были составлены следующие модели: x (*радиот авиации – авиарадиот*), x(адъект) (*авиационный работник – авиаработник*), x-а(сущ) (*поставщик авиатоплива – авиапоставщик*), (предл)x (*менеджер по авиации – авиаменеджер*), (предл)x-а(сущ) (*специалист по авиатехнике – авиаспец*), x(адъект)-z (*чиновник гражданской авиации – авиачиновник*), (предл)x(адъект)-z (*специалист по авиационной технике – авиаспециалист*). Второй этап анализа предполагает составление конкретной схемы эквивалентности в двух блоках: эквивалентного словосочетания и аббревиатуры в аббревиатурной группе «**авиа**» были выделены модели, представленные в табл. 1.

Каждому гнезду эквивалентности соответствует матрица дешифровальных стимулов. Для гнезда эквивалентности *авиамеханик* установлена матрица: у-х(ад): Прил1ед+Сущ1ед= ЧоснПрил1ед+Сущ1ед (*авиационный механик*); у-х(ад)-z: Сущ1ед+Прил2мн+Сущ2мн= ЧоснПрил2мн+Сущ1ед (*механик авиационных двигателей*); у-х-а: Сущ1ед+Сущ2мн(кп) = Чосн1Сущ2мн(кп)+Сущ1ед (*механик*

авиадвигателей). Подобная матрица определяется для всех гнёзд эквивалентности базиса *авиа*.

Таблица 1

Аббревиатура	Модель дешифровального стимула	Эквивалент	Формальная схема словосочетания	Формальная схема аббревиатуры
<i>авиамоторист</i>	у-х(прил)	<i>авиационный моторист</i>	Прил1ед+Сущ1ед	ЧоснПрил1ед+Сущ1ед
<i>авиаперсонал</i>	у-х	<i>персонал авиации</i>	Сущ1ед+Сущ2ед	ЧоснСущ2ед+Сущ1ед
<i>авиаспец</i>	у-(предл)х	<i>специалист по авиации</i>	Сущ1ед+предл+Сущ2ед	ЧоснСущ2ед+Сущ1ед (-предл)
<i>авиадиспетчер</i>	у-(предл)х-а	<i>диспетчер по авиаперевозкам</i>	Сущ1ед+предл+Сущ3мн(кп)	Чосн1Сущ3мн(кп)+Сущ1ед (-предл)
<i>авиачиновник</i>	у-х(адъект)-z	<i>чиновник гражданской авиации</i>	Сущ1ед+Прил2ед+Сущ2ед	ЧоснСущ2ед+Сущ1ед (-Прил2ед)
<i>авиаспециалист</i>	у-(предл)х(адъект)-z	<i>специалист по авиационной технике</i>	Сущ1ед+предл+Прил2ед+Сущ2ед	ЧоснПрил2ед+Сущ1ед (-предл+Сущ1ед)
<i>Авиаоператор</i>	у-х-а	<i>оператор авиаперевозок</i>	Сущ1ед+Сущ2мн(кп)	Чосн1Сущ2мн(кп)+Сущ1ед

Семантико-ономасиологический анализ. Нами был отмечен **один ономасиологический класс**, поскольку лексика, относящаяся к категории наименований лица формирует класс *субъектов*.

Для исследуемых аббревиатур были обнаружены следующие регулярные ономасиологические признаки: квалификатив (*авиаметеоролог – авиационный метеоролог; авиамеханик – авиационный механик*); дистрибутив (*авиаменеджер – менеджер авиалиний, авиатехник – техник авиации*); дестинатив (*авиадиспетчер – диспетчер по авиаперевозкам, авиаинструктор – инструктор по авиационной безопасности*); каузатив (*авиалюбитель – любитель авиации*) и др.

Вывод. Номинации лица, входящие в аббревиатурную группу авиа созданы по традиционным для данной абброгруппы модели, как ономасиологической так и формальной. В следующих работах мы предполагаем описать по данным принципам наименования лиц, входящие в другие абброгруппы, основываясь на данных создаваемого Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации Толково-эквивалентного словаря сложносокращенных слов русского языка.

Список литературы

1. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В ЭТИМОЛОГО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ «ЗНАТИ»

Борозенец Д.И.,

Теркулов В.И., д-р филол. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

borozenets.dasha@mail.ru

Введение. Словообразовательное гнездо как комплексная единица словообразования представляет большой интерес для изучения, однако для диахронного анализа происходящих в языке процессов словообразовательного гнезда как совокупности лексем, «происходящих от одного корня и объединяемых современными морфологическими или семантическими связями» [1, с. 109], недостаточно. В связи с этим возникает необходимость в составлении и изучении этимолого-словообразовательного гнезда. Этимолого-словообразовательное гнездо представляет собой совокупность этимологически родственных слов, связанных отношениями производности, которая не обязательно ощущается носителями языка на синхронном срезе.

Способами глагольного действия, согласно «Русской грамматике», называются «такие семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специально результативных характеристик» [2, с. 594]. С точки зрения диахронии, способы глагольного действия представляют определенный интерес, так как тесно связаны с категорией вида, которая стала развиваться в период развития старой временной системы, а также указывают на особенности развития системы интерпретаций действий в истории русского языка.

Цель работы. Целью нашей работы является определение роли категории способов глагольного действия в формировании значений лексем словообразовательного гнезда с вершиной *знати*.

Основная часть. В своем исследовании мы представим результаты анализа 59 глаголов (с вариантами), входящих в этимолого-словообразовательное гнездо с вершиной *знати* в период с XI по XVII вв. Анализируемые глаголы расположены на разных ступенях производности словообразовательного гнезда. Ряд глаголов соотносится уже не с вершинным словом *знати*, а с производными от него существительными – *знакъ* и *знамя*, что значительно влияет на семантику производных глаголов. Семантика знания, присущая вершинному слову [5, III, с. 100; 4, с. 479],

размывается и реализуется в производных тем хуже, чем дальше они расположены в словообразовательной цепочке (ср.: *взнати* (1-ая ступень производности ‘познать, узнать, испытать’; *значити* (2-ая ступень производности) ‘обозначать, указывать’).

25 из анализируемых 59 лексем представляют собой глаголы исключительно совершенного вида (например, *взнати* ‘познать, узнать, испытать’; *опознати* ‘определить, распознать; опознать; представить кому-либо, познакомить с кем-либо’ и проч.); 23 – глаголы несовершенного вида (например, *раззнаменовати* ‘уничтожать поставленный на чем-либо владельческий знак’; *познаватися* ‘быть узнаваемым’). Остальные 9 лексем являются двувидовыми: в зависимости от контекста они имеют как значение совершенного, так и значение несовершенного вида (например, *спознаватися* ‘узнавать друг друга; свести дружбу’: *И не прѣдѣстояше предъ нимъ никто же Иосифу, вѣньгда спознавашеся съ братьею своею; Отецкый сын суровой распотешил еси, с ярыжными спознался и на полатях в саже повалялся, взявши кошел, и под окны пошел*).

Таблица 1

Вид	Совершенный вид	Несовершенный вид	Двувидовые
Количество	25	23	9

Практически все глаголы относятся к нехарактеризованным способам глагольного действия, с точки зрения способов глагольного действия, поскольку их соотносительность с временными, количественными или результативными характеристиками выражается исключительно лексически. Ряд глаголов обладает формальными показателями способов глагольного действия (например, *на-знаменовати, при-знавати*), однако фактически эти слова не относятся к разряду характеризованных, поскольку их значение отличается от типизированного. Так, например, слова *вызнавати, дознати; назнаменовати; назнаменоватися; назнаменити; назначивати; признавати; признаватися; прознаменовати; прознаменовати; прознатися; раззнавати; раззнаменовати; раззнаменовати; раззнати* формально имеют показатель интенсивно-результативного способа глагольного действия (префикс), однако их значения не позволяют отнести данные слова к группе глаголов данного способа действия, поскольку не обозначают полноты и исчерпанного результата действия. То же самое можно сказать о глаголах *познавати, познаватися, познати, познатися* (формально – общерезультативный способ), в которых значение усвоения знания (то есть получения определенного результата) не является основным. Это связано с тем, что у данных глаголов преобладают мутационные, а не модификационные словообразовательные значения, то есть в большинстве случаев их семантика лишь отдаленно связана с семантикой знания как такового.

В словах *познавати, познаватися* в первую очередь реализуется значение идентификации, т.е. выделения знакомого объекта из ряда

предложенных. Семантика получения новых знаний в данных глаголах вторична. Глаголы *дознати*, *дознатися* реализуют значение получения знания, оба употребляются, когда речь идет об активной добыче знаний.

Ряд глаголов в анализируемом гнезде восходит к существительным *знакъ* ‘знак, метка; рисунок как символическое обозначение чего-либо’ и *знамя* ‘знак, пятно, метка; знак, рисунок как символическое изображение чего-либо; подпись, печать’ (восходящим, в свою очередь, к глаголу *знати*), что и обуславливает их значения. Так, производные от слова *знакъ* в первую очередь связаны с идентификацией (*назначити* ‘обозначить, сделать метку, знак на чем-либо’) или коммуникацией (*назначити* ‘сообщать, извещать, доносить’; *назначити* ‘сообщить, известить’); а производные от глагола *знамя* соотносятся со значением изображения, выражения чего-либо (*назнаменовати* ‘означать, служить предзнаменованием чего-либо; изображать, выражать каким-либо образом’; *назнаменати* ‘выражать каким-либо образом, обозначать’), запечатывания документа (*назнаменати* ‘запечатать, наложить печать’), нанесения и уничтожения владельческого знака (*раззнаменати* ‘уничтожить поставленный на чем-либо владельческий знак’).

Выводы. Глаголы, входящие в этимолого-словообразовательное гнездо с вершиной *знати* в период XI–XVI вв., обладают формальными признаками определенных способов глагольного действия, что, однако, не реализуется в их значениях. Семантика разных СГД не находит отражения в этих словах, что связано с преобладанием мутационного словообразовательного значения над модификационным в рамках данного словообразовательного гнезда. В ряде глаголов в первую очередь проявляется не семантика знания (обладания им или его приобретения), а семантика идентификации и коммуникации. Префиксы в таком случае не моделируют новое видовое значение, а полностью изменяют семантику слова.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966, 1969. – 608 с.
2. Русская грамматика : в 2-х т. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / редкол. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. ; АН СССР, Ин-т рус. яз. ; Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова, и др.. – М. : Наука, 1982. – 783 с.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. В 28 тт. – М.: Наука, 1975–2008.
4. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. : Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986-1987.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ НА ПРИМЕРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С СЕМАНТИКОЙ АНТИЦЕЛИ

Данилова Е.А., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева», г. Чебоксары, РФ
sergeymuratovo@mail.ru

Введение. Необычную форму выражения отношений обусловленности в русском языке представляют высказывания со значением антицели, в которых наблюдается зависимость одной ситуации от другой. Это синтаксически связанные структуры преимущественно разговорного характера с такими устойчивыми компонентами главной части конструкции, как *слишком, не настолько, не такой...*, в сочетании с союзом *чтобы* в придаточной части.

Цель исследования – показать особенности функционального взаимодействия разноуровневых средств русского языка на примере анализа высказываний с семантикой антицели.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили высказывания из художественных, публицистических и разговорных текстов. При выполнении исследования использовались описательно-аналитический, контекстуально-логический методы, а также элементы трансформационного и контекстного анализа.

Основная часть. 1. Высказывания с семантикой антицели представляют собой особую разновидность репрезентации синтаксических отношений обусловленности и конструктивно отличаются от их прототипических вариантов. Например: *Я вам не врач, чтобы диагнозы ставить* (Гайдар А. Школа); *Эта истина не настолько проста, чтобы говорить о ней* (Гроссман В. Жизнь и судьба). В подобных синтаксически связанных конструкциях типичный целевой союз *чтобы* передает несобственно-целевые отношения, поскольку в собственно-целевых высказываниях выражается прямая непосредственная обусловленность явления его желательным следствием.

2. Важным компонентом семантической структуры анализируемых высказываний является тот или иной тип прагматической составляющей, «детерминированной характером оценки говорящим поступков другого лица, ситуации в целом в плане их соответствия норме, установленным канонам» [2, с. 301]. Наиболее типичны следующие прагматические основания: 1) прагматический тип «осуждение / упрек / недовольство», например: *Ты слишком часто начал позволять себе подобные выходки,*

чтобы прощать тебя в очередной раз (Алексин А.); 2) прагматический тип «сожаление / сочувствие», например: *Он был слишком молод и неопытен, чтобы заметить, в какую западню его заманили* (Горький М.); 3) прагматический тип «опасение / предостережение / совет», например: *Не день уже, чтоб одной, без сопровождающих по темным закоулкам ходить* (Булгаков М.); *Вместо того чтобы грызть себя и обвинять во всех грехах, лучше подумай, чего тебе не хватило для успеха* (Шукшин В.); *Вещица эта слишком дорогая, чтобы принимать ее в качестве подарка от еще не очень хорошо знакомого тебе человека* (Лиза. – 2018. – № 9).

3. Прагматические составляющие таких высказываний формируются типом оценки, даваемой говорящим описываемому субъекту/объекту или ситуации в целом. Оценка, как правило, дается из представлений говорящего о соотношении с нормой, с привычным, стандартным положением дел [1, с. 34]. Например: *У нас по берегам Онеги такие угодники сидят, что знать никого не хотят. А нынче не такое время, чтобы сложа руки сидеть* (М. Пришвин) – прагматическая составляющая осуждения, обусловленная оценкой ситуации; *Она слишком умна и интеллигентна, чтобы вести такие бессмысленные разговоры* (запись живой разговорной речи) – прагматическая составляющая уважения, обусловленная оценкой субъекта. В подобных высказываниях наблюдается несоответствие качеств, размеров объекта/субъекта или какого-то положения дел предъявляемым к ним в конкретной ситуации требованиям, что делает их непригодными для конкретной цели.

4. Анализ прагматических составляющих также обусловлен лексико-семантическим наполнением данных конструкций, аспектуально-темпоральными особенностями функционирующих в них глагольных форм, морфологической природой слов при устойчивых компонентах *слишком, не так, не настолько, не такой* и под. Так, например, в сочетании с устойчивым компонентом *вместо того чтобы* типично функционирование глагола; в высказывании *Вместо того чтобы воспользоваться такую благосклонностью, вместо того чтобы обрадоваться такому случаю, какому, без сомнения, обрадовался бы на его месте всякий другой, он бросился со всех ног, как дикая коза, и выбежал на улицу* (Н. В. Гоголь «Невский проспект», содержащем прагматическую составляющую осуждения, вся ситуация отнесена в план прошедшего времени, глагол СВ употребляется в конкретно-фактическом значении, ярче всего реализующемся именно в форме прошедшего времени, с возможной конкуренцией конкретно-фактического значения СВ с обобщенно-фактическим НСВ (*бросился – бросался, выбежал – выбегал*).

Заключение. Таким образом, функционально-коммуникативный подход к анализу синтаксически связанных конструкций с союзом *чтобы* позволил понаблюдать за особенностями взаимодействия семантических категорий и языковых разноуровневых единиц на основе грамматики

функционально-семантических полей. Анализ межкатегориальных (модальных, темпоральных, аспектуальных) связей языкового свойства с привлечением логических и прагматических характеристик, с учетом их структурно-семантических особенностей представляет комплексный подход к исследованию несобственно-целевых конструкций и может послужить образцом для подобных научных изысканий.

Список литературы

1. Данилова Е.А. Высказывания с семантикой антицели в современном русском языке: опыт комплексного анализа / Е.А. Данилова. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2011. – 104 с.

2. Оркина Л. Н. Синтаксические структуры с семантикой обусловленности в современном русском языке / Л. Н. Оркина. – Санкт-Петербург : САГА, 2010. – 332 с.

УДК 81'373.611

СТРУКТУРНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ

Крамаренко И.И.,

Теркулов В.И., д-р филол. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

irina.nikolskaya.97@mail.ru

Введение. Ономасиологическая классификация сложных слов нацелена на описание сложного слова по тому, как создается ономасиологическая структура его значения, которая включает:

а) ономасиологический базис, указывающий на определенный понятийный класс – родовое понятие (например, «процесс»), к которому отнесено наименование;

б) ономасиологический признак, который указывает на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса.

Такой подход использует В. И. Теркулов [5], констатируя существование двух типов мотивации – внешней и внутренней, а также Е. А. Селиванова, чьей целью было описание сходств-различий ономасиологических моделей семантически эквивалентных композитов русского и украинского языков [4]. Ономасиологическая модель у исследователя складывается из «1) общего смысла ономасиологического базиса (формантной структуры); 2) конкретного содержания двух или более ономасиологических признаков (отсылочной части); 3) их валентного потенциала и смысловой связи; 4) типа отношений между базисом и признаком» [4, с. 20]. Например, для композита

скоропостижный Е.А. Селиванова предлагает такую модель внутренней формы: «Некий признак (1), связанный (4) с временной ограниченностью (3) «скоро» процесса «постигнуть» (2), лексическое значение – про смерть: «Внезапный» [4, с. 20]. А. А. Лялюк предлагает выделять комплексную единицу словообразования – аббревиационно-ономасиологическое поле [3, с. 146]. Д.А. Брацун на примере ономасиологического класса «пространственный объект» определяет ономасиологические подклассы и формальные модели эквивалентности аббревиатур [1, с. 6].

Цель исследования – обобщить ономасиологические типы базисов и признаков сложносокращённых слов со значением процессуальности.

Основная часть. Ономасиологический базис несет в себе общую семантику ономасиологического подкласса. Для рассматриваемых сложносокращённых слов со значением процессуальности отмечается шесть ономасиологических базисов:

- **процесс**, основная составляющая ономасиологического базиса указывает на протяженное во времени действие, являющееся объектом номинации, например, *образование торфа – торфообразование*;

- **мероприятие**, ономасиологический базис обозначает именно систему событий, формирующих обозначенное действие, например, *агитационный поход – агитпоход*;

- **отрасль**, ономасиологический базис указывает на действие, формирующее отдельную, самостоятельную часть какого-нибудь рода деятельности, например, *торговля хлебом – хлеботорговля*;

- **состояние**, ономасиологический базис указывает на положение, являющееся результатом действия, например, *взаимная обусловленность – взаимообусловленность*;

- **действие**, основная составляющая ономасиологического базиса указывает на одноразовое, мгновенное действие, являющееся объектом номинации, например, *убийство отца – отцеубийство*;

- **событие**, ономасиологический базис указывает на происшествие, состоявшееся в результате тех или иных действий, например, *крушение корабля – кораблекрушение*.

Типы ономасиологических признаков определяются Е. А. Селивановой на основе так называемых семантических или ономасиологических падежей [4, с. 21]. Для сложносокращённых слов со значением процессуальности отмечаются такие основные типы ономасиологических признаков.

Финитив. Ономасиологический признак указывает на результат действия, как правило, на его продукт, например, *образование крови – кровообразование*.

Объект. Ономасиологический признак указывает собственно на объект, на который направлено действие без констатации цели этого действия, например, *убийство царя – цареубийство*.

Дистрибутив. Ономасиологический признак указывает на объект, подвергающийся распределению, например, *водоотдача – отдача воды*.

Медиатив. Ономасиологический признак указывает на объект, являющийся средством или посредником при выполнении действия, например, *окуривание газом – газоокуривание*.

Трансгрессив. Ономасиологический признак указывает на объект подвергающийся преобразованию, например, *приготовление земли – землеприготовление*.

Способ действия. Ономасиологический признак указывает на то, каким образом совершается действие, например, *стереофоническая запись – стереозапись*.

Производитель действия. Данный аргумент указывает на того, кто производит или осуществляет то или иное действие, например, *авиационная бомбардировка – авиабомбардировка*.

Статус – указание на отношение общества к действию, процессу или состоянию, например, *злое деяние – злодеяние*.

Локатив – указание на место действия, например, *плавать в море – мореплавание*.

Отрасль – указание на принадлежность действия тому или иному роду человеческой деятельности, например, *партийная работа – партработа*.

Направление – указание на пространственный объект, к которому стремится действие, например, *взаимное обогащение – взаимообогащение*.

Контрагент – указание на объект, против которого направлено действие, например, *очистка от леса – лесочистка*.

Каузатив – аргумент, указывающий на причину действия, например, *греховное падение – грехопадение*.

Темпоратив – аргумент, указывающий на время протекания действия, например, *весенняя вспашка – весновспашка*.

Пациентив обозначает лицо или реже предмет, к которому обращено действие, например, *поклоняться идолам – идолопоклонство*.

Качество – указание на оценку эквивалентности действия нормам общества: *чисто писать – чистописание*.

Дестинатив – компонент, определяющий назначение действия, например, *обеспечение жизни – жизнеобеспечение*.

Эталон – компонент, указывающий на объект, являющийся образцом для процесса, например, *подражание звукам – звукоподражание*.

Заключение. Предложенная классификация ономасиологических базисов и признаков может использоваться при составлении ономасиологических моделей сложносокращённых слов со значением процессуальности.

Список литературы

1. Брацун Д.А. Аббревиатурный ономаσιологический класс: модели формального описания / Д. А. Брацун // Новые горизонты русистики. – 2018. – № 6. – С. 4–9.
2. Крамаренко И.И. Параллельность слоговой и частичносокращённой аббревиатур / И.И. Крамаренко // Новые горизонты русистики: материалы V Международных научных чтений студентов и молодых ученых памяти Г.И. Рихтера. – Донецк, 2018. – № 4. – С. 44–49.
3. Лялюк А. А. Ономаσιологический и полевой подходы к изучению аббревиатурных слов / А. А. Лялюк // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2017. – № 2(26). – С. 146–150.
4. Селіванова О. О. Субстантивні композити в українській та російській мовах / О. О. Селіванова // Мовознавство. – 1992. – № 6. – С. 19–22.
5. Теркулов В.И. Ономаσιологические типы текстовой эквивалентности сложносокращённого слова / В.И. Теркулов // Актуальные проблемы современной лингвистики : материалы II Международной научно-практической конференции (25 апреля 2018 года, г. Луганск) / Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко. – Луганск : Книга, 2018. – С. 57–63.

УДК 81'373.611

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС АББРЕВИАТУРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ТОЧЕЧНЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

Лялюк А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
anna.lyalyuk@list.ru

Введение. Активизация закона экономии речевых усилий в современном русском языке продуцирует возникновение большого количества сложносокращённых слов, исследованию которых посвящены многие лингвистические исследования, в частности, донецкой дериватологической школы (О.В. Блюмина [2], Л.В. Соснина [4], В.И. Теркулов [5–6]).

Цель исследования заключается в комплексном описании ономаσιологического класса аббревиатурных наименований точечных пространственных объектов – строений.

Основная часть. Целесообразность ономаσιологического подхода к исследованию сложносокращённых наименований неоднократно подчеркивалась лингвистами. Необходимость именно такого подхода отмечена Э. Бенвенистом: «словообразовательное правило порождения композитных номинаций включает ономаσιологический и лингвистический модули, среди которых приоритетным является ономаσιологический» [1, с. 6].

Распределение аббревиатур по определенным ономаσιологическим классам представляет собой обобщенное отражение этапов номинативной деятельности человека. В основу соотнесения сложносокращённого слова с определенным классом кладётся ряд параметров, среди которых основными являются лексико-грамматическое и архисемное тождество единиц. Таким образом, опираясь на концепцию В.И. Теркулова [5], мы определяем ономаσιологический класс как совокупность единиц, объединённых общекатегориальным грамматическим значением, структурным и ономаσιологическим тождеством. В нашей работе все исследуемые единицы являются сложносокращёнными существительными со значением точечного пространственного объекта – строения.

В ряде лингвистических работ уже были представлены различные классификации ономаσιологических классов. Например, О.В. Блюмина исследует субстантивные композиты со значением процессуальности [2], Е.Г. Васильева рассматривает поссессивные бахуврихи – обозначения лица [3], Л.В. Соснина – прилагательные-композиты [4].

Выделение точечных пространственных объектов как самостоятельного ономаσιологического класса обусловлено рядом причин. В качестве первой причины можно назвать большую частотность таких наименований. Словарная картотека исследования насчитывает около 500 сложносокращённых слов. Также особенностями обладают сами отображаемые объекты, представляющих собой строения, как результат архитектурной деятельности человека, и являющихся ключевыми элементами языковой картины мира, особенно значимыми для человека.

Характерной чертой точечных пространственных объектов является дискретность, расположение в одной точке в любой момент времени. Они представляют собой часть более обширного класса пространственных объектов, включающего также линейные и площадные объекты.

Дальнейшее членение анализируемого ономаσιологического класса осуществляется посредством выделения внутри него определенных лексико-семантических групп одноструктурных единиц, базирующееся на определении ономаσιологического базиса номинаций. Всего нами выделены 73 ономаσιологических базиса, служащих основой для построения рассматриваемых номинаций, различающихся по своей деривационной активности при словообразовании аббревиатур. Так, например, наиболее частотны наименования включающие ономаσιологический базис **хранилище** (*архивохранилище, бардохранилище, бензинохранилище, бензохранилище, битумохранилище, газонефтехранилище, газохранилище, глинохранилище, грязехранилище, зернохранилище, свеклохранилище, сырохранилище* и др.), представленный в 62 сложносокращённых словах; **завод** (*авиазавод, автозавод, асфальтозавод, бетонозавод, велозавод, ветсанутильзавод, винзавод, пивзавод, химфармзавод, хлопкозавод* и др.), представленный 50

аббревиатурами; **комбинат** (автокомбинат, быткомбинат, горбыткомбинат, жирокомбинат, зоокомбинат, коксокомбинат, крупокомбинат, лесокомбинат, льнокомбинат, масложиркомбинат, мелькомбинат, металлокомбинат, меткомбинат, нефтекомбинат и др.), представленный 27 номинациями; **склад** (авиасклад, автосклад, зерносклад, керносклад, кормосклад и др.), являющийся базой для образования 14 композитов.

Однако наряду с представленными встречаются уникальные (для данного ономаσιологического класса) и малочастотные базисы: **ангар** (авиаангар), **маяк** (авиамаяк), **вокзал** (авиавокзал, автовокзал). На наш взгляд данный факт обусловлен референтной соотнесенностью данных номинаций. Так, ангар представляет собой сооружение для хранения и стоянки исключительно самолетов, а значит не способен сочетаться ни с одним абброконструктом, кроме *авиа*.

В рамках заявленного ономаσιологического класса выделяется **8 подклассов**:

1. «Комплекс строений», определяемый как «совокупность зданий и/или сооружений, предназначенных для выполнения взаимосвязанных эксплуатационных задач» (*авиабаза / авиационная база: Какой военачальник пошлёт всего два самолёта для того, чтобы бомбить крупную авиабазу в момент наивысшей опасности для своей страны?* (Л. В. Шебаршин, Рука Москвы. Записки начальника внешней разведки, 1992) – *Мы с вами должны найти там площадку для строительства новой авиационной базы* (И. К. Цацулин, Атомная крепость);

2. «Здание», определяемое как «наземное строительное сооружение с помещениями для проживания и (или) деятельности людей, размещения производств, хранения продукции или содержания животных» (*админздание / административное здание: Верховная Рада объявила тендер на капитальный ремонт своего старого аварийного админздания в Шевченковском районе Киева* (<https://novosti-n.org/news/read/175577.html>) – *Монументальное административное здание, в котором ранее размещалось Министерство угольной промышленности УССР «Минуглепром», было построено в 1956 году* (<https://donbass-info.com/content/view/2307/2314>);

3. «Помещение», определяемое как «часть пространства здания или другого объекта недвижимого имущества, выделенная для самостоятельного использования» (*медкабинет / медицинский кабинет: Медкабинет – это специально оборудованное помещение, наличие которого позволяет оказывать медицинскую помощь. – Общие требования для всех медицинских кабинетов* (<https://pravdop.com/publications/kommentarii-zakonodatelstva/nash-kommentariy-o-trebovaniyah-otnositelno-ploshadi-i-strukturi-kabinetov-vrachey-osushestvlyayushih-medicinskuyu-praktiku>);

4. «Учреждение», определяемое нами как «организация, ведающая какой-либо отраслью работы, деятельности, а также строения таких организаций» (*сельмаг / сельский магазин: Возрождение глубинки: в Поморье бывший сельмаг превратят в музей* (<https://mir24.tv/news/16369735/vozrozhdenie-glubinki-v-pomore-byvshii-selmag-prevratyat-v-muzei>) – **Открываем сельский магазин** (<http://biznes-club.com/sovety/sel-skij-magazin-kakoj-on.html>);

5. «Предприятие», определяемое нами как «имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности» (*асфальтозавод / завод по производству асфальта: Что представляет собой современный асфальтозавод и где можно приобрести такую технику.* (<https://www.0432.ua/list>) – *Завод по производству асфальта для дорожного строительства* (https://ru.wikipedia.org/wiki/Асфальтобетонный_завод);

6. «Подразделение учреждения или предприятия», определяемое как «составная часть учреждения или предприятия, представленная одним или несколькими строениями» (*геофак / геологический факультет: Геофак расположен в главном корпусе Московского госуниверситета, который находится в Западном административном округе Москвы на Воробьевых горах. – Геологический факультет МГУ отметил 80-летний юбилей* (https://zao.mos.ru/presscenter/news/detail/7160990.html?odf_file=y).

В заключение хотелось бы отметить, что соотношение сложносокращённых единиц с определенным ономасиологическим классом в ряде случаев носит контекстуально обусловленный характер за счет полисемии ономасиологических базисов.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; [пер. с франц. Ю. Н. Караулова и др.]. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Блюмина О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Блюмина. – Горловка, 2010. – 341 с.
3. Васильева О. Г. Концептуальна семантика субстантивних композитів-бахувріхі (на матеріалі антропосемічної лексики сучасної англійської мови) : автореф. дис. на здоб. наук. ступеня кандидата філол. наук / спец. 10.02.04 «Германські мови» / О. Г. Васильева. – К., 2006. – 20 с.
4. Соснина Л. В. Особенности структурной организации прилагательных-композигов / Л. В. Соснина // Вестник РУДН. – М. : 2016. – Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – № 1. – С. 46-52.
5. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте: дис. ... докт. филол. наук / В.И. Теркулов. – Горловка, 2008. — 472 с.
6. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И.Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА С АББРОКОНСТРУКТОМ СТРОЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Назар Р.Н., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства
и архитектуры», г. Макеевка, ДНР
r.n.nazar@donnasa.ru

Введение. Изучение сложносокращенных слов является актуальным в лингвистике. В лексику современного человека стремительно входят сокращения, поскольку аббревиация специфична для реализации современной профессиональной коммуникации и для общения в целом.

Целью нашего исследования является изучение частотности словоупотребления сокращений с абброконструктом *строй*.

Основная часть. В современном публицистическом дискурсе более широко используются сокращенные лексические единицы различного рода. Аббревиатуры представлены в достаточно большом количестве в словарном составе современных языков. Они проникают во все слои лексики, широко применяются как в устной, так и в письменной речи.

Вопросам исследования сокращенных слов и абброконструктов как лингвистических понятий посвящены работы таких ученых, как Н. Д. Арутюнова, А. Г. Баранов, В. В. Борисов, В. Е. Гольдин, В. В. Дементьев, Е. С. Кубрякова, Т. Г. Нургалева, Ю. С. Пашинина, О. Б. Сиротина, В. И. Теркулов и др.

Аббревиатуры служат базой для появления новых слов. Возникновение и частое употребление в языке и речи сокращенных единиц зависит от экономии речевых средств и принципа наименьшего усилия. Аббревиатуры – неотъемлемые элементы современной языковой системы. Они придают экспрессию тексту [1].

Создание аббревиатур является продуктивным способом компрессии многословных названий, вследствие этого во многих тематических сферах сокращения занимают доминирующее положение. Аббревиатуры обладают наибольшей степенью имплицитности в языке, т. к. они отражают стремление говорящих предельно сократить текст сообщаемого, используя минимальное число языковых средств. Сложносокращенные слова выступают в роли своеобразных синонимов тех многословных названий, от которых они образованы. За счет аббревиатур происходит увеличение языкового кода, что дает значительную экономию на уровне текста. Важным условием закрепления аббревиатур в языке является благозвучность [2; 3].

Сложносокращенными являются слова частично сокращенные (комбинация неинициальных абброконструктов и слов –

стройтехмашина) и слоговые аббревиатуры (только неинициальные абброконструкты – *стройбат*).

Под абброконструктом В. И. Теркулов предлагает понимать часть аббревиатуры, представляющую собой сокращённый эквивалент какого-либо слова, например, абброконструкт *вин*, эквивалентный словам *винный* (*винный завод – винзавод*), *винокуренный* (*винокуренный завод – винзавод*), *винодельческий* (*винодельческий завод – винзавод*) и т.д. [4].

Неинициальный абброконструкт – абброконструкт, состоящий как минимум из двух звуков и соответствующей части основы эквивалентного слова. Например, абброконструктом считаем конструкт *строй* в слове *стройотряд*, поскольку он равен части основы слова *строи-* (*-тельн-ый*) в словосочетании *строительный отряд*.

Лингвисты выделяют два типа простых неинициальных абброконструктов – безынтерфиксные и интерфиксные [4].

Для анализа нами взяты сложносокращенные слова с абброконструктом *строй*. Источником исследования послужили тексты публицистического дискурса.

В современном русском языке образовано большое количество аббревиатур с компонентом *строй*. В результате исследования нами было выявлено, что наиболее широко представлены аббревиатуры из сочетаний начальных частей слов (*стройбат*, *стройгост*, *стройгенплан*, *строймех*), а также аббревиатуры из сочетания начальной части слова с целым словом (*стройматериалы*, *стройраствор*, *стройплощадка*, *стройтрест*).

Приведем наиболее продуктивные сложносокращенные слова с абброконструктом *строй*, частотность их употребления и эквиваленты:

стройкакустика (179) – *строительная акустика*;
стройбаза (712 000) – *строительная база*;
стройбазар (51 600) – *строительный базар*;
стройбанк(51 900) – *строительный банк*;
стройбат(495 000) – *строительный батальон*;
стройбетон(15 7000) – *строительный бетон*;
стройгазета (35 900) – *строительная газета*;
стройгарант (477 000) – *строительный гарант*;
стройгенплан (119 000) – *строительный генеральный план*;
стройгигант (62 100) – *строительный гигант*;
стройгидравлика (48 300) – *строительная гидравлика*;
стройгост (148 000) – *строительный государственный стандарт*;
стройгруппа (18 200) – *строительная группа*;
стройдеталь(377 000) – *строительная деталь*
стройдормашины (3 930) – *строительные дорожные машины*;
стройкерамика(342 000) – *строительная керамика*;
стройконстанта (13 300) – *строительная константа*;
стройконструкции (91 700) – *строительные конструкции*;

стройконтора (62 500) – строительная контора;
стройматериалы(2 550 000) – строительные материалы;
строймашины (128 000) – строительные машины;
строймех (49 300) – строительная механика;
строймеханика (47 200) – строительная механика;
стройотряд (419 000) – строительный отряд;
стройплощадка (366 000) – строительная площадка;
стройправо (3 820) – строительное право;
стройраствор (1 840) – строительный раствор;
стройтехмашины (3 930) – строительные технические машины;
стройтрест (325 000) – строительный трест;
стройуправление (68 400) – строительное управление.

Заключение. Появление аббревиатур, их отражение в языке обусловлено расширением неологического пространства современного русского языка. Активизация семантически емких и экономных номинативных единиц, как аббревиатуры, обусловлена появлением в реальной действительности сложных денотатов, обозначающих многокомпонентные наименования. Приведённые примеры указывают на то, что аббреконтрукт *строй* является незаменимым компонентом и широко используется в русскоязычном публицистическом дискурсе.

Список литературы

1. Назар Р. Н. Аббревиация в научном репортаже / Р. Н. Назар // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г.). – Макеевка, 2016. – С. 422–425. : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://donnasa.org>
2. Назар Р. Н. Аббревиация в публицистическом дискурсе на примере репортажных текстов / Р. Н. Назар // Сб. статей Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности «Функционирование славянских и других языков, литератур и культур в контексте языковой ситуации Республики Молдова». – Комрат : КГУ, 2017. – С. 121–125.
3. Назар Р. Н. Аббревиация в современном строительном дискурсе / Р. Н. назар // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов IV Международной научной конференции (14 ноября 2018 г.). – Макеевка, 2018. – С. 189–194. : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://donnasa.org>.
4. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

ДЕШИФРОВАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ КАК ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ РАЗВЁРТЫВАНИЯ СЛОЖНОГО СЛОВА

Рязанова В.А.,

Теркулов В.И., д-р филол. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

valeria.alesanovna@mail.ru

При традиционном рассмотрении аббревиации внимание исследователей в первую очередь обращено на мотивационные отношения между сокращением и его синтаксическим источником, что неизбежно приводит к пониманию этих языковых единиц как противопоставленных компонентов аббревиатурной пары. Синхронно-эквивалентностный подход, разрабатываемый Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации при кафедре русского языка ДонНУ, предусматривает существование вокруг сложного слова совокупности словосочетаний, выступающих для этого слова полными синтаксическими эквивалентами. Эквивалентность подразумевает способность словосочетания заменять сложное слово в контексте, смысл которого после замены останется тождественным. Такая совокупность взаимозаменяемых единиц названа **гнездом эквивалентности (ГЭ)** [3].

Синхронно-эквивалентностный подход предполагает исследование не происхождения сложных слов, а того, в какие отношения они вступают с синхронно эквивалентными им словосочетаниями в текстах [5]. Для носителя языка более важным является синхронный аспект, определяющий возможность интерпретировать сложное слово через словосочетание и успешно использовать единицы одного гнезда эквивалентности в контексте. Анализ текстов интернет-дискурса позволил установить, что носители языка в качестве **синтаксических эквивалентов (СЭ)** – расчленённых эквивалентов сложного слова – приводят как "словосочетания-источники" (с т.з. диахронии), так и вторичные синтаксические конструкции, формально соотносимые с компонентами сложного слова.

Альтернативность способов развёртывания сложного слова в словосочетание объясняется влиянием дешифровальных стимулов, сложившихся в сознании носителя языка. В.И. Теркуловым была предложена идея дешифровального стимула как стереотипа расшифровки конструкта, как определённой модели развёртывания слова в словосочетание. В более широком значении **дешифровальный стимул (ДС)** понимается нами как имплицитные знания носителя языка, которые стимулируют возможность дешифрования сложного слова тем или иным способом. Можно добавить, что дешифровальные стимулы

предопределяют также невозможность использования какой-либо модели развёртывания конкретного сложного слова. Вывод основан на анализе гнёзд эквивалентности, в которых обнаруживаются лакунарные позиции вместо словосочетаний-эквивалентов, формально-семантическая структура которых характеризуется регулярностью для аббревиатурной группы в целом [1]. Таким образом, мы говорим о дешифровальном стимуле как об **индивидуальных** для каждой языковой личности **параметрах**, предопределяющих способы развёртывания конкретного сложного слова.

В процессе работы над составлением первого тома «Голково-словообразовательного словаря сложносокращённых слов русского языка» были обозначены основные причины появления альтернативных синтаксических эквивалентов, обусловленные дешифровальными стимулами: 1) сложное слово относится к узкой сфере применения: некомпетентный носитель языка, не зная словосочетание-источник, развёртывает слово "интуитивно" (*газостанция – газозаправочная станция → газовая станция*); 2) словосочетание-источник имеет нетипичную для аббревиатурной группы формально-семантическую структуру; индивид подбирает СЭ типичной для группы модели (*нефтезависимость – зависимость от нефти → нефтяная зависимость*) 3) словосочетание-источник содержит избыточную информацию, потому носитель языка подбирает для слова более компактный эквивалент (*нефтезавод – нефтеперерабатывающий завод → нефтяной завод*).

Несмотря на то, что дешифровальные стимулы понимаются как следствие индивидуальных фоновых знаний, можно проследить за тенденцией использования одних и тех же моделей СЭ для развёртывания разных сложных слов одной группы. Первичный поиск дешифровальных стимулов происходит путём обработки текстов интернет-пространства и фиксации в них словосочетаний, которые могут быть использованы в качестве эквивалента сложного слова. В процессе отбора синтаксических эквивалентов происходит суммирование количества употребления всех словоформ в поисковой системе Google.

Верифицированные гнёзда эквивалентности составляют основу для наполнения эквивалентностного блока «Словаря». Составителями определены условия, при которых словосочетание получает статус синтаксического эквивалента:

1. Формальное соответствие структурных компонентов словосочетания и сложного слова (составные компоненты сложного слова в полном или сокращённом виде представлены в словосочетании).

2. Контекстуально подтверждаемая тождественность значений сложного слова и предполагаемого эквивалента.

3. Высокая частотность употребления, исключая единичные, окказиональные случаи использования конструкции (допустимым считается не менее 500 употреблений языковой единицы) [4].

Поиск синтаксических эквивалентов в текстах представляет собой первичный этап сбора дешифровальных стимулов группы, в результате которого формируется эмпирическая база моделей словосочетаний. Предполагается, что такая совокупность имеет лакунарность, поскольку при эмпирическом сборе задействованы имплицитные знания самого составителя словаря. Для устранения недочётов эквивалентностного блока участниками Лаборатории разработана методика прогнозирования отношений эквивалентности сложного слова и словосочетания. В её основе – заполнение лакунных позиций эмпирической базы путём аналогической или семантической подстановки моделей с последующей количественной верификацией [2]. Метод прогнозирования отношений эквивалентности, основанный на принципе структурности, позволяет составителям словаря добиться большей объективности и детализировать дешифровальную матрицу аббревиатурной или гибридной группы.

«Словарь» отражает языковую ситуацию, бытующую в дискурсе носителей языка разных социальных категорий. В него вошли верифицированные единицы, отражающие актуальные отношения между сложным словом и его расчленёнными эквивалентами. Вне сомнения, эквивалентностный блок «Словаря» имеет гораздо больший спектр дешифровальных стимулов, чем тот, которым обладает его конкретный пользователь; индивидуальные критерии расшифровки сложного слова вызывают спорное отношение к содержимому эквивалентностного блока. В дальнейшем исследовании предполагается провести анализ спорных компонентов гнёзд эквивалентности, которые соответствуют условиям верификации эквивалентов (*СЭ драматургический театр, артистический директор, электрическая сигарета* и т.д.).

Список литературы

1. Рязанова В.А. Дешифровальный стимул и дешифровальная матрица мутантной группы: модель описания / В.А. Рязанова // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е.Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 198–204.
2. Рязанова В.А. Методика прогнозирования отношений эквивалентности в гибридных группах / В.А. Рязанова // Новые горизонты русистики: научный журнал. – Донецк, 2018. – № 6. – С. 44–49/
3. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3(29). Языкознание. – Горловка : Изд-во ГИИЯ, 2016. – С. 13–24.
4. Теркулов В.И. Методика синхронного анализа сложносокращённых слов / В.И. Теркулов // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы VI Междунар. науч. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. – С. 124-129.
5. Теркулов В.И. Текст как показатель аббревиатурной эквивалентности / В.И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Вып. 16. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. – С. 35-40.

ПРОЦЕССЫ КОНДЕНСАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ

Соснина Л.В., д-р филол. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

ludmilasosnina@gmail.com

Введение. В современном языкознании существует устойчивая тенденция к сведению всех словообразовательных процессов в один – конденсацию, которая объединяет семантическую и лексическую направленность. По мнению ученых-лингвистов (Л.Л. Присная, О.Н. Рукавицына), «передача информации через предикативные синтаксические единицы оказывается наименее экономным способом, та же информация может быть передана с помощью словообразовательных моделей путем свертывания, стяжения синтаксической формы выражения, сокращения материальной части коммуникативного процесса до номинативного» [3, с. 39]. Возникновение слова *автогражданик*, с их точки зрения, является ничем иным, как примером поступенчатого сокращения потока речи: *обязательное страхование гражданской ответственности владельца автомобильного транспорта – автогражданская ответственность – автогражданик – ОСАГО*, использованы два разных способа создания нового слова, «с одной стороны это суффиксальное образование, употребление которого ограничено разговорным стилем, с другой стороны – аббревиация, способ также стилистически маркированный, принадлежащий к официально-деловому стилю» [там же, с. 39].

Актуальность работы определяется устойчивым интересом ученых-лингвистов к различным видам конденсации и множественностью научных подходов к решению заявленной проблемы, которую исследовали В.В.Виноградов, Д.Н. Шмелев, Н.М. Шанский, Н.А. Янко-Триницкая, Т.Г.Винокур, И.П. Глотова, А.Ф. Журавлев, Ю.В. Фоменко и др. Так, Н.М. Шанский усматривал проявление принципа «экономии усилий» в устранении названий с расчлененной формой и универбации, в «сжатии в слово номинативных словосочетаний целостной семантики и частого употребления» [5, с. 158], т.е. речь идет о явлении семантической конденсации и формальной стяженности. В процессе словопроизводства происходит конденсация плана содержания, связанная с «мотивировкой всем содержанием при выборе в качестве производящего одного из компонентов мотивирующего словосочетания: *нефтяная промышленность – нефтянка, социальная сфера – социалка*» [3, с. 37].

Целью нашего исследования является рассмотрение двух типов конденсации – лексической и семантической. *Семантическая конденсация*

может считаться одним из способов экономии языковых средств в современном русском языке, при этом «значение семантического конденсата всегда контекстуально обусловлено и продиктовано коммуникативным контекстом, ситуацией общения» [3, с. 37].

Как пишет Л.О. Зимина, «в основе семантической конденсации лежит атрибутивное словосочетание, один из компонентов которого включает в себя семантику второго компонента» [1, с. 51], при этом в результате семантического сжатия может устраняться как существительное (исходящие звонки – исходящие), так и прилагательное (граммофонная пластинка – пластинка). Конденсации подвержены в большей степени сочетания с высокой частотой употребления, обозначающие актуальные реалии современной действительности. И.А. Устименко справедливо заметила, что «в речевой стихии продуктивность средств выражения конденсации резко возрастает, возникает большое количество окказиональных образований и неологизмов» [4, с. 318]. Л.А. Кудрявцева трактует семантическую конденсацию как «включение значения (план содержания) одного из компонентов сочетания слов (при редукции его плана выражения) в семантическую структуру другого компонента» [2, с. 123]. Например, *гуманитарная помощь – гуманитарка* (универбация): *На стадион «Донбасс-Арена» прибыла первая автоколонна с гуманитарной помощью* (ТВ Экспресс, № 36, 3.09.2015); *Талончики на получение новой гуманитарки продолжали выдавать и сегодня* (События недели, 16.12.2014); *генеральный директор – генеральный* (эллипс в сторону зависимого слова): «*Лучшего способа расширить бизнес и для тех, и для других не существует*», – *полагает генеральный директор* компании «Диджитек» Александр Сибиряков. (Владислав Кулаков. Крепкое сообщество // «Computerworld», 2004; Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru); *Почему HR-директор не может договориться с генеральным?* (<http://alkorpiyan.ru/sitemap.html>).

Результат. Проведенный анализ прилагательных-композиций позволяет нам сделать следующие замечания. Мы фиксируем явление *лексической конденсации* (стяжение компонентов словосочетания в сложное слово) в следующих примерах, *с черными бровями – чернобровый*: *К судьям выходит Инна Шевченко, загорелая блондинка с черными бровями* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013); *Маменькина дочка Марфушка, чернобровая и со свекольным румянцем во всю щеку, поразила воображение кинозрителей* (Звезды, № 5, 2013); *низкого роста – низкорослый*: *То, что мужчины низкого роста более амбициозны и чаще достигают в жизни успеха, знают многие* (<http://healthsnews.com/6-dostoinstv-muzhchin-nizkogo-rosta.html>); *Низкорослый, мрачный, он был явным аутсайдером на фоне высокого, статного, веселого Давида* (Вива-Биография, № 3 (80), 2014).

Констатируем, что лексическая конденсация имеет две разновидности – деривационное и универбализационное композитостроение. Особое место в русском языке занимают коррелятивные конструкции типа *девушка с голубыми глазами – голубоглазая девушка*. Отмеченные примеры мы относим к универбализационным композитам, в частности, к бахуврихи. Бахуврихи типа *девятымесячный* являются полным эквивалентом атрибутивной парадигмы исходного словосочетания, поскольку могут заменять и конструкцию *девяти месяцев (девятымесячный ребенок – ребенок девяти месяцев)*, и *в девять месяцев (срок в девять месяцев – девятымесячный срок)*. Полагаем, что *девятымесячный* – универбат всех возможных атрибутивных употреблений словосочетания *девять месяцев: Ребенок девяти месяцев всё также с удовольствием подражает движениям взрослых* (<http://www.minibanda.ru>); *Главой объединенного государства стал девятымесячный английский престолонаследник* (Звезды, № 5, 2013); *В этом отношении срок в девять месяцев последнее время то вырывается вперед, то «проигрывает» популярнейшему полугодовому сроку. Итак, в области максимумов полугодовой срок на сегодняшний день «выигрывает» у девятымесячного срока* (<http://investfunds.ua>).

В заключение отметим, что лексическая конденсация является одним из наиболее значимых способов словообразования в системе современного русского языка. Перспективы исследования видятся нам в комплексном многоуровневом описании бахуврихи как разновидности лексической конденсации.

Список литературы

1. Зими́на Л.О. Компрессивное словообразование в рекламе / Л.О. Зими́на // Вестник Челябинского госуд. ун-та. – 2007. – № 22. – С. 50-53.
2. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л.А. Кудрявцева. – К.: ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с. – (Киевский нац. ун-т.)
3. Присная Л.Л. Функции словообразования в процессе языковой коммуникации / Л.Л.Присная, О.Н.Рукавицина // Научные ведомости Белгородского госуд. ун-та. Серия : Гуманитарные науки. – 2014. – № 20 (191). – Вып. 23. – С. 35-41.
4. Усти́менко И.А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании : [монография] / И. А. Усти́менко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. – 132 с.
5. Шанский Н.М. Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху / Н. М. Шанский // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 155-166.

УРОВНИ ТЕКСТОВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ СЛОЖНОСОКРАЩЁННОГО СЛОВА

Теркулов В.И., д-р филол. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
terkulov@rambler.ru

Введение. Для нужд «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка», создаваемого Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка ДонНУ, была разработана схема определения границ эквивалентности «сложносокращённое слово – мотивированное/мотивирующее словосочетание». Для констатации такой эквивалентности используется критерий формально-семантической релевантности, дополненный критерием текстовой дублетности сопоставляемых единиц: «При синхронном анализе мы считаем эквивалентными и, следовательно, входящими в гнездо эквивалентности аббревиатуры те словосочетания, которые употребляются как абсолютные синонимы (дублеты) сложносокращённого слова в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры» [1, с. 87]. Например, для слова *диетменю* отмечаются эквивалентные словосочетания *диетическое меню* и *меню диетического питания*, поскольку они содержат в своём составе слова, эквивалентные конструкторам аббревиатуры (*диетическое* и *диетического* = *диет-*, *меню* = *-меню*), и используются в эквивалентных текстах как её дублеты: *Перейдём же непосредственно к самому **диетменю** – Если все правила этой диеты вас устраивают, то мы вам хотим предложить примерное **диетическое меню** на основе раздельного питания (<https://psn-travel.ru/diety/dieta-demisa-russosa-otzyvy>); **Диетменю** можно дополнить несладким фруктом, низкокалорийным йогуртом, овощным салатом или нежирным кефиром – (свекольный сок) часто включают в меню диетического питания, соколечения – Именно поэтому пшено для похудения широко используется и даёт хорошие результаты – это позволяет включать пшённую кашу в **меню диетического питания** (<https://www.diets.ru/post/591439/>).*

Целью работы является определение моделей использования аббревиатурных эквивалентов в текстах.

Основная часть. Текст, при помощи которого проверяется эквивалентность аббревиатуры и словосочетания, мы обозначаем термином «эквивалентный текст». Степень достоверности эквивалентности определяется по модели вхождения в него сложносокращённого слова и словосочетания, а также по типу текста.

Наибольшей достоверностью обладают **референтные эквивалентные тексты**, то есть тексты, в которых слово и эквивалентное словосочетание имеют тождественный референт.

Уровень достоверности 1 – собственно эквивалентный текст (высший уровень достоверности): ситуация, когда слово и словосочетание употребляются в одном и том же тексте для обозначения одного и того же референта. Например, для аббревиатурной пары *агрозгород – аграрный город* уровень достоверности 1 подтверждается следующим текстом: *Краснодар – современный агрозгород – Разработана и утверждена городской Думой Краснодара Краснодарская агропромышленная программа на период до 2020 года «Краснодар – аграрный город»* (<https://agropromyug.com/images/arhiv/2009/35-36.pdf>). Иногда в одном тексте отмечается употребление нескольких эквивалентов сложносокращённого слова. Например, для *автоэмблема – автомобильная эмблема – эмблема автомобилей* обнаруживается следующий текст: *Автоэмблема несёт информацию о головокружительной истории побед, благородном происхождении марки, стиле и душе автомобиля – Автомобильная эмблема – это символ маленький, но очень ёмкий – Но поскольку речь в данной статье идёт об эмблемах автомобилей мира с названиями, то узнать Toyota Altezza помогает именно её логотип* (<http://auvto.pp.ua/4126-shildiki-i-emblemy-na-avto-foto.html>).

Уровень достоверности 2 – параллельные эквивалентные тексты: ситуация, когда слово и словосочетание используются для обозначения одного и того же референта в разных текстах. Например, для аббревиатурной пары *нефместанция – нефтеперерабатывающая станция – нефтяная станция* отмечаются следующие включения в тексты:

Текст 1: *На нефместанции в ХМАО загорелись два резервуара, пострадали двое рабочих (Как уточняет ТАСС, пожар произошел на Хохряковской нефтебазе в Нижневартовском районе)* (http://www.kasparov.ru/material.php?id=5BD84C7D16CF6§ion_id=4354A73076FEC).

Текст 2: *На Хохряковской нефтеперерабатывающей станции в Нижневартовске, Ханты-Мансийский автономный округ, произошел пожар площадью в тысячу квадратных метров* (<https://polit.info/427482-neftepererabatyvayushaya-stanciya-v-yugre-zagorelas>).

Текст 3: *Площадь горения на нефтяной станции в Нижневартовском районе удалось сократить вдвое (Стоит напомнить, что накануне днём на Хохряковском месторождении загорелись резервуары с нефтью)* (https://ugratv.ru/news/incidents/pozhar_na_mestorozhdenii_v_nizhnevartovskom_rayone_tushat_bolshe_120_chelovek/)

Меньшим уровнем достоверности обладает **сигнификативный эквивалентный текст**.

Уровень достоверности 3 – условно эквивалентные тексты: слово и словосочетание употребляются в разных текстах и обозначают разные референты, находящиеся в зоне тождества сигнификата слова. Например, для гнезда эквивалентности *бурколонна – буровая колонна – бурильная колонна – колонна для бурения* отмечаются следующие вхождения. Текст 1: *Это был резиновый элемент компенсатора бурового насоса У8-6М, который буровики также использовали и при подъёме бурколонны, вырезая его как обтюратор* (<https://www.tek-ads.ru/page/6/>). Текст 2: **Буровая колонна** *вращается со скоростью 40-250 оборотов в минуту, поворачивая либо бур, который имеет буровые коронки с закреплёнными долотообразными режущими краями, либо бур, буровая головка которого имеет шарошки с закаленными зубьями* (<http://base.safework.ru/iloenc?doc&nd=857200801&nh=0&ssect=4>). Текст 3: **Бурильная колонна** *связывает поверхностное оборудование с породоразрушающим инструментом и представляет собой непрерывную, многозвенную систему инструментов между вертлюгом на поверхности и долотом на забое скважины* (<http://teplozond.ru/razvedochnoe-burenie/burilnaya-kolonna.html>). Текст 4: *Например, обычная водоотделительная колонна для бурения может иметь номинальный диаметр 2 1/4 дюйма (53,975 см)* (<https://edrid.ru/rid/216.013.4585.html>).

Дополнительным средством верификации эквивалентности является косвенно эквивалентный текст (**уровень достоверности 4**), в котором как синонимы используются эквиваленты аббревиатуры, но сама она в нём не присутствует, например, текст, в котором как абсолютные синонимы употребляются *ветряная электростанция* и *ветряная станция*, но не отмечается сложносокращённое слово *ветростанция*, являющееся вершиной данного гнезда эквивалентности: *Первая плавучая ветряная электростанция Floatgen появится у берегов Франции – По словам Поля де ла Гюэривьё, директора Ideol и координатора проекта, развитие такой технологии связано с постепенным сокращением участков, подходящих для строительства наземных ветряных станций* (<https://ecotechnica.com.ua/energy/veter/1762-pervaya-plavuchaya-vetryanaya-elektrostantsiya-floatgen-poyavitsya-u-beregov-frantsii.html>).

Заключение. В дальнейших работах нами будет описаны причины использования компонентов гнёзд эквивалентности в разных эквивалентных текстах, а также предложены, на основе классификации причин, матрицы эквивалентной достоверности.

Список литературы

1. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

МОДЕЛИ ДЕШИФРОВКИ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ, ВХОДЯЩИХ В АББРЕВИАТУРНУЮ ГРУППУ «АВИА»

Халабузарь А.О.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
stebuki@yandex.ru

Введение. Работа Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации посвящена в первую очередь изучению актуальных мотивационных отношений в гнездах эквивалентности сложносокращённых слов. При этом под сложносокращённым словом мы понимаем «единицу, связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [3, с. 74]. Абброконструкт – это «часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [3, с. 74]. Например, сложносокращёнными являются слова *авиаавария, авиавласти, авиаузел*, имеющие абброконструкт *авиа*. При синхронном анализе, настроенном на определение актуальных мотивационных отношений между сложносокращённым словом и его синтаксическими эквивалентами, было обнаружено явление множественной эквивалентности, то есть мотивационной связи слова с разными словосочетаниями, имеющими с ним тождественное значение. Например, для слова *авиагигант* обнаружены в текстах эквиваленты *авиастроительный гигант, авиационный гигант, гигант авиастроения, гигант авиации, авиакосмический гигант, гигант авиационной промышленности, авиапромышленный гигант, гигант авиапромышленности*. Это позволяет говорить, что, вопреки устоявшемуся мнению, на актуальном срезе языка аббревиатурные пары являются не самостоятельными единицами, а формируют гнездо эквивалентности, которое представляет собой «совокупность всех словосочетаний, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах» [2, с. 84] (см. пример *авиагигант*). Формирование аббревиатурных гнезд обусловлено наличием у одного абброконструкта некоторого количества так называемых дешифровальных стимулов, то есть «имплицитных знаниях носителя языка, которые стимулируют возможность разного дешифрования сложного слова» [1, 198], вербализующихся в «слово или сочетание слов, которое является эквивалентом абброконструкта и может быть использовано для его замены

в эквивалентном словосочетании» [3, с. 74]. Например, для абброконструкта *авиа* обнаруживается более 200 токенов (речевых дешифровальных стимулов), собранных в 80 лемм (словарных представителей токенов).

Цель работы – описать систему дешифровальных стимулов аббревиатурной группы «авиа», то есть совокупности сложносокращённых слов, включающих в свой состав препозитивный абброконструкт *авиа*.

Основная часть. Анализ аббревиатурной группы «авиа», как и остальных групп, описываемых в создаваемом Лабораторией Толково-эквивалентностном словаре сложносокращённых слов русского языка, показал, что все они могут быть распределены по стереотипным моделям дешифровальных стимулов.

Для описания моделей дешифровальных стимулов используется система символов, включающая следующие единицы: x – слово, являющееся формальным эквивалентом абброконструкта в составе дешифровального стимула, то есть, собственно, слово, которое трактуется как сокращаемое в абброконструкт, например в паре *авиагорючее* – *авиационное горючее* символом x обозначается слово *авиационный*, являющееся формальным эквивалентом абброконструкта *авиа*; x^2 – в структуре составных абброконструктов – эквивалент второго (не препозитивного) абброконструкта (при этом препозитивный абброконструкт обозначается символом x^1 , например в паре *авиаспортклуб* – *авиационно-спортивный клуб* символом x^2 будет обозначено слово *спортивный*, имеющее в качестве абброконструкта компонент *спорт*, a – конструктор эквивалентного сложного слова, не представленный в аббревиатуре, например для дешифровального стимула *авиатехнический* в паре *авиабатальон* – *авиатехнический батальон* строится схема $x-a(ад)$, где x обозначает формально эквивалентный абброконструкту компонент *авиао*, a – компонент *технический*, не представленный в структуре аббревиатуры *авиабатальон*; z – слово, представленное в сложном эквивалентном словосочетании, но не имеющее эквивалентов в структуре сложносокращённого слова, например, дешифровальный стимул в паре *авиатариф* – *тариф на авиационные перевозки* соответствует схеме $x-z$, где символом x обозначается формальный эквивалент абброконструкта *авто* – слово *авиационные*, а z – слово *перевозки*, не имеющее формальных эквивалентов в слове *авиатариф*.

Кроме того, в схеме дается указание на частеречную принадлежность компонента дешифровального стимула. Если в скобках рядом с основным символом нет оператора, перед нами существительное, оператор **ад** указывает на прилагательное или причастие, оператор **предл** – на **предлог**.

Таким образом, для аббревиатурной группы «авиа» обнаружены следующие модели дешифровальных стимулов для ситуаций использования в качестве эквивалента слова.

1. **X**: дешифровальным стимулом является простое существительное, например *авиадивизион – дивизион авиации*.

2. **X(ад)**: дешифровальным стимулом является простое прилагательное, например *авиаинженер – авиационный инженер*.

3. **(предл)X**: дешифровальным стимулом является сочетание существительного с предлогом, например *авиаспециалист – специалист по авиации*.

4. **X¹X²**: дешифровальным стимулом для составного конструкта является сложное существительное, обе основы которого представлены в аббревиатуре, например *авиатехбаза – база авиатехники*.

5. **X-A**: дешифровальным стимулом является сложное существительное, один из компонентов которого опускается в сложносокращённом слове, например *авиатариф – тариф авиаперевозок*.

6. **X¹X²(ад)**: дешифровальным стимулом для составного конструкта является сложное прилагательное, обе основы которого представлены в аббревиатуре, например *авиатехбаза – авиатехническая база*.

7. **X-A(ад)**: дешифровальным стимулом является сложное прилагательное, один из компонентов которого опускается в сложносокращённом слове, например *авиа терминал – авиатранспортный терминал*.

8. **(предл)X-A**: дешифровальным стимулом является сложное существительное с предлогом, один из компонентов которого опускается в сложносокращённом слове, например *авиаинспектор – инспектор по авиабезопасности*.

Заключение. Итак, текстовая дешифровка аббревиатур осуществляется по стереотипным моделям развертывания эквивалентов. Причиной стереотипности является наличие у аббревиатурного конструкта определённого количества дешифровальных стимулов. Словесные дешифровальные стимулы аббревиатурной группы «авиа» представлены восьмью базовыми моделями. В дальнейших исследованиях мы предполагаем дать описание моделей дешифровальных стимулов – словосочетаний.

Список литературы

1. Рязанова В.А. Дешифровальный стимул и дешифровальная матрица мутантной группы: модель описания/ В.А. Рязанова // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е.Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 198–204

2. Теркулов В. И. Отношения эквивалентности в синхронном гнезде эквивалентности аббревиатуры / В.И. Теркулов // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2017. – № 9. – С. 82–87.

3. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

Русский язык.

Актуальные проблемы лингворусистики

УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ МЕХАНИКИ)

Атанова Г.Ю.

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства
и архитектуры», г. Макеевка, ДНР
g_atanova@mail.ru

Вариативность в терминологии – это проявление общезыковой закономерности. Особенностью этого явления в терминологии является то, что разные термины соотносятся с одним и тем же понятием и объектом.

Терминологическая практика свидетельствует о том, что наличие вариантов для терминологии является естественным явлением. На начальном этапе формирования терминосистемы процесс вхождения в терминологию общеупотребительных слов является позитивным явлением. Однако в уже сформированной отраслевой терминосистеме вариантов стоит избегать.

Теоретические и прикладные аспекты изучения вариативности терминов исследовали известные лингвисты: В. М. Лейчик, К. Я. Авербух, С. В. Гринев, В. А. Татаринев, Н. А. Шурыгин, Ю. В. Сложеникина и др.

В настоящее время исследователи используют разные номинации для обозначения отношений вариативности в терминологии: *синонимия, дублетность, эквивалентность и вариативность (вариантность) терминов* [6, с. 4].

Цель работы – проанализировать особенности терминов-вариантов в строительной механике, их системную организацию и внутренние взаимоотношения.

Точная передача научного понятия – одно из основных требований к термину. В отличие от общеупотребительного слова, выражающего общие представления или бытовые понятия, термин реализует своё значение в полном объёме только в условиях специальной коммуникации.

Появление вариативности в терминологии строительной механики обусловлено лингвистическими и экстралингвистическими факторами и мотивируется параллельным употреблением как русских, так и иностранных терминов, подбором одновременно нескольких соответствий к заимствованному из другого языка термину. Варианты в терминологии – это термины, касающиеся одного денотата, однако различающиеся по

строению, этимологии, семантической особенности элементов, степени новизны. В зависимости от этого на основе фактического материала (термины строительной механики) можно выделить следующие группы и ряды терминов:

Лексические синонимы: а) заимствованный термин – исконный термин, например: *демпфирование – затухание, вибрация – колебание, динамика – движение, эквивалентный – одинаковый, равный, ванта – проволочная прядь*; б) одновременные термины: *строительная механика – теория сооружений, разветвление форм равновесия – бифуркация форм равновесия, безраспорная система – балочная система, простая балка – балка на двух опорах, депланация поперечного сечения – неплоская деформация поперечного сечения тонкостенного стержня, выпучивание пластинки – коробление, цилиндрическая неподвижная опора – шарнирно-неподвижная опора, линия влияния – поверхность влияния.*

Морфологические синонимы дифференцируют характеристику обозначаемого ими понятия (процесса) относительно продолжительности: *оценка – оценивание, деформация – деформирование, нагрузка – нагружение.*

Морфолого-синтаксические (структурные) синонимы, образованные в результате различного рода сокращений: а) сложный термин – аббревиатура: *линия влияния – ЛВ, геометрически неизменяемая система – ГНС, строительные нормы и правила – СНиП*; б) термин-словосочетание – термин-слово, образованное в результате сокращения словосочетания путём замены словосочетания простым термином (*рассеивание энергии – диссипация, электрический двигатель – электродвигатель*) или пропуска одного из компонентов, который выражает родовые признаки понятия (*опорные связи – опоры, цилиндрический шарнир – шарнир*).

Вариативность терминов строительной механики проявляется чаще всего в двух уровнях: фонематическом и морфологическом. Фонематические варианты возникли в результате графической передачи заимствованных терминов или иноязычных морфем: *бленкер – блинкер, траверса – траверза.*

Варианты грамматические, или морфологические, обозначают, как правило, тождественные понятия (одно понятие) или имеют определённые видоизменения: а) на уровне аффиксации: *покрытие – перекрытие, нагрузка – перегрузка*; б) на морфолого-синтаксическом уровне: *линия влияния – поверхность влияния, висячее покрытие – висячее перекрытие, свободное кручение – чистое кручение, собственная форма колебаний – форма собственных колебаний, сила инерции – инерционная сила.*

Активное развитие строительной механики способствует появлению сложных номинаций для обозначения новых понятий и уточнения уже существующих, так как термины строительной механики – это в большей степени термины-словосочетания. Однако, как известно,

функционирование полных форм многословных терминов противоречит принципу языковой экономии. Необходимость оптимизации коммуникативных языковых форм обуславливает применение коротких вариантов.

По общепринятой в терминоведении классификации в терминологии строительной механики выделяем три способа образования таких терминов: 1) лексическое сокращение, реализуемое в виде конструкции: прилагательное + существительное → существительное: *гидравлическая передача* – *гидропередача*; 2) прилагательное + существительное₁ + существительное₂ → прилагательное + существительное: *расчётная схема сооружения* – *расчётная схема*; 3) наречие + прилагательное + существительное → прилагательное + существительное: *геометрически неизменяемая система* – *неизменяемая система*; 4) сокращение способом словообразования: *бортовой элемент* – *бортэлемент*.

Вариативность или синонимию, считают нежелательной в терминологии: она свидетельствует о начальном этапе формирования терминосистемы. Однако вариативные синонимичные наименования считаем позитивным явлением. При благоприятных условиях развития терминологии возникает возможность отобрать самые удачные из вариативных номинаций.

Проведённый анализ показал богатство состава и функциональную важность исследуемой терминологии. Установлено, что терминологии строительной механики присуще такое лексико-семантическое явление, как вариативность. Наличие вариантов свидетельствует о развитии лексико-семантических отношений внутри данной системы, а также о постоянном движении языка и его подсистем.

Вариативность выполняет функцию замещения и уточнения и разнообразит процесс восприятия научного текста.

Список литературы

1. Авербух К. Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 38–49.
2. Лейчик В. М. Дифференциация терминов-синонимов, вариантов и эквивалентов как способ разграничения научных и технических понятий // Психологические проблемы грамматики. – М. : Наука, 1979. – С. 86–100.
3. Сложеникина Е. В. Классификация терминологических вариантов // Язык. Словесность. Культура. – 2015. – № 4–5. – С. 51–71.
4. Строительная механика. Сборник рекомендуемых терминов / под ред. И. М. Рабинович. Вып. 82. – М. : Наука, 1968. – 48 с.
5. Шакирзянов Р. А., Шакирзянов Ф. Р. Курс лекций по строительной механике: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – Казань : КГАСУ, 2014. – 144 с.
6. Шелов С. Д. О вариативности и синонимии в терминологии // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2014. – Т. 73. – № 5. – С. 3–17.

ЯЗЫК – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ КУЛЬТУРЫ

Бессарабов О.В.¹, Бессарабова Ю.В.²

¹МОУ «Школа № 150 г. Донецка», ДНР

²МОУ «Школа № 118 г. Донецка», ДНР

bessarabova72@gmail.com

Язык в своей основе – язык общенародный, обработанный и творчески обогащённый мастерами слова. Всякий язык необходимо рассматривать как высшее достижение культуры народа и его выдающихся мастеров слова. Средства и нормы выражения создаются всеми носителями языка, бережно охраняются обществом как большая культурная ценность. Вопрос о происхождении русского языка обычно рассматривается в связи с появлением на Руси письменности.

Письмо появилось на Руси в связи с принятием христианства, вслед за официальным крещением Руси в конце X века. Письменные памятники Древней Руси датировались обычно с XI века. Примером может служить подпись (кирилловскими буквами) Анны Ярославовны, дочери Ярослава Мудрого, вышедшей замуж за французского короля, на одной из грамот 1063 г.: Анна Регина – «Анна королева».

Исследования в области древнерусской культуры, а также ремесел Древней Руси говорят о распространении письменности в ту эпоху. Во время раскопок археологи находили глиняные корчаги киевского клада XI века с надписями, сделанными рукой мастера-гончара на сырой глине до обжига сосуда, обнаруживали письма, буквы которых были нацарапаны на бересте. Ученые предположили, что эти письма – переписка между мужем и женой, которые, видимо, оба умели писать. Это говорит о распространении грамотности среди рядового трудящегося населения Киева XI века. Единая государственная территория в X-XI веке упрочила внутреннее единство народности, которое не распалось и в эпоху феодальной раздробленности. Лишь после монгольского завоевания и многовекового политического разобщения отдельных частей Руси, единая русская народность выделяет из своего состава украинскую и белорусскую народности. До XV века предки русских, украинцев и белорусов жили единой исторической жизнью. Речевая культура Древней Руси значительно обогатилась за счет старославянского языка, распространение которого на русской почве плодотворно сказалось на объеме, содержании и характере письменности. Складывавшиеся на Руси разновидности восточнославянского языка были пополнены речевыми средствами церковнославянской письменности.

Слияние и взаимодействие в древнерусском языке двух речевых стихий – исконно русской и старославянской – не привели к образованию

двух особых языков Древней Руси. Крещение Руси содействовало широкому развитию письменности, но, главным образом, церковно-религиозной, основанной на старославянском языке. Все это свидетельствует о сложности и своеобразии исторического взаимодействия славянских языков. Говоря о диалоге культур, породивших русский и украинский языки, нельзя не подчеркнуть заслуги самого загадочного писателя, принадлежащего русской и украинской культуре – Н.В. Гоголя. Гоголь сделал в русской романтической прозе такой же переворот, как Пушкин в поэзии. Именно после Гоголя появляется блестящая плеяда русских писателей: Гончаров, Тургенев, Толстой, Щедрин и другие. Гоголь не пишет, а рисует; его изображения дышат живыми красками действительности. Видишь и слышишь их. В своей практике Н.В. Гоголь использовал две стихии: русский язык и украинскую национальную культуру. Он раздвигал границы русского языка, привлекая новые источники. Каковы же эти источники? Сам Гоголь указывал на два: «Наконец, сам необыкновенный язык наш есть ещё тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твёрдых до самых нежных и мягких; он беспределен и может...обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны, выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по провинциям нашим». На протяжении столетий огромное количество украинцев говорило и творило на русском языке. Русскоязычность в Украине останется навсегда. Потому что Украина – не только государство украиноязычных украинцев.

Русскоязычных и двуязычных некоторые политики сейчас заставили почувствовать себя «чужими» в собственном государстве. Но в интересах нашей государственности то, чтобы оба братских языка сосуществовали, дополняли, обогащали друг друга. Ведь язык — это ключ к пониманию культуры, средство, с помощью которого искусство и мысли людей передаются от поколения к поколению. За последние полвека русский язык превратился в один из мировых. Борьба против русского для украинца – дело странное и оскорбительное для человеческой природы. Родной язык, как считается в Европе, тот, на котором человек думает, говорит и пишет. Нельзя же человеку запретить думать, говорить и писать.

Список литературы

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
2. Бижева З. Х. Язык и культура. – Нальчик: Кабардино-Балкар. гос. ун-т, 2000. – 47 с.

НАРЕЧНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ Б. Л. ГОРБАТОВА «ДОНБАСС»

Бондарчук Т.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

tanya04bond@gmail.com

Введение. Выбор в качестве объекта исследования наречий объясняется их недостаточной изученностью не только в грамматическом, но и в семантико-стилистическом плане. Рассматривая функционирование частей речи в художественном тексте, лингвисты не уделяли наречию должного внимания, считая их эстетическую значимость вторичной, дублирующей свойства производящей основы. Тем не менее, ученые отмечали особые, присущие только наречиям-дериватам черты, отсутствующие в мотивирующих основах, что позволяет сделать наречие объектом специального исследования. Своеобразие функционирования наречия в тексте характеризуется тем, что его деривационные отношения сопряжены с парадигматическими и синтагматическими особенностями, формирующими семантический объем наречия. В художественном тексте Б.Л.Горбатова "Донбасс", представляющем собой отражение особого, индивидуально-авторского мира, региональное наречие, как и любое слово, испытывает влияние контекста и в то же время само является условием для создания контекста, то есть приобретает эстетическую значимость.

В XX веке особенности систематизации наречий получили освещение в работах Е.М. Галкиной-Федорук и В.В. Виноградова. Так, Е.М. Галкина-Федорук, отметив неоднородность наречий по значению, выделила три группы слов:

1. Наречия обстоятельств, в которые входят наречия места и времени.

2. Наречия "внутренних обстоятельств", представленные наречиями причины и цели.

3. Наречия определительные, которые обозначают качество, оценку действия или состояния качеств, количество, меру с оттенками усиления и ослабления, образ или манеру действия и совместность [2, с. 202].

Целью нашего исследования стал анализ количественного и качественного состава наречий в романе донецкого автора Б.Л. Горбатова «Донбасс». Рассматривая наречие и их функции в предложении, нельзя не упомянуть и о классификации наречий. Как отмечалось многими учеными, существуют сложности выделения наречия в отдельную часть речи, что связано с функциональной неоднородностью таких слов, мотивирующей

отсутствие общих признаков у них. В.В. Виноградов создал две классификации наречий – семантическую (1) и классификацию, основанную на соотносительности наречий с определенной частью речи (2). Решающим критерием в распределении наречий по лексико-грамматическим разрядам является семантический. Так, на основе «тесной грамматической связи наречий с другими частями речи различают четыре основных лексико-морфологических разряда в системе наречий» [1, с. 340].

1. Предметно-обстоятельственные наречия, соотносительные с существительными (*без устали, издали, вдали, сзади, впереди, рядом, внизу, слева, справа, кругом, здесь, там, повсюду, туда оттуда и др.*)

2. Качественные (*быстро, тепло, быстро, ласково, угрюмо, красиво, весело, любовно, насадно, пешком и др.*) или качественно-относительные (*по-старому, по-разному, по-прежнему, по-стариковски, по-рабочему, по-человечески, по-мальчишески, по-комсомольски, по-партийному и др.*), соотносительные с прилагательными.

3. Числовые, количественные наречия, связанные с числительными (*дважды, вдвое, трижды, много, мало, немного, сколько, столько, надвое и др.*)

4. Процессуальные, действенные наречия, соотносительные с глаголами (*стоя, нехотя, сгоряча, зря, немедля, молча, загодя, шутя и др.*)

Наречия мы разбили на группы в соответствии с традиционной классификацией по их значению. Наречная профессиональная региональная лексика романа «Донбасс» Б. Л. Горбатова представлена тремя тематическими группами: а) обстоятельственные наречия места; б) обстоятельственные наречия образа действия; в) определительные наречия сравнения и уподобления. Обстоятельственные наречия данной тематической группы представлены словами, соотносительными с именами существительными и местоимениями. Межрегиональным профессиональным шахтерским наречием места является наречие *на-гора* – «Они подымались на-гора, как черти из преисподней: мокрые, черные» [3, с. 50]. Наречиями образа действия также представлен труд шахтера: *артельно* – «Знал чистых пролетариев, нищих, бесправных, но родных; они жили артельно, администрация их не любила, но побаивалась» [3, с. 324]. Наречия определительные (сравнения и уподобления). Образ или способ действия может быть определен путем сравнения или уподобления. Автор романа зачастую использует наречия, образованные от имен существительных. Например: *по-донбасски* – «Он был теперь москвич, учился в Промакадемии, но земляков принял по-донбасски; была тут и квашеная капуста, и моченые яблоки, и огуречный рассол, и перец, как динамит, хоть запаливай, и пиво – по-шахтерски – в огромном графине» [3, с. 359]; *по-забойщицки* – «Здесь можно выступать, не записываясь и даже просто не поднимаясь с полу, на котором сидишь по-забойщицки, на

корточках, привалившись спиной к стене» [3, с. 266]; *по-коногонски* – «И она, вложив по-коногонски два пальца в рот, лихо свистнула» [3, с. 84]. При помощи таких выразительных наречий автор может передать процесс добычи угля: *по-пластунски* – «Но неистребимо чернел на плече знак ружейного ремня, на локтях остались следы “ползания по-пластунски”» [3, с. 32] Обозначение способа действия совмещается автором в произведении с его качественной характеристикой: *по-шахтерски* – «Он сидел грузно, неуклюже, не по-шахтерски, и, растопырив ноги и кряхтя, отдирает обувкой уголь от кровли» [3, с. 68].

Актуальность обращения к профессиональному языку горняков с целью описания фрагмента языковой картины мира, отраженной в произведении Б. Л. Горбатова «Донбасс», не ограничена профессиональной сферой, хотя и бытовая сфера лексики романа определяется значительным своеобразием шахтерского языка. Специфика шахтерского труда влияет на формирование особого взгляда на мир, ограниченный сферой профессионального горного дела, который отражается в уникальном в своём роде языке шахтеров.

Результат. Объектом данной работы являлись региональные наречия образованные от существительных, прилагательных, глаголов. Качественные наречия легко и свободно сочетаются, прежде всего, с глаголами, для передачи различных оттенков действия. Кроме того, они широко используются для придания дополнительного оттенка значения прилагательным, а также наречиям. Образую большую, подвижную и разнообразную группу слов, они могут функционировать как определяющие и уточняющие значения глаголов и прилагательных, а также друг друга.

В заключении следует отметить, что региональные наречия в художественном тексте писателя могут выполнять определенную художественную задачу: придавать различные стилистические оттенки в соответствии с авторской задачей, чтобы подчеркнуть, в частности, разговорно-просторечный характер высказываний своих персонажей, выполняя стилистическую функцию, наречия используются автором художественного произведения в разных сочетаниях, с разными целями и в разном объеме.

Список литературы

1. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 639с.
2. Галкина-Федорук, Е.М. Наречие в современном русском языке / Е.М. Галкина-Федорук. – М.: МГУ, 1939. – 156с.
3. Горбатов, Б.Л. Донбасс: роман / Б.Л. Горбатов. – Донецк: Донбасс, 1981. – 400 с .

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖУРНАЛИСТА

Бурляй А.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

anna.burlyai@mail.ru

Термин «языковая личность» (ЯЛ) является стержневым системообразующим филологическим понятием и рассматривается в трех направлениях — лингводидактическом (А. Пешковский, В. Сухомлинский, К. Ушинский), литературоведческом (М. Бахтин, В. Виноградов, Ю. Лотман) и психолингвистическом (Н. Жинкин, Б. де Куртенэ, А. Леонтьев, А. Потебня). Собственно лингвистические исследования в этой сфере посвящены разработке моделей ЯЛ (Г. Богин, С. Воркачев, Ю. Караулов), анализу ЯЛ как *homo loquens* (А. Залевская, Г. Эйгер, С. Лебедева, И. Раппопорт), исследованию особенностей ЯЛ как носителя национального языка и культуры (В. Богуславский, Н. Уфимцева, Н. Чулкин). Понятие «языковой личности» рассматривается как система «личностных» феноменов, исследуется этносемантическая, эмоциональная, элитарная языковая личность; изучаются дискурсивные, гендерные, возрастные особенности ЯЛ, психологические типы ЯЛ. На современном этапе большинство языковедов предпочитают функциональное изучение ЯЛ, рассматривая язык как инструмент социального взаимодействия.

Данная статья посвящена феномену языковой личности как одной из актуальных проблем современной лингвистики. Отмечаются основные черты проявления и своеобразия языковой личности журналиста. По мнению В.И. Карасика, ЯЛ является связующим звеном между языковым сознанием — коллективным и индивидуальным, активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, и речевым поведением [3, с. 98]. Под ЯЛ журналиста мы понимаем совокупность речетекстовых характеристик, формирующихся под воздействием экстралингвистической основы — функционально-стилевой, жанрово-стилевой и индивидуально-стилевой.

Целью данного исследования является попытка рассмотреть особенности языковой личности журналиста через его коммуникативные потребности.

Изучение индивидуальных особенностей публичной ЯЛ, которой является журналист, является актуальным, поскольку журналист выступает посредником между миром и обществом, имеет влияние на массовую аудиторию, формирует ее мнение и вкусы.

Термин ЯЛ журналиста (ЯЛЖ) включает в себя три типа коммуникативных потребностей автора-журналиста —

контактоустанавливающую (когда журналисту необходимо, чтобы его читали), информационную (когда журналист хочет донести до читателя свою точку зрения на рту или иную проблему) и воздействующую (когда журналист пытается повлиять на мнение читателя, склонить его на свою сторону) — и три стороны процесса общения журналиста с читателем — коммуникативную, интерактивную и перцептивную.

Г.И. Богин подчеркивает, что языковую личность можно исследовать только во взаимодействии с социальной средой, которая стимулирует ее развитие и формирует готовность языковой личности к саморазвитию, познанию и развитию своих способностей. Социум является мощным фактором, оказывающим значительное влияние на формирование языковой личности, в том числе и через тексты. Модель Г.И. Богина наиболее приемлема для анализа языковой личности журналиста. Социальная среда очень разнородна: как известно, социальная среда — это совокупность материальных, экономических, социальных, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности лица. И мы руководствуемся в нашей работе словами Г.И. Богина: «...нам нужна модель-идеал, своего рода ориентир для улучшения деятельности языковой личности» [1, с. 189].

Тезаурус и прагматикон — составляющие, в которых можно проследить собственно ЯЛ журналиста. Начиная с тезауруса, оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение тех или иных языковых средств. На мотивационном уровне индивидуализация ЯЛ достигает своего предела — журналист при создании текста учитывает «фактор адресата», т. е. читателя, его пресуппозицию, степень осведомленности, а также старается достичь перлокутивного эффекта в широком смысле — то есть манипулировать мнением читателя, привлечь его на свою сторону, «заставлять» думать о поднятой автором проблеме и т. д. Журналист может в полной мере реализовать свою осознанную речевую стратегию. Успех зависит от его образованности, таланта и умения пользоваться всеми средствами языка для выражения мысли и интенции убеждения. Данный подход предполагает внимание ко всем параметрам человеческой личности, которые отражаются в языке, и изучение лингвистической адекватности когнитивных построений художественного текста во взаимосвязи языка и культуры, языка и художественного мышления.

ЯЛ сознательно относится к своей языковой практике, несет на себе отражение общественно-социальной, территориальной среды, традиций воспитания в национальной культуре. Уровень языковой компетенции стимулирует ЯЛ к усовершенствованию языка, развитию языкового вкуса, отображению в языке мировоззренческих, национальных концептов и поисков новых, эффективных, индивидуально-стилистических средств языковой выразительности. Понятие ЯЛ автора журналистского

произведения базируется на изучении созданных им текстов. Языковое сознание журналиста создает ценностные ориентиры, складывающиеся у автора в его языковом опыте, который журналист проецирует в тексте. Личное, субъективное отношение автора к жизни органически входит в содержание написанных им журналистских материалов [2, с. 167].

Итак, в процессе создания журналистских текстов происходит кодирование и декодирование информации при взаимодействии трех уровней «коммуникативного пространства личности» — вербально-семантического, когнитивного и прагматического. Комплексный анализ всех трех уровней ЯЛ может дать полное представление о языковой личности журналистов, включая особенности стиля, языковую картину мира и мировоззрение авторов.

Список литературы

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. – Л., 1984.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 3-е, стереотипное. – М., 2003.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.

УДК 81`27

ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА В РЕЧЕВЫХ МАНИФЕСТАЦИЯХ: ЦЕНТР И ОКРАИНЫ

Власкина Т.Ю.

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук», г. Ростов-на-Дону, РФ
vlaskiny@mail.ru

За последние пять лет в системе донбасских региолектов сформировалась область, обслуживающая тему войны, как части окружающей наглядной действительности. В синхронном срезе языковых процессов данный лексико-семантический комплекс значительно потеснил шахтерскую тему, которая до недавнего времени выделялась специалистами, как центральный маркер региональной языковой личности [1].

Помимо генетических и информационных оснований, общих для всего континуума лингворегинальных явлений, «область войны» имеет специфические источники насыщения. К ним относятся военная терминология, окопный сленг, прецедентные тексты информационного поля, письменная разговорная речь интернет-ресурсов, которая в полной мере отвечает понятию речевой манифестации.

Большое разнообразие явлений, событий и сюжетов, входящих в поле военной повседневности Донбасса и находящих отражение в языке,

обнаруживают признаки динамической концептуализации. В частности, подобную динамику можно наблюдать, изучая корпус представлений о важнейших элементах пространственной организации – классической дихотомии ядро / периферия.

Война по-своему перекраивает и локализует топос Донбасса. Важнейшим, если не единственным критерием для выделения ядра и периферии – центра и окраин становится безопасность, понимаемая как удаленность от активных зон обстрела и линии, отделяющей ЛДНР от территории, находящейся под контролем Киева. Граница, установленная по Минским соглашениям в 2014 и 2015 гг. и, согласно им, именуемая *линией разграничения* (зон ответственности) либо *линией соприкосновения* (противников) описывается как опасный и непредсказуемый край Донбасской ойкумены. Это тоже, что *фронтные* и *прифронтные районы*. Изначально между сторонами должна была оставаться пятнадцатикилометровая нейтральная полоса – т.н. *серая зона*, которая при выполнении условия об отводе тяжелых вооружений, обеспечивала бы относительную нормализацию положения *гражданских лиц*. В реальности, сегодня противники стоят буквально лицом к лицу. Во временно разделенных населенных пунктах нередки и вовсе парадоксальные ситуации, как у старика из Крутой Балки, для которого *«Граница условной "безопасности" и "настоящей войны" проходит прямо по его собственному огороду»* [2].

Обстановка на линии разграничения то успокаивается, *замирает, затихает*, то *накаляется, осложняется с каждым днем*. Подобно дремлющему дракону, граница всегда таит угрозу, внушает смутную тревогу даже на расстоянии, заставляет более благополучные районы вслушиваться в неверную тишину и готовиться – к чему? *«Противник активно возится вблизи линии соприкосновения»*. *«ВСУ стягивают к разграничительной линии возле Луганска танки»*. *«Укропы продолжают стягивать свои войска к линии соприкосновения!»* Ощущение постоянной тревоги усиливает частотное употребление неопределенных местоимений что-то, где-то: *«Чем то выстрелили со стороны Широкино»*, *«Что-то бахает...»*, *«Брянка. Что-то было непонятное рядом»*, *«Ясиноватая, где-то лягло пару раз рядом»*, *«Что это так шарахнуло? Гольма! Кто знает?»*

Время от времени скрытая угроза приобретает конкретику: *«Ясиноватая уже 23 минуты слышит сильный грохот в стороне линии разграничения»*. *«Первомайск – дети в подвалах в школах, слышны прилеты рядом возле жил. Массивов»*. *«Внимание! Всем фронтным районам держаться подальше от окон, периодически идут Обстрелы!»*

Наконец, «край ойкумены» взрывается огнем. Местами, начинаются локальные боестолкновения, которые в критических случаях подавляются ответным огнем защитников республик. *«ВСУ долбят из всего, что нельзя,*

по Промке, Спартаку, ЯБП, Господарю и всем окрестностям». «Первомайск пригороды Марьевка и Михайловка... Здесь люди на карачках лазят пули по комнатам летают и горят дома». «Укры ломаются. ДРГ укрупские ломаются под прикрытием артподготовки и непогоды. Старомихайловка – красный (сигнал о высшем уровне угрозы)!» «Окраины Донецка СНОСЯТ С ЛИЦА ЗЕМЛИ!» «Западная часть трассы "Бахмутка" активно воюет, в основном идет отправка SMS (ответный огонь), что заставляет люто разбежаться тараканов из ВСУ». Ответный огонь (ответка, ответочка, отвёртка, смс, ммс) на линии соприкосновения – явление, ожесточенно обсуждаемое и в определенной степени мифологизированное, в связи с тем, что от его справедливой оценки зависит мнение об ответственности сторон за невинные жертвы и бесконечность этой войны. «Каждая ответка это чей то дом или чья-то жизнь».

После очередных обострений фронтовая окраина считает потери и собирается с силами: *«По Зайчику (пос. Зайцево) вчера... даю инфу, ранения мирняка (мирных жителей) были не осколочные, а пулевые: шея, живот; по ним работали пулеметы». «Есть попадания где-то в районе поссовет... мы сделали обход дворов, у нас пока все живы» [3].*

Но даже к такой противоестественной ситуации, видимо, может наступить привыкание – *«По началу было страшно, а потом стало привычно...»*, – замечает женщина из Луганского Стаханова.

В стихотворении донецкой поэтессы Анны Ревякиной процедура утренней поверки живых и мертвых предстает рутинным действием. С горечью и сарказмом, представляясь от лица всех «подвальных» жителей окраин («Мы – идея национальная, мы – форпост затяжной войны»), она переходит к описанию их повседневных забот: *«Утром встанем, пересчитаемся, похоронимся, поревём... [4]»*

Длещаеся на протяжении пяти лет противоестественное балансирование между жизнью и смертью определенным образом консолидирует окраины по обе стороны линии разграничения. Не зависимо от политических аспектов ситуации, на первый план выходит общность судьбы, поскольку и те и другие чувствуют себя заложниками безответственных или злонамеренных сил. *«Всем досталось в тот год кто живет на линии разграницения». «Вы тоже на линии разграницения, тогда я вам соболезную у вас тоже погибли родные». «Страдают мирные жители по обе стороны фронта. Только, пожалуйста, не желайте зла друг другу. Мира всем нам, ну и терпения, раз уж мы не в силах что-либо изменить».*

В связи с невозможностью противиться решениям политиков, особые эмоции на окраинах вызывают Минские соглашения по Украине 2014–2015 гг. *Минск, мински, недоминск, минская мясорубка, кровавый Минск, минский тупик* – вот далеко не полный перечень наиболее

корректных наименований, которыми награждает этот политический феномен население.

Если по поводу обитателей прифронтовых окраин мы отметили признаки консолидации, то в отношении к более безопасному центру Донбасса – как Донецка, так и Луганска – заметно более или менее явное отмежевание. *«Переполненные беззаботными зеваками центральные улицы Донецка контрастируют с застывшими в тревожном ожидании осажденными окраинами»*. Одна из различительных характеристик обитателей центра и периферии состоит в том, что первые только *слышат*, а вторые еще и *видят*, то есть подвергаются непосредственной физической опасности, хотя грань между локусами этих двух категорий текуча а, порой, вовсе стирается. *«Золотое-5, она же Михайловка. Слушаем, наблюдаем, ощущаем... Со скупой мужской слезой, тихо завидуем всем тем, кто только слышит»*.

Список литературы

1. Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. и др.; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк, 2018. – С. 117 – 122.

2. Здесь и далее, в отсутствие специальных ссылок, примеры речевых манифестаций приводятся по результатам обработки интернет-ресурсов GOVES Группа оповещения Новороссия. ДНР. ЛНР. URL: <https://vk.com/opoveshenie> (период обращения: 30.10.2017 – 30.06.2019); Сводки от ополчения Новороссии. URL: https://vk.com/strelkov_info (период обращения: 18.02.2018 – 21.06.2019). При цитировании текстов из соцсетей сохраняются грамматические и стилистические особенности оригинала.

3. URL: <https://twitter.com/sTH1lzIwWxm0xW2> (дата обращения 21.07.2019).

4. Пушкина 30а. Поэтический альманах Союза писателей Донецкой Народной Республики. — Донецк: Большой Донбасс, 2018. — 280 с.

УДК 81'42

ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС КАК ОСОБЫЙ ТИП ОБЩЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ

Гладкая Н.В., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Nata.gladkaya25@yandex.ru

Введение. Активное развитие информационных технологий влечет за собой появление новых понятий и новой терминологии в сфере интернет-общения. Точкой отсчета пути дискурса и коммуникации в Интернете можно считать день первой передачи информации между компьютерами, а именно 1969 год. «Интернет стал переломным моментом

в истории человеческой коммуникации, которая не менялась в течение пяти тысяч лет» [1]. Именно в этой среде устная и письменная речь аккумулировались в отдельное явление, которое получило название «интернет-дискурс». С точки зрения дискурса, об Интернете можно говорить и как об информационном канале, сочетающем в себе множество различных дискурсов, и как об отдельном виде дискурса с определёнными уникальными особенностями.

Целью исследования послужило определение роли интернет-дискурса как отдельного вида дискурса, с использованием разнообразных текстов, функционирующих в определённых условиях, которые включают в себя психологические, социальные и культурные факторы. Данное явление предполагает комплексный подход к анализу.

Сфера русскоязычного интернет-дискурса недостаточно исследована, в отличие от англоязычного, потому что Интернет появился в России значительно позже, чем на Западе, и развивался сравнительно медленными темпами, поэтому и стал объектом научного рассмотрения с некоторым опозданием.

Интернет-коммуникацию отличает от традиционной устной и письменной коммуникации разная степень вовлеченности пользователя. Условно можно выделить активную и пассивную формы интернет-коммуникации. К пассивной относится просмотр новостных сайтов, скачивание файлов, просмотр различных фото и видеоматериалов и т.д. В такой ситуации пользователь ставит перед собой цель получить желаемую информацию, ничего не давая взамен. Зачастую такие пользователи остаются невидимыми для других. Активная форма подразумевает под собой непосредственно участие в интернет-полилоге, комментирование публикаций, статей, пользование социальными сетями, создание аккаунтов и т.д. Такой пользователь создает свой коммуникативный образ, при этом преследуя следующие цели:

- 1) обмен информацией;
- 2) самореализация, повышение личностного рейтинга;
- 3) поиск и укрепление контактов;
- 4) развлечение (при помощи визуально-вербальных средств).

Интернет-дискурс – особый тип общения, реализуемый в глобальной сети, что дает возможность с одной стороны рассматривать данное явление как разновидность коммуникации, а с другой – как ситуацию коммуникации. Для интернет-дискурса характерно отсутствие видимой социальной, гендерной и возрастной градации, а отсутствие временных и пространственных границ позволяет пользователям взаимодействовать друг с другом, вне зависимости от их географического местонахождения.

Нет сомнений, что наиболее специфичной, яркой и выигрышной чертой компьютерной сетевой коммуникации является возможность установления обратной связи отправителя текста с его получателем, т.е.

интерактивность (англ. interaction – «взаимодействие»). Этот термин относится к сфере профессионального программирования, где он подразумевает под собой реакцию виртуального объекта (интерфейса) на те или иные действия пользователя. При этом, с одной стороны, интерактивность рассматривается как взаимодействия субъекта (человека) с неодушевленным объектом, содержащим информационный ресурс: веб-страницей, электронной почтой, блогом и т.д., а с другой, – как возможность установления и поддержания речевого контакта между разными субъектами. Таким образом, формируется интернет-коммуникация (интерактивный полилог). Исходя из представленных определений, в интересах нашего исследования представляется возможным в равной степени использовать термины «интернет-дискурс» и «интернет-коммуникация».

Вывод. Несмотря на всё большее количество исследований в области компьютерного дискурса, данная сфера всё ещё недостаточно изучена, многие аспекты речевого интернет-взаимодействия, в том числе и *диалогическая коммуникация*, требуют более предметного и детального рассмотрения.

Список литературы

1. Лазарева Э.А. Интернет-текст и Интернет-дискурс // Текст в коммуникативном пространстве современной России: монография. / Э.А. Лазарева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 265–273.

УДК 80

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАМНОГООБРАЗИЯ

Гончаренко С.Б.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР

SB-LINGV@list.ru

Стремительно развивающиеся информационно-коммуникационные технологии не только формируют новую картину современного мира, но и вносят существенные коррективы в традиционную систему образования. Педагогу приходится считаться с тем, что для большинства представителей подрастающего поколения медиа является предпочтительным источником познания, главным средством общения, комфортным способом первичной творческой самореализации. Современное молодое поколение, являющееся самым активным и самым беззащитным участником медиареальности, как никогда нуждается в

наставниках, умеющих грамотно совмещать традиционные формы образования и воспитания с умением быстро адаптироваться к новой информационной среде. Поэтому для обучающихся педагогу предстоит стать проводником и сотрудником в медиамире [5].

В условиях виртуального взаимодействия ярко представлен уровень лингвистической подготовки каждого участника речевого взаимодействия. Проявляется он как в устной, так и в письменной разговорной речи. Часто можно наблюдать лингвистическую «недокомпетентность». Необходимо понимание, что владение языковыми нормами позволяет строить грамотную убедительную речь, вызывает уважение, часто является важным условием успешной профессиональной деятельности. Стандарт языковой личности создают только глубокие фундаментальные знания в области лингвистики (и прежде всего русского языкознания). Знание русского литературного языка должно выступать в качестве универсальной характеристики личности. Однако в настоящее время наблюдается активный процесс либерализации русской речи. Соблюдение языковых норм в различных сферах деятельности становится менее обязательным. В литературном языке изменилась мера допустимости, что находит яркое отражение в соцсетях. Это, в какой-то мере, объясняется тем, что представители современного поколения мало читают, едва знакомы с творчеством великих поэтов, писателей, редко проявляют интерес к родной русской литературе.

Новейшие исследования в области коммуникативной лингвистики открыли перспективы изучения проблемы языковой личности. «Введение понятия личности в лингвистику означает возможность говорить о том, что язык принадлежит прежде всего личности, осознающей себя и свое место в мире, свою роль в практической деятельности и языковом общении» [2]. Языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [1].

Для совершенствования языковой компетенции, развития языкового вкуса необходимы мотивация и творческий подход. «Языковая личность характеризуется не только тем, что она знает о языке, а и тем, что она может с языком делать» [2].

Повышение уровня языковой компетенции невозможно без постоянной работы, без совершенствования знаний в области орфоэпии, морфологии, орфографии. Желая и стремясь организовать свою речь наилучшим образом, участники в речевого взаимодействия используют синтаксические единицы [4]. Знание синтаксических норм позволяет грамотно сформулировать сложные мысли, точно передать объёмную информацию, ярко выразить эмоции.

Необходимость совершенствования учебно-воспитательного процесса в соответствии с новыми тенденциями в науке и практике

требует развития языковой личности, обладающей текстовой компетенцией, т.е. свободно оперирующей текстовыми действиями.

Овладение любым учебным материалом происходит в процессе сознательной и активной деятельности обучающихся, поэтому задачей педагога является создание соответствующих этому условий, учитывающих психологические закономерности обучения. При реализации педагогической технологии формирования текстовой компетенции нужно обратить особое внимание на ее специфику. Одним из главных условий успешного формирования текстовых умений является создание творческой, доброжелательной обстановки на занятиях. Данная технология базируется на положении: нет плохих учеников – каждого обучаемого можно научить, но для этого нужно обеспечить соответствующие условия.

Значимой поддержкой процесса формирования текстовой компетенции становятся медиатехнологии, являющиеся современной, исключительно полезной и плодотворной образовательной технологией благодаря присущим ей качествам интерактивности, гибкости, и интеграции различных видов наглядной учебной информации, а также благодаря возможности учитывать индивидуальные особенности обучающихся и способствовать повышению их мотивации. Данная технология позволяет интенсифицировать учебный процесс, увеличить объем текстовых операций за счет сокращения затрат времени на другие виды работ, как, например, различные виды списывания[5].

Компьютерные программы предполагают анализ текста, выбор языковых средств, конструирование высказывания, выполнение традиционных видов упражнений, в том числе на зрительное восприятие и редактирование текстов. [6].

Каждый современный педагог сталкивается с неизбежностью использования медиатехнологий в современной системе образования. Стремление и умение развивать собственную медиакомпетентность позволяет преподавателю плодотворнее трудиться, увеличивать интерактивность, приобретать дополнительную уверенность в себе, не переставать оставаться авторитетом для обучающихся. Вследствие чего дальнейшее взаимодействие педагога и студента, педагога и школьника предполагает особый стиль взаимоотношений, который может принести качественно высокий результат в каждом виде образования.

Таким образом, применение медиа позволяет построить такую схему обучения, в которой разумное сочетание обычных и медиа-образовательных форм организации учебного процесса дает новое качество в передаче и усвоении системы знаний по русскому языку и создаёт дополнительные условия для достижения положительных результатов на пути формирования современной языковой личности.

Список литературы

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. / Г.И.Богин. – Калинин: КГУ, 1986. – 86 с.
2. Ейгер Г. В.Язык и личность: учеб. пособие / Г. В. Ейгер, И. А. Рапопорт; Харьк. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Харьков: ХГУ, 1991. – 79 с.
3. Елисеев А.В. Медиакультура и медиаобразование в современном обществе / А.В. Елисеев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ин-т, 2005. – 123 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Книжный дом. Либроком; 2014. – 264 с.
5. Федоров А.В. Развитие медиаобразования на современном этапе / А.В. Федоров // Инновации в образовании – М.: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. – № 3. – С. 40–45.
6. Шариков А.В. Экспериментальные программы медиаобразования / А.В. Шариков, Е.А. Черкашин. – М.: Академия педагогических наук, НИИ средств обучения. 1991. – 98 с.

УДК 130. 2

ЯЗЫК КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ НАРОДА

Гордиенко В.П.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
gordie@bk.ru

*Родная речь — это священная духовная скрепа
русской цивилизации, без которой нас просто
не было бы, и мы обязаны бороться с его
обеднением и вытравыванием.*

Валерий Ганичев, заместитель главы
Всемирного Русского Народного Собора

Введение. Книга Василия Ирзабекова «Тайна русского слова» — это признание в любви к русскому языку. Она утверждает высокий строй русской души. Это не специальное лингвистическое исследование, а скорее, популярное, чрезвычайно живое, образное и острое размышление о связи языка и духовности, культуры русской речи и здоровья души. Она говорит о силе и скрытых возможностях слова. Девизом ее могли бы быть слова: «*Кто светел, тот и свят*».

Примеры и рассуждения автора о связи слова и души человеческой особенно актуальны в наши дни — дни поругания слова, разнузданности уличной, да и общественной речи.

На примере жизни и творчества самого автора можно видеть, как благодатное слово преобразует национальные покровы сознания, делая их общечеловеческими, наднациональными.

Фазиль (в крещении Василий) Ирзабеков, азербайджанец по национальности, родился в 1953 году в городе Баку. Выпускник Бакинского института русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова. После срочной службы в рядах Советской Армии был избран секретарём комсомольской организации института, преподавал русский язык иностранным студентам. В 1995 году принял Таинство Святого Крещения, в 2001 году создал и возглавил Православный Центр по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Много лет трудился в качестве помощника настоятеля храма и одновременно занимался миссионерской деятельностью, связанной с борьбой за чистоту русского языка, в качестве лектора, публициста. Его лекции не могут оставить равнодушными, потому что зажигают в сердцах любовь к русскому слову. Рассказы и эссе часто публикуются в печати. Систематически выступает по телевидению, является литературным редактором журнала «Шестое чувство».

Целью данной работы является рассмотрение функций и роли языка в жизни общества и каждого отдельного человека с нетрадиционной, надлингвистической точки зрения азербайджанца, филолога, исследователя русского языка, православного священника Василия Ирзабекова.

Основная часть. В книге «Тайна русского слова» на каждой из 70 страниц текста натыкаешься на открытия. Каждое из этих открытий может быть предметом отдельного исследования. Его можно развивать, дополнять, применять, использовать, интерпретировать и пр. Например, автор вопреки призывам беречь и спасать русский язык, утверждает, что русский язык не нуждается в нашей защите: он сам нас спасает, укрепляет и оберегает как единую нацию. А мы должны служить языку [1].

Язык не только определяет менталитет нации, в нем заложен код этой нации, ее «путевка». В языке заложен вектор развития народа. Русский язык в этом плане совершенно удивителен.

«Мой родной азербайджанский язык соткан из Ветхого завета, а русский язык – из Нового Завета. И вот главный вопрос отсюда, оправдает ли нация тот вектор, который ей определен? Мы понимаем, что русские сегодня – это суперэтнос... Не случайно «русский» – единственное название национальности в нашем языке, отвечающее на вопрос «какой?», все остальные отвечают на вопрос «кто?» [1].

Это интересное наблюдение объясняет и феномен интернационального единства советских солдат разных национальностей, одержавших великую победу над врагом именно благодаря тому, что их объединяло ощущение русскости, и другие исторические факты.

В. Ирзабеков хорошо знаком с историей русского языка и трудами многих его исследователей. Особенно часто он цитирует в своей книге известного борца за чистоту русской речи А.С. Шишкова: «...прав

Александр Семенович Шишков, утверждая, что «народ российский всегда крепок был языком и верою: язык делал его единомысленным, вера — единосущным» [2].

Автор в своей книге приводит множество примеров переосмысления русских слов в направлении снижения их эмоциональной окраски, перехода из разряда церковной лексики в разговорную или жаргонную. Например: «А вот у Пушкина в «Капитанской дочке» встречаем это слово (сожительница) в его исконном смысле: «*Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу*». Причем хозяин — это священник Герасим, а *сожительница* — попадья Акулина Памфиловна. Понятно, что язык живет, что множество слов приобретают новые значения, но почему обязательно — с понижением смысла?

Так, слово *брат*, перейдя из церковной лексики в жаргон, выродилось в такие пошлейшие слова, как *братва* и *брателло*... А ведь именно словом *братия* чаще всего взывает к нам Господь в Своей Церкви со страниц Священного Писания.

Не случайно поэтому Сталин, глава советского государства, с начала своего существования отделившего себя от Церкви и разрушающего ее, в один из самых трагических моментов отечественной истории, выступая в связи с общенациональным бедствием — началом Великой Отечественной войны, обратился к своему народу традиционным церковным: *братья и сестры*» [2].

«Тайна русского слова» может быть источником для формирования этимологического словаря. Приведем только несколько примеров, достойных словарной статьи.

Инок — иной; Русь — белый, светлый, русский, Христов воин света против тьмы; судьба — Суд Божий; радость и страдание — однокоренные слова; с(со)частье — сейчас есть (обозначает материальные блага, поэтому в церковных молитвах почти не встречается; враг — от вор; пол(биол.) = пол(половина); поцелуй — от целостность, исцеление, цель; невеста — не ведает греха; соревнование — ревность к Христу, стремление к святости; правитель — от правый, правильный; убогий — у Бога.

Перевоплощения слов автор подтверждает примерами из литературных и библейских текстов, разъясняет их смысл. В книге нашлось место и для анализа влияния массовой культуры на речь и духовный облик людей, особенно молодёжи, и для проблем сквернословия, этикетных обращений в русских и западных традициях, и для многого другого.

Книга проникнута искренней любовью к русскому языку и глубоким его пониманием. «...как хотелось бы..., чтобы книга эта не прерывалась, а была продолжена многими и многими радостными озарениями ее будущих читателей. Ведь как важно — научиться *слышать*. Гордое слово *наука* — это и означает, по сути, *на ухо*. И тогда за каждым простым исконным

русским словом увидим пусть небольшое, но чудо. А *чудо* — это и есть *чутти*, то есть *слышание*... И как бы я был обрадован и вознагражден, если бы в ком-то размышления мои воспламенили ревность о родной речи, так жестоко попираемой ныне. А если возникнет ревность — появится боль. Ну, а где *боль*, там, глядишь, рядышком и *любовь* — это ведь сестры-близняшки» [2].

Заключение. Книга «Тайны русского слова» рекомендована московским правительством для чтения в средних классах общеобразовательной школы.

Она была бы очень полезна и школьникам Донецкой Народной Республики.

*...Еще и потому пока дышу,
Пою и плачу, и молюсь по-русски,
И только так — живу, иначе бы не смог,
Что полночь за полночь, едва уткнусь в подушку,
Меня целует в темную макушку
Отец Благим — Пресветлый Русский Бог.*

Ирзабеков Фазиль Давуд оглы, в Святом Крещении Василий.
Май 2006 [2].

Список литературы

1. В языке заложен вектор развития народа. Беседа с писателем Василием Ирзабековым. <https://pravoslavie.ru/83419.html>
2. Ирзабеков В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. <https://www.e-reading.club/book.php?book=1021331>

УДК 80.3

ВИДЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОШИБОК В РАБОТАХ ДОНЕЦКИХ СТУДЕНТОВ

Гулькина В.О.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
vladagulkina1994@gmail.com

Введение. В настоящее время наблюдения и изучение состояния уровня культуры русской речи в различных группах населения, выделяемых по общности рода занятий, уровню образования, по половозрастным признакам и по совокупности прочих характеристик, является актуальной проблемой, поскольку язык имеет свойство изменяться со сменой каждого поколения. А у поколения современной учащейся молодежи заметно ощущается речевое неблагополучие на всех

уровнях – от фонетики до синтаксиса как в устной речи, так и в письменной.

Отклонения от литературных норм в речи носителей были и раньше в поле внимания отечественных исследователей: В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б.Н. Головина, Л.И. Скворцова, К.С. Горбачевича, Д.Э. Розенталя, М.Н. Кожинной, И.Б. Голуб и др. Однако время меняется и ошибки тоже обновляются, поэтому считаем необходимым продолжить работу в этом направлении, сосредоточившись на лексических явлениях.

Цель исследования – систематизация и анализ основных лексических ошибок, допущенных в письменных работах студентами младших курсов Донецкого национального университета (г. Донецк).

Основная часть. Лексические ошибки заключаются «в нарушении точности, ясности, логичности словоупотребления» [2, с. 427]. Допущение таких отклонений от литературной нормы порождает затемненность или искажение смысла, осложняют восприятие текста, порой создают впечатление абсурдности.

Для исследования взяты письменные работы (около 150) студентов разных факультетов за последние три года, из них выбраны контексты с ошибками лексического уровня. На первом этапе изучения характера допущенных ошибок мы пришли к необходимости дифференцировать их на собственно лексические ошибки и отклонения от литературной нормы в силу объективных причин, таких, как: 1) явления интерферентного толка (лексемы-украинизмы в русском дискурсе), например: *На столе лежит хлеб, нарезанный тонкими скибочками* (вм. ломтиками, кусочками); *В бабушкином доме все ляды* (вм. ставни) *разрисованы цветами*; 2) влияние регионализмов, в том числе местных жаргонизмов – слов, вышедших за пределы шахтерских профессионализмов или обусловленных местными реалиями: *Специальным совочком бабушка выгребает из печки жуужалку* (вм. печной шлак); *Было время, дед и по две упряжки* (вм. смены) *давал*; *Теперь он сепар* (вм. сепаратист). Такие отступления от литературной нормы мы не склонны относить к лексическим ошибкам. Назовем их оправданными или обоснованными узуальными отступлениями от нормы, применяемыми для создания местного колорита.

Обнаружено определенное количество собственно лексических ошибок различного характера. Среди них – как ошибки содержания, так и ошибки употребления слов. В основе отграничения лексических ошибок от других типов лежит наличие или отсутствие связи с контекстом.

Наша классификация лексических ошибок базируется на методике А.Г. Кротовой [1, с. 11]:

1) неточность словоупотребления:

а) неправильный выбор слова, искажающий смысл: *Под влиянием западной культуры современная молодежь не проявляет особого рвення к официальной речи* (вм. интереса); «...речь в основном деформируется под влиянием ...» (вм. изменяется);

б) небрежность в оформлении рядов однородных компонентов: *Среди популярных профессий: ведущие, политологи, журналисты, работа на телевидении, радио и т.д.* (работа на телевидении, радио – это не профессии, но она может включать профессии ведущего и журналиста);

в) неразличение слов по стилистической принадлежности: «У меня есть множество противоречий **касаемо** данной статьи» (просторечие вм. литературного *касательно*);

2) нарушение лексико-парадигматической нормы:

а) немотивированное нанизывание синонимов: *По-моему, как мне кажется, нашу республику впереди ждет успех;*

б) неверный выбор синонима: *Теперь им осталось самое сложное: ждать результатов* (вм. *трудное*);

в) ошибочное использование паронимов: *Вашему вниманию будут предоставлены более ста видов цветов* (вм. *будут представлены*); *Так и злосчастные эмигранты – заокеанские словари, – пришли...* (вм. *иммигранты*); *Нет ничего плохого в том, чтобы приносить в язык что-то новое* (вм. *привносить*).

К редким случаям отнесем явления агнонимии: *Однако не стоит считать, что молодежь безрассудительна* (*безрассудна* + *рассудительна*) и тавтологии: *Писатели, писавшие на древнерусском языке...*

Заключение. Таким образом, можно сказать, что лексические ошибки студентов связаны с неточным пониманием значения слов, с речевой небрежностью, с недостаточностью навыка культуры письменной речи.

Список литературы

1. Кротова А.Г. Лексическая норма и ее отражение в языковом сознании носителей языка: опыт экспериментального исследования [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. канд. фил. наук (10.02.01) / А.Г. Кротова; Сиб. федер. ун-т. – Красноярск, 2011. – 23 с.

2. Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова и др. – М. : Флинта Наука, 2003. – 840 с.

УДК 81

РЕГИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ГОРОДА (ДОНЕЦК)

Евсеева М.Г., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

e-evseeva.m@gmail.com

Введение. Регионально специфическая лексика (РСЛ) как объект изучения истории и философии языка. Дефиниция, трактовки, исследовательские подходы. Корреляция и интерполяция понятий РСЛ и ‘язык города’ (ЯГ).

Основная часть. Классификация регионально специфической лексики и её представленность в языке города (Донецк).

Лексика, обозначающая специфические реалии бытования народа. Обозначения специфических концептов, отсутствующих в других языках. Обозначения неспецифических концептов с разными прототипами.

Факты языка (национально-специфическая лексика, обозначающая абстрактные понятия)

Аксиомы этнопсихологии в языке Донецка. РСЛ как инструмент концептуализации действительности.

Заключение. Выводы по результатам наблюдений над языком города с точки зрения актуализации РСЛ.

Список литературы

1. Антология концептов [Текст] / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Том 2. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 356 с.
2. Бабенко, Е. В. Особенности многоуровневой структуры языковой картины мира/ Е. В. Бабенко, А. А. Голубчик // Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 2- 3 окт. 2015 г. / редкол : Н.В. Фурашова (отв. ред.), Н. Е. Лаптева, Е. В. Зуевская. – Минск: МГЛУ, 2016. – С. 18-20.
3. Болдырев, Н. Н. Контекстуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] /Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 183-6.
4. Кубрякова, Е. С. Проблема представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и структура представления знаний. – М.: ИНИОН РАН, 1992.
5. Лебедев, М. В. Стабильность языкового значения [Текст]. – Режим доступа: www.philosophie.ru/lebedev/texts/stabilit.html
6. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики: монография [Текст] / А. А. Леонтьев. – М., 2005. – 246 с.
7. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачев // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 28-37.
8. Павиленис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р. И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

УДК 378.4

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА

Игнатьева О.П., канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», г. Тула, РФ
otd-iu@list.ru

Как известно, важнейшей задачей образовательного процесса, будь то среднее или высшее образование, является становление и развитие

такого важного понятия, как патриотизм. В соответствии со словарем С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой патриотизм определяется как преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу [1, с. 496].

Историческое прошлое России убеждает нас в том, что именно патриотизм помог нашему народу быть всегда на нравственной высоте в преодолении невзгод и напастей. На фундаменте прошлого и формируется сегодня у молодежи высокое чувство любви к Отчизне, гордость за ее достижения, желание служить Родине, ее интересам.

В основе чувства патриотизма лежит привязанность к родным местам, традициям своего народа, немыслимая без любви к родному языку. Чтобы по-настоящему любить русский язык, надо знать его истоки.

История возникновения русского языка уносит нас в далекое прошлое. Сопоставляя различные, но отчасти сходные европейские языки и иные исторические данные, специалисты согласились «считать V–IV тысячелетия до н.э. тем временем, когда существовала древнейшая индоевропейская цивилизация» [2, с. 233]. Вследствие этого и была выделена в современном языкознании индоевропейская языковая семья, в которую входят, кроме русского, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский языки.

В близком родстве с русским языком находятся языки польский, чешский, словацкий, болгарский, македонский и сербохорватский (на сербохорватском языке говорят два народа: сербы и хорваты). Они составляют славянскую языковую группу.

А вот наибольшее сходство с русским языком имеют языки украинский и белорусский. Эта близость объясняется тем, что до XIV века предки русских, украинцев и белорусов составляли единый народ, говоривший на так называемом древнерусском языке. Эти три языка образуют восточнославянскую языковую подгруппу.

В настоящее время русский язык входит в число наиболее распространенных языков мира. Известно, что на земном шаре на нем говорят около 250 млн. человек. По степени распространенности русский язык занимает пятое место в мире, уступая лишь китайскому (на нем говорят свыше 1 млрд. человек), английскому (420 млн.), хинди и урду (320 млн.) и испанскому (300 млн.).

При этом русский язык используют в общении не только те люди, для которых это родной язык. Как сказано в статье 68 Конституции Российской Федерации, русский язык является государственным языком России. Потребность любой многонациональной страны в одном, а иногда и нескольких государственных языках очевидна: параллельно с языками отдельных регионов должен существовать и некий единый язык, понятный работникам государственных учреждений и гражданам на всей территории государства. Именно в этом своем качестве русский язык используется в высших органах государственной власти и управления России, в

официальном делопроизводстве и переписке российских учреждений и предприятий, а также в общероссийских программах телевидения и радио. Его, как язык государственный, изучают в средних и высших учебных заведениях России.

Многие из республик, которые входят в состав Российской Федерации, имеют собственные официальные языки. Однако документация, направляемая другим субъектам Федерации, должна быть написана на государственном языке всей России, т.е. на русском языке. Впрочем, использование русского языка на территории Российской Федерации не ограничивается лишь официальными сферами: исторически сложилось так, что, общаясь между собой, представители разных национальностей, живущих в России, нередко говорят по-русски.

Русский язык широко используется и за рубежом. Прежде всего, он представляет собой достаточно удобное средство для межнационального общения жителей бывшего Советского Союза, например, молдаван и украинцев, грузин и армян, узбеков и таджиков.

На русском языке по всему миру проводятся международные конгрессы и семинары. Это один из шести официальных и рабочих языков Организации Объединенных Наций.

Языки, широко используемые как средство международного общения, называются мировыми языками. В их число, несомненно, входит и русский язык.

Об истории и значении русского языка студенты Тульского государственного университета узнают на лекциях по дисциплине «Деловая риторика и культура речи». Казалось бы, данная информация не должна быть нова, она лишь призвана напомнить изученное ранее, укрепить чувство гордости родным языком. Ведь русский язык относится к предметам, которые ведутся на протяжении всего периода обучения в школах, лицеях и колледжах. И в программу его изучения обязательно входит общая языковедческая информация.

В качестве домашнего задания студентам предлагается сделать контрольную работу в виде теста. Анализ ее результатов приводит к выводам о том, что не все так безоблачно в плане развития патриотического чувства у современной молодежи.

Одно из заданий сформулировано следующим образом:

Укажите неверный тезис:

- А) русский язык – национальный язык русского народа
- Б) русский язык – государственный язык стран СНГ
- В) русский язык – официальный международный язык
- Г) русский язык – восточнославянский язык

Казалось бы, ответ очевиден – Б. И действительно, 66 % указывают именно на него. В пределах допустимого находятся ошибочные ответы: А (3 %), Г (3 %). Остановимся на варианте В. Его выбрало 28 % учащихся. С

их точки зрения неверен тезис о том, что русский язык является официальным международным языком. Не является ли это косвенным признаком ослабления патриотического чувства у значительной части молодежи, возникновения у нее мыслей о том, что русская нация теряет мировую значимость?

Упор школьного курса на разделы современного русского языка без учета его исторического прошлого, этапов становления и различных периодов развития приводит к предвзятому отношению к системе его правил, к скудности общих знаний о нем, а также к нежеланию принять во внимание сказанное на лекции.

Об этом свидетельствуют ответы на задание:

Русский язык – это ...

А) язык славянской группы языков

Б) язык индоевропейской семьи языков

В) язык семито-хамитской семьи языков

Г) язык романской группы языков

Ответ А не вызывает сомнений у 97 % учащихся, а вот второй ответ – Б не указали 44 % тестируемых. Очевидно, понятия Индия и Европа упорно связаны у них с чем-то другим, но не с русским языком.

Данные примеры свидетельствуют о недостаточном развитии чувства патриотизма у многих молодых людей и необходимости скоординировать усилия школьных учителей и преподавателей вузов в стремлении донести до всех учащихся мысли об уникальности и значимости родного русского языка.

Список литературы

1. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.

2. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М. В. Панов. – М.: Педагогика, 1984. – 352 с.

УДК 81.23

К ПРОБЛЕМЕ ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Кириллова А.И.

ГОУ ПВО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР
shchelkova@mail.ru

Введение. Известно, что на любом историческом этапе развития общества возникает момент, когда явлений и понятий, которые входят в

сферу человеческой деятельности, становится больше, чем языковых средств для их обозначения. Соответственно, один из аспектов развития языка представляет собой длительный процесс совершенствования, в частности, словарного состава языка. «Закон постепенного развертывания и совершенствования всех элементов существующего языка выражается, прежде всего, в количественном росте слов и терминов, чем больше слов и терминов, тем более развитым считается язык» [1, с. 1].

Цель работы. Рассмотреть переход военной терминологии в сферу разговорного языка как активный процесс в современном русском языке.

Основная часть. Многие исследователи отмечают, что военная терминология, язык военных нуждается в философском анализе: «Важное методологическое значение философский анализ мышления и языка имеет в воинской деятельности» [4, с. 137] Военная лексика представляет собой особый пласт лексических единиц, поскольку она обслуживают особую отрасль человеческой деятельности — организацию вооруженных сил, оперативно-тактическое искусство, оружие и т.д. Военная лексика может быть общеупотребительной и выступать средством социально-речевой характеристики. В составе военной лексики выделяют военные термины и военно-бытовую лексику. Военные термины — это слова или словосочетания, которые соответствуют понятиям военного дела. Военно-бытовая лексика является переходным явлением между военной терминологией и общеупотребительным словарем [2, с. 11].

Реалии современности таковы, что вовлеченность гражданского населения в языковую среду, содержащую как военную терминологию, так и военную лексику, обусловлена влиянием процессов урбанизации, происходящих вооруженных конфликтов. Как результат наблюдается переход военного подъязыка в общенародное употребление. Например: слово «арта», появившееся в донецком региолекте во время войны, является редуцированным произношением слова «артиллерия»; слово «бат» обозначает «батальон», «бэтер» – бронетранспортер, «двухсотые» – убитые. Обычно в бытовой разговорной речи данные слова не являются общеупотребительными, а принадлежат военному сленгу.

Военный жаргон не имеет конспиративной функции, поэтому в процессе распространения военной терминологии в разговорной речи гражданского населения военные жаргонизмы играют большую роль. Например: слова «ветер»» дискотека», «долбилово» обозначают обстрел. Следует отметить, что у военного сленга, распространяющегося на общеупотребительную речь, часто наблюдаются диффузные границы с просторечиями [3].

Заключение. В современном русском языке наблюдается активный процесс перехода военной лексики в общеупотребительную разговорную речь. Данный процесс иллюстрируется на примере военной ситуации в Донбассе и обусловлен интралингвистическими (психологический настрой

населения) и экстралингвистическими причинами (идушая пять лет гибридная война).

Список литературы

1. Аксенов А.Т. К вопросу о взаимодействии между английской военной терминологией и общенародной лексикой: Автореф. канд. дис. М., 1954.
2. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. — М.: Юнит, 2000. — 224 с.
3. Ворожейкина И.А. Лингвокультурологическая характеристика военного сленга современного русского языка. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. — М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskaya-kharakteristika-voennogo-slenga-sovremennogo-russkogo-yazyka>. Дата обращения: 20.09.2019
4. Философия: Учебник для военных вузов / Под ред. О.Ю. Ефремова. — СПб.: Питер, 2017. — 464.

УДК 811.161.1*27

ЛИНГВОРЕГИОНОВЕДЕНИЕ КАК НОВОЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ МАГИСТРАТУРЫ

Курмакаева Н.П., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kurmakayeva@mail.ru

Введение. В настоящее время в условиях изменившейся социокультурной и политико-экономической реальности в нашем регионе и осуществляющейся в связи с этим модернизацией высшего образования в Республике, в том числе филологического, переходом его на российские стандарты ситуация потребовала пересмотра традиционно читаемых курсов в магистерском сегменте образования. Лингвокультурологический подход к изучению родного языка уже давно (с начала 2000-х годов) прочно вошел в образовательные стандарты и школьного, и вузовского обучения в России. Родной язык «рассматривается как предмет прежде всего мировоззренческий, культуроёмкий, как инструмент познания окружающего мира, средство воспитания и поле приобретения социального и духовного опыта» [3, с. 5], «это средство сохранения и передачи культурной информации, средство приобщения к материальной и духовной культуре народа, средство познания национальных и гуманистических ценностей русского народа, определяющих культурное осознание мира» [1, с. 9]. Отсюда вытекает важность реализации в обучении лингвокультурологического аспекта, направленного на

отношение к языку как к национальному достоянию. Лингвисты-теоретики, преподаватели-практики и методисты продолжают дискутировать и вести поиски наиболее эффективных путей в обучении родному языку, «чтобы сделать этот процесс культуроориентированным» [3, с. 6], потому что «региональное своеобразие языка – всегда отражение своеобразия истории и культуры края. Систематическое и последовательное включение в курс русского языка местного языкового материала, регионально актуальной языковой и внеязыковой информации позволяет создать естественный культурный фон в обучении, обеспечить живую связь с национальной памятью, сохраненной в слове, пробудить интерес к своей малой родине» [3, с. 6]. Ситуация, складывающаяся в современном обществе, воспринимается специалистами как «вызовы эпохи», требующие большей культурологизации образования, что и дает право квалифицировать лингворегионоведение как самостоятельную научную дисциплину.

Цель и задачи. Цель курса заключается в обозначении круга проблем, связанных со становлением лингворегионоведения как самостоятельной дисциплины, в выявлении его культурнообразовательного потенциала, теоретических и практических функций, роли регионоведческой информации в образовании, развитии, воспитании, социализации и инкультурации учащихся и студентов.

Во «Введении» к монографии «Донецкий региолект» проф. В.И. Теркулов, сформулировав задачи научного труда коллектива ученых-филологов ДонНУ, по сути перечислил основные задачи курса лингворегионоведения с учетом донбасской специфики [2, с. 7].

Основными задачами разрабатываемого курса считаем: привлечь внимание студентов к языковым проблемам региона с тем, чтобы дать будущему «школьному учителю информацию о том, с какими региональными языковыми чертами он встретится при обучении русскому литературному языку донецких детей»; формировать их культурологическую и регионоведческую компетенции, в связи с чем «описать лингвокультурные особенности нашего региона»; закрепить умения и навыки работы магистрантов с регионоведческим материалом; способствовать освоению инновационных форм и приемов работы с лингвистическим и экстралингвистическим региональным материалом.

Основная часть. Научное направление настолько новое, что ученым еще только предстоит сформировать его теоретическую базу как области культурологического знания и научно-прикладного направления, актуальность которого возросла в начале XXI в., в связи с необходимостью противостояния процессам глобализации. За основу пока берутся уже сложившиеся в области традиционного краеведения понятия и методы работы с фактическим материалом. Т.Ф. Новикова, один из главных специалистов в этой области, отмечает: «Актуальность, практическое

значение изучения, анализа, описания языка «малой родины» никем не оспаривается... Назрела необходимость создания упорядоченной научной системы, раскрывающей феномен региональных особенностей родного языка, отражающей отечественную культуру в ее ярком национальном и территориальном многообразии. Это научное направление может и должно занять место среди других наук и дисциплин в средних и высших учебных заведениях». Таким образом, можно считать, что современный этап развития данной научной отрасли – это этап ее становления, «первоначального накопления капитала», т.е. идет сбор, систематизация и описание уникального регионального культурно-языкового и литературного материала, воссоздается специфическая региональная русская языковая картина мира в условиях поликультурного и полилингвального современного социума. Лингворегионоведение призвано способствовать развитию интереса к региональному языковому пространству с особенностями его фонетической, грамматической, лексической, фразеологической, онимной сфер.

Ученые одновременно озабочены и проблемой снижения общей речевой культуры социума, в русле нового направления предпринимаются попытки выработать меры по сохранению чистоты языка, его нравственной и духовной сути с опорой на региональную компоненту. Методисты ищут пути эффективной работы на занятиях по русскому языку с целью формирования у учащихся культуроведческой и регионоведческой компетенций.

Следует также иметь в виду, что язык региона – это не только собственно лингвистическая ипостась: нельзя недоучитывать и экстралингвистические сведения и факты, междисциплинарные, межкультурные явления и понятия, мы намерены обратить на них внимание магистрантов при изучении донецкого региолекта и региональной языковой картины мира Донбасса. Нам представляется целесообразным, наряду с собственно лингвистическими сведениями, дать студентам филологического факультета представление о культурно-языковой специфике донецкого региона, о региональной языковой личности, о регионально маркированном художественном мире Донбасса, вооружить их методическим инструментарием для работы в школе над культурой речи и грамотностью учащихся на письме. Предметная область нового в языкознании научного направления, складывающегося на базе лингвистики, истории, географии, культурологии, этнологии, социологии, состоит в изучении норм и вариантов в языке, обусловленных сложившейся региональной картиной мира, территориальными речевыми стереотипами, особенностями использования языка различными социальными группами в регионе, а также в зависимости от целей и условий коммуникации.

Заключение. Изучение особенностей языка и культуры региона способствует постижению ментальности его жителей, воспитанию сознательного отношения человека к культурно-историческому наследию

региона, обретению молодежью социального и в определенной степени нравственного и духовного опыта поколений. Для реализации основных идей и задач курса потребуются большая и плодотворная совместная работа преподавателя и магистрантов.

Список литературы

1. Александрова О.М. Становление содержания школьного курса русского языка в современной России: к проблеме стандартизации содержания обучения / О.М. Александрова, Ю.Н. Гостева // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практ. конф-ия: сб. науч. статей. В 2-х т.. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. –Т. 2. – С. 3– 1.

2. Донецкий региолект : монография / под ред. В.И.Теркулова. – Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. – 265 с.

3. Новикова, Т.Ф. Лингворегионоведение. Часть 1: программа и программно-методические материалы / Т.Ф. Новикова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.

УДК 811.161.1.06: 821.161.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Литичевская М.А.,

Панчехина М.Н., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

margarita.litichevskaya@gmail.com

Наиболее популярным аспектом исследований и дискуссий в современной лингвистике является изучение речевых жанров. Как говорил основоположник отечественной методологии исследований РЖ М. М. Бахтин: «Изучение природы высказывания и многообразия жанровых форм высказываний в различных сферах человеческой деятельности имеет громадное значение для всех почти областей лингвистики и филологии» [1]. Речевые жанры активно изучаются в дискурсологии (Ф.С. Бацевич, Н.К. Кравченко, О.М. Орлов, Е.А. Селиванова), социолингвистике и прагматике (зарубежная: А. Вежбицка, отечественная: Н.Д. Арутюнова, В.В. Дементьев, М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелева и др.), психолингвистике (К.Ф. Седов), лингвистике текста и функциональной стилистике (М.П. Брандес, А.А. Барагамян, В.В. Зеленская, М.Н. Кожина и др.).

Так исторически сложилось, что речевые жанры в отечественной лингвистике часто изучают на материале художественного текста. Но следует отметить, что при изучении художественного текста мы имеем дело с вторичным речевым жанром, который включает первичные живые речевые жанры без искажения их природы [2].

Изучение РЖ в творчестве Ф.М. Достоевского представлено в работах М.А. Кожиной «Жанр судебной речи в полидискурсивной структуре романа Ф.М. Достоевского «Преступление и Наказание» (2011), Е.К. Ревы «Жанр фельетона в творчестве Ф.М. Достоевского» (2009) и др.

Цель работы состоит в определении системы речевых жанров и выявлении взаимодействий их в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Для достижения поставленной цели следует решить ряд задач: ознакомиться с теорией речевых жанров, которая сложилась в современной науке; определить и объяснить взаимодействие речевых жанров в художественном тексте.

Методологической основой отечественной теории речевых жанров была и остается теория М.М. Бахтина, который дал определение речевому жанру (РЖ): «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем **речевыми жанрами**» [1]. Изучение природы высказывания и речевых жанров имеет основополагающее значение для преодоления упрощенных представлений о речевой жизни, о так называемом “речевом потоке”, о коммуникации и т. п., представлений, еще бытующих в нашем языкознании.

Определение дискурса существенно важной категорией межличностного общения поставило перед коммуникативной лингвистикой проблему базовой единицы коммуникации, которая бы объединяла различные речевые акты. На такую роль претендует речевой жанр. Отнести роман «Преступление и наказание» к единому языковому, речевому жанру не будет правильным, так как цельная художественная ценность данного произведения позволяет рассматривать текст под углом различных языковедческих концепций, при этом каждая из них имеет место, создавая эпическое повествование [3]. «Преступление и наказание» предстает перед читателем как полидискурсивная структура со множеством речевых жанров, речевыми актами различной степени установок и содержательности, в своей совокупности составляющих тематическое единство, целостную языковую картину.

РЖ отображают стойкие тематические и композиционные и стилистические типы высказываний, являющиеся вербально-знаковым

воплощением типичных ситуаций социального, психологического и культурного взаимодействия людей [2].

Среди многочисленных РЖ полно представлены следующие жанры: – газетная криминальная хроника, то есть включение в сюжетную канву реальных событий, которые поразили воображение автора; – беседа (диалог, полилог – обмен мнениями по определенным проблемам): «– Я эту теорию его знаю. Я читала его статью в журнале о людях, которым всё разрешается... Мне приносил Разумихин...»; – разговор (сообщение, информация, просьба, приказы, требования, советы, рекомендации, убеждения в чем-то, конфликт, ссора, обвинения): «– Если бы вы не верили, то могло ли сбыться, чтобы вы рискнули прийти одна ко мне? Зачем же вы пришли? Из одного любопытства? – Не мучьте меня, говорите, говорите!»; «– Дура-то она дура, такая же, как и я, а ты что, умник, лежишь как мешок, ничего от тебя не видать? Прежде, говоришь, детей учить ходил, а теперь пошто ничего не делаешь?»; – записка П. Лужина Пульхерии Александровне: «Милостивая государыня Пульхерия Александровна, имею честь вас уведомить, что по происшедшим внезапным задержкам встретить вас у дебаркадера не мог, послав с тою целью человека, весьма расторопного... [...] ...вашего покорного слуги П. Лужина»; – письмо: «Милый мой Родя, – писала мать, – вот уже два месяца с лишком как я не беседовала с тобой письменно, от чего сама страдала и даже иную ночь не спала, думая... [...] ...Обнимаю тебя крепко-крепко и целую бесчисленно. Твоя до гроба Пульхерия Раскольников» [4].

Ф. Достоевский строит все действие романа не столько на реальных событиях и их описании, сколько на монологах и диалогах героев (сюда вплетается и его собственный голос, голос автора), используя различные речевые акты: вердиктивы (осуждение, оправдание), экзерситивы (приказы, требования), комиссивы (обещания, декларации), бехабитивы (извинения, благодарности, пожелания) и репрезентативы (констатации, прогнозы).

Именно диалог дает возможность оптимально изобразить сознание всех героев со всеми их преимуществами и недостатками, правильными и ошибочными мыслями. Диалог делится на: информативный диалог, перспективный диалог, обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (дискуссия, спор), диалог-установление или регулирование межличностных отношений.

Всецело роман «Преступление и наказание» определяется в единстве полидискурсивной структуры с характерным многообразием речевых жанров, состоящих из речевых актов. По содержанию произведение «Преступление и наказание» – социально-философский роман. По структуре – полифонический роман. По проникновению во внутренний мир героев – психологический роман. За достоверностью воспроизведения

жизни – реалистический роман. По возбужденным проблемами и сосредоточением внимания на человеческих страданиях – роман-трагедия.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин – М.: «Художественная литература», 1972. – 195 с.
2. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 т. / Ф. М. Достоевский // Т. И. Орнатчкая, Г. М. Фридендер; Российская акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – Санкт-Петербург: Наука, Ленинградское отд., 1988. – Т. 5: Преступление и наказание. – 1989. – 573 с.

УДК 378.147 : 372.881.161.1

«ДОНЕЦКИЙ ДИКТАНТ» КАК ПРОДУКТИВНОЕ СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ И ПУНКТУАЦИОННОЙ ГРАМОТНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Мельникова Л.В.

ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования», г. Донецк, ДНР
mellariss@gmail.com

Введение. «Донецкий диктант» – специальный проект в формате однодневной образовательной акции. Это добровольная акция, которая проходит в Донецкой Народной Республике в течение пяти лет (2015–2019 гг.). Цель «Донецкого диктанта» – формирование языковой личности, развитие культуры грамотного письма жителей Республики, воспитание гражданина и патриота своей страны, воспитание любви к родному краю, уважения к его истории, традициям и культуре, формирование социально активной личности. Задачи акции: привлечь внимание общественности к социально значимым проектам в сфере образования, к пониманию значимости функционально грамотного владения русским языком; продемонстрировать заинтересованной общественности направления работы, ресурсы и достижения системы образования по развитию лингвистической компетенции обучающихся; мотивировать повышение результатов изучения русского языка; способствовать формированию положительного отношения подрастающего поколения к русскому языку как важнейшей духовной ценности человека, повышению в глазах молодежи престижа грамотного владения русским языком; привлечь

внимание учащихся, молодёжи и других слоёв населения к истории, культуре и традициям донецкого края; активизировать интерес молодого поколения к культурным традициям, природным и духовным богатствам родного края; получить внешнюю оценку образовательного результата; закрепить в общественном сознании мысль о том, что система образования интегрирована в процесс решения общегосударственных гуманитарных проблем.

Цель статьи – афиширование образовательной акции «Донецкий диктант», расширение круга участников, привлечение внимания общественности к проблемам орфографической и пунктуационной грамотности жителей Республики, презентация программы по устранению типичных ошибок в письменной речи учащихся, подростков, молодёжи.

Основная часть. Образовательная акция «Донецкий диктант» проводится в Республике с 2015 года: 2015-2018 – в мае (акции были приурочены ко Дню славянской культуры и письменности), 2019 – в феврале (акция проводилась в рамках мероприятий Года русского языка в Республике, была приурочена к Международному дню родного языка и посвящена 150-летию со дня основания города Донецка). Учредителем акции является Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики (далее – МОН). Организационно-методическое, техническое и информационное сопровождение «Донецкого диктанта» обеспечивает Государственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования» (далее – ГОУ ДПО «ДонРИДПО»). Партнёр акции – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» (далее – ГОУ ВПО «ДонНУ»).

Слоганы акции: «Мода на вещи проходит, но быть грамотным будет модно всегда. Это не внешний атрибут человека, а его внутреннее состояние, которое не стряхнёшь, не потеряешь, не износишь. Будьте модными всегда и сами старайтесь задавать тон этой моде!» (Л. Антосюк) и «Пишущие грамотно люди не только носители разнообразных идей, не только рассказчики, не только выразители собственных чувств и мыслей, они – хранители языка!» (С. Лесков). Вектор проекта – лингвокультурологическая акция.

Технология проведения: текст «Донецкого диктанта» пишут все участники одновременно на специальных бланках; принимать участие в акции можно как очно, так и в онлайн-режиме. Информация о формате и условиях проведения «Донецкого диктанта», участия в акции, о технологии открытия площадок для проведения образовательной акции публикуется за 20 дней до старта «Донецкого диктанта» на блоге отдела русского языка и литературы ГОУ ДПО «ДонРИДПО» (страница «Донецкий диктант»). Видеоролик с записью текста доступен в день

проведения акции на соответствующих сайтах (доступ по ссылке) за сорок минут до начала. Последовательность проведения акции: торжественное открытие; просмотр и прослушивание видеоролика с записью текста диктанта; чтение диктанта в соответствии с требованиями методики с использованием видеоролика или диктором из числа привлечённых оргкомитетом специалистов; повторное чтение с целью проверки текста (с использованием видеоролика или диктором); сбор работ; фотосессия; проверка работ экспертами; составление оргкомитетом протоколов и рейтинга; подготовка аналитической информации и методических рекомендаций, краткой информации о результатах акции (в общеобразовательной организации, в образовательной организации среднего и высшего профессионального образования, городе (районе)) для сайтов организаторов.

Участники акции пишут диктант на специальном бланке. Работы участников хранятся в оргкомитете площадок; работы отличников предоставляются в центральный оргкомитет в отсканированном виде. Работы не рецензируются; участники акции могут ознакомиться с итогами проверки работ экспертами и получить консультацию с целью повышения орфографической и пунктуационной грамотности. Группа экспертов формируется из числа ведущих словесников общеобразовательных организаций Республики, профессорско-преподавательского состава ГОУ ВПО «ДонНУ», научно-методических сотрудников ГОУ ДПО «ДонРИДПО».

В 2015 году более тысячи обучающихся написали диктант, автором которого была А.Н. Ревякина, поэт, прозаик и публицист, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики ГОУ ВПО «ДонНУ», член Союза писателей ДНР и член Союза писателей России: «Изначально До – это самая первая нота. До – это предлог, как часть речи, и основание для поступка. До – это город домен и мой дом, это дождь, который барабанит по подоконнику и оплакивает нашу страшную участь, и доктор, которому не всё равно. Но, прежде всего, До – это мера времени».

В последующие годы тексты писали члены Донбасской ассоциации русистов (далее – ДАР), молодые преподаватели кафедры русского языка филологического факультета ГОУ ВПО «ДонНУ». Автором текста «А где у города сердце?», который 2016 году написали две тысячи человек, стала молодой, но уже известный донецкий поэт, автор и ведущий программы «Образовательный вектор», преподаватель А.Д. Твердюк (Алиса Фёдорова): «Слава Богу, что есть наш гудок, который рассылает во все концы города крайне необходимый его обитателям сигнал, что жизнь продолжается. «Жизнь продолжается, – поет гудок, – просыпайтесь, идите куда-нибудь, делайте что-нибудь, дышите, танцуйте, пойте, вы же живые! А ведь мы и правда – живые».

В 2017 году текст для образовательной акции, участие в которой приняли пять тысяч человек, написала кандидат филологических наук,

доцент М.Н. Панчѣхина. Диктант «Донецкая весна» писали также в Севастополе, Минске, Будапеште и Мюнхене. «Согревай же нас, ждущих, любящих и любимых, наконец-то пришедшая весна семнадцатого года. Подари каждому горожанину главное – бесконечное, светлое, мирное небо над любимым Донецком, городом-тружеником, лучшим городом на свете... И цветы, пожалуйста, подольше, наша донецкая весна!»

Текст «Донецкого диктанта-2018» написала поэт, преподаватель Е.В. Скрипченко; диктором стал Д.В. Чубурков, телеведущий, радиоведущий, литературный редактор, журналист, автор программ, мастер работы в кадре, лицо и голос телеканала «ЮНИОН» «Мой Донецк, ты ли это? Пробудившийся после долгого зимнего сна, умытый теплым весенним дождем, одетый в первую зелень весенних листьев... Нарядный и опрятный, ты встречаешь свое новое утро полным надежд и любви. Твои проспекты ровны, как стрелки на школьных брюках первоклассника. Твои парки и сады утопают в голубоватом мареве, словно молоденькая невеста в невесомом облаке фаты. Склоны твоих терриконов темнеют лицами вышедших из забоя шахтеров. Все мы в тебе, как ты – в нас».

Текст «Донецкого диктанта-2019» написал В.А. Русанов, член Союза писателей ДНР, кандидат технических наук по специальности «Бурение скважин», доцент, депутат Народного Совета Донецкой Народной Республики, член комитета по образованию, науке и культуре. Диктант в формате видеоролика подготовила российская актриса театра и кино Александра Куликова. В образовательной акции в качестве дикторов примут актёры из Российской Федерации: Виктория Тарасова и Анастасия Михайловская. На площадках в городе Донецке и Докучаевске тексты читали депутаты Народного Совета: Ирина Костенко, Мария Пирогова, Клавдия Кульбацкая, Алла Оболенская, Марина Жейнова, Наталья Стрельчук, Владимир Андриенко Ирина Дианова и др. На 216 площадках в Республике одновременно написали диктант в очном и онлайн-режиме более 7 тысяч человек. Итоги «Донецкого диктанта-2019» – 676 участников акции (9 %) не сделали ни одной орфографической или пунктуационной ошибки и после проверки экспертами получили отметку «отлично», в том числе писавшие диктант в онлайн-режиме.

Заключение. «По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности», – утверждал русский писатель К.Г. Паустовский [2, с. 175]. «Донецкий диктант» – это не только проверка грамотности, но и очень важная акция по патриотическому и гражданскому воспитанию молодого поколения. Диктант объединяет учащихся, родителей, педагогов, управленцев, методистов, студентов, преподавателей, другие категории граждан, и говорит о том, что вопросы грамотности населения — важный аспект образовательного вектора. «Сегодня грамотность — это часть уважения к себе», – уверена автор

текста Тотального диктанта-2018 Гюзель Яхина [3]. Грамотность — это тот фундамент, на котором строится всё развитие личности. Республиканская образовательная акция «Донецкий диктант» — продуктивная форма повышения орфографической и пунктуационной грамотности, становления языковой личности.

Список литературы

1. Анна Ревякина: Если уеду отсюда – небо рухнет. Режим доступа: <https://russkiymir.ru/publications/191684/> – (дата обращения: 19.09.2019).
2. К. Паустовский. Поэзия прозы, «Знамя», 1953, № 9, стр. 175.
3. По правилам "диктатора". Режим доступа: <https://rg.ru/2018/04/10/guzel-iahina-segodnia-gramotnost-eto-chast-uvazheniia-k-sebe.html> – (дата обращения: 19.09.2019).

УДК 81'373.2

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ

Мозговой В.И., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
mowi48@mail.ru

Введение. В ономастике всё сильнее ощущается ситуация правовой неопределённости при попытке использовать учение древних греков (III в. до н. э.) о разделении имён на нарицательные (НИ) и собственные (СИ), опираясь при этом на пришедшее из латинского языка понятие *nomēn propriūm*, т. е. «имя конкретного предмета, созданное имеющими власть».

Сегодня на этой основе существует четыре типа классификаций.

1. По *денотату* – выделению однотипных предметов, привязанных к языковой структуре входящих в СИ элементов: антропонимы *Александр, Ксения, Константин Макарович*; топонимы город *Константиновка*, река *Дон*, пр-т *Марии Ульяновой*, *Чёрное море* и т. п.

2. По *речевым коннотациям* – разделение СИ на поэтонимы [1] (*Аэлита, Ихтиандр, Лилипутия, Анидаг, Иван-дурак, Город Солнца*) и коннотонимы [3]: *Саша, Сашенька; Макарыч, Костя Макарыч; Констаха; Тихий Дон, Батюшка Дон; выйду на Марии, живу на Ульяновой* и т. п.

3. По размерам объектов номинации: *микро-* (ул. *Речная, Театр кино*) и *макротопонимы* (*Тихий океан, Россия*).

4. По комплексному восприятию онимной лексики, представленной, 22-мя разрядами номинаций в теории А. В. Суперанской [5].

Цель. Проанализировать имеющиеся классификации онимной лексики и предложить новый вариант на основе права.

Основная часть. Заслугой существующих классификаций является разделение ономастики на общую, речевую и художественную, что обеспечило создание языковых методик анализа СИ в конкретной социальной парадигме, но выявило вместе с тем ряд серьёзных проблем.

1. Разделение онимов по денотату и стилистической окраске оказалось условным, поскольку одна и та же форма способна была «переходить» из одного разряда в другой и даже выходить за рамки имени собственного. Так, речевой вариант *Саша*, невозможный в официальном употреблении, стал возможным при его трансонимизации (*одеколон «Саша», поэма «Саша», яхта «Саша»*), а название романа И. Грековой «*Кафедра*» переходило в нарицательное имя при именовании структурных подразделений вуза: *кафедра теоретической механики* (а не зарегистрированная в ДонНТУ *Кафедра «Теоретическая механика»*).

2. Описание появляющихся при коммуникации частных случаев употребления онимных форм не могло опираться на универсальные законы и принципы их передачи, поскольку в речи выделялся конкретный референт и его коннотации, способные «перевернуть» и даже «уничтожить» первичный денотат: *Днепр* – город, а не река; *Эверест*, *Монблан* – не названия гор, а прозвища людей или событий.

3. Разделение топонимов по принципу *микро- / макро-* устраняло денотат и объектную характеристику, что, по мнению А. В. Суперанской, размывало отличия микротопонимии от урбанонимии: первые становились ведущими, первичными, а вторые – опосредованными [4].

4. Отношение к онимам как к словам, имеющим лексическое значение, провоцировало идеологическую оценку номинаций и административный контроль за процессами именованья, что не увязывалось с устремлениями социума, для которого СИ ассоциировалось с правом собственника на имя и принадлежащую ему собственность.

5. Абсолютизация античного подхода заменяло классификацию СИ классификацией номенклатурных терминов – только предметов, выраженных именами существительными. Однако в реальности такого быть не могло, поскольку онимы по своей внеязыковой природе не могли ограничиваться грамматическими характеристиками одного языкового класса. Они функционируют и как слова, и как словосочетания и предложения, условно принадлежащие к любой лексико-грамматической парадигме: *юрфирма* (имя существительное) «*Вправе*» (наречие, хотя отвечает на вопрос «какая?»); научный *труд* М. В. Ломоносова (имя существительное) «*Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук Майя 26 дня 1761 года*» (предложение, грамматически не связанное с номенклатурным термином, которое может существовать изолированно и переводиться на все языки).

Исходя из этого, собственные имена целесообразно вычленить из категории частей речи и разделить на классы по принадлежности к собственнику, собственности и степени их онимизации.

1. Класс номинаций с реальным собственником, за которым кроется обобщённый денотат с чётко выраженной адресной функцией. Исключая референтные коннотации и оперируя двумя разрядами номинативного выделения («имя = субъект» и «имя объекта = феномену субъекта») он предполагает первичность антропонимов (собственников) и вторичность всех остальных имён (собственности) [3].

В первом случае денотат выносится за пределы номинации (форма обращения *мужчина Николай* или *девушка Наташа* вряд ли возможна), а во втором – апелляция к денотату обязательна: *кинотеатр «Звездочка»*, *Московский государственный университет* и т.п. Языковая форма именованного, таким образом, определяется спецификой их онимизации:

1. *Полная степень онимизации*. Она присутствует только у антропонимов, поскольку обладатель имени является одновременно его собственником (право на имя не может поэтому быть «делегировано» паспортистке, органам законодательной или исполнительной власти). Эта характерная особенность личного именованного исключает понятие перевода (*Жан – Иван*) или «эквивалентной замены» (*Антон – Антін*), хотя предполагает формальные изменения в фонетике, графике и структуре имени при его фиксации в других проприальных культурах: рус. *Михаил Углегорский* – укр. *Михайл Углегорський*.

2. *Выборочная степень онимизации*. Характерна для объектной номинации, в которой субъект является обладателем названной им собственности. Переводная форма в этом разряде номинаций неприемлема для элементов, относящихся к СИ, но необходима для входящих в его структуру номенклатурных терминов (*Прачечная-химчистка «Белый кот» – Пральня-хімчистка «Белый кот»*; *Донецкий государственный университет управления – Донецький державний університет управління*). Он также возможен для адекватности осмысления однотипных пространственных объектов (например, в России *река Днепр*, а в Украине *річка Дніпро*; в Польше *Одра*, а в Германии – *Одер*) и при фиксации равноценной информации о собственности в родственных языках или мировом контексте: г. *Углегорск* – м. *Вуглегорськ*; *проспект (имени) Освобождения Донбасса – проспект (імені) Визволення Донбасу*.

2. Класс номинаций с условным собственником, который обязывает внешних «пользователей» имён выносить СИ за пределы реальности, включать их в собственный онимный ресурс и пренебрегать общепринятым денотатом, оперируя конкретным референтом:

А. *Референтная степень онимизации*, которая заменяет реальный денотат его коннотативной речевой оценкой: *Ксения > Ксюха, Аксинья, Оксана; Владивосток > Владик; Анна > Ганзя, Ганна, Нюра; Театральный институт имени Бориса Щукина > Щука*). Непредсказуемое количество коннотонимов существует вне официального контекста и не поддаётся нормированию, кроме случаев трансонимизации: например, при фиксации фамилия *Ксюха* или парикмахерской «*Аннушка*».

Б. *Внереферентная степень онимизации*, которая опирается на вымышленный денотат и несуществующий референт, рождённый авторской фантазией и воплощённый в поэтонимах или метафорических формах этнонимов: *Робинзон Крузо, Капторанг, Лимпопо; ресторан «Дярёвня», студенческое бистро «Мама, я на паре», кожгалантерея «La сумки», сигарный дом «Коба»; веганская кухня «Кузя», мастерская «Чинильня», свадебный салон «Счастье с 1965 года»*. Поскольку вымысел связан только с авторскими нормами, их нельзя изменять, но можно переводить при наличии у них лексического значения и рекламной значимости: *Город Солнца – Місто Сонця, ресторан быстрого питания «Возьми с собой» – ресторан швидкого харчування «Візьми з собою»*.

3. Класс номинаций с нулевой степенью онимизации – нарицательные имена. Они не связаны с собственником, не обладают выделительной функцией, лишены денотативных и референтных коннотаций. Все структурные элементы этого класса обладают лексическим значением, переводятся на все языки и не выделяются прописной буквой: *английская соль, министр образования, отдел внешних связей*. Употребление при этом заглавной буквы возможно на табличках с названиями магазинов, отделов, кабинетов или учреждений.

Упрощение классификации СИ делает её защищённой в праве и удобной для утверждения норм передачи в языковом контексте.

Список литературы

1. Калинин, В.М. Поэтика онима / В.М. Калинин // Донецк : Юго Восток, 1999. – 408 с.
2. Мозговой, В. И. Имена собственные и не собственные. Принципы выделения и классификации. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научн. журнал. – Т. 3, № 3. – Севастополь: СГУ, 2017.– С. 44 – 51.
2. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён / Е. С. Отин. – Донецк: ООО «Юго-Восток, ЛТД», 2004. – 412 с.
4. Суперанская А.В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии / А.В. Суперанская. // Микротопонимия. – М.: Изд-во Московского университета, 1967. – С. 31–39.
5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская, отв. ред. А. А. Реформатский. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 368 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МИНИМУМЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (ДОВУЗОВСКИЙ ЭТАП ПОДГОТОВКИ)

Николаев А.М., канд. пед. наук

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», г. Тула, РФ

nialmi@yandex.ru

Обучение русскому языку как иностранному (РКИ) в Российской Федерации опирается на ряд регламентирующих документов, в которых так или иначе затрагивается проблема учета языка будущей специальности учащихся.

«Требования по русскому языку как иностранному. I сертификационный уровень. Общее владение. Профессиональный модуль. (СПб: Златоуст, 2015)» включают 6 лексических минимумов (ЛМ).

Отметим, что ЛМ общего владения первого сертификационного уровня составляет 2300 лексических единиц.

В другом регламентирующем документе, Приказе Минобрнауки России от 03.10.2014 N 1304, отмечается, что по результатам освоения программы, касающейся изучения русского языка, учащийся довузовского этапа подготовки должен уметь оперировать терминологией избранной специальности.

Кроме того, этот приказ предусматривает освоение образовательных программ естественнонаучной, инженерно-технической и технологической, гуманитарной, экономической, медико-биологической направленности.

Что же происходит на практике? Как следует соотносить обучение русскому языку и предметам той или иной направленности? Рассмотрим данную проблему на примере обучения языку специальности в курсе РКИ учащихся медико-биологического профиля.

Итак, программа довузовской подготовки по русскому языку должна включать профессиональный модуль. Обратимся теперь к реальному учебному процессу, к тем проблемам, которые актуальны и для преподавателей русского языка, и для преподавателей общетеоретических дисциплин.

Так, например, утверждается, что необходима координация работы преподавателей русского языка и биологии, которая заключается «в соотношении тем, изучаемых по биологии, и материала по научному стилю речи на занятиях по русскому языку» [1, с. 288]. Д.Н. Реброва указывает, что на занятиях биологии должны применяться специальные методические приемы, среди которых есть такие: «предъявление материала с опорой на модели научного стиля речи, строгая минимизация вводимой лексики,

применение поурочных словарей, проведение контрольных работ, включающих терминологическую лексику и модели научного стиля речи» [там же].

Выясним далее, какова роль ЛМ в обучении языку специальности.

Как правило, во всех лексических минимумах «в качестве единицы описания по-прежнему выступает слово в совокупности его значений» [2, с. 82]. В работе [2] проведено сравнение российского и зарубежных подходов к созданию ЛМ.

В качестве подхода к составлению списка ЛМ российские составители используют преимущественно коммуникативный, английские и немецкие – преимущественно статистический. Источниками данных российских ЛМ являются учебники, словари, частотные списки, ранее созданные частотные списки и ЛМ, источниками зарубежных ЛМ – корпуса, словари, частотные списки, опрос носителей. Наконец, российские ЛМ должны покрывать 70 процентов текстов, зарубежные – не менее 80 [2, с. 86].

Отметим, что ЛМ весьма важны в практике преподавания. Они незаменимы при подготовке целого комплекса средств обучения: учебных пособий, учебных текстов, тематических словарей, контрольно-измерительных материалов (контрольных работ, тестов).

Перейдем к ЛМ профессионального модуля медико-биологического профиля. Воспользуемся для этого «Программой по русскому языку как иностранному. Профессиональный модуль «Медицина. Биология». I–II сертификационные уровни владения РКИ» (М.: РУДН, 2014).

Список данного ЛМ включает более 700 слов: около 380 существительных, более 170 прилагательных, почти 240 глаголов, остальные части речи представлены 15 словами.

Обращение к сервису «Лексикатор», который анализирует лексику на соответствие ЛМ общего владения, позволило установить, что часть лексики ЛМ профессионального модуля – весьма незначительная – пересекается с лексикой ЛМ общего владения.

Были получены следующие результаты: имя существительное – 8,44 % входит в оба ЛМ; имя прилагательное – 6,36 %, глагол – 16,8 %, другие части речи – 13,33 %.

Для составления ЛМ О.Н. Халеева предлагает включить в них общенаучные термины, которые должны лежать в основе минимумов всех профилей; межотраслевые, характерные, например, для всех гуманитарных наук или естественных наук; узкоспециализированные, которые используются в филологии, медицине, экономике и т.д. [3].

Цитируемым автором были проанализированы пять существующих ЛМ и выделена общенаучная лексика, которая актуальна для всех профилей обучения.

Лексика, которая встречается во всех минимумах, составила примерно 20 единиц. Около 50 единиц общенаучной лексики содержатся в большинстве, но не во всех минимумах.

Анализ имен существительных ЛМ, проведенный нами, показал, что более 150 слов может быть отнесено как к общенаучной лексике, так и к общеупотребительной, например: *белок, вдох, вес, витамин, живот, животное, кость, кровь, круг* и т.д.

В проанализированном ЛМ выделена группа терминированных слов и деминутивов (более 30 лексических единиц): *камера, секрет, сосуд, ствол, цепочка, ядро; жгутик, желудочек, мозжечок, палочка, реснички, тельце, трубочка*.

О. Н. Халеева предлагает выделить общенаучную лексику для всех профилей (приблизительно 150 лексических единиц), дополнить список за счет антонимов.

Многие исследователи считают, что составление ЛМ должно базироваться на корпусной основе. От себя добавим: в корпус должны быть включены наиболее популярные учебники, учебные и методические пособия, словари и словарные списки, которые используются в средних учебных заведениях России. Кроме того, «сами списки должны демонстрировать высокий процент покрытия исходного корпуса и содержать лексемы, максимально охватывающие все представленные типы текстов» [2, с. 86].

Список литературы

1. Реброва Д.Н. Актуальные вопросы обучения биологии иностранных учащихся на этапе довузовской подготовки // Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан сборник статей. – М., 2017. – С. 285–291.
2. Муравьев Н.А., Ольшевская М.Ю. Подходы к составлению лексических минимумов в России и за рубежом: проблемы и перспективы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17, № 1. – С. 78–89.
3. Халеева О.Н. Общенаучная лексика в лексических минимумах по языку специальности для подготовительных факультетов/отделений // Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан: сборник статей. – М., 2017. – С. 366–373.

**РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ПРЕДСКАЗАНИЕ»
В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ
(на материале романа М.А. Булгакова
«Мастер и Маргарита»)**

Панчехина М.Н., канд. филол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
mpanchehina@gmail.ru

Введение. Интерпретируя текст литературного произведения как сложное коммуникативное целое, в котором участниками речевого акта являются автор, повествователь, герой и читатель, рассмотрим особые типы художественных высказываний – речевые жанры.

Согласно концепции Т.В. Шмелёвой [1], анкета речевого жанра формируется из семи основных компонентов: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, диктум, фактор прошлого, фактор будущего, формальная организация. При анализе художественного текста обнаруживаются такие типы высказываний, для которых один из компонентов становится доминантным, смыслообразующим.

В контексте данной работы рассмотрим речевой жанр «предсказание»: его структура очевидно связана с актуализацией фактора будущего. В качестве материала исследования выбран роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Цель состоит в том, чтобы описать функции речевого жанра «предсказание» и его лексико-грамматические особенности в коммуникативном аспекте.

Основная часть. Сообщения о том, что свершится в ближайшем будущем, можно считать переломными точками повествования уже в первых главах булгаковского произведения. Обозначим адресантов и адресатов предсказаний, чтобы прояснить коммуникативную ситуацию, возникающую во время включения в текст реплик такого типа.

Беседа на Патриарших между Берлиозом, Бездомным и Воландом построена по принципу непрерывного использования следующих категоричных утверждений: «*Аннушка уже купила подсолнечное масло*», «*Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!*», «*Вы умрёте другой смертью*», «*Вам отрежут голову*». Адресантом высказываний является Воланд как носитель абсолютного знания о мире и онтологии. Однако не только он наделён способностью правдиво рассказывать о грядущем.

«*О, как я угадал! О, как я всё угадал!*» – это автокоммуникативное восклицание мастера также закрепляет за ним статус прорицателя. История, изложенная булгаковским героем в романе о Пилате,

действительно произошла. Подтверждает это и высказывание Маргариты, использующей факт правдивого повествования мастера как основание для речевого жанра клятвы: *«Клянусь угаданным тобою сыном звездочёта...»*

Если коммуникативный статус мастера как прорицателя прояснён, что вписывается в традиционное русское лингвокультурное представление о поэте как пророке, то собственно речевую формулу его предсказания обозначить сложнее. По сути, весь текст романа мастера о Пилате оказывается предсказанием и именно поэтому он приобретает свойство прецедентной книги – особого текста, в котором аккумулировано знание о законах мироустройства и к которому обращаются другие герои.

Примечательно, что в эпилоге Воланд выступает в качестве посредника между прецедентным текстом мастера и его потенциальными адресатами. Булгаковский дьявол пересказывает Маргарите слова Пилата: *«– Он говорит, – раздался голос Воланда, – одно и то же, он говорит, что и при луне ему нет покоя и что у него плохая должность. Так говорит он всегда, когда не спит...»* Выступая в качестве посредника-интерпретатора между адресантом (мастером) и адресатами (Маргарита и другие читатели романа о Пилате), Воланд получает возможность окончательного оформления и завершения текста-предсказания. Он обращается к мастеру с просьбой-приказом закончить роман.

Как отмечает В.И. Карасик, любое «предсказание» выступает в качестве эквивалента коммуникативного действия, оно интегративно по своей сути и «соединяет в себе декларацию и комиссив» [2, с. 46]. В булгаковском тексте на первый план выходит декларативное наполнение – это формальная констатация факта, трансляция новой информации о наступающем событии. Комиссив, или обещание, что пророчество исполнится, прослеживается в основном в провиденциальных высказываниях, содержащих иронический подтекст. Примечательна сценка, в которой обыгрывается ситуация пожара, устроенного в Грибоедове Коровьевым и Бегемотом. Пара из свиты Воланда утверждает, что на месте сгоревшего здания будет построено новое, лучше прежнего. Беседа завершается иллюстративным обещанием-заверением Бегемота: *«– Уж вы мне верьте, – добавил кот, – я форменный пророк».*

Вне зависимости от эмоционального фона «предсказания», такой тип речевых высказываний обретает собственные лексико-грамматические способы реализации в тексте. Так как жанр «предсказание» имеет своего адресанта, адресата и передаётся в виде собственно вербального сообщения, то можно предположить, что его речевая семантика напрямую связана с глаголами говорения. Их детальная семантическая классификация применительно к булгаковскому произведению позволит уточнить специфику «предсказания» как «сбывающейся речи».

Заключение. Перспектива исследования связана с составлением каталога речевых жанров в «Мастере и Маргарите», благодаря чему будет

возможно соотнести «предсказание» с другими типами вторичных высказываний в художественном тексте, системно описать их роль и функции в произведении как сложном коммуникативном целом.

Список литературы

1. Шмелёва Т.В. Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) / Т.В. Шмелёва // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. – Berlin, 1990. – № 2. – С. 24–41.

2. Карасик В.И. Предсказание как речевой жанр / В.И. Карасик // Жанры речи. – 2018. – № 1 (17). – С. 39–47.

УДК 81.161.1

КОНЦЕПТ «МИР» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ДОНЕЦКИХ СТУДЕНТОВ

Стебунова А.Н., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
alla.stebunova@mail.ru

Исследование выполнено в рамках проекта «Этнокультурные исследования языкового сознания», проводимого Центром межкультурных исследований имени А.А. Леонтьева под руководством доктора филологических наук, профессора Н.В. Уфимцевой.

Введение. Нигде так ярко не проявляется концепт, как непосредственно в языковом сознании, и даже подсознании, людей. И чем неожиданнее будет ситуация реализации предметных и понятийных представлений человека, тем более емким и непредсказуемым будет ответ на вопрос анкеты. Концепт живет в тексте, и в переживаниях людей он существует также как и текст [3, с. 224]. На предложенный стимул человек преподносит множество итогов своей мыслительной деятельности, демонстрируя не только свою эрудированность в понимании концепта, сколько, прежде всего, личный ассоциативный строй [4]. С началом «Русской весны» и образованием Донецкой Народной Республики проблема русской идентичности стала основополагающей в процессе государственного строительства, а, следовательно, и анализ слов-реакций на такие слова-стимулы как «родина», «свобода», «мир» и др. в речи донецких студентов приобрел особую актуальность [2, с. 177]. Именно с этой целью был проведен и описан в данном исследовании психолингвистический эксперимент для выявления профилирования важного для жизни и деятельности современного общества в целом и жителей Донецкой Народной Республики в частности концепта –

«мир». Понятие это исключительно философское, предполагающее неоднозначность видения, а порой и явную противоположность взглядов.

Цель – раскрыть содержание лингвокультурного концепта «мир» через моделирование его структуры с помощью ассоциативных вербальных реакций информантов на данное слово в анкетах, проводимого нами свободного ассоциативного эксперимента.

Основная часть. В эксперименте приняло участие около 150 студентов Донецкого национального университета (филологического, исторического, экономического факультетов и факультета иностранных языков) в возрасте от 17 до 25 лет.

В современном русском языке имеется две лексемы *мир*, считающиеся омонимами: 1) *мир* – Вселенная, система мироздания в целом; человеческое общество; 2) *мир* – согласие, спокойствие, отсутствие вражды, войны, ссор и т. п. Данные омонимы закреплены авторами словарей в устоявшихся перечнях значений. Результаты эксперимента подвели нас к выводу, что не все студенты вспомнили об омонимах. В большинстве своем они рассматривают один или другой омоним. Чаще всего, говоря о *мире*, студенты, в первую очередь, указывают на его *противоположность войне*, конфликтам, агрессии (56 ответов). Это, на наш взгляд, связано с конкретной ситуацией в Донецке, современным миропорядком, с мечтами каждого живущего на Земле о спокойствии и бесконфликтности существования. Вторым по частоте определением является «все окружающее человека: *пространство, природа, остальные люди* (36 случаев). На третьем месте (14 ответов) в концепте «мир» участниками эксперимента видится *гармония* (интересно, что авторы четырехтомного словаря русского языка это значение вообще не указывают). Кроме того, «мир» в значении *согласие* принимается во внимание только 11-ю студентами, хотя в толковом словаре оно подается первым. В такой же степени неактуальны для сознания студентов и значения *Вселенная* (4 ответа), *планета, Земной шар* (5 ответов.). Респонденты вообще не учли присутствующие в толковом словаре значения: *Земная жизнь в противоположность неземной, потусторонней (согласно религиозным идеалистическим представлениям); Жизнь мирян, светская жизнь (противопологается монастырской жизни); Сельская община, а также члены этой общины и т.п.* [1, с. 274–275]. Эти значения подаются в словаре следующим образом: первое – с пометой «устаревшее», второе – с пометкой «историческое», а третье – последним по порядку следования в словарной статье. Участники эксперимента увидели в слове «мир» новое значение, никак не отраженное толковым словарем (из-за недавнего времени появления самого объекта номинации) – *Космическая станция «Мир»*. Несмотря на то, что это значение ассоциативно, на наш взгляд его можно внести в общий перечень

смыслов концепта «мир» и отразить, например, в словарной статье, тем более что эта ассоциация возникла у пятерых респондентов.

Атмосферу искренней радости, с одной стороны, и уважения к ответам участников эксперимента, с другой, всегда создают те уникальные и яркие результаты, которые раскрывают внутренний мир отвечающих на анкету. Однако, чересчур уникальных или неожиданных ответов на вопрос «Мир — это...» не последовало.

Так, уникальными, с нашей точки зрения, можно назвать такие определения для слова «мир»: окончание войны в Донецке; аббревиатура одной из телекомпаний; неисчерпаемый кладезь знаний; та комната, тот дом, тот город, где я живу; это мой маленький мир, в котором хозяйка я; если внутри себя мира нет, то это плохо, а если мира нет во всем нашем огромном мире – это катастрофа; то, чего мы не достигли и, наверное, никогда не достигнем; то, что человеку неподвластно и до конца не может быть познано нами; огромное сердце, которое обливается кровью и страдает, когда мы причиняем ему боль, и радуется, бьется быстрее, когда мы делаем добро.

Такие уникальные по своей сущности ответы характеризуют, прежде всего, ассоциативное богатство молодых людей.

Заключение. Таким образом, все множество ответов участников эксперимента, ориентируясь на ключевые слова, можно классифицировать следующим образом:

1) эмпирические, передающие акустические, цветовые, визуальные, тепловые ощущения;

2) рационально-логические: пространственные, временные, относящиеся к социуму, относящиеся к субъектам;

3) эмоционально-оценочные, в которых отражены названия чувств, эмоций и оценки;

4) номинативные, представляющие собой результат поиска языкового знака, способного конкретно или образно передать суть понимания: метафоры, символы сравнения.

Список литературы

1. Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред А.П.Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1982. – Т. 1.

2. Стебунова А.Н. Слова-реакции на слово-стимул «Родина» в речи донецких студентов (на материале психолингвистического эксперимента) // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур. – Волгоград: Фресс, 2019. – С. 177–180

3. Стернин И.А. Структура концепта // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. научных статей / Под общей ред. В.А. Пищальниковой. – Вып. 10. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 218–229.

4. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 2003. – С. 135–170.

КОЛЕБАНИЯ ОРФОЭПИЧЕСКИХ НОРМ В РУССКОЙ РЕЧИ (на основе мониторинга речи туляков)

Щенникова Е.П., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», г. Тула, РФ

Русский язык распространен на огромной территории, поэтому на его функционирование оказывают влияние самые разнообразные факторы, в том числе социальная и территориальная принадлежность, гендерные и возрастные особенности его носителей. Многочисленные исследования показывают, что наиболее сильным социальным фактором, определяющим произношение того или иного человека, является его территориальная характеристика.

Молодые люди, выражающие обеспокоенность по поводу негативных тенденций в функционировании русского языка в настоящее время, представляют это явление как вымирание языка, его обеднение, в то время как речь должна идти скорее о неспособности носителей языка использовать богатейшие потенциальные возможности языковой системы.

Язык постоянно развивается, крепость литературной нормы (орфоэпической, грамматической, лексико-семантической) постоянно подвергается различным воздействиям. Эволюция русского языка на современном этапе носит высокодинамический характер, что находит свое отражение на уровне орфоэпии в колебании акцентологической нормы и появлении значительного числа отхождений от литературного варианта в русской речи.

Мониторинг состояния речевой культуры в широких слоях населения Тулы (возрастные категории – от 12 до 75 лет) позволил определить не только некоторые тенденции в развитии языка, но и «проблемные зоны» в использовании языковых средств. В ходе орфоэпического проекта были предложены списки слов и поставлена задача – в одной группе слов поставить ударение, в другой группе слов определить произношение твердого/мягкого согласного перед *e*. В опросе приняло участие 300 человек разного возраста. Мы выделили несколько возрастных категорий:

1) 12–16 лет (школьники), количество участников составило 14 % из числа опрошенных; 2) 17–25 лет (студенты и молодые специалисты), самая представительная часть – 42 %; 3) 26–45 лет, 23 %; 4) 46–55 лет, 11 %; 5) 56–75 лет (пенсионеры), 10 %. В результате анкетирования выяснилось, что расхождение в количестве допущенных ошибок в разных возрастных группах невелико. Процент неправильных ответов у школьников колеблется от 8 % до 70 %, в среднем, в списке из 20 слов школьник делает 6–8 орфоэпических ошибок (30–35 %), но в списке из 50 слов процент ошибок выше – 45–50 % (15–25 ошибок). В двух следующих возрастных

категориях, в среднем, 30–40 % неправильных ответов. Правда, в возрастной категории 17–25 лет гораздо больше анкет, в которых число ошибок значительно – от 60 до 90 %; для сравнения в 3 и 4 группах (26–55 лет) только 3 человека допустили 60 % ошибок. Только один человек (педагог) в третьей возрастной группе правильно определил место ударения во всех представленных словах. Наиболее частотный показатель в 4 возрастной группе (46–55 лет) – 35–40 % ошибок, однако в этом возрасте уровень владения акцентологическими нормами очень неоднороден: встречаются анкеты, где допущено 2 – 3 ошибки, и анкеты, в которых 50 и более процентов ошибочных ударений. Представители старшего возраста чаще, чем другие носители русского языка, произносят слова с неправильным ударением, бóльшая часть опрошенных в возрасте от 56 до 75 лет допускает от 38 до 80 % ошибок.

Устная речь с первых минут общения обращает на себя внимание, поэтому несоблюдение правил произношения может привести к затруднению коммуникации, препятствовать адекватному пониманию звучащего текста, вызвать негативное отношение у собеседника. Незнание орфоэпических норм свидетельствует о низком уровне владения языком. Результаты проведенного мониторинга показали, что многих студентов (по нашим данным, 51 % опрошенных) раздражают допускаемые собеседниками орфоэпические ошибки. Но на вопрос, часто ли сами студенты обращаются к справочной литературе, они ответили, что редко или никогда. Такое небрежное отношение к языку приводит к многочисленным лексическим, грамматическим и орфоэпическим ошибкам.

Проведенное исследование позволило выделить слова, где процент отхождения от нормы крайне высок: *квартал, нефтепровод, диспансер, оптовый, жалюзи, ходатайствовать, свёкла, звонит, мастерски, каталог, сливовый, флюорография* и др. Сравните: *христианин* – 14 % ошибок, *торты* – 19 %, *сливовый* – 30 %, *умерший* – 3 %.

Порой на повышение грамотности оказывают влияние средства массовой информации. Одно время по телевидению часто показывали ролик рекламы, в которой была фраза: «Говорите правильно – кварта́л». Студенты, цитируя рекламу, правильно ставили ударение в этом слове.

Особого внимания заслуживают глаголы на *-ировать*. Респондентам было предложено расставить ударение в следующих словах: *нормировать* (доп. *нормировать*), *премировать* (не рек. *премировать*), *бомбардировать*, *костюмировать* (не рек. *костюмировать*), *копировать*, *пломбировать* (неправ. *пломбировать*), *форсировать*, *рецензировать*. Ясно видна тенденция к переносу ударения у глаголов этого типа с последнего слога (*-ировать*) на третий от конца (*-ировать*). О продуктивности этой модели свидетельствует и проведенное анкетирование: в постановке ударения в глаголах на *-ировать* не было сделано ни одной ошибки: *баллотировать, бетонировать, аплодировать,*

а в глаголах *нормировать, премировать, запломбировать* допустили ошибки почти все опрошенные.

Респондентам также было предложено определить ударение в кратких формах прилагательных. В результате были получены следующие ответы: *близки́* – 94 % (словари фиксируют равноправность вариантов *блѝзки* и *близки́*), *просты́* – 96 % (*просты́* и доп. устар. *прѝсты*), *пра́вы* – 75 % (*пра́вы*, не реком. *правы́*). Современные носители русского языка в словах *близки́, просты́* предпочитают варианты с ударением на флексии. Процесс перемещения ударения на флексию в кратких формах множественного числа продолжает расширять сферу влияния. В результате орфоэпические словари фиксируют *грустны́* и *гру'стны*, *высоки́* и *высо́ки*, но *верны́* и доп. устар. *ве́рны*. Результаты показывают, что существуют кодифицированные нормы, отстающие от реального употребления. Одной из причин колебаний и переноса ударения можно считать влияние группы прилагательных, имеющих только окончное ударение в кратких формах множественного числа, например: *велики́, больны́, хороши́*.

Заслуживает внимания произношение согласных перед гласным *е*. Несмотря на то, что в соответствии с законами русского произношения перед гласным *е* произносится мягкий согласный звук (это распространяется и на заимствованные слова, вошедшие в русский язык), в речевой практике мы встречаемся с фактами, которые противоречат этому правилу. Даже давно освоенные русским языком заимствованные слова произносятся с твердым согласным. Многие исследователи, в частности К.С. Горбачевич, отмечают, что у отдельных слов наблюдается даже укрепление твердого произношения.

Было предложено определить, твердый или мягкий согласный употреблен перед *е* в словах: *тинейджер, сканер, принтер, нейрохирург, потенциальный, лотерия, лазер, сервис, продюсер, юриспруденция, рейтинг, бухгалтерия, терапевт, бизнес, менеджер, сервер, термин, прогресс, резюме* и др. Получены следующие результаты: в большинстве случаев неправильно определили твердость/мягкость согласного в словах: *прогресс, юриспруденция, термин, нейрохирург*.

Всегда ли нужно четко следовать рекомендациям словарей? «Кодификация нормы – отражение объективно существующей современной литературной нормы, сформулированной в виде правил и предписаний в учебниках, словарях, справочниках ...» [Вербицкая, с. 12]. Но не всегда соблюдается принцип кодификации (адекватность современной норме), и справочники, словари фиксируют норму, отстающую от реальной нормы, пропагандируют иногда вариант, выходящий из реального употребления.

Список литературы

1. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно: науч.-попул. – М.: Высш. шк., 1993. – 144 с.
2. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. – 3-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1989. – 208 с.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ И ГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Шур Е.А.

МОУ «Средняя школа №32 города Makeевки», ДНР
ekaterina.schur2016@yandex.ru

Введение. Современное состояние русского языка всё активнее обсуждается не только филологами, но и писателями, журналистами, психологами и другими представителями широкой общественности. Звучат тревожные мысли в отношении динамики языковых процессов последних лет. Наблюдаются переломные моменты в развитии русского языка. Учёные и неспециалисты называют подобное явление «кризисом», «болезнью», «гибелью» языка. И всё же говорить о том, что русский язык «умирает» нельзя [2, с. 131]. Активные процессы в нём объясняются его способностью соответствовать потребностям современной языковой личности.

Цель предложенной работы – проанализировать основные динамические процессы в орфографической и графической системах современного русского языка.

Основная часть. Русское письмо – неотъемлемая часть общенациональной культуры, достаточно консервативная, но и его не могла не затронуть динамика рубежа XX–XXI веков. При этом СМИ и интернет-пространство стали источниками языковых норм, сменив на этой позиции русскую литературу.

Изучение активных процессов в языке – это особая сфера лингвистики, имеющая теоретическую и практическую значимость. Динамические процессы русского языка изучаются в трудах таких известных лингвистов, как Н.С. Валгина («Активные процессы в современном русском языке», 2003; «Актуальные проблемы современной русской пунктуации», 2004), Л.П. Крысин («Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков», 2008), Н.В. Юдина («Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?», 2010) и др.

Профессор Н.Д. Голева отмечает, что тенденции в графике и орфографии русского языка являются «одним из частных проявлений глобальных тенденций в современной письменной речи, на основании которых невозможно прогнозировать её дальнейшее развитие» [1, с. 13].

Нарушение орфографической нормы современного русского языка происходит вследствие воздействия общественных и научных факторов: снижения общей и языковой культуры общества, авторской орфографии, отсутствия цензуры и специальной корректуры, появления непрофессиональных словарей, орфографической вариативности.

Орфографическая неоднозначность русского письма привела к обострению проблемы кодификации языковой нормы. Противоречивость правил написания слов (например, схожие наречия пишутся неодинаково: *всерьёз – в шутку*), некорректность формулировки критериев правила (*поллитровый – от поллитровка и пол-литровый – от пол-литра*) приводят к нестабильности русской орфографии и графики.

Интенсивная динамизация в орфографической и графической системах современного русского языка проявляется в экспрессивизации и демократизации русского письма.

Для усиления экспрессивной функции и демократизации русской письменной речи чаще применяются следующие способы и приёмы языковой игры:

1) использование графических элементов дореформенного периода (старые буквы можно встретить в наименованиях современных периодических изданий: газеты *«КоммерсантЪ»*, *«Гастрономъ»*, книг: *«Военный советникъ»* А. Кулакова (2019), в названиях организаций и предприятий: *«Вкусноедъ»* (г. Санкт-Петербург), *«Градъ Медов»* (г. Санкт-Петербург), *«ПобегЪ»* (г. Донецк);

2) употребление так называемых «русско-латинских гибридов»: совмещение латиницы и кириллицы используется в современных названиях печатных изданий: *«Газета Городских Новостей Pro Город-тв Казань»*, *«Wood-мастер»*, *«Горнпроект»*, в наименованиях книг: сборник А. Филимонова *«Выхожу I ja на дорогу»* (2019);

3) использование различных видов шрифта, прописных букв внутри слова; для привлечения внимания потребителей и покупателей на рекламных вывесках встречаются следующие варианты: *«ВКУСиМИР»* (г. Санкт-Петербург), *«МУУмаркет»* (г. Санкт-петербург), *«МегаФон»*, *«ЧердачОК»* (г. Донецк);

4) слитное написание нескольких слов (например, в названиях книг Н. Давыдовой *«#Прессуйтело. Строй счастье своими руками»* (2019), Саши Петрова *«#Зановородиться. Невероятная история любви»* (2018), в названиях популярных песен, например, *«ЯЖЕМАТЬ»* (Анна Седакова), в интернет-сленге *«онижедети»*, *«яжмать»*, *«онажемать»*, *«Многабукаф не будет»*, *«точувствокогда»*);

5) наличие пиктографем внутри слова: данное явление более характерно для рекламных текстов и вывесок: в названии бутика *«Чулок»* (г. Донецк) буква *Л* заменена изображением женских ног в чулках (см. рис. 1);

6) обильное использование эрративов в современных текстах: «подчёркнутая неграмотность» преобладает в языковом поле социальных сетей, интернет-

Рис. 1

пространства как проявление «речевой свободы» или протеста: «*йащитаю*», «*нораица*», «*нимагу, я жи деффочка*», «*чёделашь*», «*тыщ пицот*», «*ацтань*», «*больше нипаложено*». Также встречаются примеры эрративов в названиях магазинов, например, магазин товаров для мужчин в г. Донецке «*мужЫк*» (см. рис. 2).

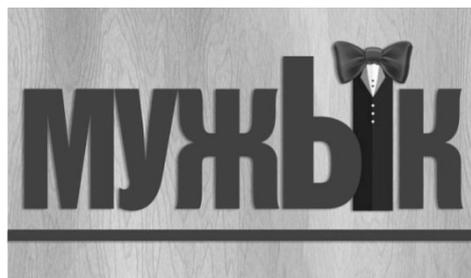

Рис. 2

Анализ имеющихся примеров экспрессивных возможностей показывает, что указанные способы и приёмы языковой игры преследуют одну цель – привлечь внимание читателя, потребителя подчёркнутой неграмотностью, проявить креативность, эпатировать. Это свидетельствует о росте личностного начала в русском письме.

Одной из проблем современной русской орфографии является и пренебрежение буквой *ё*. Часто данная буква не используется в письменной речи, кроме случаев смысловозначительного употребления (*пошел* и *пошёл*, *идем* и *идём*, *свое* и *своё*). При этом данное явление приводит к юридическим спорам, казусам (при оформлении паспортов, свидетельств о рождении и других документов). Как считают учёные, сегодня для юридической чёткости, во избежание ошибок в написании с буквы *ё* необходимо снять статус факультативной.

Заключение. Современное состояние орфографической и графической систем русского языка характеризуется наличием определённых проблем: орфографической вариативности, противоречивости правил правописания, избыточность экспрессивной нагрузки русского письма.

Список литературы

1. Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и её отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации / Н. Д. Голев // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 5(25). – С. 12 – 30.
2. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М. : Знак: Языки славянских культур, 2007. – 145 с.
3. Ларионова А. Ю. Динамические языковые процессы: в помощь будущему редактору: учебно-методическое пособие / А. Ю. Ларионова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 200 с.
4. Юдина Н. В. Русская орфография и пунктуация в XXI веке: «человек» и «закон» / Н. В. Юдина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 227–233.

Общее языкознание и история языка

УДК 81'42

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В ПИСЬМЕННОМ МУЛЬТИКОДОВОМ ТЕКСТЕ

Балко М.В., д-р филол. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк, ДНР
marina.balko1978@gmail.com

Введение. Изучение эмотивности как специфической текстовой категории становится всё популярнее в связи с активными изысканиями в области когнитивной лингвистики (см. труды О. В. Александровой, В. В. Воиновой, О. Е. Филимоновой и др.). При этом подчёркивается, что объектом исследования здесь могут быть как единицы, составляющие устный или письменный текст (звуки, интонационные схемы, лексемы, грамматические формы, предложения и проч.), так и целые тексты. В мультикодовом тексте, который, будучи чрезвычайно сложным образованием, органично сочетающим элементы различных знаковых систем (вербальные, визуальные, аудиальные и др.), реализация категории эмотивности несколько отличается от текстов, построенных с использованием исключительно вербальных средств.

Цель предложенной работы – проанализировать специфику представления категории эмотивности в мультикодовых текстах.

Основная часть. Эмотивность, с опорой на О. Е. Филимонову [4], определяем как одну из ключевых когнитивных категорий, проявляющуюся на различных уровнях языковой системы, а также в речи. Текстовая репрезентация эмотивности является отдельной весьма сложной проблемой, поскольку именно текст интегрирует различные категориальные проявления эмотивности, а именно: структурно-семантическую организацию предложения и высказывания, употребление специализированных лексических эмотивных единиц, стилистическую и интонационную выразительность и проч.

Мультикодовый текст представляет собой особое текстовое образование гетерогенного типа, в связи с чем категория эмотивности реализуется в нём специфическим образом: активно используются как собственно языковые (лексические, грамматические и т. д.), так и иные (изменение цвета и размера шрифта, введение изображений и проч.) ресурсы. Основными средствами выражения эмоций в письменных мультикодовых текстах являются следующие:

1. Вербальные (примеры – из наружной рекламы):

- употребление эмоциональной лексики, фразеологических единиц, пословиц, поговорок, цитат из художественных произведений и т. п.: «**Что нам стоит дом построить? Крыля, фасады, утеплители, гипсокартон**»; «**На нас все ездят... А мы рады! Автомобильный дилер № 1 в России**»;

- использование неологизмов и потенциальных слов: «**Запостить каннибала теперь не страшно. Интернет в роуминге без перерасходов**»;

- специфичное построение предложений: «**Можно я вам не скажу, для чего нужны мне деньги? Кредит на всё про всё**»;

- употребление тропов и риторических фигур: «**Milka! Один кусочек – и Вы в Альпийском мире!**»;

- игра слов: «**Охота, когда всем охота! Гипермаркет “Гипербола”**» и др.

2. Графические, то есть различные виды выделения фрагментов текста (примеры – из комментариев на сайте <https://vk.com/life>): «**Программа: БЕЗОПАСНОСТЬ НА ДОРОГЕ С БУЗОВОЙ-2 НEEEEEEEEEEET**»; «**о! у меня идея, привлечь к рекламе безопасной езды – МАРУ БАГДАСАРЬЯН!!!!!!!!!! вот это будет хайп так хайп!!!!!!**»; «**Семь???? Это где такие цены???? У нас 7 только форма вышла**» и др. Наиболее распространёнными способами графического оформления письменного мультикодового текста являются следующие: варьирование шрифтов, различное расположение строк, деление текста на абзацы, вольное употребление заглавных и строчных букв, а также знаков препинания. И. В. Арнольд справедливо отмечает, что пунктуация занимает особое место среди графических стилистических средств, так как указывает на важные в эмоциональном отношении элементы текста: «Пунктуации принадлежит важная роль в передаче отношения автора к высказываемому, в намёке на подтекст, в подсказке эмоциональной реакции, которую он ожидает от читателя» [1, с. 226].

3. Визуальные (иллюстрации, фото, пиктографические знаки, варьирование цвета, шрифта, яркости, контрастности определённых объектов, расположение их на странице и др.). Такие элементы мультикодовых текстов выполняют функции привлечения внимания, приобщения к пониманию передаваемого смысла, создания нужной автору атмосферы, убеждения и побуждения к действию [3]. Большая действенность визуальных компонентов текста объясняется тем, что зрительное восприятие у человека наиболее «определено», объективировано. Нередко визуальные элементы неотделимы от вербальных, и полноценное понимание текста возможно только при восприятии обеих составляющих (как, например, в философской сказке А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц»).

Значительный акцент в мультикодовых текстах ставится на использование цветов, поскольку именно они имеют колоссальный

эмоциональный потенциал: одни цвета способны успокаивать, другие – побуждать к действию, третьи вызывают тревогу и напряжение. Более того, каждый цвет характеризуется широким ассоциативным рядом: с событиями, объектами, явлениями, состояниями и проч. [5]. В полной мере возможности программирования эмоций при помощи цветовой гаммы

используются в рекламных мультикодовых текстах. Рассмотрим рекламу мебельного торгового центра «Скарабей», размещённую в глянцевом журнале (см. фото). Ключевой визуальный компонент – диван – занимает большую часть рекламной площади и окрашен в насыщенный красный оттенок. Красный цвет у многих нередко воспринимается как цвет богатства. Так рекламисты изображают предмет более дорогостоящим и делают его более привлекательным для потребителя (ср. точку зрения Дж. Уильямсона, согласно которой техника рекламы в таких случаях «состоит в создании корреляции между чувствами, ощущениями и рекламируемой продукцией» [Цит. по 2, с. 74]).

Заключение. Мультикодовый текст, в котором взаимодействуют элементы различных знаковых систем, является эмоционально насыщенным образованием, поскольку воздействует на реципиента через несколько органов чувств одновременно. Категория эмотивности в гетерогенных текстах, таким образом, реализуется посредством не только языковых единиц, но и различных невербальных элементов. Глубокое изучение эмотивности мультикодовых текстов с привлечением результатов изысканий в других научных отраслях (психологии, социологии, культурологии и др.) представляется весьма перспективным направлением современных языковедческих студий.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Ежова Е. Н. Синестезия в структуре рекламного текста / Е. Н. Ежова // Российская школа связей с общественностью. – 2017. – № 9. – С. 71–85.
3. Титлова А. С. Фонографические средства выражения эмоций в интернет-тексте (на примере текста комментария) / А. С. Титлова // Проблемы изучения и преподавания русского языка в Российской Федерации и за рубежом : сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф.; отв. ред. Л. В. Климина. – Уфа : Стерлитамакский филиал Башкирского гос. ун-та, 2018. – С. 229–232.
4. Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте : учеб. пос. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. – 448 с.
5. Шикина Д. С. Средства выражения субъективной модальности в визуальном компоненте рекламного поликодового текста / Д. С. Шикина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч. конф., посв. 75-летию со дня рождения д. филол.н., проф. К. А. Войловой; отв. ред. О. В. Шаталова. – М. : Московский гос. обл. ун-т, 2018. – С. 379–383.

О СТАТУСЕ КОММУНИКАТИВОВ В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ «ЯЗЫК – РЕЧЬ»

Борисова Л.П., канд. филол. наук, доцент,
Янышевская В.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
donnuborisova@yandex.ru, vera742007@rambler.ru

Решение многих сложных вопросов современной лингвистики зачастую определено правильно избранным теоретическим обоснованием, положенным в основу проблемного научного исследования дискуссионного характера. В своё время на это указывал великий Альберт Эйнштейн, который утверждал, что «возможность наблюдать то или иное явление зависит от той теории, которой вы пользуетесь» [2, с. 25]. Сказанное в полной мере относится к обозначенной еще в начале XX века дихотомии «язык – речь», содержание которой послужило ключом для решения многих проблемных вопросов, касающихся разноаспектного описания языковой системы как в синхронии, так и в диахронии. Лингвистическая концепция, разработанная Фердинандом де Соссюром, включала в себя рассуждения о внутренней лингвистике, которую, по мнению автора, можно разделить на лингвистику языка (*la linguistique de la langue*) и лингвистику речи (*la linguistique de la parole*). В таком противопоставлении была четко обозначена «двойственность объекта лингвистики» и приведена авторская характеристика языка в «узком» понимании этого явления [7]. С подобной проблематикой были связаны и многие другие лингвистические концепции, но даже при всей условности терминов *язык* и *речь*, представленных в разных научных разработках учёных, определение этих понятий неизбежно имело «соссюровский привкус» [3, с. 12]. Следует отметить и другой очень важный факт: точка зрения на дихотомию «язык – речь», изложенная Ф. де Соссюром, четко обозначила речевую деятельность человека как сферу особого внимания и изучения. Коммуникативная лингвистика как наука подчеркнула необходимость исследователей не только выделить и описать специфические единицы коммуникации, но и изучить условия их актуализации в речи, установить психологические основы использования некоторых высказываний в соответствии с различными социально-психологическими ситуациями, а также определить роль экстра- и собственно лингвистических факторов в формировании структурно-семантических и функциональных особенностей таких синтаксических конструкций. Их характеристика требовала поиска новых подходов и новых теоретических формулировок.

В начале XX века известные ученые-синтаксисты уже отмечали в русской разговорной речи присутствие таких лингвистических единиц, которые по многим параметрам отличались от обычных предложений и не включались в их состав. По своей структуре некоторые из них были близки неполным предложениям. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, например, объединил их под общим названием «Слова, находящиеся вне предложения, но при нём, и отдельные выражения, не примыкающие к нему» [5, с. 292]. Позднее А. М. Пешковский также обратил внимание на «слова и словосочетания, не образующие ни предложений, ни их частей» [6, с. 404–411]. Б. П. Ардентов в составе классификации простых предложений также чётко выделил подобные структуры, которые оказались «за бортом грамматики». «Средством сообщения они быть не могут, – утверждал он, – поскольку «ими ничего нельзя высказать» [1, с. 65]. Термин *предложение* Б. П. Ардентов предлагал заменить более точным, по его мнению, понятием – *речение* и такие эквиваленты предложений, «содержание которых нельзя разложить на отдельные компоненты», соотнести с одной *синтагмой* [1, с. 63–65].

Следует отметить, что в наше время эквиваленты предложений изучены мало. Это подтверждается и малочисленностью научных исследований по этой тематике, и многообразием терминов, которые используются по отношению к таким необычным синтаксическим структурам: их называют *нечленимые предложения, слова-предложения, квазипредложения, релятивы, коммуникаты, коммуникемы, коммуникативы* и др. Многие из этих понятий употребляются как в широком, так и узком значениях, но единого терминологического аппарата для таких единиц в современной науке пока не существует. Впервые термин *коммуникативы* был использован В. Ф. Киприяновым [4, с. 92], который рассматривал их как синтаксические единицы системы речи, связанные с коммуникативным процессом. Основное их содержание, по мнению учёного, заключается в выражении реакции на различные элементы ситуации общения, т. е. они являются важной частью «реактивного регистра» русского языка. Под *коммуникативами* также можно понимать фразеологизированные синтаксические единицы, которые имеют нулевую или дефектную грамматическую парадигму и выражают эмоциональную реакцию говорящего на факты лингвистического или экстралингвистического порядка. Их разнообразие отмечается, прежде всего, в разговорной диалогической речи: – Вам дать лекарство? – **Что вы, что вы! Не стоит беспокоиться! Я справлюсь сама;** – Студенты вашей группы снова не готовы к занятиям! – **Ох уж эти мне магистры! Надо срочно проводить собрание;** – А когда будет зачет по русскому языку? – **Ну ты даёшь! Мы же неделю назад всё сдали;** – А ты знаешь, что тебе не назначили стипендию в этом семестре? – **Да ладно! У меня нет троек!;** – Я не пойду с тобой в библиотеку. – **Вот те раз! Но мы же договорились!** и под. Как единицы речи коммуникативы по самым простым грамматическим

характеристикам существенно отличаются от простых предложений тем, что имеют дефектную или нулевую грамматическую парадигму и характеризуются только модальной пропозицией. Они могут быть выражены не только междометными и модальными словами, служебными частями речи, но и именами существительными и глаголами. Полнозначные слова в таких образованиях, как правило, подвергаются десемантизации [8]. В языковом сознании человека коммуникативы закреплены в готовом виде и в процессе речи не требуют активизации его когнитивных основ: содержание всей конструкции принимается целиком. Например: – *Я только что из больницы. Отца прооперировали. – Да ты что?!* Это выражение реализовалось в момент речи, когда ассоциативный механизм извлёк из памяти человека устойчивую фразу, которая в его представлении была связана с часто повторяющейся ситуацией удивления чему-либо, с реакцией на неожиданное сообщение (в данном случае негативное). Подобные конструкции А. М. Пешковский когда-то называл «шаблонами», которые усваиваются человеком с детства.

Изучение коммуникативов в составе русской разговорной речи может быть связано и с диахроническим аспектом. Необычная структура таких синтаксических единиц могла бы стать полезным материалом для описания действия речевой компрессии и рассматриваться как разновидность процесса экономии средств, что, как известно, характерно только для речевых построений разговорного характера.

Список литературы

1. Ардентов Б.П. Основы русской грамматики / Б. П. Ардентов. – Кишинёв : Государственное издательство «Картя Молдовеняскэ», 1962. – 79 с.
2. Будагов Р.А. Портреты языковедов XIX-XX вв. Из истории лингвистических учений / Р.А.Будагов. – М.: Наука, 1988. – 320 с.
3. Звегинцев В.А. Предложение в его отношении к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М.: Издательство МГУ, 1976. – 307 с.
4. Киприянов В.Ф. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. Учебное пособие к спецкурсу / В. Ф. Киприянов. – М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1983. – 101 с.
5. Овсянко-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка / Д. Н. Куликовский. – СПб., 1902. – 312 с.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 511 с.
7. Сосюр Ф. Курс общей лингвистики // Хрестоматия по общему языкознанию / Сост. Л.П.Иванова. – К. : Освіта України, 2008. – С. 385–437.
8. Янышевская В. В. Проблемные вопросы статуса вокатива в истории грамматической системы украинского языка / В. В. Янышевская // VI Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа : Изд-во Уфимского филиала ФГБОУ «МГТУ им. М. А. Шолохова», 2012. – С. 201–204.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К СРЕДСТВАМ ВЫДЕЛЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Гапонова Т.Н., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства
и архитектуры», г. Макеевка, ДНР
gaponovatn@gmail.com

Актуальное членение являет собой автономный аспект предложения, направленный в речь. Оно не совпадает с формально-синтаксическим членением по многим признакам. Прежде всего актуальное членение предусматривает разделение предложения на две части – тему и ремы, тогда как формально-синтаксическое членение ориентировано на какое-либо количество членов предложения [1, с. 65].

Для разграничения темы и ремы и особенно выделения ремы (главнейшего, коммуникативного центра, ядра) в высказывании используют разные средства выражения. Для выделения тематического и рематического компонентов высказывания исследователями используются разные критерии, спектр которых является достаточно широким. Но следует отметить, что большинство из них не могут применяться при определенных обстоятельствах и поэтому рассматриваются лишь как вспомогательные средства выделения темы и ремы. Как показали исследования, оправданным является комплексный подход, который предусматривает одновременное применение нескольких средств выделения компонентов АЧП.

Так, А. А. Загнитко основными средствами АЧП называет порядок слов и интонацию, отмечая при этом, что "оба средства действуют вместе, потому их можно объединить и назвать комплексным средством выражение АЧП" [4, с. 148].

И. Р. Выхованец, систематизируя средства выражения темы и ремы, распределяет их на фонетические, синтаксические и лексико-грамматические [3].

Детерминант – категория уровня предложения и характеризуется особенной детерминантной связью. Связь детерминанта с предикативной основой является непредсказуемой и необязательной: *Второго дня везде было тихо и все ходили вялые* (И. Малик). Словоформы *второго дня, везде* являются семантически непредсказуемыми и выполняют функцию детерминантов.

Среди детерминантов по семантике А. А. Загнитко выделяет: 1) фоновые детерминанты, 2) детерминанты обусловленности, 3) детерминанты с характерным значением [4, с. 185].

Фоновые детерминанты выполняют атрибутивную функцию относительно всего высказывания и являются своеобразными экспозициями к нему. Они объединяют локальные и темпоральные детерминанты: *Везде были, все видели, а с Артеком разминулись* (О. Гончар); *Везде образцовый порядок и все на своем месте* (Е. Гуцало).

Детерминанты обусловленности называют ситуацией, событие, которое находится в отношении обусловленности с основным событием. Они разделяются на детерминанты причины, цели, уступки, условия и следствия, напр.: *При упоминании о ней уши одного из ребят покраснели, и от одной девушки это не скрылось* (Е. Гуцало); *При друзьях этого не показывал, а теперь – как туча* (О. Гончар).

Детерминанты с характерным значением вмещают разнообразные оттенки качественной характеристики основного события. Детерминанты характерного типа разделяются на: 1) детерминанты с характеристикой определения: *радостно, нежно, спокойно, нервно, громко, несмело* и др., напр.: *Легко господину президенту давать категорические приказы, но как выполнить их по такому загадочному делу?* (Е. Гуцало); 2) детерминанты со значением уточнения/ограничения: *внешне, практически, фактически, психологически*, напр.: *Внешне как будто и бычок, а в действительности набитый соломой* (П. Загребельный); 3) детерминанты совокупности/раздельности: *вдвоем, коллективом, вместе с сыном, поодиночке* и под., напр.: *Вместе обдумывали это, выискивали способы, и одна из старших возрастом доярок даже предложила прибегнуть к... звездной воде!* (О. Гончар).

Следовательно, детерминируемые члены предложения входят в его состав на основе особенного типа подчинительной связи, называемой "свободным присоединением". Этот тип связи возникает только на уровне предложения, объясняя не какой-то из его главных членов или главный член односоставного предложения, не какую-либо отдельную словоформу в составе предложения, а основу в целом или все предложение в случае его распространенности. Связь эту можно сравнить с подчинительной, что возникает между дополнительными предложениями определенных семантических типов, которые касаются всей главной части. В этом заключается главное отличие связи свободного присоединения от других типов подчинительных связей, которые возникают в предложении и имеют характер примыкания. Следует отметить то, что именно это отличие делает возможным противопоставление детерминируемых членов другим распространителям, которые выделяются на базе словосочетания, имеют двусторонние отношения и определяют отдельные члены предложения, не вступая с ними в связь [2, с. 413].

Эти противопоставления не позволяют включать детерминируемые члены в разряд второстепенных, потому что в этом случае не учитывается

основной дифференциальный признак второстепенных членов предложения – характер примыкания.

Противопоставляя по основным дифференциальным признакам детерминируемые члены предложения второстепенным и главным, нельзя выносить первые за пределы предложения, поскольку они являются его структурным элементом.

Таким образом, детерминанты – это неглавные члены предложения, которые имеют характер примыкания и входят в его состав на основе связи свободного присоединения.

Следовательно, отдельность АЧП не означает его абсолютной изолированности от формально-синтаксического членения.

В сравнении с формально-синтаксическим членением актуальное членение имеет более тесные взаимосвязи с семантико-синтаксической организацией предложения. Для субъектной синтаксемы типична позиция темы, для предикативной синтаксемы – позиция ремы. Актуальное членение сбегается с семантико-синтаксическим в конструкциях, где функцию субъектной синтаксемы и темы выполняет косвенный падеж существительных, а в позиции предиката и ремы стоит соединение подлежащего со сказуемым, напр.: *Утонули партизаны на глазах, как лежали, а ее (Т) // схватили полицаи-хищники и поставили перед офицерами эссэсовцами на допрос, мокрую, битую* (О. Довженко). Однако отмеченные соотношения актуальной и семантико-синтаксической организации простого предложения не представляют общую закономерность [5, с. 210].

Следовательно, надо считаться с соотношением АЧП с грамматическим, формально-синтаксическим и семантико-синтаксическим членением, однако не отождествлять их в силу бинарности и автономности первого.

Список литературы

1. Вінтонів М. О. Категорії комунікативного синтаксису: основні підходи до аналізу / М. О. Вінтонів // Филология в пространстве культуры. – Донецк : Юго-Восток, 2007. – С. 61–69.
2. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : МГУ, 2000. – 502 с.
3. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис : підручник / І. Р. Вихованець. – К. : Либідь, 1993. – 368 с.
4. Загнітко А. П. Теоретична грамати́ка української мови : Синтаксис : монографія / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2001. – 662 с.
5. Ломтев Т. П. Грамматическое и логическое в предложении / Т. П. Ломтев // Исследования по славянской филологии : сб., посвященный памяти В. В. Виноградова / Отв. ред. В. А. Белошапкина и Н. И. Толстой. – М. : МГУ, 1974. – С. 198–219.

СОЗДАНИЕ КАТАЛОГА ДОНЕЦКОЙ ТОПОНИМИИ: ВОЗМОЖНОСТИ, РЕАЛИЗАЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Гордова Ю.Ю., д-р филол. наук
ФГУН «Институт языкознания РАН», г. Москва, РФ
gordova@iling-ran.ru

Введение. Важной частью лингвистических исследований, связанных с ономастикой (изучением собственных имен), является работа по сохранению топонимического фонда названий каждой территории, которая подразумевает сбор, фиксацию и каталогизацию географических названий. В российской ономастике такая деятельность ведется давно. По примеру первых топонимических каталогов П.Л. Маштакова (по бассейнам Днестра, Южного Буга и Дона, 1917, 1931, 1934), Г.П. Смолицкой (по бассейну Оки, 1976 [6]) в последние годы были созданы несколько каталогов, охватывающих разные территории России, в частности, каталог топонимов Рязанской области [4], каталог гидронимов бассейна реки Мсты [1]. Помимо решения основных задач исследования – сбора и систематизации топонимов, в ходе составления списков решаются и задачи методологического характера, то есть определяются источники материала, разряды топонимов, которые могут быть включены в список, принципы их подачи, направление движения списка, система условных обозначений и другие важные вопросы. Выработана общая концепция каталога, наиболее оптимальная для современных условий. Данной технологией может воспользоваться донецкая топонимика, особенно с учетом того, что значительная часть представленных здесь названий являются русскими по происхождению и образованы в соответствии с нормами и именными традициями русского языка.

Целью работы является демонстрация возможностей и перспектив реализации идеи составления каталога топонимов Донецкой земли по предлагаемой методике.

Основная часть. Из трех возможных принципов подачи топонимического материала: «алфавитного», «административного», «гидрографического», – последний является наиболее удобным для лингвистики: он позволяет расположить названия в списке в географической последовательности, относительно водных объектов (они в меньшей степени подвержены временным изменениям), без разрыва сложившихся в каждом районе топонимических общностей (это удобно для анализа). Основные правила составления каталога и система условных обозначений подробно изложены нами в монографии «Актуальные способы обработки и представления ономастических данных. 2009-2018»

[3, с. 28-47]. Список донецких топонимов, построенный по данной технологии, может выглядеть следующим образом.

Р. **Кальмиус** (впадает в Азовское море) – река: др.-р. Калькъ, Калка (XIII в.), Кальмиус (XVI в.).

П. Ясиноватая (у истока р. Кальмиус) – город

1.Р. Верхнекальмиусское водохранилище

П. Минеральное (п.б. р. Кальмиус) – поселок

П. Яковлевка (п.б. р. Кальмиус) – село

П. Донецк (п., л.б. р. Кальмиус) – город: пос. Юзовка (вт. пол. XIX в.),

г. Юзовка (1917), г. Сталино (1924), г. Донецк (с 1961).

1.Р. /-----/ (п.п. р. Кальмиус)

1.Р. /-----/ (л.п. р. Кальмиус)

1.Р. /-----/ (п.п. р. Кальмиус)

2.Р. Путиловский став

1.Р. /-----/ (п.п. р. Кальмиус)

1.Р. Нижнекальмиусское водохранилище

1.Р. /-----/ (л.п. р. Кальмиус)

1.Р. Дурная (п.п. р. Кальмиус)

2.Р. Бахмутка (п.п. р. Дурная)

2.Р. Бабакова (п.п. р. Дурная) – бал.

3.Р. Первый питьевой пруд

3.Р. Чистые пруды

Донецкое море (п.с. р. Кальмиус) – водохранилище

1.Р. Широкая (п.п. р. Кальмиус до 1967 г., русло перекрыто плотиной)

2.Р. /-----/ (л.п. р. Широкая)

2.Р. /-----/ (л.п. р. Широкая)

3.Р. Песчаный – пруд

2.Р. Кирша (вдоль течения р. Широкая) – пруд

1.Р. Богодухова (л.п. р. Кальмиус)

1.Р. /-----/ (л.п. р. Кальмиус)

П. Ларино (л.б. р. Кальмиус) – пгт

П. Павлоградское (л.б. р. Кальмиус) – село

П. Придорожное (п.б. р. Кальмиус) – село

П. Менчугово (л.б. р. Кальмиус) – поселок

П. Манжиков Кут / Калинина (п.б. р. Кальмиус) – поселок

1.Р. Грузская (л.п. р. Кальмиус) и т.д. до устья главной реки

Основным источником материала послужили Яндекс-карты (<https://yandex.ru/maps/-/CGWkIGki>). Приведенный выше фрагмент не претендует на научную полноту, он лишь является демонстрацией возможности применения разработанного шаблона к донецкому топонимическому материалу. Условное обозначение /-----/ говорит о том, что топоним нуждается в уточнении, так как небольшие природные объекты (речки, урочища) часто отмечаются на картах без имен, установить эти имена можно только при помощи местных жителей, поэтому работа над каталогом, как правило, всегда сопряжена с полевыми исследованиями.

Следует также понимать, что разработанная концепция каталога не является догмой. Отдельные ее положения всегда корректируются

конкретными физико-географическими условиями того региона, топонимия которого является предметом сбора и изучения, и творческого подхода в этой работе не избежать. Всегда будут встречаться объекты, которые не укладываются в понятие типовых: по расположению, принадлежности к водному бассейну и т.д., поэтому только составитель каталога решает, как поступить в той или иной ситуации, как расположить нетипичное название.

Примером такого объекта может служить так называемое *Донецкое море*, искусственный водоем, построенный в 1960-х гг. на месте карьера, богатого родниками, и русла р. Широкая, воды которых постепенно и заполнили углубление [2]. С одной стороны, данный объект не связан с течением главной реки Кальмиус, что затрудняет поиск места для топонима в каталоге, с другой – соотносим с рекой Широкой, которая до построения «моря» все же являлась правым притоком Кальмиуса. Этот пример показывает, что каталогизация топонимов является не только полезным, но и крайне увлекательным научным занятием, чем-то схожим с расследованием.

Перспективы. Каталог топонимов позволил бы сохранить фонд географических названий Донецкой земли, в дальнейшем можно было бы использовать собранные материалы в общем каталоге и атласе географических названий Русского мира. Многие представленные на данной территории названия входят в топонимические ареалы, которые распространены на обширной территории Восточно-Европейской равнины. Наличие таких ареалов позволяет говорить об общности топонимических, языковых и культурных традиций разных областей, о повсеместном распространении здесь в прошлом тех или иных материальных культур. В частности, гидроним *Кальмиус* по своим формальным показателям (финальной части) входит в ареал топонимов на -ус, распространенный на большой территории Восточной Европы, данный ареал предположительно связывают с представителями культур шнуровой керамики и боевых топоров эпохи бронзы и с индоевропейской языковой семьей (возможно, протобалтославянами), хоть это и не укладывается в существующие трактовки происхождения гидронима [5, с. 181]. Названия верхних пластов донецкой топонимической стратиграфии сопоставимы и с ареалами русской, и с ареалами украинской топонимии (по моделям и апеллятивной базе), их картографирование и объяснение представляет значительный научный интерес.

Заключение. Российские топонимисты готовы оказать всяческую помощь в составлении и издании каталога донецких топонимов по разработанной технологии и дальнейшей интеграции полученных сведений в материалы обобщающего каталога и атласа. Осуществление такого проекта может стать одним из способов научного взаимодействия Донецка и Москвы.

Список литературы

1. Васильев В. Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: Свод названий и анализ микросистем. М. : Языки славянских культур, 2017. – 344 с.

2. Волны Донецкого моря. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://062.ua/articles/putevoditel/volny-doneckogo-morya>. Дата обращения: 12.09.2019.

3. Гордова Ю. Ю. Актуальные способы обработки и представления ономастических данных. 2009-2018. – М. : URSS, 2019. – 124 с.

4. Гордова Ю. Ю. Топонимия Рязанской области (список географических названий). – Рязань: «Рязань. Мир». Часть I: Современная топонимия. – Вып. I: Территория бассейна реки Прони. – 2010. – 72 с.

5. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. – М. : Русские словари : Издательство Астрель, Издательство АСТ, 2002. – 512 с.

6. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер. – М. : Наука, 1976. – 454 с.

УДК 81.119 + 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА ОСЕНИ В ЦИКЛЕ «ОСЕННИЙ ВИХРЬ» С. ГОРОДЕЦКОГО

Дмитриева Ю.Л., канд. филол. наук

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

iksta_aravar@mail.ru

Введение. В современных исследованиях, направленных на изучение лингвокультуры, выделяются и описываются особенности и базовые образы художественной картины мира писателей, чьи произведения способствуют трансляции культурных доминант следующим поколениям. Одним из таких образов в поэтическом наследии многих авторов является осень. С этой порой времени связаны разнообразные представления (см. [3, с. 568–570]).

Образ осени как времени года, поры любви и свободы актуализирован в цикле стихотворений С. Городецкого «Осенний вихрь», входящих в книгу «Дикая воля». Описание рассматриваемого образа квалифицируется нами как динамическое (ср. значения вербальных знаков *вихрь, пожар, горящий лес, огонь, закат* и др., вынесенных в заголовки произведений цикла. В каждом из них содержится сема «движение, процесс, деятельность»). Стихотворения цикла создают единый образ осени: её начала, длительности и окончания. Что позволяет говорить не об образе осени, а об образном ландшафте (терминосочетание Б. М. Гаспарова).

Целью настоящего исследования является выделение и описание средств экспликации образа осени в цикле «Осенний вихрь» С. Городецкого.

Основная часть. Исследования, направленные на определение языковых средств, эксплицирующих базовые образы, или образные

ландшафты, художественной картины мира писателя позволяют выявить и описать особенности интерпретации явлений среды, в которой человек проходит социализацию, формируется как личность и член этноса.

В тексте произведений С. Городецкого образ осени эксплицирован вербальными знаками *осень* (словоформа использована 5 раз в текстах цикла), *осенний* (имя прилагательное употреблено 4 раза в стихотворениях цикла), синтаксической конструкцией *поздняя осень* и др. Кроме того, рассматриваемый образ объективирован словами и словосочетаниями со значением цвета или оттенков, свойственных данному времени года: *желтизна, золотой, жёлтый, золотиться, розовеет, жёлто, рыже, буро, ало, лиственный багрянец, пламенный жар, бурые листья, омытый кровью* и др.

Отметим, что образ осени в сознании поэта ассоциируется и тесно связан с образами огня и пожара. В текстах С. Городецкого вербализованы метафорические модели «осень → огонь», «осень → пожар». Данный перенос основан на тождестве цветовой гаммы лиственного покрова деревьев и пламени. Ср.: *С каждым часом нестерпимей / Леса пламенного жар* [1, с. 205]; *Сковала / Огненным кольцом лесов* [1, с. 206].

Кроме того, в стихотворениях поэта репрезентирована метафорическая модель «осень → вихрь». Основанием для отождествления гетерогенных сущностей онтологического мира является динамика образа осени, а также процесс опадения листьев. Например: *Как себя роняют листья / Вихрем золотым* [1, с. 203]; *Листья, сорванные вихрем, / Вихрем падают ко мне* [1, с. 204]; *Вихрь осенний!* [1, с. 210]. Значение «процессуальности, динамики» выражается автором и с помощью риторических вопросов, указывающих на предыдущее состояние описываемых объектов онтологического мира. Ср.: *Вон береза золотится, / Зеленела не она ль?* [1, с. 205]; *Вон осина розовеет. / Не была ли зелена?* [1, с. 205]; *Вон и клен, омытый кровью, / Уж не клен ли не зелен?* [1, с. 205]. Использование глаголов со значением «приобретение / утрата цвета» (*золотиться, зеленеть, розовеет*), а также причастного оборота *омытый кровью*, т.е. ярко-красный, и составного именного сказуемого *зелен* создаёт антитезу: автор предлагает читателю сравнить цветовую гамму объектов реальности, а также акцентирует внимание на процессе быстрой смены цвета кроны деревьев, что характерно только для осени как поры увядания.

В заключении стоит отметить, что образ осени в цикле «Осенний вихрь» репрезентирован как прямыми номинациями *осень, осенний*, так и использованием лексем со значением цветов, свойственных данной поре года, синтаксическими конструкциями, описывающими динамичность рассматриваемого образа. Индивидуально-авторское видение образа осени, отображённое в текстах цикла, основано на традиционных для русской лингвокультуры представлениях и требует дальнейшего детального изучения.

Список литературы

1. Городецкий С. Осенний вихрь // Избранные сочинения. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 203–210.
2. Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 3. – С. 67–73.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь [в 5-ти т.] ; Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3: К (Круг)–П (Перепёлка). – М.: «Международные отношения», 2004. – 693 с.

УДК 81'23:070

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ РУССКОЯЗЫЧНЫХ КОМИКСОВ

Емельяненко А.В., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

yemelyanenko84@gmail.com

Интерес к комиксу как новому виду креолизованного текста в мировой лингвистике проявился относительно недавно. Т. Ф. Семьян и Л. А. Юдин отмечают, что до середины XX века комикс практически не изучался. В середине века ситуация изменилась – комикс становится предметом изучения. Первое цельное научное исследование феномена комикса появилось лишь в последней четверти XX века в США. Относительно других искусств, комикс – явление новое и не имеющее единой и общепринятой теоретической базы. Несмотря на внушительное количество исследований, статус этого типа текста до сих пор окончательно не определен. Однако в плоскости исследований по русистике комикс по большому счету до сих пор остается *terra incognita*. В современном российском языкознании всё ещё не существует достаточно глубоких и всеобъемлющих работ, объектом исследования которых являлся бы *комикс* в целом или *русскоязычный комикс* в частности. Всё сказанное обуславливает **актуальность** исследуемой темы.

Объектом исследования является комикс как коммуникативный феномен, а **предметом** – структурные типы русскоязычных комиксов.

Цель работы – определить специфику структуры русскоязычных комиксов.

Материалом исследования послужили работы отечественных комиксистов: И. Горюча, А. Гудима, А. Лемовой, Н. Машрумовой, О. Тищенко. Всего проанализировано 653 креолизованных текста, в том числе 21 карикатура и 632 комикса.

В рассматриваемом материале преобладают многокадровые комиксы: 573 текста (90,7 %). Однокадровых комиксов значительно

меньше: 59 текстов (9,3 %). Подобное соотношение наблюдается и при анализе творчества отдельных комиксистов (таблица 1).

Таблица 1

Структурные типы анализируемых комиксов

Автор	Однокадровые комиксы	Многокадровые комиксы	Всего комиксов
<i>И. Горюч</i>	2 (2,6 %)	76 (97,4 %)	78
<i>А. Гудим</i>	10 (10,9 %)	82 (89,1 %)	92
<i>А. Лемова</i>	9 (12,5 %)	63 (87,5 %)	72
<i>Н. Маирумова</i>	25 (19,1 %)	106 (80,9 %)	131
<i>О. Тищенко</i>	13 (5 %)	246 (95 %)	259
Итого	59 (9,3 %)	573 (90,7 %)	632

Примечательно, что у О. Тищенко встречаем такой авторский неологизм, как *монокомикс*. Сам автор интерпретирует его так: «Прежде чем мои сюжеты превратятся в графические истории, они некоторое время живут внутри головного мозга в виде своего рода облака слов. И в этот момент, когда эти слова конденсируются в конкретные фразы, их надо немедленно зафиксировать, иначе они снова рассыпятся и соберутся в другом порядке или, что случается чаще, вытеснятся новой идеей. Иногда эти фразы превращаются в комиксы из одной картинки. Такие сюжеты я называю монокомиксами» (рисунок 1). Таким образом, понятие *монокомикс* не тождественно понятию *однокадровый комикс*: первый является особой разновидностью второго, а значит, можно говорить об эволюционной цепочке *однокадровый комикс* – *монокомикс* – *многокадровый комикс*. Второй элемент цепочки отличается от первого тем, что сам автор осознает концептуальный потенциал определённого кадра для дальнейшего генерирования некоторой последовательности кадров, т. е. для создания многокадрового комикса.

Рис. 1. О. Тищенко «Монокомиксы»

Важно подчеркнуть отличие однокадрового комикса от карикатуры. Во-первых, комикс, как правило, воспроизводит не одну ситуацию, а несколько, пусть и в рамках одного рисунка. Например, маркерами наличия второй ситуации могут выступать филактеры: невербальными средствами задаётся изначальная ситуация, а ситуация, возникшая в результате реакции персонажа, отображена в вербальном компоненте – реплике. Во-вторых, персонажи и / или тема однокадрового комикса часто воспроизводятся и в других произведениях автора, т. е. комиксу в большинстве случаев свойственна серийность. В-третьих, как вспомогательный критерий разграничения комикса и карикатуры может выступать авторская идентификация типа текста. Например, само название сообщества, где художник выкладывает свои работы («Настенькины комиксы»), или рефлексия автора на тему, как именно следует интерпретировать его произведения.

Итак, в исследованном материале преобладают многокадровые комиксы. Однокадровых комиксов значительно меньше. Данный структурный тип представлен двумя видами – собственно однокадровыми комиксами и монокомиксами. Однокадровые комиксы следует отличать от карикатур и подобных типов креолизованных текстов.

Список литературы

1. Белова Т. М. Комиксы как средство выражения этнокультурных стереотипов / Т. М. Белова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Выпуск № 2–3 (62). – С. 132–136.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
3. Ейкалис Ю. А. Паралингвистические средства коммуникации в текстах современных немецкоязычных комиксов / Ю. А. Ейкалис // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – Выпуск № 11 (186). – С. 135–141.
4. Єщенко Т. А. Лінгвістичний аналіз тексту : навчальний посібник / Т. А. Єщенко. – К. : ВЦ «Академія», 2009. – 264 с.
5. Криницына Е. С. Прагматика междометий в креолизованном тексте / Е. С. Криницына // *Lingua mobilis*. – 2014. – Выпуск № 3 (49). – С. 151–155.

УДК 81'23

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА РЕКЛАМЫ

Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н.

ГУ «Институт проблем искусственного интеллекта», г. Донецк, ДНР
redakcija_intellekt@mail.ru

Введение. В настоящее время существует необходимость рассмотреть психолингвистические особенности языка рекламы. Реклама является общественно организующей силой особого порядка. Говоря о

рекламе как орудии общественного воздействия, необходимо сделать акцент на специфике речевого механизма.

Цель данной статьи – проанализировать в психолингвистическом аспекте словесно-образную специфику языка рекламы, основанную на организации систематической, лексико-семантической и лексико-стилистической работы.

Специфика языка рекламы. Специфика словесно-образного мышления состоит в том, что это мышление всегда эмоционально, то есть действует не только на воображение, интеллект, но и на моральные и эстетические чувства. Среди них выделяются методы и приемы представления рекламной продукции, которые основаны на зрительно-слуховой структуре, в результате чего в сознании человека закладывается образ с конкретным рекламируемым продуктом и восприятия слова уже привязывается к конкретному предмету или образу. В результате такого соотнесения в мозгу человека возникает предметное представление (образ предмета, воспринимаемый по памяти), отражающее данный единичный предмет во всем его конкретном своеобразии. Специфика языка рекламы подразумевает органичное единство индивидуально-авторского и общечеловеческого начал, поскольку через призму распространенных и известных образов и предметов представляется свое понимание, свою интерпретацию. В связи с этим очень важно «находить» ключевые для постижения слушателя, читателя, зрителя языковые детали и особенности.

Звуковое восприятие. Отражение прорекламированного предмета становится фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной связи с определенным звучанием и произношением. Однако недостаточно просто установить связь между звуковым комплексом и определенным предметом, необходимо, чтобы слово было соотнесено с определенным понятием, в котором заключены основные признаки данного предмета, представляющие его сущность. При определении значения слова необходимо учитывать не только отношение к действительности, к выражаемому понятию, но и к другим словам контекста. К одним из главных особенностей языка рекламы можно отнести ее воздействие на слушателя, факты действительности передаются не через прямые значения слов, а опосредованно, то есть через смысловое восприятие. К смысловому восприятию можно отнести интонационное и звуковое воспроизведение понятия или слова [1].

Зрительное восприятие. Вначале необходимо некоторое множество конкретных образов, далее этот процесс предполагает анализ образов, их существенных и несущественных признаков. В процессе построения рекламного ролика подбор слов нужно проводить по определенному плану, позволяющему уделять внимание контекстуальным и лексическим синонимам, позволяющим избегать однообразия в тексте, расставить акценты на отдельных свойствах и признаках предмета.

Анализ. Высокие требования, предъявляемые непосредственно к языку рекламы, вызывают необходимость проведения **лингвистических экспертиз**, которые основаны на организации систематической, лексико-семантической и лексико-стилистической работы. Для успешного формирования механизма рекламы, с учетом речевых навыков, необходимо учитывать, что гораздо быстрее те или иные речевые действия должны не только многократно повторяться и анализироваться, но и осознаваться. Речевые навыки предполагают языковое оформление, оформление заложенного рекламного продукта и передачу смыслового содержания. Основным показателем сформированности речевых, в том числе лексических, умений является анализ слова в соответствии со стилем, типом заявленной тематики рекламного продукта.

Создать единую схему анализа языка рекламы невозможно, так как она зависит от ряда особенностей: стиля, типа рекламы, специфики заявленного продукта, а также от возраста целевой аудитории, и вследствие этого подбор слов, фраз и выражений нужно проводить по определенному плану, позволяющему рассмотреть роль слова в создании текста. Особенно важно овладеть лексикой, так как язык рекламы представляет собой прежде всего оперирование словами. От степени усвоения лексики зависит богатство или бедность речи, умение высказаться устно или письменно. Существует несколько видов представления рекламного продукта: традиционные, без композиционных и языковых изменений, то есть выборочные или сжатые характеристики заданного образа, без больших затрат времени, которые заключаются в передаче идейно-тематического содержания. При написании сжатых, творческих, выборочных текстов учитываются особенности социальной среды, проблема единства формы и содержания. В формировании конкретных определений и понятий наблюдается некая последовательность. Вначале необходимо некоторое множество конкретных образов, так как на основе только одного предмета понятие не формируется. Далее этот процесс предполагает анализ образов, позволяющий выделять и рассматривать существенные признаки, рассматривающиеся во взаимосвязи одного и того же предмета. Совокупность этих признаков и есть понятие. Совокупность факторов, полученных психологами при исследовании вербальных механизмов, дает основание считать активизаторами лексического выбора «семантические поля», концепты. Например, семантическое поле – цвет. То есть это так называемое «чувство языка», состоящее в интуитивном поиске более точного понятия или определения в представлении образа, в зависимости от лексического значения слова в языке рекламы различаются два основных вида – свободная сочетаемость и несвободная (ограниченная достаточно строгим списком слов). В первом случае

имеется в виду сочетаемость слов с прямым, номинативным значением, она обусловлена предметно-логической природой слов. Например, слово *взять* в значении «принять в руки» сочетается со словами *ложку*, *нож* и т. п. Такие лексические связи соответствуют реальным, логическим связям и отношениям предметов, понятий, выраженных сочетающимися словами. Несвободная сочетаемость обусловлена внутриязыковыми, семантическими взаимосвязями и отношениями. Например, слово *неминуемый* сочетается со словом *провал*, но не сочетается со словом *успех*. В языке рекламы нарушения сочетаемости иногда являются преднамеренными для стилистической образности, выразительности, индивидуальности, например *железная вода* (креативная реклама минеральной воды), *кожаные очки* (имиджевая реклама очков). Поистине поразительна та избирательная сила, которой наделено языковое сознание человека, и таким образом нарушение норм лексической сочетаемости становится ярким стилистическим приемом [2].

Среди специфических словесных средств, которыми пользуются при передаче смыслового содержания рекламного продукта, можно выделить изобразительные и выразительные средства, то есть это может быть сравнение, повторение, обращение, олицетворение, восклицание и др. При неправильном, неумеренном использовании словесных средств они могут оказать пагубное влияние на восприятие увиденного или услышанного. Но ведь такая опасность грозит любому приему: каждый словесный и звуковой прием требует умения и знания того, зачем и когда им можно пользоваться, необходимых для осмысления. Рекламный продукт, основанный на более творческом подходе, например, представленный через ассоциативный ряд, дает больше простора для творческого воображения и здесь уже во главе угла ставится не образ, не конкретный предмет, а передача через слово разнообразных впечатлений от наблюдений над людьми и природой, от отношения к представленному образу. «Человеку ставится задача найти себя, свое субъективное отношение к жизни, к людям, к данному факту и воплотить это отношение в свои формы, в свои слова».

Известно, что особенности восприятия и степень понимания увиденного или услышанного зависят от ряда аспектов, например, от соотношения образного и понятийного мышления в формировании типических образов, от значения личного жизненного опыта в восприятии и понимании представленного образа, от умения применить образы к осмыслению своего опыта и явлений окружающей жизни и т.д.

Вывод. Таким образом, можно сделать вывод, что в психолингвистическом аспекте создание или воссоздание образов действует во взаимодействии языкового сознания и эмоционального фактора для обслуживания общества с помощью средств языка.

Список литературы

1. Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. Стилистика и культура речи. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kazedu.kz/referat/154070/4> (дата обращения: 25.01.2018).
2. Воробьева О. И. Своеобразие языка рекламы // Теория коммуникации. Языковые значения: Сб. науч. статей. Минск: МГЛУ, 2003.
3. Ивашко К. С. Вопросы коммуникативно-целесообразного выбора слова в методике преподавания русского языка // SCI-ARTICLE. Публикация научных статей. № 46 (июнь). 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1496119831>. (дата обращения: 25.01.2018).

УДК 81'373.2:81-112 (043.2)

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В «ЛЕКСИКОНЕ ТРЕЯЗЫЧНОМ» Ф. П. ПОЛИКАРПОВА (1704 г.)

Касьяненко Н. Е., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Kasyanenko_natusya@mail.ru

В современных лингвистических исследованиях прослеживается стойкий интерес лингвистов к вопросам ономастической науки. Следует обратить внимание на то, что проблемы исторической ономастики представляются наименее разработанными, хотя изучение собственных имен в историческом аспекте, представляется важным и необходимым. В этом плане первостепенное значение приобретают вопросы, связанные с лексикографической подачей онимов, в том числе в словарях общего типа.

Как правило, в такие словари попадает ограниченное количество собственных имен (далее СИ), что вполне объяснимо принципиальным различием семантики апеллятива и собственного имени. Если в настоящее время лексикографическая наука представлена в том числе и словарями ономастического типа, то это не снимает утверждения о том, что «теория апеллятивной лексикографии разработана значительно лучше» [5, с. 4]. Поэтому закономерным и актуальным представляется обращение к изучению традиции включения СИ в словари, учет преемственности лексикографической практики.

Одним из памятников лексикографии, который в связи со сказанным имеет смысл рассмотреть, является «Лексикон треязычный» Ф. П. Поликарпова, который, как утверждает Е. Э. Биржакова, «явился первым в России словарем в современном понимании» [1, с. 39].

Личность Ф. П. Поликарпова-Орлова (чаще Поликарпова) привлекала исследователей своей разносторонностью. Автор ряда известных сочинений, издатель, педагог, переводчик, справщик а затем

директор Московского печатного двора, Ф. Поликарпов вошел в русскую историю в том числе и как лексикограф, составивший «Лексикон треязычный» (1704 г.), – словарь, отразивший состояние русского литературного языка последней трети XVII века и ставший основой для многих научных исследований, прежде всего, в области исторической лексикографии. Помимо этого, словарь стал «одновременно изложением его взглядов на языковую ситуацию и образование в России» [3, с. 38]. Именно личность составителя, сформированная обучением в греческой школе братьев Лихудов, работой справщиком по исправлению богослужебных книг, участием в спорах о чистоте веры в кругу грекофилов, – обусловила ориентацию Лексикона на «книжно-славянскую письменную речь» [1, с. 38]. По своему типу Лексикон Поликарпова (далее ЛП) – это словарь переводной, реестр которого составляют книжно-славянские слова, а в переводной части содержатся их греческие и латинские соответствия.

По подсчетам Ю. К. Якимович, ЛП содержит около 27000 слов [7, с. 29], а Т. Д. Якубович в диссертационном исследовании называет 19 712 словарных статей (см. об этом в [1, с. 39]). На этом фоне онимы в ЛП занимают ничтожно малое место – 54 слова, что составляет 0,2 %.

Объекты собственных имен, представленных в составе реестровой части ЛП, как показывает анализ, различны. В числе основных разрядов онимической лексики зафиксированы антропонимы (*Адам, Эммануил*), топонимы в их разновидностях (*Иордан, Венеці# градъ, Море чермное, Донъ рѣка, Кавкасъ гора*), астрономы (*Вечерняя звезда*), мифонимы (*Зевс, Вахх*) и некоторые другие. В значительном числе случаев СИ подается в словаре без какой-либо сопутствующей характеристики: *Аполлонъ, Ліванъ, Європа*. Нередко автор словаря использует рядом с онимом родовое обозначение, что абсолютно оправдано, учитывая отсутствие у него [онима. – Н. К.] связи с понятием. Еще Л. В. Щерба, рассматривая проблему включения СИ в словари общего типа, подчеркивал: «задача состоит в том, чтобы определить тот общеобязательный минимум, без которого невозможно было бы общепонятно оперировать с данным собственным именем в речи. Как мне кажется, этим минимумом является понятие, под которое подводится данный предмет, с общим указанием, что это не всякий подводимый под данное понятие предмет, а один определенный» [6, с. 66]. Ф. Поликарпов, безусловно, также это учитывал, о чем свидетельствуют следующие примеры: *Арїстотель, філосоіфъ; Ассиріа, страна; Возъ, звѣзда; Зефѳръ вѣтръ; иаворъ, гора*. Иногда рядом помещается прямое указание на объект именованного: *Асія, им# страны, Атласъ, им# мижи*.

Значительно чаще собственное имя помещается в ЛП с минимальной энциклопедической информацией, отражающей разные свойства именуемого объекта: древность и «первичность» – *Римъ ветхій*,

всего, лексическая), что, несомненно, обуславливает ценность данного памятника для современной ономастической лексикографии.

Список литературы

1. Биржакова Е. Э. Русская лексикография XVIII века / Е. С. Биржакова / Российская Академия наук; Институт лингвистических исследований. – СПб. : Нестор-История, 2010. — 212 с.
2. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб пособие / В. В. Дубичинский. – М. : Флинта, 2008. – 432 с.
3. Львова И. П. Из истории просвещения в России в эпоху Петра Великого (Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов) / И. П. Львова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – 2008. – Вып. 2. – С. 36–42.
4. [Поликарпов Ф. П.] ЛЕХІКОНЪ ТРЕЗЫЧНЫЙ, СИРЪЧЬ РЕЧЕНІЙ СЛАВЕНСКИ(Х) ЄЛЛИНОГРЕЧЕСКИ(Х) И ЛАТИНСКИ(Х) СОКРОВИЩЕ...– [М. : Печат. Двор, 1704]. – 8, 206, 189 л.
5. Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография / В. Э. Сталтмане / Отв. ред. А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1989. – 115 с.
6. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Т. 1. – Л., 1958. – С. 54–91.
7. Якимович Ю. К. Деятели русской культуры и словарное дело / Ю. К. Якимович. – М. : Наука, 1985. – 160 с.

УДК 81'366

ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМАТИКИ ФАМИЛИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Новикова Ю. Н., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства
и архитектуры», г. Макеевка, ДНР
nova79@yandex.ru

Парадигматика фамилий в современном русском языке имеет свои особенности, при этом подчиняется и общим закономерностям, характерным для словоизменения имён нарицательных. Систему словоформ, образующих одну лексему, называют *морфологической парадигмой* [1, с. 252].

Предметом нашего исследования являются некоторые особенности и сложности склонения фамилий в современном русском языке.

Несмотря на то, что данная тема достаточно изучена (Розенталь Д. Э., Граудина Ф. Л., Ицкович В. А., Катлинская Л. П., Суперанская А. В., Калакуцкая Л. П. и др. учёные), склонение фамилий вызывает немало трудностей даже у носителей русского языка.

Главный редактор портала «Грамота.ру», канд. филол. наук В. М. Пахомов выделяет три основные особенности, на которые следует

обратить внимание при склонении фамилий: а) склонение фамилий подчиняется законам грамматики языка, и, если конечный элемент фамилии поддается русскому словоизменению, она склоняется; б) если фамилии оканчиваются на согласный, то мужские склоняются, а женские нет; в) совпадение фамилии по форме с нарицательными существительными не является препятствием для их склонения [3].

Рассмотрим эти особенности подробнее (на примере фамилий жителей города Донецка) [2].

1. Склонение стандартных фамилий на *-ов/-ев, -ин/-ын, -ский/-цкий* подчиняется общим правилам и не вызывает трудностей у носителей языка (*Князев – Князева, Князеву; Дьяков – Дьякова, Дьякову; Федин – Федина, Федину; Заярский – Заярского, Заярскому; Кудрявский – Кудрявского, Кудрявскому*). При этом следует обратить внимание на заимствованные фамилии на *-ов, -ин*, принадлежащие иностранцам. В форме творительного падежа они имеют окончание *-ом*: *Шерин – с Шерином, Цейтин – с Цейтином, Тацин – с Тацином, Собин – с Собином, Ружин – с Ружином*. Так же склоняется псевдоним *Грин*, принадлежащий русскому писателю: *Грин – с Грином*. Фамилии на *-ов, -ин*, принадлежащие русским, в форме творительного падежа имеют окончание *-ым*: *Коржов – с Коржовым, Корнеев – с Корнеевым, Феклушин – с Феклушиным*.

Требуют внимания и женские фамилии на *-ина* (*Дружина, Перина, Дубина, Причина, Жемчужина*). Их склонение зависит от аналогичной мужской фамилии:

мужская – *Дружин* (форма притяжательного прилагательного), женская – *Дружина*, Р.п. кого? *Анны Дружиной*;

мужская – *Дружина* (форма нарицательного существительного *дружина*), женская – *Дружина*, Р.п. кого? *Анны Дружины*.

2. В русском языке все мужские фамилии, которые оканчиваются на согласный (кроме фамилий на *-ых, -их*), склоняются; все женские фамилии на согласный не склоняются (*Золотарь, Кушнир, Косарь, Мельник, Назим, Касим*). Пример парадигмы склонения:

И. Иван Гончар Анна Гончар

Р. Ивана Гончара Анны Гончар

Д. Ивану Гончару Анне Гончар

В. Ивана Гончара Анну Гончар

Т. Иваном Гончаром Анной Гончар

П. об Иване Гончаре Анне Гончар

3. Параллельные варианты возможны при склонении мужских фамилий, оканчивающихся на согласный *й*, если ему предшествует гласный *и* или *о*. Их склоняют или: 1) как существительные с нулевым окончанием (*Тупчий – Тупчия, Тупчию; Ручий – Ручия, Ручию; Плукчий – Плукчия, Плукчию; Кучий – Кучия, Кучию*; женская на согласный не изменяется), или: 2) как прилагательные с окончаниями *-ий, -ой* (*Тупчий –*

Тупчего, Тупчему; Ручий – Ручего, Ручему; Плукчий – Плукчего, Плукчему; Кучий – Кучего, Кучему; женская Тупчая – Тупчей, Тупчую; Ручая – Ручей, Ручую; Плукчая – Плукчей, Плукчую; Кучая – Кучей, Кучую).

Если же согласному *й* предшествует любой другой гласный, склонение фамилии подчиняется общим правилам изменения фамилий на согласный (*Иван Бугай – Ивана Бугая, Мария Бугай – Марии Бугай; Иван Загоруй – Ивана Загоруй, Мария Загоруй – Марии Загоруй; Иван Вертай – Ивана Вертая, Мария Вертай – Марии Вертай*).

4. Русские фамилии, оканчивающиеся на *-ых, -их* (*Бледных, Безденежных, Береговых, Беспалых, Беспечальных, Бесфамильных, Бодрых, Боярских, Великих, Глухих, Грешных, Дюжих, Золотых, Лихих, Косых, Крепких*), а также все фамилии, оканчивающиеся на гласные *е, и, о, у, ы, э, ю* (*Штенге, Винне, Сарри, Хури, Магри, Пури, Вакули, Дели, Бузовари, Аурсалиди, Броди, Васалови, Петкау, Гросу, Жосу, Бодю*), не склоняются. Пример парадигмы склонения:

И. Михаил Черемных Наталья Седых Андрей Ли Алина Урсу
Р. Михаила Черемных Натальи Седых Андрея Ли Алины Урсу
Д. Михаилу Черемных Наталье Седых Андрею Ли Алине Урсу
В. Михаила Черемных Наталью Седых Андрея Ли Алину Урсу
Т. Михаилом Черемных Натальей Седых Андреем Ли Алиной Урсу
П. о Михаиле Черемных Наталье Седых Андрее Ли Алине Урсу

5. В русском языке и мужские, и женские фамилии на *-ко* не склоняются (в отличие от украинского, где мужские фамилии на *-ко* склоняются, а женские нет). В русском языке: *Алексей Петренко, Алёна Петренко; Алексея Петренко, Алёны Петренко; Алексею Петренко, Алёне Петренко*. В украинском языке: *Олексій Петренко, Олена Петренко; Олексія Петренка, Олени Петренко; Олексію Петренкові/у, Олені Петренко*.

6. В русском языке фамилии, совпадающие с нарицательными существительными, склоняются (*Хлеб, Ребёнок, Орёл, Комар, Кухарь, Коваль, Зуб, Холод, Чуб, Лоб, Погреб, Овод, Репка, Сокол, Воробей, Казак, Ребро, Кабак*). Если такие фамилии оканчиваются на согласный, то склоняются только мужские. Пример парадигмы склонения:

И. Сергей Щука Анастасия Рука Олег Король Ольга Гусь
Р. Сергея Щуки Анастасии Руки Олега Короля Ольги Гусь
Д. Сергею Щуке Анастасии Руке Олегу Королю Ольге Гусь
В. Сергея Щуку Анастасию Руку Олега Короля Ольгу Гусь
Т. Сергеем Щукой Анастасией Рукой Олегом Королём Ольгой Гусь
П. о Сергее Щуке Анастасии Руке Олеге Короле Ольге Гусь

Параллельные варианты возможны при склонении мужских фамилий с беглым гласным (*Щавель – Щавеля и Щавля, Козел – Козела и Козла, Заяц – Заяца и Зайца, Пивень – Пивеня и Пивня, Селезень – Селезеня и Селезня, Шершень – Шершеня и Шершня, Крекотень – Крекотеня и*

Крекотня, Журавель – Журавеля и Журавля, Добридень – Добриденя и Добридня, Перевертень – Перевертенья и Петевертня, Плетень – Плетеня и Плетня, Кремень – Кременя и Кремня, Волчек – Волчека и Волчка, Дьячек – Дьячека и Дьячка, Евтушек – Евтушека и Евтушка, Крючек – Крючека и Крючка, Рыбачек – Рыбачека и Рыбачка). Предпочтительным признаётся склонение без выпадения гласного (*Казачек – Казачека*), так как этот вариант отличает форму имени собственного от формы аналогичного нарицательного существительного.

Правильное написание фамилии и употребление соответствующей словоформы крайне важно при оформлении различных юридических документов. Как и все слова, фамилия должна подчиняться законам языка.

Список литературы

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
2. Новикова Ю. М. Практичний словозмінно-орфографічний словник прізвищ Центральної та Східної Донеччини / Ю. М. Новикова / Під ред. проф. Т. Ю. Ковалевської та проф. І. Є. Намакштанської. – Донецьк : «Вебер» (Донецька філія), 2007. – 996 с.
3. Пахомов В. М. Склонение фамилий. Режим доступа : http://gramota.ru/class/istiny/istiny_8_familii.

УДК 81' 373

РАСТИТЕЛЬНЫЙ КОД В ТОПОНИМИИ ДОНБАССА

Першина К.В., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
pershinakv@mail.ru

Понятие культурного кода является одним из базовых при исследовании взаимодействия языка и культуры. Во вступительной статье к этнолингвистическому словарю «Славянские древности» его авторы так определяют данное понятие: «вторичная знаковая система, использующая разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к “картине мира”, к мировоззрению данного социума...» [5, с. 7]. Культурный код управляет номинативным процессом как в апеллятивной, так и в онимной сферах.

Донбасс заселялся и осваивался топонимически в основном носителями разных диалектов русского и украинского языков. В их языковых картинах мира и соответственно в используемых ими номинативных моделях содержатся архетипические концептуальные

компоненты, направляющие номинативный процесс, задающие принципы отбора лексических и структурных средств при создании номинативных единиц различных классов, сформированные на территориях раннего восточнославянского заселения. Эти архетипы сознания, касающиеся восприятия окружающего географического пространства, выполняют роль структурообразующих компонентов общего культурного природного кода. Одна из его составных частей – растительный (фитоморфный, флористический) код, который организует вербализацию и апеллятивного, и онимного пространства языка.

В разных отделах топонимии реализация растительного кода имеет свои особенности, обусловленные природным статусом и качественными характеристиками именуемых объектов и реалий, их социальной значимостью, прагматическим использованием, степенью участия социума в их появлении и т.д.

В данной работе представлен анализ растительного кода в топонимии Донбасса. Обращение к данной стороне топонимии края обусловлено несколькими факторами: разнодиалектность первых поколений осваивавших и номинировавших эту территорию, природно-географические условия (степная засушливая зона), в которых ярко проявляется понимание жизнеорганизующей силы и значимости растительности и воды, постоянно возрастающий в XX в. уровень урбанизированности и самой территории, и сознания значительной части населения, связанного с крупным промышленным производством, что неизбежно должно было приводить к ослаблению земледельческой компоненты языкового сознания личности.

В гидронимии Донбасса (к ней причисляем и микрогидронимы) растительный код занимает важное место. Его реализация связана с отбором в качестве производящих слов общеизвестной ботанической номенклатуры, отражающей фрагменты растительности по берегам водных объектов. Наиболее востребованными являются названия древесных пород и некоторых видов кустарников и травянистых растений. Например, в бассейне р. Кальмиус, по данным [2], неоднократно фиксируются гидронимы с основами лексем *дуб, ясень, липа, клен, осина, ольха, верба, калина, терн, бузина, камыш, очерет*. Их повторяемость обусловлена флористической реальностью, которая визуальна доступна номинаторам лишь на небольшом участке; оформление же гидронимных единиц подчиняется требованиям восточнославянской гидронимной нормы, что приводит к повторяемости гидронимных форм. Растительный код в гидронимии Донбасса эксплицирует, как и на других восточнославянских территориях (ср. данные в [4]), непосредственную природную смежность двух объектов, принадлежащих к разным классам (растение – берег водоема). Культурно «нагруженным» является сам факт актуализации номинаторами этой связи.

В ландшафтной хоронимии края (в нее включаем названия различных территориальных участков за пределами и внутри селений) растительный код реализуется двумя путями: а) через использование производящих апеллятивов, обозначающих наблюдаемые на участке номинации растения – *Дубки, Терны, Тополя*; б) через использование отфитонимных проприальных названий смежных природных объектов, например: урочище *Ясиноватое* < балка *Ясиноватая*. В административно-территориальных хоронимах (названия районов, в том числе городских) фитолексика в Донбассе не используется. В названиях микрорайонов, жилых массивов, участков, кварталов, колоний, коттеджных поселков основы фитонимов отражаются, но не часто. Здесь тоже может наблюдаться использование в качестве производящих единиц как отфитонимных онимов, так и апеллятивов соответствующей семантики: *Березово, Дибровка* (г. Лисичанск), *Ольховчик* (г. Шахтерск), *Калиновка* (г. Донецк), *Черемушки* (гг. Донецк, Макеевка, Дебальцево); *Красный Пахарь, Цветочный, Дубровка, Зеленый Гай* (г. Донецк).

В ойконимии растительный код носит традиционный характер. Он использовался уже в древнерусский период, ср. некоторые примеры (даем их в современном написании): *Березовец, Березуеск, Березый, Берестье, Дубен, Дубечень, Дубичи, Дубков, Дубок, Ельня, Лубень, Олешье, Гороховец, Орешек, Сосница, Чернобыль, Шумск* [1]. В целом такие названия составляют около 10 % от всех, проанализированных В. П. Нерознаком в указанном словаре. В названиях древнерусских городов отражаются фрагменты реальной фитонимии территории путем использования либо непосредственно апеллятивов, либо отфитонимных топонимов.

В Донбассе традиция использования растительного кода при номинировании селений наблюдается с самого начала формирования ойконимии края. С течением времени происходит расширение семантического диапазона используемой производящей лексики. Наряду с традиционными группами лексики (названия дикорастущих деревьев, кустарников и травянистых растений) начинают использоваться названия культурных растений, лексика, связанная с растениеводством, а также фитонимы-символы: *Абрикосовое, Виноградное, Яблуновка, Вишневое; Агробаза, Зерновое, Ягодное, Садовое, Бахчевик, Сеятель; Веселый Гай, Золотая Нива, Красный Колос, Урожайное* и др.

В XX в. растительный код в ойконимии края взаимодействует с таким же кодом в эргонимии, который проявляется в названиях сельскохозяйственных предприятий.

Список литературы

1. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов / В. П. Нерознак. – М. : Наука, 1983. – 206 с.
2. Отин Е. С. Гидронимия Северного Приазовья: монография / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2012. – 178 с.

3. Отин Е. С. Топонимия Донетчины / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2013. – 118 с.

4. Сьянова Е. И. Растительный мир в ономастической картине мира диалектоносителя (на материале смешанных русских и украинских говоров Воронежской области) / Е. И. Сьянова // Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. – СПб. : Наука, 2010. – С. 78–99.

5. Толстой Н. И. О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 5–14.

УДК 81'37

КОРРЕЛЯЦИЯ СЕМАНТИКИ ИНТЕНСИВНОСТИ И ЗНАЧЕНИЯ ОБЫЧНОГО, УЗАКОНЕННОГО ПОРЯДКА

Титаренко Э.А., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

elgol@ukr.net

Изучение категории интенсивности и механизмов интенсификации входит в широкое поле исследований языка в его прагматическом аспекте – «как формы отражения аксиологических приоритетов современного русского языкового сознания» [2, с. 152]. Согласно С. Е. Родионовой, интенсификация – это количественная модификация качества (отражающая отклонение от «нормальной» меры), делающая это качество существенным (релевантным) для говорящего и/или слушающего и выдвигающая данную форму на первый план по ее значимости. Н. А. Лукьянова отмечает, что интенсивность связана «не с любой количественной квалификацией явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение от «нормальной» меры [1, с. 56]. Нормальным при этом признается, во-первых, узаконенный, требуемый (в частности, обществом) порядок вещей, а во-вторых, – обычный, повседневный, не привлекающий к себе внимания.

Цель данной работы – на материале русского, украинского и английского языков рассмотреть лексемы со значением высокой степени признака (интенсификаторы), значение интенсивности которых реализуется посредством соотнесения с отмеченным лингвистами узаконенным порядком вещей.

Среди интенсификаторов, реализующих значение усиленного проявления признака или действия посредством указания на несоответствие действительности, общепринятым способам бытия, отметим: *небывалый: небывалое происшествие, небывалый доселе случай*

‘не случавшийся прежде’ и *небывалый успех* ‘необычайный’; *несусветный* ‘крайний в своем проявлении’: *несусветная жара, несусветная чепуха*; *невероятный* ‘неправдоподобный, представляющийся невозможным’: *невероятная новость* и ‘очень большой, значительный, чрезвычайный’: *невероятное усилие, невероятный успех, невероятная боль*; также *невероятно, до невероятности* ‘очень’: *до невероятности глупый*. Показательна в данных примерах приставка *не-* как непосредственно указывающая на несоответствие быту или жизненным правилам, представлениям говорящего. Ср. также *невозможно* ‘слишком’ *невозможно упрямый человек*; *Там была до невозможного обнаженная красавица Лидия* (Толстой); *необычайный* ‘сильный по степени проявления’: *с необычайной суровостью, необычайно* ‘очень’: *необычайно быстро*; *неимоверный* ‘чрезмерный’, *неимоверно* ‘характеристика чего-либо как чрезвычайно большого’: *неимоверно умный*; *Солнце пекло неимоверно* (Рыбак); *до неимоверности, в неимоверной степени* ‘очень’; *до невозможности* ‘чрез меру’: *смешлив до невозможности*.

В украинском языке среди интенсификаторов, реализующих значение усиленного проявления признака или действия посредством указания на несоответствие действительности, отметим: *несосвітений, несусвітний* и *несосвітений* ‘сильный своим проявлением; слишком большой, значительный’; *небувалий* ‘невиданный’: *небувалий урожай*; *несвітський* ‘очень сильный, значительный силой своего проявления’: *Хай несвітський сором До тебе прийде сам* [Шекспир. Перевод с англ. М. Рыльского]; *неймовірний, неможливий* ‘очень сильный, большой’.

В английском: *real* ‘реально существующий, действительный’ и разг. ‘весьма, очень, совсем’ *She's real unreal* [Она вся такая необыкновенная!, букв. реально нереальная]; *improbable* ‘невероятный’ при *probable* ‘вероятный’; *incredible* ‘неслыханный, потрясающий’: *the noise from the crowd was incredible* (невероятный шум толпы) при *credible* ‘правдоподобный’.

Обозначение значительной степени проявления признака посредством указания на несоответствие нравственным нормам жизни иллюстрируют примеры: *до неприличия талантлив, до неприличия запущенное дело*; *приличный* ‘достаточный, достаточно хороший’: *приличный заработок, приличное количество народу*; *донельзя* ‘очень’: *он глуп донельзя, наелся донельзя*; укр. *до непристойності*, англ. *immensely* ‘очень’ (при шотл. *tense* ‘приличия’), *obscenely* ‘неприлично’ и ‘до неприличия’: *He's obscenely rich* [Он до неприличия (очень) богат]. Стоит отметить, что соответствие положительным нравственным нормам и оценкам также коррелирует со значением интенсивности: рус. *порядочно* ‘довольно много, значительно’: *порядочно надоел*; *В избе-читальне собралось народу порядочно* (А. Платонов), *порядочный лентяй* (т. е. большой лентяй); *хороший* ‘достаточно большой по количеству,’ разг.

отхватил хороший куш; добрый разг. ‘полномерный, не меньший чем...’. В украинском языке: *добрий* ‘значительный по размеру, количеству’, *порядно* ‘довольно много’. В английском: *a good deal* ‘много’ при *good* ‘хороший’, *in pretty number* ‘в большом количестве’ при *pretty* ‘милый, хорошенький’.

Значение превышения меры реализуется и посредством указания на уникальность, необычность реалии, события: рус. *из ряду вон, изрядный* ‘значительный по количеству, большой’: *изрядная сумма денег; исключительно* ‘особенно, чрезмерно’: *исключительно умная женщина; исключительный* ‘очень хороший’: *товар исключительного качества, исключительная слышимость; необыкновенный* ‘чрезвычайный, очень сильный’: *Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силой понятия, Ломоносов объял все отрасли просвещения* (Пушкин); <...> *свидание именно с вами необыкновенно меня радует* (Салтыков-Щедрин); укр. *винятково розумний*; англ. *unusual* ‘необыкновенный’: *unusual events* ‘необыкновенные события’, *She was a woman of unusual ability* [Она была женщиной необыкновенных способностей]; *especial* ‘особенный, исключительный’ и *especially* ‘особо, очень’.

Таким образом, в русском, украинском и английском языках значение интенсивности может реализовываться при указании на несоответствие общепринятому, возможному, обычному, действительному. Лексемы со значением положительной нравственной характеристики также используются для выражения семантики интенсивности в анализируемых языках. Перспективой исследования станет сравнительный анализ интенсификаторов, усилительное значение которых обусловлено несоответствием мерилу всех вещей – человеку, его способностям, возможностям.

Список литературы

1. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики) / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, 1986. – 231 с.
2. Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / Отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. – СПб.: Наука, 2005. – С. 150–168.
3. Электронный словарь ABBYY Lingvo x3 [Электронный ресурс] : Oxford University Press, – ABBYY Software, 2008.

ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Усенова К.У.

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха. г. Нукус, Узбекистан
hurmet_05@mail.ru

Введение. Этнографическая лексика каракалпакского языка очень богата и разнообразна. Системное изучение этнографической лексики каракалпакского языка является очень актуальным вопросом. К тому же отсутствуют работы по комплексному изучению её состава, классификации, определению принципов номинации. Для выявления полной картины нашего исследования сначала надо определить изученность темы в тюркском языке. Потому что каракалпакский язык является составной частью тюркского языка.

Цели. Основная цель нашей статьи анализировать изучение этнографической лексики в тюркском языке, определить основные приоритеты в изучении данного вопроса.

В изучении этнографической лексики успешно работают казахские, киргизские, чувашские, татарские и другие ученые. Например, в исследовании Е.Н. Жанпеисова «Этнокультурная лексика казахского языка» (1983) на материале произведений М. Ауэзова дается историко-лингвистический анализ этнокультурной лексики казахского языка. Ученый отмечает, что изучение структуры и семантики слов с национальными этнокультурными значениями в диахронном плане, анализ материала, данного в приложении к исследованию, включающем в себя свыше 3150 терминов материальной и духовной культуры, около 650 топонимов и 150 этнонимов, показали, что многие из них для подавляющего большинства тюркских языков являются общими, что вполне оправдано исторически и свидетельствует о древних культурных контактах между их носителями [1].

В научной статье Ф.Г. Хисамитдиновой обосновываются такие моменты: проблемы этнолингвистики, связанные с изучением обрядовой лексики, активно разрабатываются татарскими и чувашскими лингвистами. С некоторым отставанием, но довольно бурно в последние десятилетия стали развиваться новейшие направления этнолингвистики в башкирском языкознании. Обзор имеющейся литературы показывает, что в башкирской лингвистике в основном развиваются 2 направления этнолингвистики [2].

В работе М.А. Юсуповой с учётом исторических и этнографических аспектов анализируются в лингвистическом плане киргизские народные

термины материальной культуры, связанные с ворсовым и безворсовым ткачеством и войлочными орнаментированными изделиями.

В каракалпакском языке имеется несколько научных работ, посвящённых изучению лексического состава языка. Среди них нужно отметить следующие работы: Ш. Абдиназимов «Каракалпак тилинин кол онер лексикасы», К. Пахратдинов «Каракалпак тилинде шаруашылык лексикасы», У.Д. Аулетов «Каракалпак тилиндеги аскерий лексика», Г.Айназаров «Каракалпак тилиндеги тенлес еки компонентли фразеологизмлер», А.Карлибаев «Каракалпак тилиндеги спорт терминлери», Г.Досжанова «Каракалпак тилиндеги уй буйымлары атамаларынын семантикалык хам морфологиялык озгешеликлери».

Однако в настоящее время перед лингвистами-тюркологами стоит задача аналогичным образом выявить ключевые слова, концепты, идеи для реконструкции языковой картины мира каждого тюркского этноса.

Список литературы

1. Жанпеисов Е.Н. Историко-этимологические заметки // Известия АН Каз. ССР. Сер.филол., 1980. №1.
2. Хисамитдинова Ф.Г. Этнолингвистические исследования в тюркологии. Филология и культура. 2012. №3. – С. 762.

УДК81+378

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К МЕТОДИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Шокотко Н.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
pedagog.master@gmail.com

В течение последнего десятилетия лингвисты ведут активные споры о том, как должен выглядеть процесс обучения в современной системе высшего образования. Одни выступают за сохранение традиционных методов, другие хотят полностью изменить всю систему. Есть и третья категория педагогов, предлагающая объединить новые и старые формы.

Понятие «инновация» означает новшество, новизну, изменение; инновация как средство и процесс предполагает введение чего-либо нового. Применительно к педагогическому процессу инновация означает введение нового в цели, содержание, методы и формы обучения и воспитания, организацию совместной деятельности учителя и учащегося [1, с. 78]. Целью инновационной деятельности является качественное

изменение личности учащегося по сравнению с традиционной системой. Развитие умения мотивировать действия, самостоятельно ориентироваться в получаемой информации, формирование творческого нешаблонного мышления, развитие детей за счет максимального раскрытия их природных способностей, используя новейшие достижения науки и практики.

Компьютерное обучение произношению (САРТ): автоматическое распознавание речи (ASR) может ускорить улучшение произношения и обеспечить более эффективный контроль, чем тот, который осуществляет преподаватель. Эти программы могут помочь студентам, так как они могут практиковаться самостоятельно и избежать волнения, возникающего при необходимости произносить новые слова в присутствии других студентов и преподавателя.

В языковой системе лексический знак обладает свойствами, которые находятся в виртуальном состоянии в области мыслимого, т. е. с проявлением в знаке его виртуального обобщенного, моносемичного, потенциального значения. Последнее вместе со всеми потенциальными значениями представляет значимость знака, она свойственна ему только в языковой системе, в которой слово – знак однозначно, а в речи – многозначно» [2, с. 157].

Цифровое игровое обучение (DGBL) улучшает большинство компетенций студентов. Обучение, основанное на игровых формах, делает обучение интереснее, создавая среду, в которой знания приобретают контекст. Игровое обучение развивает способность решать проблемы и навыки критического мышления через вовлеченность в процесс и интерактивный контроль, которые важны для достижения результатов обучения.

Чат (беседа, проводимая с помощью компьютерных технологий) улучшает навыки говорения, расширяют используемый словарный запас, развивает внимательность и концентрирование внимания на форме (обращают внимание на структурные, синтаксические аспекты языка для того, чтобы выполнить поставленную языковую задачу по пониманию и воспроизведению речи).

Текстовая компьютерная коммуникация (СМС) улучшает внимание к лингвистическим формам таким образом, который может усилить внимание к языковым выражениям и поощрить работу над языковыми ошибками вовремя выполнения письменных заданий и запоминание слов. Она также может подготовить студентов к устной коммуникации в учебной аудитории. Доказано, что асинхронное также как синхронное компьютерное общение может быть полезным для развития умения говорить на иностранном языке.

Электронные словари помогают студентам выполнять задания быстрее, чем при отсутствии технологий, а частота словарных просмотров

увеличивается. Это может и не иметь большого значения для развития компетенций, но ускоряет понимание.

Большое число исследований и практика показывают, что студенты получают больше удовольствия от использования технологий при изучении иностранного языка и предпочитают их более традиционным методам и материалам. Использование компьютерных технологий снижает беспокойство студентов, обеспечивая независимую обучающую среду свободную от оценивания, в которой студенты чувствуют себя более расслабленными и в которой получают больше удовольствия от процесса изучения языка.

Студенты получают возможность также узнавать культуру другой страны. Они учатся эффективно контактировать с представителями другой культуры, даже если личное посещение страны изучаемого языка невозможно. Знания о культуре развиваются через переписку с носителями языка. В процессе изучения иностранного языка и развития языковых компетенций формируются навыки межкультурного общения.

В связи с развитием инновационных технологичных методов изучения иностранных языков, возникает необходимость решить, каким образом они могут и должны совмещаться с традиционными методами. Компьютерные формы изучения языка должны быть частью смешанного обучения, которое охватывает контролируемое изучение, формальное и неформальное. Имея ограниченное количество аудиторных часов, необходимо расширять формы работ, которые студенты смогут выполнять вне занятий.

Формирование определенного уровня иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции – актуальная и действенная основа для дальнейшего иноязычного профессионально ориентированного общения выпускников вуза. Однако необходимо учитывать, что при обучении профессиональному иностранному языку различные функции речи и способы ее применения не могут иметь равнозначную ценность.

М. Долгоруков относит метод «casestudy» к «продвинутым» активным методам обучения. Увеличение в «багаже» студента проанализированных кейсов увеличивает вероятность использования готовой схемы решений к сложившейся ситуации, формирует навыки решения более серьезных проблем. Ситуационное обучение учит поиску и использованию знания в условиях динамичной ситуации, развивая гибкость мышления.

Применение кейс-метода на занятиях по иностранному языку в профессиональной среде преследует две взаимодополняющие цели, а именно: дальнейшее совершенствование коммуникативной компетенции (лингвистической и социокультурной) и формирование профессиональных качеств обучаемых. Аудиторное общение, связанное с работой над кейсом, которому присущи спор, дискуссия, аргументация, описание, сравнение, убеждение и

другие речевые акты, тренирует навык выработки правильной стратегии речевого поведения, соблюдения норм и правил англоязычного общения.

Согласно результатам исследований установлено, что метод кейсов может использоваться как исключительно эффективный для достижения целей обучения профессиональному иностранному языку и межкультурной адаптации. Однако применение этого метода в преподавании иностранного языка должно быть методически обосновано и обеспечено. Это необходимо как на уровне организации учебного процесса по образовательной программе в целом, так и на уровне планирования его отдельным преподавателем. В условиях интерактивного обучения у студентов усиливается чувство личностной включенности в образовательный процесс и формируется ответственность за собственные образовательные результаты.

Список литературы

1. Алексеева Л. Н. Инновационные технологии как ресурс эксперимента / Л. Н. Алексеева // Учитель. – 2004. – № 3. – С. 78.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М. : Прогресс. Культура, 1992. – 224 с.
3. Кудрявцева Л. В. Использование телекоммуникационных проектов для формирования иноязычной социокультурной компетенции у учащихся старших классов (на примере США и России) / Л. В. Кудрявцева // Иностранные языки в школе. – 2007. – № 4. – С. 49–53.

УДК 81'373

АНТРОПОМОРФНЫЙ КОД В УРБАНОНИМИКОНЕ ДОНБАССА (на материале отопеллятивных годонимов г. Донецка)

Ярошенко Н.А., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nyaroshenko@yandex.ru

Одной из актуальных задач лингвокраеведения в целом и региональной ономастики в частности является комплексное изучение ономастической составляющей языкового ландшафта. При этом существенное место в лингвистическом облике как отдельного населённого пункта, так и всего региона занимают разнотипные наименования городских объектов.

Основоположником широкого понимания урбанонимики как науки, изучающей собственное имя любого внутригородского топографического объекта, считается Н. В. Подольская (см. [3, с. 139]). В. И. Супрун

уточняет определение термина *урбаноним*, предложенное Н. В. Подольской: «Под урбанонимом мы понимаем название внутригородского объекта, способное выполнять адресную функцию, имеющее официальную фиксацию в городских документах и указывающее на объект, содержащий на своей территории отдельные строения с номерами» [4, с. 107]. Одной из разновидностей урбанонимов являются топонимы, к которым можно отнести названия таких линейных адресных объектов, как улица, проспект, бульвар, переулок, линия, проезд, тупик, аллея, шоссе, микрорайон, квартал (см. обзор в [6]).

В настоящее время актуальным является комплексный подход к изучению ономастики определённого региона, в рамках которого топонимы изучаются не только в собственно лингвистическом, но и в лингвокультурологическом, лингвопрагматическом, лингвоэтнографическом и др. аспектах. В частности при лингвокультурологическом подходе названия адресных объектов рассматриваются через призму такого понятия, как коды культуры. По мнению Д. Б. Гудкова, культурный код — это «вторичная знаковая система, использующая разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума» [1, с. 45]. Авторы этнолингвистического словаря «Славянские древности» определяют код культуры следующим образом: «вторичная знаковая система, использующая разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к “картине мира”, к мировоззрению данного социума...» [5, с. 7].

К числу значимых культурных кодов, реализуемых в системе имён собственных, принадлежит антропоморфный код (см. [2, с. 391]), который объективируется при помощи отапеллятивных и отантропонимных названий.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы определить специфику реализации антропоморфного кода в топонимиконе Донбасса.

Объектом анализа являются топонимы города Донецка как подсистема урбанонимии названного населённого пункта и как составляющая топонимического пространства региона в целом. В то время как **предмет исследования** составляют структурно-морфологические и семантические параметры рассматриваемых топонимов, которые направлены на объективацию антропоморфного кода культуры.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки топонимов из различных реестров наименований улиц Донецка. При формировании картотеки фактического материала также принимались во внимание данные справочников, интернет-сайтов и карты города. Как понятно, критерием при отборе фактического материала служила сама возможность топонима за счёт структурно-семантических особенностей его основы выступить в качестве средства объективации антропоморфного

культурного кода. При этом объём анализируемой выборки был ограничен отапеллятивными названиями рассматриваемого типа. Выборка, которая осуществлена на основе названных критериев и результаты анализа которой представлены в настоящей статье, охватывает 78 единиц.

Как свидетельствуют анализ и систематизация фактического материала, для объективации антропоморфного кода с помощью отапеллятивных основ в годонимиконе Донецка задействованы следующие структурно-морфологические модели:

1. Субстантивная однословная генитивная модель: **а)** с флексиями **-ов/-ев** (37 единиц, или 47,4 %): ул. *Автомобилистов*, ул. *Композиторов*, ул. *Текстильщиков*, ул. *Спортсменов*, ул. *Стратонавтов*, ул. *Коммунаров*, ул. *Листопрокатчиков*, ул. *Проходчиков*, ул. *Угольщиков*, ул. *Челюскинцев* и др.; **б)** с флексией **-ей** (7 единиц, или 8,9 %): ул. *Водителей*, ул. *Градостроителей*, ул. *Первооткрывателей*, ул. *Писателей*, ул. *Победителей*, ул. *Строителей* и бул. *Шахтостроителей*; **в)** с флексией **-их** (1 единица, или 1,3 %): ул. *Зодчих*; **г)** с флексией **-ых** (1 единица, или 1,3 %): ул. *Отважных* (годоним образован на основе субстантивации).

2. Адъективная однословная модель: **а)** с флексией **-ая** (17 единиц, или 21,8 %): ул. *Ветеринарная*, ул. *Делегатская*, ул. *Депутатская*, ул. *Капитанская*, ул. *Маршальская*, ул. *Молодёжная*, ул. *Полководческая*, ул. *Пионерская*, ул. *Ученическая* и др.; **б)** с флексией **-ий** (4 единицы, или 5,1 %): пер. *Пионерский*, пер. *Шахтёрский*, пр-т *Офицерский* и пр-т *Партизанский*.

3. «Прилагательное/причастие + существительное в Р. п. мн. числа» (5 единиц, или 6,4 %): ул. *Молодых шахтёров*, ул. *Советских танкистов*, ул. *Буденновских партизан*, ул. *Бакинских комиссаров* и пр-т *Павших Коммунаров*.

4. «Существительное в Р. п. мн. числа + существительное в Р. п. ед. числа» (3 единицы, или 3,8 %): ул. *Шахтёров Донбасса*, ул. *Партизан Донбасса* и ул. *Борцов Революции*.

5. «Существительное в Р. п. мн. числа + существительное в Р. п. мн. числа» (2 единицы, или 2,6 %): ул. *Героев-Панфиловцев* и ул. *Комсомольцев-Подпольщиков*.

6. «Прилагательное + существительное м. рода в И. п. ед. числа» (1 единица, или 1,3 %): ул. *Новый Шахтёр*.

При реализации антропоморфного кода в отапеллятивных годонимах г. Донецка значительное место занимают названия, восходящие к номинациям лиц по профессиям. При этом при формировании годонимикона Донецка, как и всего Донбасса в целом, прослеживается тенденция увековечить шахтёрский труд в названиях линейных объектов: пер. *Шахтёрский*, ул. *Шахтёров Донбасса*, ул. *Молодых шахтёров*, ул. *Новый Шахтёр*, бул. *Шахтостроителей*, ул. *Проходчиков*, ул. *Шахтопроходчиков*, ул. *Угольщиков*, ул. *Крепильщиков* и др. Также среди

годонимов Донецка рассматриваемого типа частотны отапеллятивные годонимы, восходящие к названиям лиц по профессии в металлургической отрасли, в сфере строительства и архитектуры: ул. *Листопрокатчиков*, ул. *Литейщиков*, ул. *Прокатчиков*, ул. *Архитекторов*, ул. *Зодчих*, ул. *Градостроителей*, ул. *Строителей*, ул. *Каменщиков*. Представлены годонимы, восходящие к названиям других рабочих профессий, а также образованные от номинаций лиц по профессии и роду занятий в других сферах деятельности человека: ул. *Водителей*, ул. *Автотранспортников*, ул. *Текстильщиков* ул. *Электросварщиков*, ул. *Писателей*, ул. *Композиторов*, ул. *Печатников*, ул. *Спортсменов*, ул. *Ветеринарная*, ул. *Юридическая*, ул. *Автомобилистов*, ул. *Альпинистов*, ул. *Космонавтов* и др.

Следует отметить, что антропоморфный код в адъективных годонимах реализуется косвенно через структурно-семантическую соотносённость относительного прилагательного с соответствующим именем существительным как номинацией лица по профессии.

В годонимиконе Донецка также представлены названия, восходящие к номинациям различных воинских званий и военных профессий: ул. *Лейтенантов*, ул. *Радистов*, ул. *Танкистов*, ул. *Ракетчиков*, ул. *Воинская*, ул. *Капитанская*, ул. *Маршальская*, ул. *Полководческая*, пр-т *Офицерский*, ул. *Советских танкистов*.

В годонимиконе Донецка, как и любого города постсоветского пространства, в сфере названий, образованных как от апеллятивов, так и от антропонимов, антропоморфный код тесно переплетается с социально-идеологическим кодом, что иллюстрируют, например, такие годонимы: ул. *Большевиков*, ул. *Коммунаров*, ул. *Борцов Революции*, ул. *Политбойцов*, ул. *Комсомольцев-Подпольщиков*, ул. *Бакинских комиссаров*, пр-т *Павших Коммунаров*, ул. *Пионерская* и др. Значимыми для годонимикона Донецка, как и для всех городов, жители которых чтят память о тех, кто причастен к Великой Победе, являются названия такого типа, как ул. *Молодогвардейцев*, ул. *Панфиловцев*, ул. *Ветеранов*, ул. *Победителей*, пр-т *Партизанский*, ул. *Партизан Донбасса*.

В названии ул. *Стратонавтов* увековечена память о трагической гибели воздухоплателей в небе над Донецком (тогда – Сталино) 18 июля 1938 г. Как известно, памятник на месте захоронения погибших стратонавтов располагается на пересечении бульвара Пушкина и проспекта 25-летия РККА.

Такие отапеллятивные годонимы г. Донецка, как ул. *Молодёжная*, ул. *Юннатов*, ул. *Пионерская*, пер. *Пионерский*, ул. *Студенческая*, ул. *Ученическая* через свои производящие основы осуществляют дифференциацию людей по признаку возраста (часто в сочетании с другим критерием, в частности с апелляцией к сфере занятий и интересов).

В ряде анализируемых отапеллятивных годонимов, объективирующих антропоморфный код, с помощью производящей

основы осуществляется положительная оценочная характеристика человека: ул. *Первооткрывателей*, ул. *Тружеников*, ул. *Отважных*, ул. *Энтузиастов*. К этой группе примыкает топоним ул. *Специалистов*, в доонимной семантике которого отражается общая номинация человека по сфере деятельности.

Таким образом, антропоморфный код, который объективируется в топонимиконе Донецка с помощью оотопеллятивных названий, реализуется в топонимах посредством чрезвычайно разнообразных в структурном и семантическом плане основ. При этом реализация антропоморфного кода часто сопровождается объективацией других кодов культуры, что свидетельствует о системном характере как ономастического пространства региона, так и воплощённых в нём культурных кодов

Список литературы

1. Гудков Д. Б. Коды культуры и система естественного языка / Д. Б. Гудков // Русистика без границ. — 2017. — № 1 (1). — С. 43–48.
2. Мезенко А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Учёные записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2011. — Т. 24 (63). — № 2. — Ч. 1. — С. 388–393.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1988. — 192 с.
4. Супрун В. И. Урбанонимы Элисты как лингвокультурный феномен / В. И. Супрун // In Nominum Spatio (В пространстве имён): Материалы I Международных ономастических чтений имени Е. С. Отина (Донецк, 16–18 октября 2015 г.). — Донецк : Издание Фонда «Азбука», 2017. — С. 103–113.
5. Толстой Н. И. О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. — М. : Междунар. отношения, 1995. — Т. 1. — С. 5–14.
6. Ярошенко Н. А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных топонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н. А. Ярошенко, У. Л. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — № 3–4. — Донецк : ДонНУ, 2018. — С. 59–66.

История русской литературы и теории словесности

УДК 82-25 “20”

ЖАНРОВЫЕ ИДЕИ М.М.ГИРШМАНА

Белоконь С.А., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
clairsv@mail.ru

В работах выдающегося донецкого литературоведа М. М. Гиршмана проблема жанра занимает одно из важных мест. Однако изучение жанровых идей М. М. Гиршмана отчасти затруднено тем, что некоторые из них он развивает подробно, а иные положения заявляет в общей форме. Собственной авторской теории жанров М. М. Гиршман не выстраивал, так как не ставил перед собой такой цели. К своим жанровым идеям он приходил в процессе осмысления общих вопросов теории литературы и эстетики.

Принципиальной позицией Михаила Моисеевича Гиршмана при анализе жанровых вопросов теории литературы является подход, в рамках которого литературоведческая категория жанр никогда не рассматривается обособленно от категории «род»: «...специфическая природа словесно-художественного произведения и литературы вообще проясняется именно в точках встречи рода и жанра. Жанр в своём развитии и взаимодействии с развивающимся многообразием других жанров одновременно и формирует, и раскрывает родовую сущность, так что род проявляет себя в жанре, а собственно жанровое становится, как я уже говорил, тождественным родовому в тех точках встречи, где родовая сущность проявляется как событие взаимодействия жанров, их трансформации в новом целом [1, с. 435].

В концепции М. М. Гиршмана «точка встречи рода и жанра» является той особенной авторской метафорой, использование которой позволяет осознать, насколько принципиальным для этого литературоведа было именно такое видение проблемы. «Жанр» и «род» не просто сосуществуют, они в логике М. М. Гиршмана, «встречаются», при этом их «встречи» настолько плодотворны, что способствуют прояснению «специфической природы словесно-художественного произведения». Взаимодействие рода и жанра иногда достигает своего предела, при котором «жанровое становится... тождественным родовому».

Однако Михаил Моисеевич в своей концепции не ограничивается рассмотрением жанра и рода в их взаимосвязи: к традиционной двучастной структуре (которая нашла свое отражение в частности в

категории «родо-жанровая доминанта») он добавляет третий компонент «стиль». Такое усложнение структуры, ее своеобразное «достраивание» приводит к появлению новых смыслов, приводит к тому, что художественное произведение «становится образом мира, явленным в слове» и позволяет М. М. Гиршману говорить о новом организующем принципе для художественных произведений, которые появились в индивидуально-авторскую эпоху, этот принцип назван автором концепции *лично-родовым*: «Принципиально новая художественная суверенность произведения, которое становится образом мира, явленным в слове, как раз и проявляется в сочетании родо-жанровой доминанты со стилевой цельностью, и предлагаемое мною определение организующего принципа произведения индивидуально-авторской эпохи как *лично-родового* в своей реализации предполагает авторским творчеством осуществляемую встречу рода – жанра – стиля...» [1, с. 435]. Интересным моментом оказывается опосредованное появление в приведенной цитате четвертого компонента этой структуры – фигуры автора, так как «встреча» рода, жанра и стиля возможна и осуществима, согласно концепции М. М. Гиршмана, только при условии «авторского сотворчества». Таким образом, полная структура имеет такой вид «автор-род-жанр-стиль». Именно эти четыре категории и были заявлены Михаилом Моисеевичем в названии статьи, на которую мы ссылаемся [1], анализируя жанровые идеи этого известного литературоведа.

Ценны для нас и те выводы относительно перспектив «жанрового сознания», к которым приходит М. М. Гиршман: «Полижанровость, взаимодействие различных жанровых традиций в пределах одного произведения включает процессы жанровой ориентации в светлое поле авторского сознания, в сферу индивидуально-авторского творчества. А это означает в принципе не упадок, а скорее подъем жанрового сознания и ответственности за выбор и принятие законов, над собой признанных, за формирование индивидуальных родо-жанровых разновидностей и реализацию их как языка общения автора и читателя» [1, с. 437]. Как видим, М. М. Гиршман не разделял достаточно известную в литературоведении конца XX века теорию «упадка жанрового сознания», а напротив отмечал перспективность «формирования индивидуальных родо-жанровых разновидностей». Ведущую роль при этом должен играть автор, который посредством своего индивидуально-авторского творчества вырабатывает особенный язык общения с читателем.

Список литературы

1. Гиршман М. М. Автор – род – жанр – стиль: их отношения и взаимосвязь в индивидуально-авторскую эпоху // Литературное произведение: Теория художественной целостности / М. М. Гиршман – 2-е изд., доп. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 432-447.

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Даренский В.Ю., д-р филос. наук, доцент

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко», г. Луганск, ЛНР
darenskiy1972@rambler.ru

Искусство имеет ряд характеристик, которые инвариантны, поскольку они отличают именно этот тип культурного самовыражения человека от других. Художественность есть особое качество творений человека, восприятие которых порождает специфические переживания, которые рационально фиксируется в «сетке» категорий: прекрасное – безобразное, трагическое – комическое, возвышенное – низменное, гармония – хаос и т.д. Способность побуждать в человеке данные содержательные состояния есть критерий наличия художественности как таковой. Искусство акцентирует экзистенциальные переживания человека, и в этом смысле искусство *архаично*, обращая человека к первичным ситуациям мироотношения, – и, тем самым, противостоя вторичным, отчуждающим его формам. В этом смысле искусство обращает человека в его *подлинности*. Художественное переживание – это момент интенсификации внутренней жизни человека в сравнении с ее «фоновым», повседневным состоянием. Общая цель искусства – акцентирование процесса переживания ценностно-смысловых оснований человеческого бытия. Поэтому важным является анализ художественных произведений в особом аспекте, связанном с их глубинной экзистенциальной функцией – как *инициационных* текстов, то есть текстов, порождающих духовную «инициацию» в реципиенте за счет символической передачи опыта жизни на грани смерти, как символического «прохождения через смерть» и «второго рождения», после которого человек приобретает особый опыт, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать ее как бы со стороны, «с точки зрения вечности». Символическое прохождение через смерть, духовная «инициация», часто символически именуемая «вторым рождением», делает человека другим, трансформируя его личность.

Художественными средствами передаются особые состояния героев произведения и авторского «Я», соответствующие различным стадиям инициации, и эти состояния могут при условии личностной открытости сопереживания передаваться и читателю. Например, стихотворение «2-го ноября» В. Ходасевича о событиях захвата власти большевиками в Москве заканчивается строчками: «...сел работать. Но, впервые в жизни, / Ни «Моцарт и Сальери», ни «Цыганы» / В тот день моей не утолили жажды». Это «впервые в жизни» по отношению к произведениям

А.С. Пушкина как символам полноты миропереживания как раз и означает полный слом того бытийного состояния, которое было у автора до этого.

Присутствие модели «инициации» иногда отмечается разными авторами при анализе литературных произведений, однако теоретически этот феномен до сих пор почти не концептуализирован. Подходы к такой концептуализации были у К.-Г. Юнга и М. Элиаде. А по отношению к сказке В.Я. Пропп писал: «цикл инициации – древнейшая основа сказки... Другим циклом... является цикл представлений о смерти» [1, с. 308]. На самом деле это один и тот же цикл, поскольку инициация и является символическим «прохождением через смерть». А поскольку сказка – это древнейший вид литературного творчества, то все более поздние виды в «снятом» виде сохраняют в себе ее смысловую структуру, в том числе и модель инициации в ее «превращенной форме». В свою очередь, Н.Д. Тамарченко определяет исток художественного содержания в особом событии «перехода персонажа через границу, разделяющую семантические поля в тексте» [3, с. 184]. Таким образом, можно сказать, что модель «инициации» в литературном произведении возникает в том случае, когда этот переход оказывается радикальным и «предельным», то есть здесь «семантическими полями» оказываются Жизнь и Смерть, и сама личность героя и читателя «умирает» и рождается снова уже новой, другой.

Это «внутренняя граница» искусства, на которой оно показывает свою производность от структуры религиозного ритуала – от жертвоприношения как символического акта преодоления смерти. В разных религиозных традициях конкретные формы выражения этой инвариантной смысловой структуры ритуала крайне разнообразны, однако сама она остается неизменной. В рамках этой структуры бытие мыслится как находящееся в непрерывном состоянии творения, ежемгновенно проходящее через смерть (небытие) и снова воскресающее в обновленном виде. Тем самым, предельными онтологическими категориями здесь являются Жизнь, Смерть, Жертва и Воскресение, которые в совокупности представляют собой акт предельного перехода между бытием и небытием и символически повторяют акт творения мира. Источник опыта, лежащего в основании такого архаического «ритуального» мышления, сохраняется также и у современного человека – в первую очередь, он коренится в опыте его личностных экзистенциальных трансформаций в соответствии с формулой Т. Манна: «Познав себя, никто уже не останется тем, кто он есть» [Цит. по: 1, с. 8]. Этот *опыт «внутреннего», экзистенциального прохождения через символическую смерть можно рассматривать как аналог архаического ритуала во «внутреннем мире» человека.* Именно в этом аспекте символы Жизнь, Смерть, Жертва и Воскресение – фиксируют базовую онтологию художественного (в т. ч. литературного) произведения. *Художественная предметность искусства «закрывает» любой жизненный*

материал и его эстетическую рефлексию на первичную онтологию человеческой жизни. Экзистенциальные символы – Жизнь, Смерть, Жертва и Воскресение – в рациональном дискурсе имеют такие категориальные определения, как переход от упорядоченности (Космоса) в неупорядоченность (Хаос) и их смысловые опосредования. Общекультурная онтология, определяемая диалектикой Космоса и Хаоса, лежит и в основе структуры художественной реальности – этим и обеспечивается возможность воссоздания микро- и макрокосмов художественными средствами. Такая модель произведения может быть определена здесь как «архетипическая», поскольку она исходит из базового архетипа культуры. Его применение для анализа структур литературного произведения позволяет реконструировать «внутреннюю границу» искусства – воспроизведение в нем «ритуального» опыта единения человека с «космической мистерией бытия». Именно на этом содержательном уровне произведение искусства выполняет свою базовую культурную функцию как «модели» и стимула личностного развития человека, расширения и углубления его экзистенциального опыта.

Модель «инициации» может быть развитием ряда идей Донецкой филологической школы. В концепции литературного произведения как «художественной целостности» М.М. Гиршмана оно понимается как «приобщение образного единства эстетического бытия к единственности событийного свершения реальной личности, ее живого и живущего сознания... на основе приобщенности к этим глубинам первоначал бытия и первоосновам словесного творчества» [1, с. 47]. В концепции «поэтического мира» В.В. Федорова художественное произведение – «это не только реакция на это драматическое состояние мира, а это... поиск... аналога того движения, того события, которое должно завершить и мир – не созданный автором, а реально существующий» [5, с. 49]. Но ведь «приобщенность к глубинам первоначал бытия», а также событие, «завершающее мир» – это и есть определения духовной инициации как «второго рождения».

Список литературы

1. Гиршман М.М. Литературное произведение как художественная целостность. Истоки и основное содержание понятия // Донецкая филологическая школа: опыт полифонического осмысления. – Донецк: ООО «Лебедь», 1997. – С. 39–47.
2. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2004. – 332 с.
3. Сучков Б. Томас Манн // Манн Т. Собр. соч. Т. 1. – М.: Худ. лит., 1959. – С. 3–37.
4. Тамарченко Н.Д. Структура произведения // Теория литературы: учеб. пос.: в 2-х томах. – Т. 1. – М.: ИЦ «Академия», 2010. – С. 172–263.
5. Федоров В.В. Адекватно ли понятие целостности по отношению к поэтическому миру? // Донецкая филологическая школа: опыт полифонического осмысления. – Донецк: Лебедь, 1997. – С. 48–50.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В РОМАНЕ В СТИХАХ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Димитренко М.А., Фёдоров В.В., д-р филол. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
margharita.dimitrienko@mail.ru

Введение. Роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» стал одним из центральных произведений не только в творчестве его автора, но и в целом в русской литературе, оказав существенное влияние на этапы дальнейшего её становления. Конфликт как основополагающая категория в «Евгении Онегине» рассматривается в различных работах уже долгое время. В разное время проблему исследовали такие литературные критики и учёные, как Белинский [1], Добролюбов [2], Бочаров [3], Пospelов [4], Лотман [5] и др.

Актуальность работы заключается в том, что, несмотря на огромное количество написанных работ, единого мнения по поводу конфликта в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» до сих пор нет. В последние годы работы, посвящённые этому вопросу, широко не представлены.

Проблема взаимосвязи в произведении «Евгений Онегин» таких художественных методов, как романтизм и реализм, несмотря на большое количество уже написанных работ по-прежнему остаётся актуальной, так как её обширность даёт исследователям возможность применять различные подходы при её изучении.

Цель работы – исследование реализации черт романтизма и реализма, столкновения этих двух методов через различные личностные конфликты в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», а также рассмотрение с этой точки зрения художественных средств в произведении.

Основная часть. В своём творчестве А.С. Пушкин прибегал к таким методам, как романтизм и реализм. На время работы над романом в стихах «Евгений Онегин» (1823–1830) пришёлся переломный момент в творческом мировоззрении автора, переход от романтического творческого сознания к реалистическому, что нашло своё отражение в исследуемом произведении. Такой переход стал причиной для эстетического конфликта и сложных взаимоотношений двух художественных методов.

В ходе исследования была рассмотрена концепция романтизма, согласно которой, исключительный герой должен быть помещён в исключительные обстоятельства. И действительно, Онегин в конце первой главы чувствует скуку, скептически относится к светским развлечениям,

которые прежде привлекали его. Такой поворот событий сближает его с поистине романтическим героем поэмы Байрона Чайльд-Гарольдом. Сам Пушкин много раз упоминает это произведение английского писателя в своём романе. Однако несколько фактов не позволяют нам назвать Онегина романтическим героем.

Во-первых, Байрон и другие писатели-романтики возвышали своих героев, давали им серьёзные характеристики, а Пушкин в первой главе открыто иронизирует над своим Онегиным, использует излишнюю детализацию, которая уместна лишь в ироничном ключе, аллюзии из басен и т.д.

Далее следует задуматься, можно ли считать Онегина действительно исключительным. С развитием событий, а в частности любовной линии произведения, автор через раздумья Татьяны Лариной задаётся вопросом: «Уж не пародия ли он?». Обусловлено поведение Онегина его собственными ощущениями или модой на романтизм? Произведение завершается тем, что Евгений отрекается от своего безразличия, признаваясь Татьяне в чувствах. Этот момент вызывает сомнения в искренности этого безразличия.

Если говорить об обстоятельствах, то они и вовсе не являются исключительными. В.Г. Белинский назвал «Евгения Онегина» «энциклопедией русской жизни». И действительно, здесь мы видим подробное описание реалий петербургского общества и быта русской деревни. Такое воссоздание обстоятельств, в которых действуют персонажи, вполне позволяет назвать их типическими.

Прямое столкновение реализма и романтизма исследователи усматривают во взаимоотношениях Онегина с Ленским. Ленский вместе с «плодами туманной учёности» перенял черты немецкого романтизма, а именно бесконечное стремление к недостижимому идеалу, желание творить искусство и полное пренебрежение действительностью.

Двойственно рассуждает автор о возможном будущем Ленского. С одной стороны, у него были все задатки, чтобы стать великим общественным деятелем, с другой стороны, его мог бы поглотить помещичий быт. Об этом можно только рассуждать. Но замысел автора таков, что в действительности Владимира поглотила жестокая реальность в лице Евгения Онегина.

С формальной точки зрения конфликт между Онегиной и Ленским не был столь острым, чтобы привести к такому печальному исходу. Из анализа самой дуэли и дуэльных правил того времени следует вывод, что такого исхода событий можно было избежать, что и пытался сделать Онегин. Однако с точки зрения эстетической, если рассматривать героев как олицетворение двух художественных направлений, то данный исход с точки зрения автора был неизбежен. В этом также отразилось творческое мировоззрение писателя.

Заключение. В ходе исследования было выявлено, что эстетические взгляды Пушкина, его отношение к романтизму и реализму нашли своё отражение во многих аспектах взаимоотношений героев романа в стихах «Евгений Онегин».

Список литературы

1. Белинский В.Г. Статьи о классиках / В.Г. Белинский; [под ред. С. Красновой]. – М.: Художественная литература, 1970. – 605 с.
2. Добролюбов Н.А. Избранные статьи / Н.А. Добролюбов; [сост. А.Ф. Смирнова]. – М.: Современник, 1980. – 444 с.
3. Бочаров С.Г. Форма плана (некоторые вопросы поэтики Пушкина) / С.Г. Бочаров // Вопросы литературы. – 1967. – №12. – С. 115-186.
4. Поспелов Г.Н. «Евгений Онегин» как реалистический роман / Г.Н. Поспелов // Пушкин. Сборник статей. – М.: ГИХЛ, 1941. – 579 с.
5. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1995. – 472 с.

УДК 801.6: 801.4+882(09)

ОЩУЩЕНИЕ БЕЗНАДЕЖНОСТИ В ПЬЕСЕ А. БЛОКА «НЕЗНАКОМКА»

Жарикова О. В., канд. филол. наук, доцент
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
helga_zhar@mail.ru

«Незнакомка» – третья пьеса в трилогии А. Блока «Лирические драмы». Основная тема данной лирической драмы – роковая неизбежность и, вместе с тем, бесцельность и безнадежность вечных поисков автора чего-то недостижимого и прекрасного. Это самое нечто принимает в пьесе то облик неземной красавицы незнакомки, то форму звезды в мировых пространствах.

Пьеса «Незнакомка» по своей тематике тесно связана с одноименным стихотворением из сборника «Нечаянная радость». Эту связь подтверждает и сам А. Блок, кроме того, он непосредственно обращает на нее внимание читателей. Во втором издании сборника «Нечаянная радость» к стихотворению «Незнакомка» сделано характерное авторское примечание: «Развитие темы этого и смежных стихотворений в лирической драме того же имени» [40]. Это говорит о том, что, рассматривая пьесу «Незнакомка», необходимо, опираясь, опять же, на лирику А. Блока.

Но стихотворение «Незнакомка», датированное апрелем 1906-го – не первое произведение А. Блока, в котором поэт обращается к этому образу.

Той же весной, в марте, появляется стихотворение «Твое лицо бледней, чем было», которое вносит в образ Незнакомки новую существенную черту, позже отраженную в пьесе, а именно – ее звездность. В нем утверждается, что Незнакомка – звезда, павшая на землю.

*Поверь, мы оба это знали:
Звездой кровавой ты текла,
Я измерял твой путь в печали,
Когда ты падать начала.
Мы знали знаньем несказанным
Одну и ту же высоту
И вместе пали за туманом,
Чертя уклонную черту. [2, с. 260]*

Цитируемые строки для истории создания драмы «Незнакомка» представляют чрезвычайный интерес, ведь они будто предсказывают основную концепцию будущего произведения. В нем женщина представляется как звезда, павшая на землю и затем вернувшаяся на небо, а Поэт – как кто-то, кто обладает «знаньем несказанным».

Данные стихотворения были, возможно, первыми шагами А. Блока к созданию своего образа Незнакомки, но не единственными. На пути поэта к написанию его третьей лирической драмы важную роль сыграла предыдущая пьеса А. Блока «Король на площади». Образ высокой красавицы в черных тугих шелках, в черной шляпе, на которой качается перо страуса – несомненно, вариант образа Незнакомки. Это описание принадлежит Дочери Зодчего, которая и своим внешним видом, и внутренним содержанием похожа на таинственную девушку из «Незнакомки». К тому же, она выступает так же, как и Незнакомка – носителем древних поверий.

Однако, если принять во внимание все сказанное выше, то станет ясно, что Дочь Зодчего это, конечно, только вариант или прототип, так как в ее характеристике совершенно не использована специфическая черта Незнакомки – звездность.

В своих лирических произведениях А. Блок еще неоднократно будет обращаться к образу Незнакомки, используя все ту же звездность. А. Блок в разное время в стихотворениях опять говорит о шлейфе, забрызганном звездами, о млечном пути, о серебристой звезде, о ее полете. Можно считать, что, отклоненный на какое-то время Дочерью Зодчего от основной трактовки звездного образа, поэт, начиная работу над пьесой «Незнакомка», вновь возвращается к основной характеристике.

Собственное ощущение безнадежности в стихотворении и в данной пьесе «Незнакомка» А. Блок напрямую связывает с иллюзорным миром сновидений и сказок. Мотив фантазий и сна является одним из самых любимых в творчестве А. Блока. Из лирики этот мотив переходит в драматургию и присутствует в данной пьесе с самого начала, уже в названиях «актов», которые автор заменяет словом «видения».

Возможно, именно благодаря актам-видениям, третью пьесу из сборника «Лирические драмы» следует рассматривать как наиболее выдержанный образец лирической драматургии, как драматургии, для которой «сон есть жизнь», «видения – действительность».

С этой точки зрения «Незнакомка» представляет собой чрезвычайно искусное сочетание этих самых видений, которые переходят друг в друга и переплетаются, помещенные в рамки всего одного зимнего вечера. По своему же содержанию эти видения показывают три встречи поэта с Незнакомкой: первая – в пивной, вторая – на краю города, третья – в гостиной.

Действия этих трех «видений» разворачиваются в двух параллельных мирах: реальном и фантастическом.

Возвращаясь к тематике сновидений в пьесе «Незнакомка», следует вспомнить, что «сон» – понятие не объективное, это также не оставляет шансов читателю усмотреть в нем какой-либо единый смысл. «Мечта» меняет свой облик в соответствии с представлениями каждого персонажа. Для образа Голубого она «несказанность», для Звездочета, соответственно, – Звезда, для Поэта – «Вечная женственность», «мироправительница», для Семинариста и молодого человека по имени Миша – олицетворение любви, танцовщица Серпантини, для хозяйки салона – восхитительная и эксцентричная гостя Мэри, для Господина в котелке – немного странная и потому особенно притягательная красивая женщина [2].

Такое многообразие ликов Незнакомки было связано с пересмотром А. Блоком его устоявшегося в юношеских стихах нравственного идеала. Это шло вразрез тому, что продолжал нести в массы «русский символизм».

З. Минц пишет о том, что «русский символизм стремился перестроить жизнь по законам Красоты. Реальная жизнь, пошлая и мещанская, должна была, согласно символистской эстетической утопии, превратиться в прекрасное произведение искусства. В этой «жизненной мистерии» женщинам отводилось огромное место» [3, с. 59].

В пьесе А. Блока «Незнакомка» напротив, эта программа взята под сомнение: в ней красота не в силах изменить жизнь, – жизнь изменяет ее.

Все сказанное дает возможность сделать вывод, что в лирической драме «Незнакомка», как и в пьесе «Балаганчик», А. Блок иронически переосмысляет свои ранние поэтические темы, такие как: иллюзия реальности, отвлеченная мечта, которая терпит крах в столкновении с жизнью.

Также из лирики А. Блок переносит тему обреченности и нереальности происходящего, пронизывающую не только данную пьесу «Незнакомка», но всю его трилогию «Лирические драмы».

Список литературы

1. Блок А. А. Собрание сочинений в 8 т. / ред. В. Н. Орлов, А. А. Сурков, К. И. Чуковский. – М. : Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1963. – Т. 8. – 770 с.

2. Лирические драмы А. А. Блока «Балаганчик» и «Незнакомка», многозначность их тем. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://mirznani.com/a/361286/liricheskie-dramy-aa-bloka-balaganchik-i-neznakomka-mnogoznachnost-ikh-tem>

3. Минц З. Г. Блок и русский символизм: Избранные труды в 3 кн. / З. Г. Минц – СПб. : Изд-во Искусство, 2004. – Кн. 3. : Поэтика русского символизма. – 480 с.

УДК 82.0

МАШИНА ВРЕМЕНИ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Куштыменко Н.В., Кораблёв А.А., д-р филол. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
miannim.nk@gmail.com

Тема путешествий во времени в произведениях Михаила Булгакова представлена несколькими произведениями. В нашей работе рассматривается пьеса «Иван Васильевич» с использованием материала из «Блаженства». Целью является выяснение роли машины времени в данных произведениях автора, а также определение её влияния на смысловые координаты произведения и персонажей пьесы.

Сюжетная линия пьесы взята из романа «Машина времени» Герберта Уэллса. Время в произведениях может быть представлено как статично, так и динамично. Машина времени предполагает динамичное изображение событий, а не их фактическое освещение. При этом человек может двигаться не только в будущее, но и в прошлое, что описано в «Иване Васильевиче». «Машина времени, перенося путешественника из эпохи в эпоху, лишает время той необратимости, которую оно приобрело с развитием точного знания» [3]. Таким образом, машина времени является наиболее подходящим предметом для персонажей Булгакова, чтобы как можно точнее изобразить относительность времени, которое не стоит на месте. «Время есть фикция» [1], – произносит учёный Рейн в «Блаженстве».

Относительность времени является попыткой совмещения линейного и циклического времени. Первое – это все причинно-следственные отношения и связи между событиями и ситуациями, происходящими внутри сюжета. Циклическое время повторяемо и обратимо. Обратимость его совершается с помощью машины времени, которая переносит героев в другой временной пласт, а в конце возвращает их в реальность. «Однако итоги его («культурного героя») революционно-преобразующей деятельности, часто едва не приводящей к катастрофе («Роковые яйца», «Собачье сердце», «Блаженство» / «Иван Васильевич») на практике

оказываются равны нулю: ничто в мире не меняется, и он возвращается к status quo» [4]. Так в «Иване Васильевиче» инженер Тимофеев с помощью машины времени в начале произведения переносит Милославского с Буншей в прошлое, а Ивана Грозного в будущее. В конечном счёте все возвращаются на места. Бесследность и иллюзорность произошедшего истолковывается не только тем, что Тимофеев засыпает и просыпается в квартире, но и самой природой путешествий во времени. В «Машине времени» Уэллса рассказам Путешественника никто не поверил. Также нет причин верить ни Иоанну Грозному, ни Бунше с Милославским тем, кто непосредственно не видел перемещения. Три персонажа исчезли из своего «мира» на определённое время и вернулись туда, где стоит «портал» – машина времени.

Событие возвращения персонажей показательно: ни один из них не изменился. Бунша остался управдомом, Милославский как мастер перевоплощений нашёлся, что ответить перед милицией, Иван Васильевич – грозный царь. И на протяжении всей пьесы они оставались внутренне собой, попадая в чужую эпоху. Машина времени заставляет их внешне перевоплотиться в других людей, заставляет подчиняться правилам другого времени и ситуации против их воли. Такое путешествие проделывает как Бунша с Милославским, так и Иван Грозный. Исследователь Е.А. Яблоков в своей монографии говорит о «внешней «безрезультативности» булгаковских фабул» [5], приводя в пример несколько прозаических произведений автора. Таким образом, мы считаем, что машина времени, являясь внешним атрибутом изменений времени и пространства, оставляет персонажей, путешествовавших в другую эпоху, неизменившимися, их поведение по возвращении «домой» остаётся таким же. Здесь присутствие циклического времени (замкнутого в себе посредством действия машины времени) возвращает персонажей в статус-кво.

Однако не станем отрицать, что изобретение инженера Тимофеева в чужой для персонажей эпохе показывает предпосылки для изменения их внутреннего я. Бунша, который в первом действии предстаёт идеально-демоническим управдомом (название «демонический управдом» приводит в своей монографии Яблоков), хоть и комичным, в образе Ивана Грозного становится тихим и несообразительным человеком. А также Бунша, как и Иоанн Грозный, быстро поддаётся влиянию алкоголя. Если Иоанн Грозный падает духом: «Оставь меня, старушка, я в печали...» [2], то Бунша успокаивается: «под влиянием спиртного напитка нервы мои несколько успокоились» [2], что заканчивается весельем и хаосом, когда все узнают, что он царь-самозванец.

Время в пьесе не только динамичная субстанция, но и сверхъестественная. Происходящие события в «Иване Васильевиче» до последних сцен, несмотря на ремарку Булгакова о том, что Тимофеев засыпает у аппарата, воспринимаются как фантастическая реальность.

Таким образом, и этот герой попадает во «вневременье», т.е. в сон, где машина времени – сверхъестественный предмет, помогающий сделать прыжок из временного в вечность. «...деятельность булгаковского учёного всегда связана с поиском способа преодолеть время (т.е. выйти в вечность), а совершающееся открытие, таким образом, практически всегда представляет собой модификацию “машины времени”» [5]. Тимофеев, просыпаясь от сна, говорит своей жене: «видишь ли, я признаю свою вину... я действительно так заработался, что обращал мало внимания на тебя в последнее время...» [2]. Здесь видно изменение персонажа всего лишь за несколько минут сна. В случае персонажа, которому всё и приснилось, который является творцом машины времени, прыжок во вневременье оказывается более реальным и ощутимым: «...ситуация «мнимого статус-кво», когда события в итоге приводятся к первоначальному состоянию и конфликт исчерпывается как бы бесследно» [5]. Непосредственно не используемая инженером машина времени во сне показывает, что в жизни изобретателя происходит, и какие его ждут последствия.

Таким образом, Булгаков с помощью машины времени описывает сон во сне, или вневременье во вневременье, или вечность в вечности. Исследователь Яблоков в своей монографии определяет такое явление, как взаимопроникновение хронотопов романного пространства: «Разумеется, в пьесах взаимопроникновение хронотопов проявляется куда эффективнее, становясь композиционной основой “Багрового острова”, “Блаженства” и “Ивана Васильевича”» [5]. Также в пьесе присутствует восклицание Бунши: «Это сон какой-то!..» [2], когда вносят кушанья для царского обеда. В итоге, сон Тимофеева – замкнувшийся круг, который меняет взгляд самого учёного на свою жизнь и окружающих его людей, в особенности, его жены.

Проанализировав пьесу в ракурсе творец-изобретение, мы пришли к выводу, что машина времени в пьесе «Ивана Васильевича» – не только изобретение учёного, которое позволяет путешествовать во времени. Это также мистический предмет, переносящий персонажей во вневременье, в вечность. И работа (которая отнимает много сил) над машиной времени позволяет при помощи схожего перехода во вневременье – сна, осмыслить персонажу своё настоящее положение. Анализ позволяет утверждать, что Бунша, Милославский и Иван Грозный действительно меняются в чужой для себя эпохе под действием внешних обстоятельств, но не теряют своего внутреннего я. Приведённые персонажи имеют только некоторые посылки для изменения, но могут сразу и отказаться от них. Инженер Тимофеев описан в конце пьесы как человек, который завершил цикл, но не вернулся к прежнему статус-кво до конца. Машина времени косвенно, а сон как вневременье изменили его точку зрения на отношения в семье. Таким образом, мы считаем, что путешествие во времени не является безрезультативным для внутреннего я человека.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Блаженство / М. А. Булгаков // Собрание сочинений в 10 томах. Том 07. Последние дни. Пьесы, киносценарии, либретто. Мастер и Маргарита, главы романа, написанные и переписанные в 1934-1936 гг. – М.: Голос, 1999. – 768 с.
2. Булгаков М. А. Иван Васильевич / М. А. Булгаков // Собрание сочинений в 10 томах. Том 07. Последние дни. Пьесы, киносценарии, либретто. Мастер и Маргарита, главы романа, написанные и переписанные в 1934-1936 гг. – М.: Голос, 1999. – 768 с.
3. Кагарлицкий Ю. И. Вглядываясь в грядущее: Книга о Г. Уэллсе / Ю. И. Кагарлицкий. – М.: Книга, 1989. (Писатели о писателях).
4. Яблоков Е. А. НОМОСРЕАТОР – НОМОФАВЕР – НОМОСПЕКТАТОР (Тема «мастерства» у А. Платонова и М. Булгакова) / Е. А. Яблоков. – Russian Literature. Amsterdam, 1999. V. 46. N 2.
5. Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова / Е.А. Яблоков. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 424 с.

УДК 82.02

РОМАНТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ XIX ВЕКА

Майборода Н.В., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nata.m.06@yandex.ru

Литературная сказка своим активным развитием обязана именно эпохе романтизма, на что не единожды указывали ее исследователи. В частности, М. Липовецкий отмечал, что роль романтической традиции в становлении литературной сказки «невозможно переоценить», поскольку «лишь романтизм не только активно обратился к художественной семантике волшебной народной сказки, но и настолько существенно обновил этот жанр, что собственно лишь с эпохи романтизма можно в полной мере говорить о литературной сказке как о полноправном элементе системы литературного сознания своей эпохи» [1, с. 38].

Говоря о специфике романтизма как литературного направления, следует отметить несколько его особенностей, которые так или иначе проявились в литературных сказках.

Поскольку в основе феномена романтизма лежит неприятие современной действительности, ее серости и обыденности, отрицание существующего строя, недовольство окружением личности, то романтики пытаются найти место, в котором не было бы всего того, что вызывает их недовольство. Они творят новый мир, в котором нет места тому, что так возмущает их в реальности. Таким образом они пытаются «убежать» от проблем жестокого мира. И такое бегство возможно с помощью различных

путей. Это может быть прошлое с его славными деяниями в противовес абсолютно не героической современности; будущее, в котором можно домыслить все то желаемое, что отсутствует сейчас; фантастические и потусторонние миры, где раскрываются все скрытые возможности человека; это, наконец, природа, на которой не отразилось пагубное влияние цивилизации, или дальние страны, считающиеся экзотическими для европейца. В вышеназванных местах романтик может искать идеал, которого не находит в реальной действительности.

Еще одной специфической чертой романтического мировоззрения является ориентация творца на душу человека, сложность его внутреннего мира. Не стоит, безусловно, здесь говорить о психологическом аспекте художественного произведения, ведь психологизм станет позднейшим достоянием литературы, однако интерес к внутреннему миру личности со стороны романтиков является неоспоримым. Личность у них предстает как «малая вселенная», «микрокосм». Именно человеку отданы все приоритеты в мире романтизма. Герой романтиков является незаурядной личностью, часто непохожей на других людей, которые окружают ее, и от того непонятной им.

Здесь стоит обратиться к определенной оппозиции *ранний романтизм – поздний романтизм*, поскольку именно с учетом создания героя она проявляется заметнее всего. Герой ранних романтиков – это «герой-путешественник, который потерял социальные и географические корни и свободно передвигается между областями земли, между сном и реальностью, его ведет скорее предчувствие и волшебные случайности – совпадения, чем четко поставленная цель...» [2, ст. 897]. Если этот герой просто не находит себе места в этом мире, то в позднем романтизме герой отстранен навсегда от мира, общества и государства.

«Раздвоение получает и сам романтический человек, «... он либо осознает непреодолимое противоречие сам в себе, либо сталкивается со своим демоническим двойником...» [2, ст. 900].

Важное значение приобретает так называемое «романтическое двоемирие»: наличие двух разных миров, которые охватывают внешнее и внутреннее. «В романтическом искусстве, следовательно, перед нами два мира. С одной стороны, духовное царство, завершенное в себе, ... с другой стороны, перед нами царство внешнего, освобожденное от прочного единства с духом ...» – подчеркивает Гегель [3, с. 233]. Романтическое двоемирие можно трактовать и шире: как противопоставление мира реального и мира воображаемого.

Русская литературная сказка, как и сказки многих других народов и наций, не избежала влияния романтизма. Ярким тому примером может послужить первая прозаическая литературная сказка – «Черная курица, или Подземные жители» Антония Погорельского. В этой сказочной повести романтическое двоемирие представлено через восприятие героя-

ребенка, что делает его не совсем типичным, не таким, как во «взрослой» литературе. В сказке противопоставлен реальный мир пансиона, в котором живет Алеша, и мир подземных жителей, представитель которого – курица Чернушка – вынужден жить на земле. Чернушка в мире людей – это курица (причем существо женского пола), а в своем подземном мире – Министр подземного царства, существо мужского пола. Показательно то, что Алеша так и не узнал, почему же Чернушка проходит подобную трансформацию. Когда Министр начал отвечать ему на этот вопрос, Алеша попросту уснул и не услышал ответа. Возможно, этот ответ не знал и сам автор, потому и ввел мотив сна персонажа. В отношении Чернушки-Министра можно говорить о двойничестве персонажа, характерном для романтизма. Помимо этого, он является проводником, посредником между двумя мирами, подобно сказочной Бабе-Яге.

Возвращаясь к существованию двух миров, важно отметить, что они противопоставлены не только по принципам *реальное-вымышленное* и *верх-низ*, но и по принципу *дискомфортный мир реальности – уютный мир сна*, что и дает возможность говорить о мотиве бегства от реальности, свойственном романтической традиции. В реальном мире Алеша не имеет друзей, он заброшен родными, которые не забирают его на каникулы. А в мире вымышленном, который предстает перед ним во сне, мальчик чувствует себя героем, спасшим от смерти не просто курицу Чернушку, а Министра Подземного мира. В этом мире он не одинок, он получает награду от короля подземного мира. Мотив бегства от реальности реализован здесь посредством вымышленного фантастического мира, куда можно попасть во сне. Важно учесть и тот факт, что Алеша читал много рыцарских романов, и под их влиянием его вымышленный мир наполнен не только фантастическими существами, но и рыцарями, которые охраняют вход в подземное царство.

Сам главный герой в целом типичен для романтизма, поскольку он является человеком, не понятым окружением. Однако сложно назвать его выдающейся личностью, которые часто встречаются среди героев романтиков. Он стал выдающимся лишь ненадолго, только благодаря подарку короля подземного мира (получил способность знать всё заданное в школе, ничего не уча). Однако такая исключительность не пошла ему на пользу, поскольку мальчик загордился и потерял дружбу одноклассников.

И здесь важно отметить специфику жанра сказки как таковой. Поскольку мы имеем дело со сказкой, нельзя пренебрегать и тем фактом, что в ней есть поучительный аспект. Романтические «взрослые» произведения не пытаются учить читателя, в то время как романтическая сказка подчиняется не только законам литературного направления, но и законам жанра. В данной сказке основным дидактическим аспектом является цена предательства. Алеша не только сам пострадал, выдав тайну подземных жителей, он понял, что стал причиной пленения Чернушки и

ухода всех жителей подземного мира в места с более тяжелыми для жизни условиями. Мальчик получил жестокий урок, и автор вместе с Чернушкой надеется, что в дальнейшем это поможет стать ему добрым человеком.

Список литературы

1. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920-1980 гг.). / М.Н. Липовецкий. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 184 с.

2. Литературная энциклопедия терминов и понятий. / [под ред. А. Н. Николюкина]. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.

3. Литературные манифесты западноевропейских романтиков. / [собрание текстов, вступит. ст. и общ. ред. А. С. Дмитриева]. – М. : Издательство МГУ, 1980. – 638 с.

УДК 82-1

ГИПЕРЛИПОГРАММЫ В РУССКОЙ КОМБИНАТОРНОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Максименко А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

a_teacher@bk.ru

На протяжении длительной истории своего развития литературное искусство находилось в постоянном поиске, экспериментируя то над формой, то над содержанием, которые составляют неразрывное единство художественного произведения. Активное использование формальных приемов в построении художественного текста стало началом существования комбинаторной литературы, основанной на определенных правилах и строгих ограничениях в использовании языка. Комбинаторная поэзия как отдельное направление в литературе мало изучена, что обуславливает актуальность исследования произведений данного течения. Отдельный интерес представляет использование гиперлипограмм как одного из приемов звуковой организации стихотворения комбинаторной литературы.

Термин «комбинаторная литература» впервые встречается в послесловии к сборнику «Сто тысяч миллиардов стихотворений» французского писателя, поэта, эссеиста, переводчика, члена группы УЛИПО Раймонда Кено [3, с. 18]. Участники УЛИПО занимались научным исследованием потенциальных возможностей литературы, изучая и создавая художественные тексты с искусственными ограничениями в форме произведения [3, с. 16]. В целом, под комбинаторной литературой понимают

произведения, созданные на основе формальных ограничений – комбинирования тех или иных элементов текста (абзацев, строк, фраз, слов, слогов или букв), т. е. их перестановок, повторений, сочетаний, намеренного удаления или наоборот, выделения в тексте [1]. Таким образом, произведения комбинаторной литературы обычно создаются при помощи таких приемов, как панторифма, тавтограмма, липограмма, анаграмма, омограмма (гетерограмма или равнобуквица), и могут быть представлены в следующих формах: акrostих, палиндром, гетерограмма, листовертни, визуальные стихотворения, абecedарии, ропалические стихотворения и пр.

Одним из первых предпринял попытку выделить комбинаторную поэзию в отдельное направление русской литературы поэт и литературовед И. Чудасов. Несмотря на то, что в России не было официальных объединений и программных манифестов комбинаторной литературы, несмотря на восприятие палиндромов, акrostихов, абecedариев и других форм поэзии как забав, изысков, данное направление все же имеет шансы занять значимое место в русской литературе. Существуют книги, в которых собраны произведения комбинаторной литературы: Б. Гринберг, Т. Бонч-Осмоловская «Хоку-минус» (2013); В. Хромов «ПОТОП, или ада Илиада»; С. Е. Бирюков «Зевгма»; Д. Авалиани «Лазурные кувшины» (2000), «Улитка на склоне» (1997), «Иной реестр» (1997), «Пламя в пурге» (1995); А. В. Бубнов «!Я отстой отстоя!: Стихи, палиндромы и др.: Книга в спичечном коробке с одной спичкой» (2006), «Полное собрание сочинений: стихотворения» (2015); «Свобода ограничения: антология современных текстов, основанных на жестких ограничениях» (2014) под ред. Т. Бонч-Осмоловской и В. Кислова. В последние десятилетия регулярно проводятся конкурсы, посвященные различным формам комбинаторной поэзии (Всероссийский молодежный конкурс-фестиваль литературного и художественного авангарда «А лапа Азора»; Конкурс гиперлипограмм и тавтограмм, организованный порталом русского языка «ЯРУС», Международный фестиваль театрально-поэтического авангарда «Другие»), существуют сайты с произведениями подобной литературы (<http://www.detira.ru/>, <http://rvgames.de/ru/litgames.htm>), а также появился ряд исследователей данного направления (Т. Бонч-Осмоловская, В. Кислов, И. Чудасов, С. Бирюков, А. Бубнов, А. Мирзаев, В. Селиванов)

Одной из старейших форм произведений комбинаторной литературы является липограмма (греч. *leipogrammatikos*: λειπω (*leipo*) – пренебрегаю, отказываюсь и γράμ (*gramma*) – буква) – литературный прием, суть которого состоит в намеренном исключении из употребления в тексте одной буквы или звука [2, с. 144]. И. Чудасов пишет о существовании частного случая липограммы – гиперлипограммы, суть которой заключается в употреблении одной определенной гласной либо согласной. В русской литературе конца XX – начала XXI века существуют авторы, в произведениях которых используются гиперлипограммы. Важно

отметить, что поэты, работающие в рамках комбинаторной поэзии, уделяя особое внимание форме произведения, технической стороне процесса создания произведения, не обходят стороной содержание стихотворения. Напротив, такая сложная форма порождает ассоциативный, полифонический и многоплановый текст, насыщенный различными смыслами, хотя зачастую и сложный для восприятия рядового читателя.

К наиболее известным представителям русской комбинаторной литературы, работающим с гиперлипограммами, относится Б. Гринберг (род. 1962). Глубоким лиризмом пронизано его стихотворение «*Лишь «И»*», в названии которого раскрывается прием, использованный автором. Не менее интересны также другие гиперлипограмматические стихотворения Б. Гринберга: моновокализмы, в которых автор намеренно употребляет только одну гласную букву (трагическое «*Везде «Е»*», полное скорби «*Только «О»*», неказистое «*Вымыслы «И»*», дерзкое и юное «*Трюк с «Ю»*», звучное «*Соло»*) и моноконсонантизмы, где предпочтение всецело отдается одной согласной (нежное «*Лелея «Л»*», утверждающее «*Мои «М»*», почтительное «*Няне»*», рокошующее «*Аура «Р»*»). Также следует отметить, что 20 ноября 2017 года на XXXIX Международном фестивале современной музыки «*Московская осень – 2017»* в Малом зале Московской консерватории прозвучала хоровая премьера композитора С. Терентьева на слова Б. Гринберга «*Только «О»*» [6], что свидетельствует о большом художественном и эстетическом значении данного стихотворения.

Свой вклад в развитие русской комбинаторной поэзии не только как исследователь, но и как поэт, внес И. Чудасов (род. 1981). Используя в своих стихотворениях анаграммы, тавтограммы, цепочки слов, абecedарии, он также создает гиперлипограмматические стихотворения. Используя лишь слова с гласной «о», поэту удается тонко передать быстротечность молодости в стихотворении «*Молодость – словно сон*». Та же гиперлипограмма встречается в стихотворении «*Хоть год, хоть сто с толпой простой...*» [4, с. 187], где затрагивается вопрос о предназначении человека и последствиях его бездействия для окружающего мира. Мотив лени продолжается в стихотворении «*Лень»* [4, с. 188], где автор употребляет только гласную «е». Особого внимания заслуживает гиперлипограмматический акростих «*Город Волгоград»* [4, с. 188], в котором И. Чудасов ограничивает себя не только употреблением слов с гласной «о», но и выбором начальных слов каждой строки, первые буквы которых складываются в название стихотворения.

Современный российский переводчик, писатель В. Кислов (род. 1963), посвятивший много времени переводам произведений членов французской литературно-математической группы «УЛИПО», также создал несколько гиперлипограмматических произведений «*Песнь-песней (трень-брень)*», «*Belles-lettres*», «*Сколько голов, столько снов*

(фольклорно)», «Под мозговой корой» [4, с. 117-120], представляющих особый интерес для дальнейшего исследования.

Следует отметить также стихотворение Т. Бонч-Осмоловской «Три моновокалистических триолета о великом острове», где три строфы посвящены острову Мадагаскар, в которых раскрывается его необычайность с разных сторон: «*Мадагаскар – дар*», «*островов король*», «*гордость снов*» [4, с. 62]. Автор использует в каждом куплете новую гласную: в первом – только «о», во втором – только «а», в третьем – только «е». Такой прием помогает читателю ощутить весь спектр чувств, которые вызывает в человеке этот тропический остров.

Таким образом, можно утверждать, что в современной русской литературе существует новое направление – комбинаторная поэзия. Данное направление начало бурное развиваться в конце XX – начале XXI века, доказывая своей литературной практикой, что формальные ограничения в использовании слов или букв не только не обедняют содержание, а приносят новое звучание стихотворению путем выявления скрытых потенциальностей языка, мотивируя тем самым поэта к творческому поиску и эксперименту. Достаточно недавно в литературоведческую терминологию вошло понятие «гиперлипограммы», которое означает крайнюю степень ограничения в использовании буквы, т. е. в художественном произведении употреблены слова только с одной определенной гласной или согласной. В настоящее время немало писателей обращаются к такому методу ограничения в создании стихотворений. Весьма перспективным является дальнейшее изучение гиперлипограмматических стихотворений с применением фоносемантики. Также, вышеуказанные поэтические произведения позволяют по-новому взглянуть на скрытые возможности русского языка, обогатить русскую литературу новыми формами произведений.

Список литературы

1. Бонч-Осмоловская Т. Комбинаторная литература : от «ARS MAGNA» Рамона Луллия до «Ста тысяч миллиардов стихотворений» Раймона Кено [Электронный ресурс] / Т. Бонч-Осмоловская. – Режим доступа : <http://www.ashtray.ru/main/texts/experlit/lull-que7.htm>
2. Квятковский А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М. : Сов. Энцикл., 1966. – 376 с.
3. Климович Е. А. Эстетика литературно-математической группы УЛИПО / Е. А. Климович // Веснік БДУ. – 2015. – Сер.4. – № 2. – С. 16-21.
4. Свобода ограничений : антология современных текстов, основанных на жестких, формальных ограничениях / сост. Т. Бонч-Осмоловская, В. Кислов. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 216 с.
5. Скоренко Т. Трактат о стихосложении [Электронный ресурс] / Тим Скоренко. – Режим доступа: <http://www.timskorenko.ru/uchebnik5.html>
6. Терентьев С. Только «О» [Электронный ресурс] / С. Терентьев, сл. Б. Гринберга. – XXXIX Международный фестиваль современной музыки «Московская осень-2017». – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=wOSKbdJk6kM>

7. Чудасов И. История русской комбинаторной поэзии / И. Чудасов // Гуманитарные исследования. – 2008. – №3. – С.110-116.

8. Чудасов И. Крайние формы аллитерации в творчестве Бориса Гринберга [Электронный ресурс] / И. Чудасов // Дети Ра. – 2007. – № 7-8 (33-34). – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/ra/2007/7/chu38.html>

УДК 81'225.4 Ахматова

ПОЭЗИЯ А. АХМАТОВОЙ В ПЕРЕВОДЕ Г. ГОРДАСЕВИЧ

Матвиенко О.В., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
matvizar@gmail.com

Одной из малоизученных страниц донбасской словесности было и остаётся художественное наследие **Галины Гордасевич (1935–2001)**. Судьба забросила эту урождённую кременчанку, дочь священника, в Донбасс, с которым оказалась связана почти вся ее дальнейшая жизнь. Г. Гордасевич больше известна как поэтесса, эссеистка, участница диссидентского движения. Её переводы (как правило, единичные) появлялись в печати редко. Под одной обложкой они были впервые собраны – да и то не в полном объёме – посмертно: в 2002 г. во Львове стараниями её сына и меценатов была составлена и выпущена в свет скромная малоформатная книжечка «*Українка в світі*», посвящённая исключительно переводам.

Явное предпочтение Г. Гордасевич отдаёт польским авторам (6 имен, без малого 70 текстов из 120). На втором месте русская и советская поэзия с 19 переводами. Гордасевич обращается в первую очередь к интимной, пейзажной, философско-медитативной лирике, избегая гражданской темы, что объясняется обстоятельствами биографии: в юности её осудили по антисоветской статье. И ещё одно наблюдение: Гордасевич явно тяготеет к женской лирике, особо выделяя два имени – Марию Павликовску-Ясножевску и Анну Ахматову (любопытно, что сама Ахматова в 1950-60-х годах тоже переводила эту польскую поэтессу). Ахматовских переводов в сборнике 13; среди них и перевод известного раннего стихотворения «*Я научилась просто, мудро жить...*» (1912) [1; с. 58], [2; с. 96].

Как это нередко бывает, судьбы и характеры русской поэтессы и украинской переводчицы вошли в резонанс. Возможно, дочь священника привлекли религиозные интонации ахматовского сборника «*Чётки*». Сблизило их и мучительное чувство собственной инаковости, непохожести на других. Хотя стихотворение написано Ахматовой во Флоренции во время путешествия по Италии, навеяно оно воспоминаниями о тверском

селе Слєпнєво. Ахматова, переживая крушение своего брака, жила тогда в «неживописном крае» – в исчезнувшей деревушке Слєпнєво, где располагалось родовое имение Гумилєвых [3]. Поначалу тяготившаяся однообразием сельского уклада и патриархальным бытом, Ахматова медленно, с трудом к нему привыкала. Но в 1915 г. призналась в стихотворении: *«Так случилось: заточенье / Стало родиной второю...»*. Нечто подобное произошло и с Г. Гордасевич: ее тихий, зелєный провинциальный Кременец на Тернопольщине и мощный индустриальный шахтерский Донецк были разительно несхожи. Донецк, который воспринимался ею как место ссылки, всё же стал городом её юности, любви, творческих исканий. Трагическая фигура Ахматовой не могла не вызвать сочувствия Гордасевич, столкнувшейся с теми же проблемами: крушение личного счастья, политрепрессии, тюрьма и ссылка, экзистенциальное одиночество и органическая «невписываемость» в оптимистически-бравурную эстетику соцреализма. На это указывают и другие её переводы из Ахматовой: *«Мені був голос. Звав утішно»*, *«Тихо ллється тихий Дін»*, *«Показати б тобі, насмішнице...»*, *«Реквієм. Вступ»*, *«Я погибель наклїкала милим...»* и т.д.

Перевод с русского на украинский на первый взгляд прост в силу близкородственности языков. Однако лёгкость эта кажущаяся. В переводе Г. Гордасевич даєт сбои ритмика, у Ахматовой чеканно-безупречная. Вместо регулярного ритмического рисунка – мужские клаузулы в нечєтних строках катренов чередуются с женскими в чєтних – Гордасевич прибегаєт то к сплошным женским окончаниям (в первой строфе), то к дактилическим (*козирем-озером*, что для Ахматовой редкость). Исходному ритму отвечают только два последних четверостишия. Вторая строфа *«Когда шуришат в овраге лопухи...»* в переводе стала третьей. Думается, вольность обращения с оригиналом вызвана не столько национальной традицией «переспіву», с которой, собственно, и начиналась новая украинская литература, сколько нехваткой стихотворческого опыта и установкой Гордасевич сохранять во всем верность оригиналу – при том, что сама языковая структура этому сопротивлялась и требовала коренного переформатирования поэтической строки. Переводчица, попадая в силовое поле русского языка, из всего синонимического спектра вынужденно выбираєт максимально близкие к русскому слова и обороты: *бродити* (а не *блукати, прогулюватись*), *«лісопильня»* (а не *тартак*), русизм *которій* вместо *котрій*.

Лирическая героиня Ахматовой делится сокровенным: она недавно пережила расставание и стремится вернуть себе утраченный душевный покой. На этом затухающем движении *diminuendo* и построен поэтический текст. Динамический максимум приходится на начало (вечерняя прогулка, встревоженность), минимум – в финале (целительный сон и покой). Этот эффект усиливает звукопись, от взволнованного **О** и тревожного **У** (*просто, мудро, Богу, долго, ненужную тревогу, гроздь, огонь*) через

умиротворяющее Л в эпизоде с котом (*лижет, ладонь, мурлыкает умильней*) до свистяще-шипящих, имитирующих тихий шёпот и погружение в сон в последнем катрене (*лишь, тишь, аиста, слетевшего на крышу, если, постучишь, не услышу*). К сожалению, в переводе эта внутренняя логика размывается.

В зачине антонимическая ахматовская рифма *Богу – тревогу* сменяется другой: *небо – потреби*, очевидно, подсказанной молитвенным правилом. Динамика переводного текста противоречива: после «медленного» глагола *бродити* появляется намного более энергичный *біжить*, причем он семантически конфликтует с соседним *виступає*. В русском оригинале 18 глаголов и отглагольных форм, в украинском переводе их уже 23, что косвенно указывает на усиление внешней событийности и приглушенность медитативного начала.

Отличия перевода от оригинала проступают в художественных деталях. Ахматовский пушистый кот «*лижет... ладонь*» и «*мурлыкает умильней*», будто обволакивая лирическую героиню уютом и теплом. У Гордасевич, напротив, кот «*навстріч...біжить і виступає козирем*», он явно занят самолюбованием, а не хозяйкой.оборот «*шумлять в канаві будяки*» – не совсем равноценная замена ахматовскому «*шуршат в овраге лопухи*», и вот почему. Шум громче шуршания, *будяк* (*репей, чертополох*, а то и просто *сорняк, бурьян*) и *лопух* – хоть и близкие ботанические родственники, сорняки из семейства астровых, но первые чаще лопухов встречаются на степных просторах Дикого Поля. Ахматовские «*лопухи в овраге*» – тот самый сор, из которого «*растут стихи, не ведая стыда*». *Будяк* обычно можно увидеть в степи, на пустырях или свалках, вдоль обочин дорог. Из перевода исчезла еще одна приметная подробность русского пейзажа средней полосы – «*гроздь рябины жёлто-красной*». Её сменил яркий закатный пейзаж, к слову, тоже типичный для Донбасса с его открытым степным пространством: «*червоне сонце, відгорівши, гасне*». А заканчивается он сугубо украинской пейзажной деталью: «*лелека над хатою*» (аист на крыше дома) – почти национальный символ, залог семейного мира и обновления жизни.

Украинский язык здесь играет двойственную роль: с одной стороны, помогает воссоздать и усилить эвфонию и выразительность стиха (*лелека заклекоче, здається, що згадаєш*), порой фольклор «подсказывает» рифму (*небо – потреби, ночью – почую*). Переводчица ориентируется на повседневную лексику и фольклор ещё и потому, что подчас не находит в украинском языке стилистических эквивалентов для возвышенного слога: *никнет, слагаю, умильней*. А национальная ментальность с её меланхолией (*тугою*) порой диктует изменения в украинском тексте: вместо «*весёлых стихов*» героиня у Гордасевич признается: «*Складаю я сумні свої рядки*». Так перевод Г. Гордасевич обнаруживает, помимо ахматовского предтекста, характерные признаки украинского и донбасского текста.

Список литературы

1. Ахматова А. Я научилась просто, мудро жить... / А. Ахматова. Соч. в 2-х тт. – Т. 1. – М.: Правда, 1990.– 448 с.
2. Ахматова А. Я вже навчилась просто, мудро жити... / Г. Гордасевич. Українка в світі. – Львів: літ. агенція «Піраміда», 2002. – 128 с.
3. Куприянов Д.В. Слепнево и Бежецк в жизни поэта // – [электронный ресурс] Режим доступа: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/kupriyanov-slepnevo-i-bezheck.htm>

УДК 82.09

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И КОНЦЕПЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО БЫТИЯ В ДОНЕЦКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Миннуллин О.Р., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
rapulia@yandex.ru

Донецкая научная конференция, проходившая четверть века назад, «Целостность художественного произведения. Итоги и перспективы» (1994) стала последней в Донецке, на которой слово «целостность» было вынесено в заглавие. Дальнейшие масштабные научные мероприятия здесь будут проходить под вывеской «Автора», «Диалога», «Онтологии творчества» или ознаменуются именами Бахтина, Пушкина, Тютчева, Гоголя... Целостность, конечно, не будет сдана в архив, но ее трендовый статус будет утрачен, ясно определится «точка невозврата» к ней, по крайней мере, в «классическом виде». Именно «Битва титанов» (такое название конференция получила в филологической среде), противостояние М. М. Гиршмана и В. В. Федорова и определило завершение «Золотого века» *целостности*. С. В. Медовников сказал на этой конференции об «ощущении финала», «ощущении черты» для теории *художественной целостности* [2, с. 73].

Итак, наиболее радикальную «внутреннюю» критику теории целостности (идеалистическую критику, в духе и на языке ДФС), при всей дипломатичности формулировок, представил В. В. Федоров. Его онтологически-персоналистская теория *поэтического бытия*, вовлеченного в *обратное превращение Слова*, связана с идеей вселенской катастрофы. Целостность, как ее понимает М. М. Гиршман, при таком взгляде на бытие невозможна. Существенно то, что теория целостности в свете этого критикуется вынужденно, вследствие иных исходных положений. Концепция В. В. Федорова не утверждалась как афишированная оппозиция теории художественной целостности, но

несовместимость двух гуманитарных парадигм, конфликтность их сосуществования и поиски возможностей диалога создали условия для интенсивного развития Донецкой филологической школы.

Комментируя основные идеи оппонента, В. В. Федоров говорит, что идея целостности возникает как «потребность мира и человека «в каком-то окончательном состоянии» [2, с. 48]. По его мысли, главное заблуждение апологетов теории целостности в том, что «желательное состояние невольно ... выдается за наличное, где-то существующее». Эта жажда «окончательной целостности» вселяет в человека «беспокойство». Но реально целостность бытия, к которой человек причастен, по мысли В. В. Федорова, не существует, «нет поледеней гармонии, нет последнего всеразрешающего состояния», «бытие... нуждается... в улучшении» [там же].

Художественное творчество мыслится В. В. Федоровым в качестве «паллиативной меры» (временной, облегчающей, но не преодолевающей проблему в корне) в ситуации вселенской неустроенности человека, «неблагополучия» бытия [2, с. 48], которая выдвинута мыслителем в противовес идее *полноты бытия*. Разрыв, «зазор» между желаемой целостностью и реальным положением вещей порождает «кризисную, трагическую ситуацию», приводит в движение «творческую энергию» [2, с. 49]. По В. В. Федорову, «онтологическая интуиция» требует от человека «выпрямиться», преодолеть свою «онтологическую недостаточность» [3, с. 456] и поэтическое творчество по-своему обращает на этот путь.

Вначале 1990-х В. В. Федоров предлагает идею «памяти о первичной целостности», памяти о «Золотом веке», «дотварном состоянии», памяти, которая направляет художника в творчестве. «Художественное произведение как целостность... – пишет автор концепции поэтического бытия, – только обостряет нашу неадекватность человеку как целостному... и... актуализирует эту потребность, но вместе с тем – и её неосуществлённость» [2, с. 50]. Донецкий филолог и известный писатель В. В. Рафеенко отметил: для М. М. Гиршмана «целостность как первичное мирозозидающее качество бытия... продолжает быть... в нас, в деревьях, в мире, в наших радостях и горестях. А Владимир Викторович на это корректно сказал, что она была и, может быть, будет, но сейчас ее нет... Все остальные различия производны» [2, с. 72].

В. В. Федоров говорит, что «**теоретическая** возможность целостности» человека «не удовлетворяет», «не успокаивает», потому что эта «целостность отсутствует во всем, отсутствует в космосе». Автор художественного произведения хочет создать «аналог» завершеного мира, аналог события, способного завершить не только «автономный эстетический объект», но и действительное бытие, «большой мир», стремится непосредственно исправить поврежденный, «вывихнутый из суставов» мир.

В концепции М. М. Гиршмана «идеал мировой гармонии и реальная *органическая ограниченность* человеческого существования в жизненной действительности» [1, с. 474-475] – это **никогда не совпадающие**, хоть и «взаимообращенные», полюса поэтического целого. Воплощение идеала в творческом акте «внутренне связано с осознанием его неосуществимости в рамках жизненной действительности» [Там же]. В теории В. В. Федорова творение *поэтического мира* – событие, приближающее *обратное превращение*, т.е., по сути, – это **прямое действие**. Эстетическое творчество и бытие как таковое – одно. Для М. М. Гиршмана это не приемлемо: «Как бы мне не хотелось сделать поэтический мир элементом моей реальной действительности и приспособить его, чтобы... усовершенствовать реальную действительность, я этого не могу... У меня есть только возможность находить *меру*... умерить эти противоречия... попытаться соединить связи этих, по существу, не совместимых миров» [2, с. 52].

В. В. Федоров стремится свести все к одному роковому событию *обратного превращения*, но при этом теряет человека в том виде, в котором он есть сейчас, отрицает ценность **этого** бытия. В полемике 1994 года М. М. Гиршман говорит: «В концепции Владимира Викторовича более существенен эсхатологический момент, мышление конца, к которому все в конце концов должно прийти. А я склонен рассматривать свою концепцию вне эсхатологического представления... мне ближе Единое Платона, чем христианский Бог-творец» [2, с. 52].

Любопытно, что сам М. М. Гиршман несколько раз использует федоровское понятие *поэтический мир* в работе «Творчество Пушкина и современная и теория поэтического произведения» [1, с. 473]. По мысли М. М. Гиршман в пушкинском *поэтическом мире* «каждому живущему человеку дана причастность и задано участие в смыслообразующем общении «земли» и «неба» [1, с. 475]. Здесь чувствуется существенное сближение взглядов двух теоретиков. И все-таки в этой *причастности*, в этом *общении* в понимании М. М. Гиршмана человек остается человеком, духовным, но и жизненным существом, не претендующим на возведение вавилонской башни, человеком в **человеческой ситуации**. У В. В. Федорова *собственно человек* – это уже не «дитя земли», смотрящее в небеса, это, практически, Бог (одно из воплощений *Слова*). Для В. В. Федорова, вообще, всё бытие «форма проявления человеческого» [2, с. 51], поэтому дело поэта – часть космического творческого процесса в буквальном смысле. Для М. М. Гиршмана при любом раскладе «человек – не Бог» (одна из повторяемых формул мыслителя), он участвует в космическом строительстве в *меру* своей «*органической ограниченности*».

Резюмируем: М. М. Гиршман утверждает, что *полнота бытия, целостность* существуют, искусство дает возможность пережить *причастность* ее творческой мощи, но с реальной действительностью оно связано сложным образом, *мера* (в античном философском духе) этой

взаимосвязи определяется всякий раз в конкретной *личности*, в конкретный момент «*события бытия-жизни*» (М. М. Бахтин). Для В. В. Федорова полноты бытия, целостности нет (только как желаемое), но искусство (*поэтическое бытие*) приближает ее, причем осуществляет это в реальности «большого мира», – форсируя *обратное превращение*.

В концепции М. М. Гиршмана творческий акт – это диалог, понятый как **созидательное согласие**, в том числе и диалог человека и мира. У В. В. Федорова человек и мир находятся в «неравновесном отношении», их взаимоотношения, если и диалогичны, то этот диалог ведется каждой из сторон с позиции силы (в духе героев Ф. М. Достоевского): «Художественное творчество является только одной из форм... вынудить весь мир стать таким, чтобы меня осуществить как идеального человека, как человека по своей идее» [2, с. 62-63].

Примечательно, что реагируя на вопрос А. О. Панича об «атомах и пустоте» (как быть, если в мире нет ничего, кроме атомов и пустоты?), оба мыслителя отвергли такую возможность в принципе. Обе теории, так сказать, идеалистические, строящиеся в духовном измерении, даже, как определяет тот же философ, «на рациональном аспекте веры» – говоря категорически, эти теории религиозны. На фоне таких гуманитарных стратегий как постструктурализм, деконструктивизм и т. п. столь различные философско-филологические системы как *теория художественной целостности* и *концепция поэтического бытия*, предстают как составляющие единого контекста.

Список литературы

1. Гиршман М. М. Литературное произведение: Теория художественной целостности / Михаил Моисеевич Гиршман. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 560 с.
2. Кораблев А. А. Донецкая филологическая школа: Опыт полифонического осмысления / сост. Александр Александрович Кораблев. – Донецк: Лебедь, 1997. – 176 с.
3. Федоров В. В. Проблемы поэтического бытия: сборник научных работ / Владимир Викторович Федоров. – Донецк: Норд-Пресс, 2008. – 490 с.

ЖАНРОВЫЕ МОДИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ «НЕДОТРОГА» Т. КОРНИЕНКО

Перетятая О.С., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко» г. Луганск, ЛНР
kafukrfil@yandex.ua

Литература для детей и юношества является составляющей мировой литературы и развивается под влиянием общенациональных и общелитературных процессов, перенимая современные и постмодернистские тенденции, новые жанровые образования, стилевую эклектику. Современная детская литература характеризуется художественным синтетизмом на уровне смешения жанров. Искусная стилизация литературной сказки под фольклор, сквозь которую усматриваются признаки других жанров – создает эффект игры. Примером может послужить современная сказочная поэтика Т. Корниенко, характеризующаяся особенной жанровой усложненностью. Сказки писательницы базируются на определенных формулах и мотивах, присущих фольклорному первоисточнику, которые отсылают читателя-реципиента к общеизвестным жизненным ситуациям.

На первый взгляд психологическая сказка Т. Корниенко «Недотрога» не отличается специальным композиционно-стилистическим построением, характеризующими фольклорный жанр. В авторской сказке отсутствуют традиционные элементы зачина и концовки, в содержании нет необычных в бытовом смысле событий (фантастических, чудесных). Однако сформулированная В. Проппом многосторонняя концепция обусловленности волшебной сказки обрядом инициации оставляет в стороне вопрос общности сюжетно-композиционного строения современного литературного произведения и фольклорного первоисточника [5]. В анализируемой авторской сказке обряд инициации представлен переосмыслением подростка своей принципиальной жизненной позиции, которая в психологии квалифицируется как фобия, и, как следствие, преобразование в новом амплуа.

Принимая во внимание соотношение сказочных элементов с элементами иных литературных жанров, отмечаем, что структура и содержательные особенности психологической сказки «Недотрога» Т. Корниенко соответствуют формуле женского романа: успешное преодоление различных испытаний на пути к личному счастью, субъективной позиции, реализующиеся с помощью женской инициации. Высокая эмоциональность героев, слезы, романтические моменты, интриги

и перипетии, имеющие место в сказке, также относятся к особенностям женского романа.

Следует отметить типологическое сходство некоторых сюжетно-композиционных элементов сказки «Недотрога» с жанром психологического романа. Алевтина живет дисфункционально, подавлена авторитетом матери, замаскированным под чрезмерной опекой. Именно мать контролирует все процессы в жизни дочери, принимает решения. Выраженные желания Алевтины игнорируются, в связи с этим возникают постоянные ссоры, подросток чувствует себя угнетенно, девочка лишена возможности самостоятельного принятия решений. Доминирование мамы в семье минимизирует роль отца в воспитании дочери, его функции сводятся к финансовому обеспечению семьи. Следовательно, результатом дисфункциональной семейной системы Алевтины становится сложный процесс социализации в школьном коллективе. Девочка терпит насмешки и издевательства одноклассников, и, как следствие, возникают конфликты, касающиеся любви и соперничества [2]. У Алевтины наблюдается истерическое поведение, признаком которого является жизнь в выдуманном мире, в мире фантазий. Они выполняют защитные функции, поддерживая мечты о совсем иной жизни, противоположной той, которую она проживает в реальном мире: пользуется всеобщим уважением, избавляется от фобии, познает любовь и пр.

Фантазии и размышления девочки передаются от первого лица, и текст приобретает исповедальный, достоверный характер. Алевтина попадает в различные ситуации и описывает свои переживания, связанные с жизнью в школьном коллективе, с первой влюбленностью и разочарованием. В современной литературе исповедальный жанр трансформируется из плоскости речевой в плоскость текстовую. Смещается акцент с социального (исповедь перед обществом) или теологического (исповедь перед Богом) уровня на уровень конкретной личности (исповедь перед собой). Поэтому Алевтина делится фрагментами своей жизни на страницах дневника, доверяя ему мучащие ее переживания, тайны, которыми бесполезно делиться с остальными людьми. Такой вариант эксплицитного повествования – характерная черта литературы для подростков. Поэтому процесс чтения произведения реципиентом можно сравнить с посещением психолога.

Школьная повесть также часто пишется от лица главного героя, максимально приближаясь к жанру дневника. Книга Т. Корниенко «Недотрога» и есть, по сути, дневник – издание стилизовано под исписанные, разрисованные тетради, благодаря чему читатель сразу попадает в пространство, предлагаемое автором. Кроме того, с жанром школьной повести психологическую сказку Т. Корниенко сближает общая тематика. Отображаются неблагоприятные отношения внутри класса, подростки конкурируют, завидуют, совершают подлости. Кроме

школьного, в подростковых произведениях изображается пространство дома (квартиры) и пейзаж. Природное пространство, как правило, связано с ситуацией отдыха [4].

Приключения, которые обычно присутствуют в литературе для подростков, находят свое отображение в сказке Т. Корниенко в качестве детективных элементов, которые становятся средством выявления авантюры. Несмотря на то, что в современной сказке нет действия, которое в детективе квалифицировались бы как преступление, однако обман лучшей подруги и измена любимого Ивана – преступление с точки зрения морали. Средством достижения цели (наказание за совершенное преступление) в детективной повести служат доказательства, полученные в ходе расследования. В сказке Т. Корниенко «Crazy» целью главной героини является изобличение предателей. И здесь мы встречаем новый элемент детектива – мистификацию. В толковом словаре А. Хорнби это «издевательство над каким-либо человеком, с целью сделать его смешным». По определению А. Вулиса: «В аванюре судьба играет человеком, в мистификации человек играет судьбой, – правда, не собственной, а чужой» [1, с. 67].

Когда Иван узнал о чрезмерной брезгливости Алевтины, то решил помочь девушке справиться с этой фобией. Парень где-то прочел, что сильная эмоция может излечить даже неизлечимого человека. Он подговорил подругу Юлию и одноклассников подшутить над Алевтиной и намеренно выдумал историю с изменой. Именно Иван играет роль мистификатора, он манипулирует поступками Алевтины, вовлекая ее в авантюру. Мистификация в сказке Т. Корниенко – это событие-игра, в котором побеждает разум и добрые дела.

С полной уверенностью можно утверждать, что для современной литературной сказки Т. Корниенко свойственно явление так называемой жанровой контаминации. Современную сказку писательницы наполняют элементы школьной повести, психологического и женского романов, детектива. Логика искусства служит для Т. Корниенко инструментом игры, который умело используется автором для создания альтернативных миров, фокусируя свое внимание на непознанном, неопределенном. А игровой принцип стирает грани между художественным вымыслом и реальностью, реальное и вымышленное становятся равноправными, успешно существующими в поэтике сказки.

Список литературы

1. Вулис А. В мире приключений. Поэтика жанра / А. Вулис. – М.: Советский писатель, 1986. – 384 с.
2. Джонсон Р. Она: Глубинные аспекты женской психологии / Роберт Джонсон. – М.: Когито-Центр, 2008. – 112 с.
3. Корниенко Т. Недотрога [Текст] / Татьяна Корниенко . – К.: Час майстрів, 2015. – 104 с.

**ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА VERSUS ЭСТЕТИКА:
Э. ЛЕВИНАС И М. БАХТИН**

Першина К.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
ksenia11pershina@gmail.com

Наиболее известным мыслителем, представляющим этическую проблематику в рамках традиции диалогизма, является Эммануэль Левинас. Этот философ вошел в диалогическую смысловую сферу сквозь традиционные для этого пути, но гораздо более академичные, чем он, врата феноменологии, будучи непосредственным учеником Э. Гуссерля. Принимая вслед за своим учителем факт интенциональности сознания и условности реальности как таковой, Левинас приходит к ощущению некоторой деструкции, заключенной в этой процедуре, а именно разрозненности бытия. Однако дискретность смысла и существования вызывает в мышлении Левинаса ключевую для его дальнейшего развития обеспокоенность, что заставляет философа искать некий лейтмотив, объединяющий разрозненное. В итоге этого поиска, включающего период расхождения с гуссерлевской феноменологией и приближения к хайдеггеровскому экзистенциализму, Левинас находит ключ переосмысления основных философских вопросов в понятии Другого. Однако при общности отправных положений последующее развертывание диалогической концепции Левинаса демонстрирует принципиальные расхождения с диалогикой Бубера. Эти расхождения начинаются с того, что акценты восприятия феномена Другого у Левинаса и Бубера существенно разнятся: «Наше усилие состоит не столько в том, чтобы выявить своеобразие отношения Я – Ты, сколько в том, и это главное, чтобы показать этическую структуру данного отношения» [Цит. по: 1, с. 196].

В дальнейшем развитии левинасовского диалогизма отчетливо формируется его специфика, заключающаяся, прежде всего, в понимании онтологии, хайдеггеровского бытия как тотальности и насилия, и в этическом освобождении Другого из этой «тюрьмы». Бытие становится для Левинаса той удушающей почвой, сквозь которую нужно прорасти, которую нужно превозмочь, и путь этого превозмогания указывает беспокоящее явление Другого, онтологически необеспеченное потому, что мы, исходя из своего непосредственно ощущаемого существования, «окруженного» бытием, не можем так же непосредственно воспринять существование Другого. Бытие по Левинасу безлично, Другой же, напротив, только тем и наделен, что индивидуальным Лицом (*visage*). Особенность подхода Левинаса к субъектному взаимодействию «Я – Ты» отличает его от буберовского прежде всего тем, что положение Я и Другого по отношению к бытию мыслится

Левинасом категорически различным. «Я» неотделимо от бытия и своего индивидуального существования, явление же другого принципиально вытеснено из бытия, что несет в себе и коннотации свободы и обертоны негарантированности, зыбкости Другого.

Говоря о проблеме соотношения этики и эстетики диалога, следует констатировать тот факт, что в эстетической концепции Бахтина привилегии, которыми обладает Другой по отношению к субъекту, абсолютно идентичны видению Левинаса и имеют тот же философский полюс отталкивания. Обращаясь к проблемам этики, Бахтин формулирует основные свои положения, возражая, прежде всего, кантовскому принципу идентичности как основе категорического императива (принципу «другой как я»). Предпочтение самотождественного инаковому является той точкой отсчета, в возражении которой формируется диалогическая этика, включая этику Бахтина, выдвигающая на главную роль собственно понятие Другого, то есть отличающегося от меня. Характерно то, что это этическое положение Другого раскрывается не в неоконченном этическом трактате Бахтина «К философии поступка», но в последующей эстетической концепции Бахтина, в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Здесь Бахтин говорит о различии этических требований по отношению к Я и Другому, которые филолог определяет, следуя терминологии неокантианства, как заданность (по отношению к Я) и данность (по отношению к Другому), из которых заданность трактуется как принуждение, целеполагание, активность, требование поступка, а данность – как пассивность, благо и дар.

Таким образом, выведение Другого в некую приоритетную с этической точки зрения сферу актуально для Бахтина, равно как и для Левинаса, с той разницей, что Левинас обозначает эту сферу как непререкаемо нравственную, а Бахтин располагает одариваемого Другого в сфере эстетической, маркируемой однако в такой степени этически, что ее «эстетство» становится во многом условным. Левинас понимает эстетическое как результат объективации Другого («В бесконечной игре искусства иго другости снимается с бытия» [2, с. 76]). Бахтин же понимает эстетическое как результат того же жеста благого дистанцирования, который создает всю диалогическую этику Левинаса.

Концептуальное противоречие этики Левинаса любым формам эстетического по факту корректируется тем, что само существо этой этики выражено почти эстетически в теме Лица Другого. Для того, чтобы описать Другого, Левинас не прибегает к словосочетанию «образ другого», так как «образ» для него значит «объект», определение же Другого с помощью значения и коннотаций слова «лицо» несет в себе, с одной стороны, конкретно-чувственные характеристики, а с другой ощущение видимости, неполноты, неоплотненности Другого («только лицо»). Такое положение вещей требует особенной напряженности отношения к Лицу

Другого, граничащей именно с эстетическим экстагическим состоянием, не случайно, что для описания «захваченности Другим» Левинас выбирает эстетизированную эссеистическую форму.

Здесь можно возразить, что саморазрушение формы, определяющее левинасовское «Лицо», не дает возможности трактовать это явление его мысли как хоть сколько-нибудь относящееся к эстетике. «Лицо не имеет формы в привычном понимании, но оно не есть и нечто бесформенное, которому не достает формы и которое в форме нуждается. Явление лица – это чистый опыт, «опыт без концепта», и все попытки концептуализировать его оказываются безуспешными» – отмечает исследовательница философии Левинаса И. Вдовина [1, с. 221-222]. Однако по существу эстетический образ, особенно образ словесный, подразумевает также некоторую подвижность, нестатичность формы, условность пластики, преодоление, размывание ее. Образ искусства, даже пластического, а тем более других искусств, никогда не является до конца зрительным. Можно припомнить в этом смысле особенности восприятия экранизации любимого или известного художественного текста, когда пластическое восполнение художественного образа совершенно конкретной фигурой актера часто смущает наше эстетическое чувство, заставляет чувствовать неудовлетворенность неточностью, как бы ни был хорошо актер. Следовательно, пластика словесного образа, всегда данная в неполноте намек, детали, краски, лишенной отчетливого контура, оказывается более точной и объемной, чем пластика образа зрительного. В этом смысле художественный образ и понятие «Лица» в философии Левинаса имеют сходную природу.

Список литературы

1. Вдовина И. С. Феноменология во Франции / И. С. Вдовина. – М., 2009.
2. Левинас Э. Время и другой // Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб., 1998.

УДК 82.09

СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД БАРОЧНОЙ ДРАМЫ (на материале славянских пьес XVI – XVIII веков)

Плахтий Т.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
plachtijt@mail.ru

Новизна нашего подхода к изучению славянской религиозной драмы XVI–XVIII веков заключается в осмыслении ее сюжетно-образных парадигм в контексте новых исследований по теории литературы и

библейской герменевтике (О. Д. Синченко, Е. А. Данилова, Д. А. Зеленин, М. М. Меретукова, З. Б. Лановик), медиевистике (Н. А. Нехлебаева, М. К. Кузьмина, А. В. Архангельская, А. А. Пауткин), семиотике и культурологии (Е. Е. Бразговская, А. В. Михайлов, В. Н. Агеев, Е. А. Ахохова), философии (Е. М. Щепановская, Е. В. Шутова, Т. В. Платицына), фольклористики (М. О. Абдрашитова, А. А. Солдаева) и других наук.

Особую значимость имеет интеграция в интерпретационную модель литературоведческого анализа герменевтического компонента, что позволит исследовать значение, смысл и принципы функционирования системы библейских знаков, символов и кодов в текстах барочных славянских драм как на сюжетно-образном, так и на жанровом уровнях, выявить метакультурные связи между древнерусскими, древнеукраинскими, древнепольскими пьесами.

Художественная и культурно-историческая ценность текстов славянской драмы XVI–XVIII веков определяется наличием в них семиотического кода, в котором сокрыт «знаковый след» всей эпохи, породившей феномен барочного театра. Проблему интерпретации драмы можно решить, обратившись к теории знаков Ч. Пирса. [2]. Важно введение в интерпретационную модель понятия кода, который представляет систему, позволяющую «... ограничить равновероятность различных значений» [1, с. 47].

Барочная религиозная драма актуализирует в своем текстовом пространстве сакральные символы христианского вероучения через жанровые и сюжетно-образные парадигмы. Знаковая репрезентация в барочной драме реализуется в пределах иконического пространства диалога. В раме диалога разворачиваются мистериальные сюжеты о рождении, распятии, воскрешении Христа, об успении, воскрешении и вознесении Божьей Матери. Так, например, каждое явление написанной в XVIII веке святителем Димитрием Ростовским (в миру Даниил Саввич Туптало) «Успенской драмы» («Комедия на Успение Богородицы») воспринимается как отдельное иконическое изображение, иллюстрирующее определенное мистериальное событие из священного писания – схождение на землю Святого Духа, суд над грешником, вознесение святой Девы Марии и тому подобное. Библейские образы Святого Духа, грешника, Девы Марии в «Успенской драме» Д. Ростовского – это развернутая в тексте знаковая система христианской иконографии. В пространстве диалога достигается вторая степень иконизации священного образа. Имеем «икону в иконе». Так, например, образ успения Богородицы отражает глубокие взаимосвязи между славянской барочной драмой и православными иконами – Псковско-Печерской иконой Успения Божией Матери (1473 или 1521 год), иконой Феофана Грека «Успение Пресвятой Богородицы» (1392). Образы алтарных картин католических храмов –

«Вознесение» (1516–1518 гг., Тициан), «Вознесение Девы Марии» (1623 г., Гверчино) – актуализируют связи с славянской барочной драмой на межконфессиональном уровне.

Семиотические знаки в тексте барочных драм прочитываются через символ, который является своеобразным знаковым кодом. Символ способен выражать закономерную упорядоченность вещи, быть ее порождающей моделью (А. Лосев) [4, с. 152]. Специфика функционирования символа в барочной драме определяется его метакоммуникативной ролью. Символ в драме актуализирует архетип как на жанровом уровне (славянская драма барокко представляет собой полижанровую структуру, включающую фольклорные, античные, духовные жанровые формы и др.), так и на сюжетно-образном уровне. Символ проявляется в драме как в индексальном плане (образы-атрибуты), так и в иконическом (эмблематические изображения). Библейские образы в барочных пьесах переосмысливаются через жанровую модель эмблемы и реализуют свой потенциал как индексальные знаки. Каждая из эмблем имеет устойчивое символическое или аллегорическое значение вне текста драмы. Поэтому для успешной интерпретации религиозной драмы XVI–XVIII веков необходимо владеть эмблематическим кодом барокко.

Эмблемы интерпретируются автором в семиотическом пространстве драмы и приобретают новые смысловые коннотации. Подробное описание эмблем в текстах барочных пьес, как правило, содержится в ремарках. Так, в польской пасхальной драме «*Utarczka krawawie wojującego Boga i pana zastępów*», датированной 1663 годом, в ремарках подаются эмблематические описания фигур-персонификаций – Любви (польское *Miłość*), Измены, Мира, Фортуны, Смерти и Милосердия [6]. Атрибуты Любви – воспаленное сердце, крест, парик и корона. Атрибуты Измены – меч, оружие, шлем.

В пятом явлении второго действия «Успенской драмы» Д. Ростовского с помощью атрибутов – митра церкви, венец рая, котва (корабельный якорь) корабль, крылья лестницы (лестницы), сердце, ключ, щит, книга, крин, пернач (булава), шлем, труба, меч – косвенно изображается образ святой Богородицы [3, с. 215-219]. Все эти предметы-атрибуты характеризуют Деву Марию и упоминаются при ее восхвалении в духовных кантах.

Эмблемы выполняют в драме изобразительную функцию и, предшествуя словесной характеристике образов, определяют построение сюжета. Эмблема, будучи трехмерной художественной структурой с определенным, строго ограниченным, замкнутым абстрактным содержанием, является статичным проявлением художественного образа в славянской драме барокко.

Благодаря символизации в эмблематическом изображении происходит осмысление архетипа на уровне обобщения, типизации и классификации типовых моделей и схем. Благодаря символу-функции

архетипные представления объективируются в образных парадигмах драмы. С помощью парадигмы библейских образов Святой Троицы, Христа Спасителя, Древа Жизни, Богородицы, сакральных плодов в текстах славянской барочной драмы реализуется свойство символа формировать целостный художественный образ мира.

Метод постижения архетипной природы и знакового кода религиозной драмы барокко определен субъективным характером его рецепции. Центр архетипной структуры не локализован, он является подвижным и может смещаться. Такое смещение обусловлено диалогической игрой знаковых и образных систем авторского вымысла и фантазии реципиента. В текстах религиозных драм барокко вариативность знаковой репрезентации проявляется благодаря различным жанровым контаминациям, обыгрыванию библейских сюжетных схем, авторской группировке фигур-персонификаций, диалогической игре художественных тропов.

Изображаемые в славянских религиозных пьесах библейские образы и сюжеты осмысливаются в контексте семиотической системы религиозного театра XVI–XVIII веков, симультанные принципы репрезентации которого отражают специфику канонического мировосприятия эпохи барокко.

Список литературы

1. Бразговская Е. Е. Семиотика. Языки и коды культуры: учебник и практикум для академического бакалавриата / Е. Е. Бразговская. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019 – 186 с
2. Пирс Ч. Избр. филос. произв. [Текст] / Чарльз Пирс / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М.: ЛОГОС. – 2000. – 448 с.
3. Ростовский Д. Успенская драма (Комедия на Успение Богородицы) // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. – М.: Наука, 1972. – С. 161-172.
4. Теоретическая поэтика: понятия и определения / Авт.-сост. Н.Т.Тамарченко. – М.: РГГУ, 2002. – 467 с.
5. *Utarczka krawawie wojującego Boga i Pana Zastępów* // *Dramatu staropolskie. Antologia, w 6 t. / Oprac. J.Lewackim.* – Т. VI. – Warszawa, 1959. – S. 9–40.

УДК 82.1

ЖАНР ИДИЛЛИИ В РОМАНТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Сенчина Л.Т., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
senchina@mail.ru

Жанр идиллии имеет длинную историю. На протяжении всей своей жизни идиллия изменялась, трансформировалась, разрушалась,

возрождались. Идиллический жанр никогда не был статичным. Обращение к этому типу произведений дает возможность глубже осознать динамику литературных процессов, происходящих в русской литературе на протяжении многих веков.

Известно, что интерес к жанру идиллии возникает в эпоху классицизма, в период, когда идет становление всей жанровой системы в русской литературе. В это время начинается активное освоение античности. Причем следует особо подчеркнуть, что обращение к античности не было простым копированием древних образцов, а представляло собой сложный процесс освоения «старого» с учетом новых идей и обстоятельств. Вспомним известное высказывание В. Белинского: «...Если есть идеи времени, то есть и формы времени» [1, с. 293].

В эпоху сентиментализма, когда происходила общая перестройка художественного сознания, изменялись принципы поэтического освоения мира, произошла существенная трансформация и в жанре идиллии в целом. «Внешние» факторы, влияющие на выдвижение идиллии на первый план, вступали в явное противоречие с «внутренними» возможностями этого типа произведения. В работе «О наивной и сентиментальной поэзии» Ф. Шиллер писал: «Обладая высоким содержанием, нежным сердцем, они дают слишком мало уму, и их однообразный круг слишком быстро исчерпывается» [3, с. 440].

Уже в сентиментализме жанр идиллии начинает разрушаться. Идиллия из самостоятельного жанра превращается в одну из составляющих элементов. «Пастушеское» стихотворение включается в иные жанровые образования, в частности в чувствительную повесть, пастушескую драму.

В целом обращение к жанру идиллии в русской литературе XVIII в. носило поисковый, явно экспериментальный характер, что и обусловило, в определенной степени, влияние этого типа произведения на многие жанры, которые формировались в этот период.

Закономерно, что романтизм при своем возникновении «вобрал» в себя важнейшие завоевания сентиментализма.

Для романтиков был характерен повышенный интерес к национальной культуре, к прошлому своего народа. Поэты-романтики соотносили русскую патриархальность с античной культурой.

Поэты-романтики активно обращались к античности, так как видели в ней гармоничный мир, лишенный противоречий, противопоставляли этот идеальный мир существующей дисгармонии, которая все отчетливее осознавалась поэтами.

Однако, обращаясь к жанру идиллии, романтики ощущали и определенную «исчерпанность» этого типа произведений. Поэтому стремились возродить этот древний жанр, опираясь на принципиально новую основу.

Прежде всего, романтики расширили представление об идиллическом, разрушив былую жесткую связь между миром природы и человека, углубили представления о личности, о её внутреннем мире. У поэтов-романтиков личность осознает себя как самостоятельная духовная субстанция.

Следует также отметить, что в разработке жанра идиллии на русской почве определенную роль играло не только оригинальное творчество, но и многочисленные переводы как древних, так и западноевропейских поэтов-идилликов. К таким талантливым переводчикам следует отнести Н. Мерзлякова, В. Жуковского, Н. Гнедича. В переводах этих поэтов особо ощутима тенденция не только сохранить основные типологические черты жанра идиллии, но и расширить возможности типа произведений в плане освоения национальной жизни: явно обозначилось стремление авторов проникнуть в мир душевных переживаний человека.

Поэты-переводчики активно использовали новые стихотворные формы в жанре идиллии. Осознавая жанрово-содержательную дифференциацию стиха, поэты обращались, с одной стороны, к тем ритмическим формам, которые имели определенную традицию, воспринимались как содержательно-значимые, а с другой – вводили стихотворные размеры, которые не были характерны для идиллического жанра. Особенно значимыми становились эксперименты с гекзаметром и трехсложниками. В целом поэты-переводчики ставили перед собой задачу создать «образ» идиллии в русской поэзии в эпоху романтизма.

Следует особо отметить оригинальное творчество В. Панаева в плане освоения идиллического жанра на русской почве. Для этого поэта характерна опора на традиции XVIII в. в разработке жанра идиллии и явное стремление трансформировать этот древний тип произведений.

Дифференцируя традиционные для XVIII в. жанровые разновидности идиллий («эпическую» и «лирическую»), В. Панаев в определенной степени стремится к их переосмыслению и развитию. Так, в «эпическом» типе наметилась тенденция к разграничению и «индивидуализации» голосов героев, для чего поэт в диалогах использует инометрические вставки.

В «лирическом» типе идиллии усиливаются эмоциональность, исповедальность; перестраивается лирический монолог. Все это способствует трансформации идиллии, в целом преобразованию её в стихотворение-исповедь.

Важный этап в развитии «пастушеского» стихотворения связан с именем А. Дельвига. Поэт разрабатывает идиллический жанр в двух направлениях.

Первое – связано со стремлением А. Дельвига воспроизвести во всей полноте и целостности античный миф, «пластику» чужой культуры. Поэт фактически «возрождает» основные жанрово-содержательные признаки

идиллии. Но, воспевая в своих идиллиях миф естественности и простоты мир гармонии и красоты, Дельвиг все отчетливее осознает трагизм существующей реальности. Знаменательно, что в идиллическом творчестве поэта появляется идиллия «конец золотого века», где возникает тема смерти и безумия героини.

Второе направление в разработке жанра идиллии в творчестве А. Дельвига связано с осмыслением национальной жизни и включением её в древний тип произведений. Так, в данном жанре появляется такая его разновидность, как «русская» идиллия («Отставной солдат»).

Подводя итоги развитию жанра идиллии в эпоху романтизма, подчеркнем, что ни обращение к новым стихотворным формам, ни введение национального материала, ни расширение жанровых границ не смогли противостоять разрушительным процессам, происходящим в жанре «пастушеского» стихотворения. Кризис жанра идиллии свидетельствует о трансформации жанрового мышления в целом и «о переходе к мышлению личностно-родовому» [2]. Теряя свои специфические жанровые черты, идиллия трансформируется в особую идиллическую ситуацию, определенную традицию, которая может входить в иные жанровые образования.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений в 9 т.: Том 3.– М.: «Худ. литература», 1978. – 614 с.
2. Гиршман М.М. От ритмики стихотворного языка к ритмической композиции поэтического произведения: (О двух аспектах исторической поэтики) // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М., 1986. – С. 306–333.
3. Шиллер Ф.: Собрание сочинений в 7 т.: Том 6 – М.:ГИХЛ, 1957. – 793 с.

УДК 821.161.1-1.09

ПАМЯТНИК КАК АТРИБУТ СОЦИАЛЬНОГО МИРОУСТРОЙСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.А. ЗИНОВЬЕВА

Сорокин А.А., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
aa40in@inbox.ru

В творчестве А.А.Зиновьева среди различных социологических явлений и признаков «человека», предполагающего социального человека, его жизнь по общественным законам, законам мироустройства социума, выделяется и атрибутивный ряд. Атрибуты (учреждения, квартиры (в том числе и коммунальные), места общепита и т.д.) выступают

дополнением к социализации человека, акцентируют его жизнь, проявляющуюся по общественным, внешним и внутренним, законам. Одним из интересных атрибутов выступает и памятник как определённый объект общественной жизни.

В первом же романе, в «Зияющих высотах», А.А.Зиновьев демонстрирует два памятника. Первый из них – памятник Хряку, напротив которого находится памятник Директору, неоднократно претерпевавший метаморфозы со времени своего основания. До Директора на его месте находился Большой Полководец, до полководца – конная статуя кондотьера. Мазила и Болтун смотрят на это как на соотношение суммы компромиссов и бескомпромиссности [1, с. 40]. Иной памятник в романе, памятник неприглядного не столько обозрения, сколько назначения, – памятник Сортиру. В целом, он не описывается. Известно лишь, что он служит учению «изма» и что одна из стен его пластмассовая. Несмотря на двенадцатичасовую речь представителя власти, никто по достоинству не оценивает этот «культурный» объект современности.

Иначе говоря, памятники «Зияющих высот» предстают не столько как памятники культуры, сколько как метафоры времени, беспощадного к их значимости, необходимости и ценности.

Своеобразным памятником, символизирующим устремлённость к высоким идеалам, выступает в социологическом романе «Светлое будущее» стационарный Лозунг «Да здравствует коммунизм – светлое будущее всего человечества!» [2, с. 220] Изначально он представлен как никому не нужное сооружение, тем не менее – необходимое с точки зрения идеологии советского социалистического государства. Закономерно, что он становится местом сбора маргиналов и что он всё больше разрушается за очень короткое время после его открытия.

В романе «Жёлтый дом» тоже, казалось бы, памятники предстают перед читателем в сатирическом освещении. Так, например, голуби дохнут на памятнике Марксу, и Маркс, как персонифицированное ожившее, статуарное существо, считает это нормальным, логичным, так как за его дело многие принесены в жертву.

Однако в романе главный герой, в какой-то степени биографический, в своих размышлениях соотносит себя с памятником Марксу, так как птицы тоже не обходят стороной сотрудника одного из гуманитарных институтов Академии Наук СССР. Размышления об общей участи тех, кто связан одной идеологией, приводят героя к другому соотношению – одного памятника Петру Первому, «Медного Всадника», с миллионами памятников Сталину-Ленину. Памятник Петру, по мысли автора, ценнее миллионов памятников советским вождям, потому что мерой их делам выступает «историческое качество в общественной жизни» [3, с. 195].

К памятникам Ленину-Сталину, Марксу, Железному Феликсу примыкают памятники рангом ниже. Это, например, потенциальные

изваяния Сусликову (повесть «Катастройка») или абстрактному Шварцу (роман «Искушение»).

Памятники могут синтезировать в себе не соотносимые со временем установки социума. Так, в повести «Катастройка» на средневековом храме красуется лозунг: «Вперёд к победе крепостничества!» [4, с. 25].

Девять глав романа «Гомо советикус» посвящены ещё одному памятнику, наблюдаемому главным героем за рубежом. Он возводится на глазах читателей. Все девять указанных глав носят название «Сооружение» и отражают «символическую линию судьбы героя» [5, с. 336]. Строится красивое здание. Красота его поражает воображение героя-эмигранта. Не зная, что это за здание, он теряется в догадках. Будет ли это Дворец культуры, церковь, космическая обсерватория – герою неизвестно. Наконец, он приходит к заключению, что перед ним «Храм новой чистой Религии» [5, с. 337]. Однако, по окончании строительства сооружения, выясняется, что строился банк. Метаморфоза – от проекта до его воплощения – напрямую связана с идеалом красоты и примитивным прагматизмом социума.

В целом, памятники в произведениях А.А.Зиновьева выступают сигнализаторами разрушения, дисбаланса, обесценивания искусства постольку, поскольку социум заражён идеологией, диктатом идеи, «идеосферой» [6, с.43], – вне зависимости от социального устройства общества – над духовностью человека.

Список литературы

1. Зиновьев А. А. Зияющие высоты. В 2-х книгах. – Книга 2. – М.: Независимое издательство «ПИК», 1990. – 320 с.
2. Зиновьев Александр. Светлое будущее. Социологический роман. – <http://flibusta.is/b/338156/read> (дата обращения: 14.08.2019)
3. Зиновьев А.А. Жёлтый дом. 1-я книга // А.А.Зиновьев. Собрание сочинений в десяти томах. Т.3: Жёлтый дом I. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 505 с.
4. Зиновьев А.А. Катастройка // А.А.Зиновьев. Смута. – М.: Келвори, 1995. – С. 5. – 183.
5. Зайцев, В.А., Герасименко А.П. История русской литературы второй половины XX века: Учебник / В.А. Зайцев, А.П. Герасименко. — М.: Высшая школа, 2004. — 455 с.
6. Бухтеев Н.И. Социальная азбука общества. Конспекты. – Донецк, 2019. – 72 с.

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ-СКАЗКИ А. ВОЛКОВА «СЕМЬ ПОДЗЕМНЫХ КОРОЛЕЙ»

Тыщук Д.С.

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко», г. Луганск, ЛНР
tyshhuks@mail.ru

Проза для детей А. Волкова занимает особенное место в истории русской детской литературы. Произведения автора, кроме неоспоримой воспитательной ценности, представляют собой самобытное поле для исследования жанровой специфики детской литературы.

Цель представленного материала – рассмотреть жанровые особенности повести-сказки А.Волкова «Семь подземных королей».

Повесть-сказка А. Волкова «Семь подземных королей» относится к циклу произведений о путешествиях Элли Смит в Волшебную страну. Рассматриваемое произведение представляет черты модификации жанра литературной сказки.

К жанру литературной сказки относятся «произведения, в которых аксиологически ориентированный тип концепции действительности, сложившийся в народной волшебной сказке, представлен не как фрагмент художественного мира, а как его основание и структурный каркас и воссоздается через систему основных и факультативных носителей “памяти жанра” волшебной сказки» [3, с. 160]. Исходя из данного определения, в литературной сказке интерпретация особенностей фольклорной волшебной сказки происходит в пределах авторского замысла.

В основе жанра сказки (как фольклорной, так и литературной) лежит волшебность, основанная на факте присутствия чуда. Чудо выполняет «жанрообразующую роль, оказывает влияние на развитие сюжета, образы персонажей» [2, с. 142].

Собственно чудесная основа литературной сказки, в отличие от сказки фольклорной, имеет «каноничную письменную форму, в которой образ героя индивидуализирован, а сюжет не ограничен какими-либо мотивами [3, с. 3].

Особенностью литературной сказки также является особое авторское «мирочувствование», умение не только и не столько стилизовать сказочные приемы, а выражать принадлежность к нравственно-философским принципам, которые основаны на гармонии чувственного и эстетического» [3, с. 3].

Жанр произведения А. Волкова «Семь подземных королей» определяется как повесть-сказка по причине значительного объема и

сюжетной семантической насыщенности, что позволяет говорить о способности жанра литературной сказки к эстетическому обогащению.

В основе сюжета повести-сказки А. Волкова – чудо: Элли и ее брат, попав под завал в пещере, оказываются в центре подземной части Волшебной страны, Городе подземных рудокопов. Во время прибытия ребят в фантастическую страну представители подземного царского двора и простой народ озадачены исчезновением Усыпительной воды в Волшебном источнике.

Понимание природы необходимости Усыпительной воды осуществляется в процессе ознакомления читателя с особенностями жизни в стране.

Среда обитания подземных жителей – Пещера: «Подземным жителям приходилось рассчитывать только на себя, и они сделались чрезвычайно изобретательными и находчивыми. Люди стали забывать о верхнем мире, а дети, рождавшиеся в Пещере, никогда его не видели...» [1, с. 19].

Центром постепенно обжитого Волшебного пространства является дворец, символизирующий радугу: «У старейших обитателей Пещеры еще хранилась память о чудесной радуге, сиявшей на небе их потерянной родины. И эту радугу они решили сохранить для своих потомков на стенах дворца. Его семь башен были окрашены в семь цветов: радуги: красный, оранжевый, желтый...» [1, с. 22].

Автор также акцентирует внимание юного читателя на том, что каждый из королей отдает предпочтение не только индивидуальному цвету, но и стремится к единоличному царствованию. Путь завоевания доминирующих позиций, к сожалению, связан не с полезными переменами в жизни страны, а улучшением уровня благ для себя, членов своих семей и приближенных.

Деятельность монархов была бессмысленной: «Один король требовал, чтобы при встрече с ним становились на колени, а другого надо было приветствовать, приложив левую руку с растопыренными пальцами к носу, а правой помахивая над головой. Перед третьим надо было подсакивать на одной ножке...» [1, с. 23].

Усыпительная вода была необходима в государстве как средство временной приостановки жизнедеятельности королевских приспешников, другими словами – нахлебников простого народа.

Концептуальным персонажем повести-сказки является Элли Смит. В рассматриваемой части прозаического цикла героиня оказывается в непростых обстоятельствах. Став жертвой наговора предателя Руфа Билана, Элли вынуждена отстаивать право на жизнь и свободу для себя и брата путем хитрости. Не зная, как восстановить Источник Усыпительной воды, она вводит в заблуждение подземных королей (сообщает, что имеет волшебные способности и владеет секретом восстановления Источника) и

отправляет за помощью к друзьям, Страшиле, Железному Дровосеку и Льву, Тотошку. Понимая, что спасение зависит от ее поведения, девочке, при помощи ума и смекалки, удается направлять ситуацию в нужное русло.

Автор не идеализирует героиню, но наделяет ее такими чертами, как: доброта, искренность, умение постоять за себя, сообразительность. Элли способна конструктивно мыслить, исходя не из эгоистической, а гуманистической позиции. В повести-сказке Элли выступает самодостаточным собеседником людей, которые старше ее по возрасту. Даже в условиях непринятия их позиции, девочка отстаивает свое мнение предельно толерантно и тактично. Данное обстоятельство является принципиально важным для формирования ценностной системы подрастающего поколения.

Авторское мировосприятие морально-этических ценностей общества лежит в основе проблематики повести-сказки «Семь подземных королей».

В тексте произведения отмечено, что каждый из семи братьев-королей стремился не улучшить жизнь подданных, а только увеличить налоги и ввести новые законы.

Волшебный Источник также неслучайно называется Усыпительным. Власти Подземного царства, при помощи Хранителей времени и министров, было удобнее посредством временного сна вводить в заблуждение жителей страны, чем признать, что государство – в условиях бедности, морального и экономического обесценивания.

Используя ресурс чуда как особенность жанра литературной сказки, автор, в финале произведения, показывает юному читателю как жители Подземного царства, начиная с королей и приближенных к ним, перерождаются при помощи сна. Приоритеты лени и гедонизма сменяются ценностями морального и физического труда.

Проблемы достойного отношения к ближнему, необходимости морального и физического труда как обязательного условия самосовершенствования, сохранение семейных ценностей, преломленные в пределах жанра литературной сказки, составляют эстетическую и воспитательную ценность повести-сказки А. Волкова «Семь подземных королей».

Список литературы

1. Волков А.М. Семь подземных королей; Огненный бог Марранов: Повести: для мл. и сред. шк. возраста / А.М. Волков. – К. : «Веселка», 1992.– 415 с.
2. Королькова Я.В. О соотношении литературной сказки и фэнтези / Я. В. Королькова // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 8 (98). – С. 142 – 144.
3. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов) / М.Н. Липовецкий. – Свердловск, 1992. –184 с.

Н.Ф. ФЁДОРОВ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ: В БРАТСТВЕ – СПАСЕНИЕ

Чуприна И.И., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
avesta93@mail.ru

Исследовательский интерес к изучению творческого наследия русских мыслителей XIX века Н.Ф. Фёдорова и Ф.М. Достоевского на протяжении последних десятилетий не ослабевает, а только усиливается. И это вполне обосновано. Жизнь и духовные искания каждого из них неразрывно связаны с судьбой России и русского народа.

Н.Ф. Фёдоров и Ф.М. Достоевский – современники, мучимы необходимостью решения вопросов, продиктованных развитием истории, не встречались, но были знакомы с идеями друг друга. Н.Ф. Фёдоров – учитель, библиотекарь, мыслитель, основоположник идеи русского космизма, автор философского проекта «общего дела», безусловно, читал Достоевского. Ф.М. Достоевский – известный русский писатель, властитель дум передовой русской общественности, духовный вождь, писатель, философ, художник, пророк, благодаря Н.П. Петерсону – ученику Федорова, был знаком с основами учения философа.

Учение Н.Ф. Фёдорова распространялось в большей степени устно, в узком кругу людей, которые были связаны с Румянцевским музеем. Рукописные тексты были известны единицам. Однако среди них – Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Вл.С. Соловьёв.

Н.П. Петерсон с 60-х годов начал записывать размышления своего учителя, в результате – сложилось достаточно полное представление о совокупности идей Н.Ф. Фёдорова. Наиболее близким к восприятию, пониманию учения и способным откликнуться на идеи, по мнению Н.П. Петерсона, был Ф.М. Достоевский. Возможно, выбор определял и сам Н.Ф. Фёдоров. В воспоминаниях Петерсон замечает, что в своих письмах Достоевскому он иногда излагал фёдоровские идеи с целью их распространения. Это было в самом начале 1876 года.

И уже в мартовском «Дневнике писателя» 1876 года Достоевский откликнулся; приводил отрывки, не называя имени своего корреспондента. Идеи «небратства», розни, борьбы глубоко волновали и Фёдора Михайловича.

В декабре 1877 года Петерсон послал Достоевскому не отрывки, не статью, а изложение основных положений учения Н.Ф. Фёдорова (от самого Фёдорова Петерсон это скрыл). На этот раз Достоевский ответил через три месяца (письмо от 24 марта 1878 года). Фёдор Михайлович писал взволнованно, горячо, с огромным интересом к личности автора: «Первым

делом вопрос: кто этот мыслитель, мысли которого вы передали? Если можете, то сообщите его настоящее имя. Он слишком заинтересовал меня. По крайней мере сообщите хоть что-нибудь о нём как о лице: все это если можно. Затем скажу, что в сущности совершенно согласен с этими мыслями. Их я прочёл как бы за свои. Сегодня я прочёл их (анонимно) В.С.С. (Владимиру Сергеевичу Соловьёву). Я нарочно ждал его, чтобы ему прочесть ваше изложение мыслителя, так как нашёл в его воззрениях много сходного. Это нам дало прекрасных два часа. Он глубоко сочувствует мыслителю» [2].

Достоевский задаёт Фёдорову вопросы, поиск ответов на которые для него самого был мучительным давно (подтверждение тому – дневниковые записи Фёдора Михайловича 18.04.1864 г. – у гроба его первой жены). Постановка этих вопросов свидетельствует о глубоком проникновении Ф.М. Достоевского в логику учения Н.Ф. Фёдорова. Это вопросы об условиях, необходимых для преобразования статуса бытия, суть которого – в воскрешении мертвых и бессмертии.

Ответное письмо Достоевского было важной вехой для Фёдорова. Николай Фёдорович начал кропотливо переделывать свою работу с целью придать ей ясность и убедительность. Ф.М. Достоевский не дождался развернутого изложения, так как в январе 1881 года умер. («Письмо» Н.Ф. Фёдорова вошло в посмертное издание его трудов, в первый том «Философии общего дела», составив в нём большую часть 2-й, 3-ю и 4-ю части основного произведения – «Вопроса о братстве»). И хотя Достоевский так и не ознакомился с изложением учения Фёдорова в его развёрнутом виде, в романе-завещании «Братья Карамазовы» основные идеи «неизвестного мыслителя» отразились, о чём свидетельствуют черновые редакции.

Состояние мира и человека в нём как противоестественное, не соответствующее замыслу Творца и враждебное самому человеку, его природе – этот вопрос во второй половине XIX века становился актуальным для многих русских мыслителей и подвижников Православия.

Результаты сложных процессов западного влияния на русское общество были остро ощутимы в России. Осуществлялся подрыв духовных основ Русского мира. Европейская образованность оборачивалась духовной порчей для русского народа. Н.Ф. Фёдоров и Ф.М. Достоевский воспринимают и переживают как трагедию одну из губительных для народного русского духа тенденцию, пожалуй, самую опасную – утрату соборности. В общественной среде всё больше проявляются и устанавливаются индивидуализм, обособленность, неродственность. Эти тенденции оборачивались сокрушительным ударом для Святорусской духовной традиции, для народа, государства – для всей России.

Николай Фёдорович был убеждён в том, что знание должно подкрепляться действием человека (человечества), мотивированным

общей целью общего дела («доказательство знания действием» – основа из основ; «человек по существу есть деятель») [5]. Н.Ф. Фёдоров определял русскую народность и дух её, по словам С. Семёновой, «исходя из фактов почти незамеченных, из не знакомого миром масштаба: малое возвеличится, великое умалится! Такое малое «горчичное зерно» глубиннейшей самобытности и надежды он нашёл в обыденных храмах [4, с. 84].

Характерная черта русского народа – почитание традиций, хранивших дух нации. Издавна на Руси одним из излюбленных было понятие **«всем миром»** – не только словом, но делом: в невероятно короткий срок (за сутки-трое) возвести храм – от первого камня до освящения и службы. Единодушный порыв был настолько силён, что возможным становился поистине фантастический трудовой подъём. Это соборное действие совершалось в условиях экстремальной ситуации, когда всем грозила смертельная опасность. Народная русская душа обнаруживается в общине, артели. Н.Ф. Фёдоров приходит к выводу: обыденные храмы – предвестники общего дела спасения или всеобщего воскресения. Фёдоров сравнивал два типа религиозных подъемов: один малоизвестный, русский – построение обыденных храмов; другой западный, о котором много говорили и писали... (в Нью-Йорке в 1857-1858 годах). Николай Фёдорович полагал, что «тому, что называют толпою или сбродом, ничем не выдающихся людей, недостаёт лишь поприща, недостаёт великого дела, чтобы стать героями». Речь идёт о труде «нравственно-образовательном», которым преодолевается обособленность, неродственность. И это начало и основа Фёдоровского духовно-практического учения.

Ф.М. Достоевский, как и Н.Ф. Фёдоров, находил небратское состояние мира противоестественным человеческой природе и предназначению человека. Соборность, братство, единение – идеи основополагающие и требующие от человека действенного решения, необходимого для определения судеб русского народа и всего мира, проповедуемые Ф.М. Достоевским, его поиском Человека, разгадыванием человеческой тайны, что нашло выражение во всем наследии и, особенно – в знаменитой «Пушкинской речи» и в последнем романе-завещании «Братья Карамазовы» (проблема семьи, неродственности, «случайного семейства», «надрывов»). Вспоминается духовный опыт Ф.М. Достоевского, который, работая над «Преступлением и наказанием» – первым из романов своего «пятикнижия», вдруг почувствовал, понял, что все человечество существует как один человек. Об этом в одной из своих статей пишет Вяч. Иванов.

Ф.М. Достоевский **не изобразил человеческое страдание, но выразил** его во всей безмерной глубине, влил горе в сердце читателя и, страдающего, призвал к ответственности за всё происходящее в мире. Всё его творчество – поиск виновного в человеческом горе. И ответ ясен – виноват сам человек. Суть проблемы конфликта – в конфликте человека с

самим собой, отпавшим от Бога, в его конфликте с Богом, в отсутствии любви. Состояние, в котором человечество пребывает, противоестественно его изначальной сущности. Отсюда – внутренний конфликт человека и внутренний конфликт его Творца. Решить конфликт может только человек, принявший Христа.

Смерть и похороны Илюшечки Снегирёва, безусловно, – горе. Однако эта утрата в сердцах мальчиков зажигает любовь. Алёша становится основателем братства, связь между братьями которого, – мистическая. Речь Алеши у камня символична: она связующая нить между прошлым, настоящим и будущим, связь временного и вечного. И кажется, ничего не изменилось в мире внешне, на его поверхности после смерти несчастного Илюши. Но другими стали мальчики (символично: подрастающее поколение, русские мальчики). Уже другой и Алёша, начавший «свою деятельность в миру с установления между окружающими его людьми такого соединения, какое можно назвать только соборностью» [3].

Н.Ф. Фёдоров и Ф.М. Достоевский понимают идею воскрешения по-разному. И отношение к природе у них различно. Фёдоров находит в природе слепую неуправляемую стихийную силу и считает необходимостью её регуляцию человеком. Для Достоевского природа – мир Божий, всё живое прославляет Творца. Фёдоров мечтает о покорении космоса; у Достоевского нити миров иных в мгновения глубоких потрясений сходятся в душе человеческой воедино: Алеша Карамазов падает на землю слабым юношей, а поднимается сильным духом мужем, благословенным старцем Зосимой на жизнь в миру, на любовное делание. Но Н.Ф. Фёдоров и Ф.М. Достоевский единоклюсны в главном: прежде всего необходимо духовное воскресение человечества и каждого человека – для преодоления скверны, разъединённости, небратства. Герои Достоевского постигают жизненную правду: она в единстве человечества и в существовании общей вины Человека перед Творцом, сына перед отцом, брата перед братом. («Все за всех виноваты!»). У каждого свой путь к постижению этой правды и к достижению личной готовности к искуплению вины.

В восстановлении братства – начало общего дела. Без братства во Христе спасение невозможно.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 18 т. – Т.13, Т.14. – М.: Воскресенье, 2004. – 424 с., 416 с.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 18-ти томах, т.16, кн.1. – М.: Воскресенье, 2004. – 440 с.
3. Ivanov V. Freedom and the Tragic life. – N.Y., 1957, 166 p.
4. Семёнова С.Г. Николай Фёдоров: творчество жизни. – М.: Советский писатель, 1990. – 384 с.
5. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. В 2 т. / Н.Ф. Фёдоров. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003 – 699 с., 592 с.

**МИФОЛОГИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВКА И МИФОЛОГИЧЕСКОЕ
ТОЛКОВАНИЕ В СУЕВЕРИЯХ И ПРИМЕТАХ**
(по материалам международных студенческих
фольклорно-этнографических экспедиций ДонНУ на Верхний Дон)

Шепелева О.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
o.shepelyova@gmail.com

Исследуя особенности функционирования суеверий и примет в современных условиях на Верхнем Дону, мы выявили, что дифференцирующей категорией для этих текстов является категория субъектности, которая проявляется в поведении субъекта в момент актуализации текста. Так, для приметы характерно наблюдение или толкование, а для суеверия – мотивированное поведение (волевая деятельность или осознанное бездействие).

Неоднократно отмечалось, что приметы содержат обусловленную связь предметов и явлений, прогностическая функция в этих текстах преобладает. Е.Е. Завьялова определяет приметы как «малый фольклорный жанр, раскрывающий соотношение между происходящими помимо человеческой воли явлениями и будущими событиями» [1, с. 188]. Напротив, в суеверии наблюдается потенциальность, которая заключается в том, что любой носитель традиционного знания может стать субъектом действия, и именно об этом волевом действии / осознанном бездействии говорится в тексте.

Проанализировав мифологические мотивировки в суевериях на Верхнем Дону (инварианты суеверий: чтобы ведьма умерла, нужно забить осиновый кол; чтобы пошел дождь, нужно вылить на могилу ведьмы воды; чтобы в доме все было хорошо, нужно задабривать домового и др.), мы выявили, что мифологическая составляющая не обязательно связана только с суевериями (и наличием действующего субъекта). Тексты примет могут содержать сакральное мифологическое или религиозное толкование (но не мотивировку). Инварианты таких примет: собака воет – к беде; покойник снится – к дождю и др. Отметим, что для приметы такой тип толкования не является обязательным.

В научно-исследовательской литературе метеорологическая примета противопоставлена примете суеверной. Так, Е.Г. Павлова делит приметы на естественные и суеверные, М.И. Шахнович – на верные и суеверные, а М.А. Кулькова выделяет погодные (или метеорологические), сельскохозяйственные и бытовые (или суеверные). Такое деление текстов достаточно условно, оно не подходит для анализа текстов Верхнего Дона,

так как погодные приметы, особенно связанные с дождем, включают в себя локальные демонологические представления суеверного толка.

О.Е.: *Как у миня банка станит фсихда и гаварит. От месяц нарадился када, гаварит: от если в Заготзирно – эт будить холодна.* **А.З.:** *Да, да эт и щас есть.* **О.Е.:** *Ну, вот, если ф сторану Дубра<вы>, от в Шакин, – будить тупло. От у нас там был голый на хутори – если он за голый ушло сонце... Садитца сонце при закате, да? Если ано за голый закатываицца, ано ш, сонце, пердвигаетца, – фсё, эта висна. Можна сажать памидоры. Проста старьи люди, ну, как, ани фсё ж замичали...* (Самоходкина А. З., Ольга Евгеньевна, ст. Букановская, 2011. – МЭ). С точки зрения жанровой принадлежности этот текст не вызывает затруднений: место на горизонте, где заходит солнце, свидетельствует об определенном времени года, что, в свою очередь, соотносится с конкретными видами сельскохозяйственных работ (посадка помидоров). Такая причинно-следственная связь свойственна примете.

Обратимся теперь к другим текстам, связанным с регламентацией сельскохозяйственной деятельности. 1). *6 мая – Ягорий храбрый. На Ягория, гаварят, агурцы сеять, а кто гаварит – нильзя, горькими будут* (Черничкина Т.И., х. Гороховский, 2006. – МЭ). День Егория Вешнего, по народным представлениям, был связан с земледелием (Георгий в переводе с греч. – «возделывающий землю»): в этот день выгоняли коров в поле, «юрьевская» роса считалась целебной, а также в этот день занимались севом яровых, посадкой огородных культур и пр. 2). *Сей пшеицу на (до) Симона Зилота (23 мая) – родится [аки] золото* (Грушко, Медведев, 304; Лунина, 47) (БСП, с. 439). Симон Зилот считался в народе покровителей кладоискателей. Приведенные тексты демонстрируют связь народных представлений о святом Георгии Победоносце и святом апостоле Симоне Зилоте с сельскохозяйственными работами. Словарный текст (№2) имеет вид устойчивого высказывания с созвучием и рифмой (Зилота – золота), экспедиционный (№1) – вид свободной фразы. Оба текста содержат действие (сеять / нельзя и сей) и последствие (горькими будут / родится [аки] золото). Однако затруднительно однозначно сказать, является ли народное толкование образов святых мифологической составляющей этих текстов, и если да, то это будет мифологическое толкование (примета) или мифологическая мотивировка (суеверие).

Подобные тексты («*На Федула растворяй оконницу*», «*Придет Ларивон (6 июня – день св. Иллариона. – Т.С.) – дурную траву вон; подтыкай, девки-бабы, хоботье, начинай в яровом полотье*») Т.С. Садова, выделяя четыре группы примет по функционально-коммуникативному признаку (прогнозирующие, воспитательные, регуляторные и констатирующие), относит к регуляторным текстам, которые «...позволяют упорядочить трудовую жизнь, закрепляя за конкретным днем или определенным временем те или иные виды работ» [4, с. 162].

Так, мы обратили внимание на текстообразующее и дифференцирующее свойства мифологической мотивировки и мифологического толкования для суеверий и примет, но обнаружили проблему при идентификации мифологической составляющей (мотивировка или толкование; мифологическая составляющая или народное православие).

Список использованных источников

Тимофеев. МЭ – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005-2007, 2010–2012 гг.): монография / Под общей ред. П.Т. Тимофеева. Донецк, 2013. 384 с.

МЭ – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон по теме: «Суеверия и приметы». Донецк : ДонНУ, 2017. 657 с.

БСП – Никитина Т.Г. Большой словарь примет / Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева, Н.Н. Иванова. – М. : Астрель, 2009. – 687 с.

Список литературы

1. Завьялова Е.Е. Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение : науч. журн. 2013. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/primety-kak-folklornyy-zhanr-opyt-sistematizatsii> (дата обращения: 19.09.2019)

2. Кулькова М.А. Тематическая и функциональная классификации народных примет (на материале русских и немецких паремий) // Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития. – Казань : Печать-Сервис-XXI век, 2013. – С. 108–114.

3. Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет // Паремиологические исследования / сост. Г.Л. Пермяков. – М. : Наука, 1984. – С. 294–299.

4. Садова Т.С. Народная примета как текст и проблема лингвистики фольклорного текста: дис... д-ра филол. наук: 10.02.01; СПб гос. ун-т. – СПб, 2004. – 373 с.

5. Шахнович М.И. Приметы верные и суеверные. Атеистические очерки народного знания и бытового суеверия. – Л. : Лениздат, 1984. – 190 с.

УДК 821.161.2 Т. Шевченко

ПОЭЗИЯ Т. ШЕВЧЕНКО «ПРОРОК»: АВТОРСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТЫ

Бородинова М.В., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
irinayaroshevich5@mail.ru

Введение. В контексте различных связей поэзии Т. Шевченко с Библией значимым представляется такой аспект – художественное освоение Ветхого Завета. Одна из форм этого своеобразного «диалога» – обращение к образу пророка, мотиву пророчества. Профетические образы, мотивы интерпретируются в таких поэтических произведениях: «Перебендя» «І мертвим, і живим...», «Пророк», «Подражаніє Іезекіілю. Глава 19», «Ісаія. Глава 35 (Подражаніє)».

Учитывая художественную рецепцию библейского мотива, образа пророка в этих произведениях, в качестве предмета исследования выбираем поэзию «Пророк».

Актуальность исследования обусловлена такими факторами: стихотворение «Пророк» занимает особое место в профетической поэзии Т. Шевченко, аккумулируя авторский опыт, осваивая библейскую, литературную традицию. Отдельные аспекты темы представлены в работах, посвященных Т. Шевченко: И. Бетко [2] В. Сулимы [8], С. Росовецкого [7] (анализируется специфика «кода» Библии в украинской литературе, в том числе, – поэзии Шевченко). Для исследования библейского контекста стихотворения «Пророк» обращаемся не только непосредственно к текстам Библии, но и работе А. Меня «Ветхозаветные пророки», в которой осмысливается феномен ветхозаветного профетизма. Анализируя литературный контекст произведения Шевченко, используем основные положения другой работы А. Меня «Библия и русская литература XIX в.» [5], также М. Качурина [3].

Поэзия Т. Шевченко «Пророк» в этих работах не выступает предметом специального исследования недостаточно освещен синтез разного рода источников в его контексте.

Цель настоящего исследования – проанализировать стихотворение «Пророк», учитывая взаимодействие различных контекстов.

Результат. Т. Шевченко написал произведение «Пророк» в 1848 г., находясь в ссылке. Это один из самых сложных периодов в его жизни и творчестве: утрата свободы, вынужденная изоляция. В этой ситуации он

стремится осмыслить прошлое, силой духа преодолеть драматические обстоятельства, понять свое предназначение, как поэта. К нему приходит понимание собственной пророческой харизмы, и это отражается в его художественном творчестве, в том числе поэзии с профетическим «кодом». Охарактеризуем становление, формирование этого «кода» в поэтических произведениях, предшествующих «Пророку». Перебендя, герой одноименного раннего произведения Шевченко, – кобзарь, народный певец. Но уже в этом произведении прослеживаются истоки Шевченковской концепции поэта-пророка: для акцентации высокой миссии творца переосмысливается библейский мотив призвания Богом для пророчества, мотив непонимания его песни-пророчества людьми. В послании «І мертвим, і живим...» (1845г.) формируется тенденция, характерная и для других произведений «трьох літ» (1843-1847 гг.), – интерпретация библейских образов, мотивов. Лирический герой выступает в роли пророка: «Тільки я, мов окаянный, / І день, і ніч плачу / На розпутьях велелюдних» [9, с. 348]. Прослеживается связь с ветхозаветными пророками и пророчествами.

Учитывая литературный контекст стихотворения Шевченко, обратимся к одноименным произведениям А. Пушкина и М. Лермонтова. А. Пушкин создает стихотворение «Пророк» в 1826 г., обращаясь к ветхозаветной Книге пророка Исаии (начало VI гл.), в которой «изображается мучительное очищение души человека, пожелавшего передать людям ту высокую правду, что открылась ему» [3, с. 33]. В основе поэзии «Пророк» – библейский мотив призвания для пророчества, мучительное преображение человека. В Библии: «...видел я Господа, сидящего на престоле высоком. Тогда прилетел ко мне один из серафимов и в руке у него горящий уголь» [1, с. 93], у Пушкина: «духовной жаждою томим, / В пустыне мрачной я влачился / и шестикрылый серафим / на перепутье мне явился» [6, с. 385]. Как подчеркивает исследователь, «Пушкин дополняет образ пророка, передает ему свой внутренний опыт. Это уже не парафраз библейских строк, а то, что Пушкин сам пережил» [5, с. 292]. Находит художественное воплощение идея высокой подвижнической миссии поэта-пророка.

В творчестве М. Лермонтова находит развитие тенденция сложившаяся в творчестве А. Пушкина «Библия постоянно присутствует в творческом мышлении поэта, с нею соотнесены его художественные искания, его нравственные представления» [3, с. 39]. В контексте произведений с библейской тематикой («Молитва», «Выхожу один я на дорогу», «Демон») особое место принадлежит поэзии «Пророк» (1841 г.). Герой стихотворения Лермонтова – трагическая личность. Наблюдаем синтез библейской, литературной традиций и собственного опыта. Раскрывается конфликт пророка со средой: «С тех пор как вечный судия / Мне дал всеведенье пророка, / В очах людей читаю я / Страницы злобы и

порока» [4, с. 87], непонимание людьми пророческого слова: «Провозглашать я стал любви / И правды чистые ученья...» [4, с. 87]. Автор включает библейский мотив «избиение камнями», что усиливает трагическую тональность произведения.

Пророк, герой произведения Т. Шевченко, раскрывается как личность трагическая. Прослеживается связь с судьбой ветхозаветных пророков, героев произведений А. Пушкина, М. Лермонтова. Интерпретируется библейский, а также пропущенный сквозь призму литературной традиции, собственного литературного опыта мотив призвания человека Богом для пророчества. Раскрывается сила воздействия пророческого слова на сознание людей через образ-метафору, в основе которой – контраст: «слова його лились, текли / І в серце падали глибоко! / Огнем невидимим пекли / Замерзлі душі» [9, с. 109]. Раскрывая конфликт пророка и людей, Шевченко обращается к библейскому и трансформированному в литературной традиции мотиву «избиения камнями»: «І мужа свято... горе вам! / На стогнах каменем побили» [9, с. 109]. Автор также вводит собственный мотив рабской покорности, царистских иллюзий людей, отвергнувших пророка, «І праведно Господь великий / Воісто кроткого пророка царя вам повелів надать» [9, с. 109]. Наблюдаем оригинальный синтез антимонархических взглядов Шевченко и фрагмента ветхозаветной Первой книги Самуиловой.

В заключении стоит отметить: Т. Шевченко, синтезируя библейские, а также литературные (А. Пушкин, М. Лермонтов) источники, создает яркий образ поэта-пророка.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (репринтное изд.). – Л., 1990. – 618 с.
2. Бетко І. Біблійні сюжети і мотиви в українській поезії XIX-XX ст. / І. Бетко. – Зелена Гура – Київ, 1999. – 160 с.
3. Библия и русская литература: Хрестоматия / Автор-составитель М.Г. Качурин. – СПб.: «Каравелла», 1995. – 584 с.
4. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1983. – 446 с.
5. Мень А. Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы / А. Мень. – М., 1997. – 671 с.
6. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1985. – 735 с.
7. Росовецький С. Біблійні теми і мотиви у творчості Т. Шевченка / С. Росовецький // Темі і мотиви поезії Т. Шевченка. – К.: Наукова думка, 2008. – 376 с.
8. Сулима В. Біблія і українська література / В. Сулима. – Київ: Освіта, 1998. – 400 с.
9. Шевченко Т. Повне зібрання творів: у 12 т. / Т. Шевченко // Т. 2. – К.: Наукова думка, 2001. – 781 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СМЕРТЬ» СРЕДСТВАМИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Васильева Е.Ю.

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко», г. Луганск, ЛНР
fishka_katerinka@mail.ru

Введение. Одним из важнейших вопросов в современной лингвистике является изучение концептов языка. Об этом свидетельствует достаточное количество научных исследований таких ученых-лингвистов, как Н. Бодырева, А. Вежбицкая, Е. Верещагина, В. Костомарова, Е. Кубрякова, Д. Лихачева, З. Попова, И. Стернин и др.

Понятие концептосферы было введено Д. С. Лихачёвым, который отмечает, что концептосфера является комплексом и совокупностью концептов одной нации. «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство» [2, с. 28-37]. Также З. Д. Попова и И. А. Стернин замечают, что концептосфера носит сорганизованный характер и определяется как «упорядоченная совокупность концептов народа» [3, с. 18-19]. Отсюда следует, что одной из самых важных и главных черт лингвокультурологии является антропоцентризм, то есть человек стоит в центре языковой картины мира.

В этом плане фразеологическая система языка обладает наивысшим лингвокультурологическим потенциалом, так как «в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами и т.п. и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет», – примечает В. Телия [4, с. 233].

Исходя из того, что лингвокультурология изучает отношения между языком и культурными концептами, следует обратить внимание на то, что паремиологический фонд языка является одним из основных предметов исследования в данном направлении.

Цель. Опираясь на современные научные разработки в области лингвокультурологии, мы нацелены исследовать и сопоставить национально-культурную специфику концепта «смерть» в паремиологическом фонде русского и украинского языков.

Основная часть. Изучение концепта «смерть», вербализированного фразеологическими средствами языка, представляет особый интерес, поскольку дает возможность выстроить соответствующий фрагмент

картины мира. В рамках проводимого исследования мы выделяем пословичный концепт «смерть», что позволяет детальнее осветить и рассмотреть изучаемый вопрос.

Исследование позволило выделить следующие тематические группы в вербализации концепта «смерть» русскими и украинскими фразеологическими единицами.

Чувство неизбежности, непреложности и жестокости смерти, а также безысходности человека перед ней. Русские пословицы и поговорки: *сколько ни ликовать, а смерти не миновать; от смерти и под камнем не укроешься; от смерти не уйдешь: не посторонишься, не спрячешься, не откупишься, не отмолишься, не открестишься* [1, с. 174, 301, 315,]. Украинские пословицы и поговорки: *як народився, то треба й померти; від смерті ні втечеш, ні сховаєшся; від смерті і в печі не заховаєшся; від смерті а ні відхреститися, а ні відмолитися* (здесь и далее украинские пословицы даны с опорой на форум <https://vislovi.in.ua>). Пословичный ряд украинского и русского языков равным образом гласит о неотвратимости и фатальности смерти.

Мотив равенства людей перед смертью. Русские пословицы и поговорки: *царь и народ – все в землю пойдет; и пономарь и владыка в земле равны; смерть голову откусит – всех поровняет* [4, с. 301-303]. Необходимо отметить, что некоторые русскоязычные пословицы используются редко в современном мире из-за устаревшей лексики, так как исчезли из обихода отдельные реалии: пономарь, царь. Украинские пословицы и поговорки: *ніп людей хова, а прийде смерть, то й пона заховають; смерть не розбирає чина, а бере селянина і дворянина; солдат умре в полі, а матрос у морі* [5].

Скоротечность и однократность жизни. Русские пословицы и поговорки: *один раз мать родила, один раз и умирать; двум смертям не бывать, а одной не миновать* [1, с. 99, 303]. Украинские пословицы и поговорки: *раз мати родила, раз і умирати; одної смерті не минеш, а двох не буде; більше разу не вмреш; смерть два рази не приходиться, а раз умирати треба* [5].

Примечательны русские паремии и их украинские аналоги с числительными «один» и «два», исходя из примеров, мы видим, что они сведены к общей теме однократности, обязательности и неизменности смерти, в свою очередь числительные усиливают определение концепта «смерть» и отображают понимание этносом неминуемости смерти.

Философский взгляд на понятие смерть. Русские пословицы и поговорки: *живой смерти не ищет; живой в могилу не ляжет. Живому нет могилы; умереть сегодня – страшно, а когда-нибудь – ничего.* [1, с. 299]. Украинские пословицы и поговорки: *смерть – неминуєща дорога; смерть лестоців не знає; смерть не горе, а страшне велике море; смерті не треба шукати – сама прийде;* [5].

Вопрос о смерти неоднократно становился предметом дискуссии в центре системы представлений и знаний человека о мире. В паремиологическом фонде украинского и русского языков выделяется философское начало феномена смерти, о чем свидетельствует ряд примеров.

Смерть как биологический процесс. Следующие паремии обращают внимание на смерть как биологический процесс, придавая определению концепта научности:

Русские пословицы и поговорки: *на одну смерть лекарства нет; без причины смерти не бывает; от смерти нет зелья; перед смертью не надьшишься* [1, с.299-303]. Украинские пословицы и поговорки: *від смерті ліків нема; не смерть страшна, а недуга; смерті не буває без причини; на смерть нема зілля; смерть одна, а хвороб багато; смерть ліків не боїться* [5].

Результаты исследования показали, что вербализация концепта «смерть» в паремиологическом фонде русского и украинского языков во многом схожа, а также многие пословицы и поговорки русского народа имеют тождественный эквивалент в украинском языке. Это свидетельствует о том, что национально-культурная специфика концепта «смерть» в паремиологическом фонде русского и украинского языков объединена общей тематикой, закрепленной в сознании славян, страха, неизбежности, тайны, смерти телесной и духовной. Анализируя пословицы и поговорки о смерти, можно сказать, что в них доминирует проблема неопределенности, трудности земной жизни и философии. А также в приведенных пословицах и поговорках можно наблюдать, что в понимании концепта «смерть» преобладает антропоцентрическое начало, отображающее национально-культурную специфику концепта «смерть» в паремиологическом фонде русского и украинского языков.

Список литературы

1. Даль В.И. Пословицы русского народа: [сб. фольклора] / В. И. Даль. — М. : ЭКСМО-Пресс: ННН, 2000.— 614 с.
2. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка [Электронный ресурс]. / Д.С. Лихачёв // Русская словесность: Антология. М., 1997. – С. 28-37.
3. Попова, З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике [Электронный ресурс] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. 2-е изд., стер. – Воронеж : Истоки, 2002. – 191 с.
4. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты [Текст] / В. Н. Телия. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. .— 288 с.
5. Приказки та прислів'я про смерть [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vislovi.in.ua/prykazky-ta-prysliv-ya-pro-smert/>.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКИ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ АННЫ РЕВЯКИНОЙ

Кононец Е.А., Зенина А.В., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
alena.k97@yandex.ru

Введение. Стихотворение – сложно построенный целостный смысл, где «значащие элементы языка оказываются связанными сложной системой соотношений, иногда невозможных в обычной языковой конструкции, что придает каждому элементу в отдельности, и всей конструкции в целом совершенно особую семантическую нагрузку» [4, с. 48].

Актуальность работы обусловлена тем, что изучение произведений словесного художественного творчества, а именно – языковых средств, организация которых отражает художественное видение мира автором, – является одной из центральных задач филологии. Творчество современной донецкой поэтессы Анны Ревякиной в этом плане представляет интерес как с литературной, так и лингвистической точки зрения.

Цель работы – выявить и описать роль и функции образных и экспрессивных средств поэтического языка Анны Ревякиной.

Основная часть. Материалом работы стали маркеры поэтической речи А. Ревякиной, выделенные из сборников «Сердце», «Untitled», «Хроники Города До. Безвременье», «Хроники Города До. Dominus», «Зубная фея», «Шахтерская дочь», написанных в период 2011 – 2016 гг.

Характерная черта поэтического дискурса – желание поэта облечь свои мысли и чувства в художественную чувственную форму и таким образом эстетически воздействовать на адресата. Одним из способов такого воздействия является использование тропов.

Эпитеты, по мнению О.И. Федотова, «призваны выделять те или иные объективные качества изображаемых явлений, уточняя и конкретизируя их, и выразить субъективное отношение к ним автора, лирического героя или персонажей» [5, с. 196]. Например: «*Она сохранила твой образ до крохотных чёрточек. / Мудрой улыбки силу в уголках рта. / Россыпь уже серебряных, мягких иголок. / ...Бархатность скул и нос, глаза цвета серой слюды / ...Запечатлела всё, что представляешь из себя ты, – / от розово-пряной детскости до ледяной харизмы*» (Сердце, с. 15). В результате широкого употребления общеязыковых и индивидуально-авторских эпитетов (33 единицы) поэтесса конструирует образ значимого для нее человека и обнажает теплое отношение к нему. В данном случае эпитеты выполняют конкретизирующую, оценочную функции.

Выразительность наблюдается в следующих строках поэмы «Шахтерская дочь», где простые по своей сути эпитеты подчеркивают образ трагедии за счет контрастности событий: *«Приходила зима – снежная, белая – / деревья стояли сказочные, / звенящие. // Умирили воины – юные, смелые – / умирали стоя, умирали по-настоящему»*.

В поэзии А. Ревякиной эпитеты, которые моментально привлекают внимание – оригинальны и обладают четкостью, суровостью, присущей поэтическому сознанию автора. К примеру, *безвстречные холода, властолюбивый такт, гиблое безвоздушие, изнаночный голос, опустынивание вен, сиротливое удушье, скрижальный хруст, любовь наждачная*. Их основные функции – экспрессивная и художественно-эстетическая, т.к. подобные эпитеты служат задачам художественной выразительности [1].

Реализация художественно-эстетических функций метафоры, как и ряда других фигур речи, направлена на актуализацию в художественном тексте таких его качеств, как образность и экспрессивность, посредством которых во многом осуществляется коммуникативный замысел автора [2].

Поэзия А. Ревякиной характеризуется широким употреблением образных метафор (80 единиц), которые отражают авторское видение картины мира. Подобно эпитетам, метафоры поэтессы очень резкие, правдивые, в них сказывается свойство оценивать мир объективно и рационально. Например, *аборт чувств, балансировка рацио, запекшееся нутро, инъекция прессы, миндальная простыня*, такие эмоционально-оценочные метафоры как *величественный слизень, гнилая культя, гнойник-недомолвка, живодерствующее сверло, любовный скрежет*.

Также метафорическое употребление слова, разрушая его логическое содержание, способствует возникновению эмоциональных ассоциаций. *«Сегодня лихорадит нас сильней. / Быстрей! На выдох суть, полвдоха юность / на мельнице властолюбивых тактов / среди безбожия, бессилия, терактов»* (Сердце, с. 47) – в данных строках сложно осознать логически смысл метафор, однако подсознательно мы переживаем смысл этих строк, понимаем их значение и направленность. Данные метафоры выполняют экспрессивную функцию, т.к. привлекают и удерживают внимание за счет повышения образности текста, непредсказуемости.

Нередко в стихотворениях Анны Ревякиной встречается прием олицетворения (*чародействуют обороты, пальцы помнят, сновидения обрекают, дом подчиняется, небо читает, смелость шипит, гнев часов*) и овеществления (*женщина-свечка, девочка-спичка, глаза – пуговицы, зубы – сплетенье балюстрад, человек – чистокровный робот*). Подобные художественные средства выполняют эстетическую функцию, а также несут в себе некое послание, ведь скрытые сравнения у поэтессы зачастую обличают недостатки или абсурдность, трагичность ситуации.

В целом, метафоры являются более сложными и красочными в плане выражения авторского видения мира, поскольку основаны на сравнении

несравнимых на первый взгляд явлений (*мятая непогода* – облачная дождливая погода, *плацкартная вселенная* – поезд изнутри, где во время поездки существует свой мир, *фата из пепла* – ночь и др.)

Заключение. Эмоционально-экспрессивные средства языка реализуют наиболее релевантные характеристики авторского идиостиля, способствуя созданию личностного, оценочно-авторского поля [3]. Тропы формируют текстовое пространство, удерживая внимание читателей в определенной художественно-смысловой зоне.

Благодаря использованию эпитетов и метафор художественное изображение мира эмоций лирической героини и других персонажей в стихотворениях Анны Ревякиной, их ассоциативно-образное представление приобретает особую выразительность и эстетичность. Высокочастотное применение метафор придает стихотворениям психологическое напряжение, художественно украшает их, воздействует на сознание читателя, вызывая разнообразные ассоциации, побуждает к работе мысли в соответствии с авторским замыслом.

Список литературы

1. Блинова И. С. Функции эпитета в художественном тексте / И. С. Блинова, Н. А. Красавский / Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. – СПб. : Свое издательство, 2015. – С. 75-79.
2. Ибрагимова С. К. Языковые средства выражения индивидуально-авторской художественной системы : проза А.В. Амфитеатрова : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Дагестан. гос. пед. ун-т. – Махачкала, 2009. – 22 с.
3. Красавский Н. А. Художественно-выразительные ресурсы метафоры и эпитета в произведениях Стефана Цвейга / Н. А. Красавский, И. С. Блинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 10(64). – С. 97-100.
4. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1972. – 272 с.
5. Федотов О. И. Основы теории литературы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. / О. И. Федотов. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2003. – Ч. 2: Стихосложение и литературный процесс. – 240 с.

УДК 811.161.2:37.091.3

МЕТАПРЕДМЕТНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ УКРАИНСКОМУ ЯЗЫКУ

Кравченко А.И., Могила Н.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
sazokravch@mail.ru

В статье раскрыты концептуальные положения метапредметной интеграции, представлены взгляды ученых на исследуемую проблему,

уточнен понятийно-категориальный аппарат, предложены примеры реализации метапредметного подхода в обучении украинского языка.

Современное состояние развития образования Донецка требует интегрированного образования, совершенного уплотнения знаний и дифференциации обучения.

Установленные стандартом новые требования к результатам учеников по украинскому языку, вызывают потребность в изменении содержания обучения с учетом принципов метапредметности как условия достижения высокого качества образования. Как утверждают современные лингводидакты, учитель-словесник сегодня должен стать конструктором новых педагогических идей, новых технологий, которые бы предусматривали использование обобщенных способов деятельности и создание учащимися собственных продуктов в освоении знаний.

В Донецкой области в практике преподавания украинского языка в общеобразовательных заведениях метапредметный подход приобретает все большую популярность. Он внедряется учителями-словесниками на уровне эксперимента, по инициативе администрации школы или самого учителя.

Метапредметность – это новая образовательная форма, которая выстраивается сверху традиционных учебных предметов. Поэтому затронутая проблема является **актуальной**.

Цель статьи: описать технологию метапредметного обучения и особенности внедрения его в обучение украинского языка.

Задача статьи: определить сущность метапредметного подхода и его место в процессе обучения украинскому языку учащихся основной школы; выяснить дидактические условия и пути формирования языковых и речевых умений и навыков учащихся с опорой на метапредметные исследования ученых.

По мнению А.А. Васьковской, метапредметный подход – организация деятельности учащихся с целью передачи им способов работы со знаниями. Он предусматривает продумывание (а не запоминания) важнейших понятий учебного предмета, наличие образовательной деятельности, формирование и развитие у школьников предметных базовых способностей, использование способа «переоткрытия» знаний на разном учебном материале (то есть повторение научного открытия в учебном процессе), наличие рефлексивной деятельности [1, с. 42].

Метапредметные результаты – усвоение учащимися, обучающихся на базе нескольких или всех предметов, обобщенные способы деятельности (например, сравнение, схематизация, наблюдение, формулировка вопроса, выдвижение гипотезы, моделирование и т.д.), применяемые как в рамках образовательного процесса, так и в реальных жизненных ситуациях [2, с. 22].

Метапредметная деятельность – деятельность за пределами учебного предмета; которая направлена на обучение обобщенным способом работы

с любым предметным понятием, схемой, моделью и т.п., а также связана с жизненными ситуациями [2, с. 22].

Метапредметность, по мнению Ю.В. Громько, это – учебный предмет нового типа – тип интеграции учебного материала и принцип рефлексивного отношения к базисной организованности мышления – «знание», «знак», «проблема», «задачи» [2, с. 23].

В рамках «Знак» у школьников на уроках украинского языка формируется способность к схематизации. Они учатся выражать с помощью схем то, что понимают, и то, что хотят сказать.

«Знание» – на этом этапе у учащихся формируется блок способностей. К их числу можно отнести: способность работать с понятиями, систематизировать способности и умение идеализировать [2, с. 35].

Изучая «Проблему», школьники учатся обсуждать вопросы, которые носят характер открытых, до сих пор нерешенных проблем [2, с. 35].

На этапе «Задача» учащиеся получают различные типы задач и способы их решения. Во время обработки блока «Задание» у школьников формируются способности понимания и схематизации условий, моделирование объекта задачи, конструирование способов решения, построения процедур достижения цели [2, с. 35].

Как утверждают учителя-методисты (А. М. Путрова, Н.А. Дьяченко, А. Н. Иноземцева, И.А. Кураковська, Н.Н. Демидова и др.), метапредметный подход в обучении украинского языка предлагает реорганизацию образования, когда ученик воспринимает знания не как сведения для запоминания, а как знания, которые он осмысливает и может применить в жизни. Использование такого подхода способно сформировать у ученика понятие о дисциплине, как о системе знаний о мире, выраженный в числах, телах, веществах, предметах. По их мнению, он позволяет сформировать целостную личность учащегося и обеспечить преемственность всех ступеней образования [3, с. 75].

Из всего выше изложенного, можно утверждать, что успешное достижение реализации метапредметного подхода в изучении украинского языка, по нашему мнению, предполагает учет следующих требований:

- занятия должны мотивировать на работу, по окончании фиксировать результаты этой работы;
- грамотно спланированная деятельность учащихся; тема, цель, задачи урока должны быть не только сформулированы, но и осознанные учащимися;
- наличие проблемных вопросов и поисковых ситуаций, позволяющих активизировать деятельность учащихся;
- учет уровня и возможностей учащихся (такие аспекты, как профиль класса, стремление учеников, настроение детей);
- создание ситуации, требующей личностного самоуправления (то есть регулятивных универсальных действий): учитель создает условия, в

которых ученики могут самостоятельно найти решение тех или иных поставленных задач;

- активизация интереса и мотивации обучения учащихся путем привлечения к предмету урока других областей знаний с учетом опыта каждого ученика [4, с. 43].

Итак, соблюдение этих требований сделает обучение украинского языка продуктивным, будет способствовать результативности процесса обучения, развитию личности.

Рассмотрим реализацию метапредметных обучения на уроке украинского языка в 5 классе на тему: «*Метапредметні зв'язки. Інтонування розповідних, питальних, спонукальних та окличних речень. Повторення частин мови*», використовуючи матеріал казки «Фарбований Лис» І. Я. Франка.

Вправа 1. І. Випишіть із тексту речення в яких про щось:

а) повідомляється; б) запитується; в) виражається спонукання до дії. Прочитайте їх. Виділіть інтонаційно найважливіше слово в реченні.

ІІ. Визначте, якими частинами мови виражені підмет і присудок.

Вправа 2. І. Використовуючи іменники, прикметники та дієслова побудуйте асоціативне коло до казки «Фарбований Лис» І. Я. Франка. Наприклад:

ІІ. Використовуючи асоціативне коло, самостійно навести приклади розповідних, питальних, спонукальних речень. Наприклад:

В одному лісі жив прехитрий Лис Микита. Чи не найбільше у житті любив Лис полювання на курей? Тікай, тікай чим дуж від синього звіра. Обережно! Це ж діжка маляра з фарбою! Вовчик-братик ледве удрав від нечуваного синього звіра.

Вправа 3. І. Записати речення, в дужках вказати вид за метою висловлювання та емоційним забарвленням.

Жив собі в однім лісі Лис Микита, хитрий-прехитрий. (РН) От же побачите, і в Блоху не перекинуся, і не роздеруть мене! (РО) Невже се моя шерсть, мій хвіст, мої ноги? (ПН) Пробоє дряпати з себе ту луску пазурами — болить, але не пускає! Пробоє лизати — не йде! (РО) Тут він був! Тут він був! Шукайте його! (СО) І Лис Микита, зробившись царем, жив собі, як у бога за дверми. (РН)

ІІ. Визначте, якими частинами мови виражені підмет і присудок.

Заключение. Проведенное исследование позволило разработать систему упражнений и заданий на основе метапредметности, которые могут быть использованы студентами филологического факультета во время педагогической практики, молодыми учителями-словесниками в обучении украинского языка учащимися основной школы в русскоязычной среде.

Список литературы

1. Васильківська Г.О. Метапредметний підхід до формування системи знань про людину як один із принципів сучасного підручникотворення/ Галина Олексіївна Васильківська // Проблеми сучасного підручника : зб. наук. праць – К.: Педагогічна думка, 2012. – Вип. 12. – С. 42-50.
2. Громико Ю.В. Метапредмет «Знання» / Ю.В. Громико, – М., 2001. – 540 с.
3. Марцінко Т. Активізація мисленнєвої діяльності учнів 5-6 класів засобами української мови/ Т. Марцінко // Українська мова і література в школі : Науково-методичний журнал. – 2006. – №3. – С. 2-7
4. Хуторський А.В. Современная дидактика: учеб. пособ. – М.: Высш. шк., 2007. – 639 с.

УДК 811.161.1:81'36 (477.62)

ВАРИАТИВНОСТЬ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ДОНЕЦКОМ РЕГИОЛЕКТЕ

Кудрейко И.А., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

kudrejko@mail.ru

В разговорной речи жителей исследуемого региона зафиксированы варианты грамматических форм имени существительного. С понятием грамматического варианта формы слова связана потенциальная избыточность этой формы: парадигма избыточна, если в ней наличествует дублетная форма. Но «не всякая вариантность средств языкового выражения “избыточна”. Она становится “избыточной” только тогда, когда варианты не имеют никакой особой нагрузки» (Цит. по: [1, с. 323]). Если две словоформы имеют одно и то же лексическое и грамматическое значение, т.е. одинаковы в плане содержания и совпадают в плане формального выражения, то они являются избыточными. Избыточность форм возникает только при тождестве падежных значений и стилистической принадлежности. Если же удастся четко определить семантические или стилистические различия указанных дублетов, тогда речь идет о вариативности форм [1, с. 323].

К системным грамматическим вариантам форм имени существительного относятся:

1. Форма им. п. мн. ч. муж. р. I склонения, имеющая параллельные флексии *-/а/* (орфогр. *-а, -я*) и *-/и/* (орфогр. *-и, -ы*). Характерной особенностью слов, образующих форму им.п. мн.ч. на *-а*, является из акцентная характеристика: это слова с ударением на флексии во мн. ч. Следует отметить, что разговорные формы на *-/а/*, *-/и/* образуются от слов с односложной и неодносложной основой и выступают: 1) стилистически равноправными (*года и годы*); 2) устаревшими (*вееры, буферы, егери, жемчуги*) при нормативных формах только на *-а, -я*: *веера, буфера, егеря, жемчуга*; 3) вариативными, стилистически окрашенными, употребляющимися в разговорной, профессиональной речи и просторечии: *договора, конструктора, месяца* при нормативных формах на *-/и/*: *договоры, месяцы*. Для ряда имён существительных образование форм на *-/а/* является ошибочным, нормативны только формы на *-/и/*: *выговоры* (не *выговора*), *выборы* (не *выбора*), *вызовы* (не *вызова*), например: *Я принципиально никогда не хожу на эти выбора* (записано от Колгановой Т. 1986 г.р., г. Харцызск).

2. Вариантные флексии характерны также для именительного падежа мн. ч. существительных муж. р. с общим значением лица, предмета: *инженеры – инженера, директора – директора, конструкторы – конструктора, ректоры – ректора* и под. Например: *Все инженера фирмы были на вчерашнем совещании* (записано от Андриенко В. 1973 г.р., г. Горловка).

Родительный падеж, или генетив, представляет наибольший интерес среди всех других падежей в силу своей многозначности и особой функциональности. Он имеет ряд региональных особенностей на исследуемой территории:

1. Наличие вариантных флексий у существительных муж. р. ед. ч., употребляющихся в партитивном значении (*чая — чаю, сахара — сахару*), а также у существительных, имеющих отвлеченное значение: *шума — шуму*. Например: *Пирог у мамы получился вкусный, но я бы добавила больше сахару* (записано от Гордеевой М. 1985 г.р., Макеевка).

2. Образование форм род. п. мн. ч. существительных часто вызывает затруднения, так как именно в этом падеже наряду со стандартными флексиями функционируют нестандартные или вариативные. На исследуемой территории зафиксированы такие системные особенности образования род. п. мн. ч.: а) наличие флексии *-ей* у существительных множественного числа с нулевым окончанием: *у курей (у кур), нет курей (нет кур)*, например: *У курей бабушки Евдокии была особенная расцветка оперенья, позволяющая ей быстро отыскивать среди других птиц* (записано от Тишаковой Н., 2003 г.р., г. Торез); б) наличие флексии *-ев* у существительных среднего рода в родительном падеже во множественном числе: *полотенца – полотенцев (полотенец)*, например: *В составе этих полотенцев содержится более 80% бамбука*,

который обеспечивает хорошую впитываемость влаги (записано от Агаевой Э., 1999 г.р., г. Макеевка); в) отсутствие флексии *-ев* у существительных среднего рода в родительном падеже во множественном числе: *болотце – болотец (болотцев), оконце – оконец (оконцев)*, например: *У оконце бабушкиного дома в Волгограде были ставни цвета ясного неба с необычной резьбой* (записано от Кулиш И., 1999 г.р., г. Снежное).

В ряде существительных муж. р. II склонения, в которых в литературном языке не соблюдается закономерность «нулевая флексия в им. п. ед. ч. – ненулевая флексия в род. п. мн. ч.», в разговорной речи наблюдаем:

а) наличие флексии *-ов* у существительных в собирательном значении: название людей по национальности и по принадлежности к воинским соединениям: *болгаров* (прав. – *болгар*), *румынов* (прав. – *румын*), *грузинов* (прав. – *грузин*), *мадьяров* (прав. – *мадьяр*), *партизаны* (прав. – *партизан*), *солдатов* (прав. – *солдат*), например: *Этот ресторан пользуется популярностью у местной общины грузинов* (записано от Устименко А. 1986 г.р., г. Макеевка); б) наличие флексии *-ов/-ей* как в устной, так и иногда в письменной речи (сочинениях школьников) у слов, называющих парные предметы: *туфли – туфлей* (прав. – *туфель*), *чулки – чулков* (прав. – *чулок*), *сапоги – сапогов* (прав. – *сапог*). Например: *Сегодня видела пару красивых туфлей в магазине* (записано от Лукьянченко А., 1995 г.р., г. Донецк); *Пара новых чулков отлично подойдет под моё новое платье* (записано от Светличной А., 2002 г.р., г. Макеевка); в) наличие флексии *-ов* и нулевой флексии у слов, обозначающих название мер и единиц измерения: *килограммов – килограмм, граммов – грамм, гектаров – гектар*. Следует отметить, что первым обратил внимание на наличие вариативных форм род. п. мн. ч. у существительных, обозначающих единицы измерения, С.П. Обнорский, рассматривавший нулевую форму в ряду неправильностей современного русского литературного языка (Цит. по: [2, с. 661]); г) параллельное функционирование нормативной и разговорной форм названия овощей, плодов и других продуктов питания: *баклажанов* и допустимое род. п. мн. ч. *баклажан, абрикосов, апельсинов, помидоров* и не рекомендуемые словарями разговорные варианты род. п. мн. ч. *абрикос, апельсин, помидор*. Например: *Дайте мне пять килограмм помидор, два кило картошки, полкило апельсин, два кило курей* (записано от Бейко Е. 1970 г.р., г. Горловка).

3. Флексии творительного падежа: в донецком региолекте активно функционируют параллельные формы творительного падежа с окончаниями: *-ой/-ей* (с редукцией конечного *у*), а также *-ою/-ею*, например: *За деревню надо повернуть направо* (записано от Корнаковой Е. 1955 г.р., г. Макеевка); *Этой дорогой я всегда хожу в школу* (записано от Светличной И. 2007 г.р., г. Макеевка).

Анализ речи информантов позволяет выделить факты, свидетельствующие об интерферентных процессах, происходящих в русском языке под влиянием украинского, которые привели к образованию системных региолектных особенностей на различных языковых уровнях, что обуславливает необходимость системного анализа регионального языкового материала с выявлением как общих тенденций, присущих русскому национальному языку, так и регионализмов, активно используемых на исследуемой территории.

Список литературы

1. Дешеулина Л.Н. Избыточные и вариантыные падежные формы имен существительных в современном русском языке / Л.Н. Дешеулина// Труды ИЛИ РАН Том VI, часть 2, СПб., 2010. – С. 322–339.

2. Панькова Е.С. Грамматическая синонимия именных форм в родительном падеже множественного числа / Е.С. Панькова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010. – № 4 (2). – С. 661 – 664.

УДК 801.561

АНГЛИЦИЗМЫ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ ДОНБАССА

Могила С.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
mataj1975@yandex.ua

Лексическая структура языка постоянно изменяется, потому как речь отображает реальность вместе со всеми её переменами. Ново пришедшие слова, входящие в структуру языка, отображают все изменения и сдвиги в мире, создание новых предметов, открытие новых явлений. В то же время каждый язык поспешно или медленно покидают старые слова, в которых народ больше не нуждается. Разумеется, новых слов гораздо больше, чем тех, которые отходят «в резерв».

Один из способов обогащения состава лексики – заимствование. В соответствии со словарём лингвистических определений В.Н. Ярцевой, заимствование – это компонент чужого языка, который был перенесён из одного языка в другой в следствии языковых взаимосвязей, а кроме того, непосредственно процедура переходов компонентов одного языка в иной. Перенятые компоненты приживаются в чужом языке, покоряются новым законам, изменяют своё звучание, адаптируются к концепции. В последующем их сложно отличить от изначальных слов, необходимо этимологическое изучение.

Формирование общественно-политических, торговых, финансовых взаимоотношений среди различных народов обогащает языки новейшими словами. Они вступают в язык совместно с новейшими предметами, действиями, с внедрением новейших координационных конфигураций, должностей, органов: *регламент, офицер, консервы, конферансье, кооператив, костюм, пеньюар, бакалавр, периферия*.

Англицизмы и заимствования разделяются на категории. Л.М. Баш выделил такие:

1. Варваризмы – иноязычные слова и выражения, употребленные в русском языке без перевода с соблюдением графики и орфографии языка-источника.

2. Транслитерация – перевод из одной графической системы в другую, передача чужой графики с помощью своей графики.

3. Непосредственно заимствования – слова, пришедшие из других языков, передающиеся средствами своей (родной) графической системы (не варваризмы), не претерпевшие существенных переформлений.

4. Интернационализмы. Данный вид занимает слой между квазизаимствованиями и обычными заимствованиями [1].

В русском языковедении, в соответствии со словами Л.П. Крысина, общепринято распределение заимствованных слов на 3 группы:

- заимствованные слова;
- экзотизмы;
- иноязычные вкрапления [2].

Действия, которые происходят в обществе, оставляют след в нормах языка, меняют его. Проанализировав нынешнюю прессу, несложно отметить, что вопрос иноязычных заимствований в средствах массовой информации очень актуален. Значимость исследований определена потребностью отображения действующих перемен в языке средств массовой информации за минувшие года.

Воздействие средств массовой информации на язык очень существенно. Различные образования слов, англицизмы, которые появляются в речи, основательно закрепляются в языке публицистики. Во взаимосвязи с данным периодом времени разворачиваются обсуждения вопроса о необходимости и важности применения заимствованных слов в СМИ.

Помимо непосредственно номинативной функции, наличие англицизма осуществляет функцию привлечения интереса к статье. Это очень существенная вещь для средств массовой информации.

В полной форме журналистская формула смотрится таким образом:

- заинтересовать читателя сведениями;
- возбудить стремление прочесть журнал или газету;
- спровоцировать покупку.

Наряду с необходимыми заимствованиями, появляются лишние заимствования, использование которых возможно разъяснить лишь их

привлекательностью, рвением к популярной и модной передаче своих мыслей. Подобные слова никак не соответствуют нуждам, так как в русском лексическом составе имеются синонимы для замены данных слов.

Изучение лексического состава печатного издания «Донецкая Республика» (6 газет: 42 542 слова за период от 14.06.2018 по 19.07.2018) продемонстрировало, что слияние заимствованных слов в русском языке в особенности наглядно выражается в ходе их словообразования и семантики. Так при заимствовании англицизмов, часто возникают производные слова путем сложения слов и основ (*супермодель, мегаклавиатура, евроремонт, еврокомиссия*).

Большую часть англицизмов можно причислить к социальной и политической области. Например, *Главная задача, которая стоит сегодня перед наукой Донецкой Народной Республики, – это сближение науки и производства, их интеграция* («Донецкая Республика», выпуск № 22 от 21.06.2018 г.); *«Потеря лесов неминуемо послужит причиной ухудшения условий жизни населения», – подчеркнула эксперт* («Донецкая Республика», выпуск № 23 от 28.06.2018 г.); *Напомним, что гуманитарная программа по воссоединению народа Донбасса была инициирована Главами ДНР и ЛНР в феврале 2017 года* («Донецкая Республика», выпуск № 22 от 21.06.2018 г.).

Часть англицизмов, встречающихся в газете, подвергается семантизации. Совершается уменьшение, увеличение, переосмысливание значимости слов и возникновение новых смыслов. Данная процедура проходит по-разному. У определенных слов увеличение значимости совершается из-за его же сужения. К примеру, «фэйк» – ложные данные: *На этот раз своей целью генераторы фейков выбрали сельские районы Республики* («Донецкая Республика», выпуск № 25 от 12.07.2018 г.).

Частота употребления англицизмов в печатном издании «Донецкая Республика» – 8% (3404 слова), в основном – политическая, общественная, социальная проблематика. Большая часть из них ранее были уже ассимилированы в русском языке.

Также можно сделать вывод, что англицизмы присутствуют в СМИ не только в следствии того, что они звучат популярно и впечатляюще, нежели русские слов. А ещё и потому, что заимствованные англицизмы обладают своими собственными вспомогательными схемами и значимостями, которые помогают донести смысл целиком и в полной мере.

Наличие новейших заимствований в прессе присутствует с целью компенсации языковых средств русского языка в присутствии новейших явлений и определений. Применение заимствований, обладающих аналогами, объясняется рвением к особенной, индивидуальной речи, формулировке экспрессии и иронии.

Список литературы

1. Баш Л. М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты / Л.М. Баш // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – 1989. – № 5. – С. 22 – 34.
2. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностр. студентов-русистов / М. А. Брейтер. – М.: Изд-во АО "Диалог-МГУ", 1997. – 156 с.
3. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996. – 453 с.

УДК 81`25

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ УКРАИНСКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Талалаенко Д.А., Могила Н.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
daryatalalaenko61@gmail.com

Введение. Сегодня на Донбассе перед учителями-словесниками остро встала проблема преподавания украинского языка в учебных заведениях, формирование у молодого поколения речевой компетенции, которая обозначает наличие умений выражать мысли через привлечение языковых средств, что делает возможным планирование и осуществление речевого акта. Это способствует лучшему пониманию информации и побуждает к высказыванию собственных мыслей в устной или письменной форме во время осуществления коммуникативного акта. Помочь решить этот вопрос, по нашему мнению, может кросс-культурный подход.

Целью работы является освещение взглядов ученых на проблему межкультурного общения, рассмотреть методику формирования кросс-культурной компетентности у школьников в процессе изучения украинского языка в школах с русским языком обучения.

Задача работы показать, что внедрение кросс-культурного подхода в обучение украинского языка русскоязычных учащихся, позволит учителю-словеснику на лучшем уровне сформировать у учащихся коммуникативную компетенцию.

Проблему определения кросс-культурной компетентности исследовали Т. Артемчук [1], В. Дороз [2], Э. Ганыш [3], Г. Ферапонтов [4], А. Щукин [5] и другие. Особенности формирования межкультурной компетенции посвящены труды Н. Алмазовой, Р. Гришковой, Г. Копыл, И. Плужник, В. Сафоновой и др.

В. Дороз определяет кросс-культурную компетентность как интегральное качество личности, в состав которой входят знания об

особенностях другой культуры, умение интерпретировать инокультурную информацию, опыт коммуникативной деятельности и др [2].

Г. Феррапонтов замечает, что овладение вторым языком наряду с получением фонетических, лексических и грамматических знаний, умений и навыков должно также предусматривать усвоение культурологической информации, что в итоге представляет собой приобретение кросс-культурной компетентности. Под последней ученый понимает «способность субъекта культурного развития ориентироваться в самоценных культурах различных этносов» [4].

По мнению Т. Артемчука, кросс-культурная компетентность это осознание идейных, обрядовых, культовых и традиционных различий, присущих той или иной культуре, способность определить общие и отличительные черты в разных культурах и взглянуть на традиции собственного народа глазами другого этноса [1].

Как видим, учёные говорят, что уровень способности адекватного межкультурного общения определяется как совокупность следующих умений: умение использовать специфические для определенной культуры языковые единицы, изучаемые при построении речевого акта, в частности умение использовать лексические единицы, содержащие в себе социокультурную информацию в ситуации межкультурного общения, учитывая при этом национально – культурную специфику вербального и невербального коммуникативного поведения, а также умение предотвращать культурные конфликты, вызванные различиями ценностных систем и этносоциокультурных установок в собственной культуре и культуре носителей языка.

Заметим, что ведущая роль в формировании кросс-культурной компетенции принадлежит коммуникативной направленности процесса обучения украинского языка в школе, в то же время большое значение имеют когнитивные процессы, происходящие в сознании учеников.

Процесс межкультурной коммуникации в Донецком регионе является специфической формой деятельности, которая предусматривает знание различных языков, материальной и духовной культуры другого народа, религии, ценностей, моральных установок, мировоззренческих представлений и т. д. В совокупности определяется модель поведения партнеров в коммуникации. Только сочетание этих двух видов знания языка и культуры обеспечивается плодотворное общение, что служит основой межкультурного общения.

Мы поддерживаем мнение ученых, что кросс-культурная компетенция участника межкультурного общения на украинском языке имеет лингвистический и культурный компоненты. Которые содержат: знания, навыки, умения, способности. В его содержание входят лингвистический, культурный и психологический компоненты находят свое отражение в таких видах компетенций, как лингвистическая, речевая,

социокультурная, социальная, дискурсивная и предметная. Следует отметить, что формирование кросс-культурной компетентности проходит несколько этапов: оценочный, сопоставимый и исследовательский, во время которых субъект знакомится с культурой других народов, сопоставляет образцы поведения и особенности мировосприятия их культуры с собственной и пытается применить полученные знания на практике.

Заключение. Таким образом, масштаб кросс-культурной компетентности является очень большим, и мы должны согласиться с тем, что она имеет прямое влияние на ежедневные коммуникации и деятельность каждого индивида. Изучение вопроса кросс-культурности является актуальным абсолютно для всех организации, которые хотят развиваться в условиях постоянного наращивания уровня глобализационных процессов.

Список литературы

1. Артемчук Т.О. Про сучасні підходи до вивчення і викладання іноземних мов // Рідна школа, 2003. – № 9. – 47 с.
2. Дороз В. Крос-культурне навчання української мови як дидактична система / В. Дороз // Українська мова і література в школі. – 2009. – № 1. – С. 12 – 17.
3. Едіт Ганиш // Українська мова в контексті теорії крос-культурної комунікації: до питання про пріоритетні напрямки лінгвістичних досліджень. / Серія філол., 2004. Вип. 34. Ч.І. – С.305-310.
4. Ферапонтов Г. А. Понятийный аппарат социо-кросс-культурного гражданского воспитания // Кросс-культурный подход в науке и образовании : материалы ежегодного семинара. – Вып. 5. – Новосибирск : НГПУ, 2010. – С. 56–58.
5. Шукин А. Н. Компетенция или компетентность : Взгляд методиста на актуальную проблему лингводидактики / А.Н. Шукин // Рус. яз. за рубежом. – 2000. – № 5. – С. 14–20.

УДК 801.56

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ СУБСТАНТИВА КАК НОСИТЕЛЬ АТРИБУТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Чернышова Л.И., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства
и архитектуры», г. Макеевка, ДНР
jess-grinko@yandex.ru

В современной лингвистике значительный научный интерес вызывают исследования, в которых сквозь призму определенных классов слов выявляется специфика тех или иных тенденций, закономерностей. Весомый вклад в изучение общетеоретических и практических проблем

нормативной синтаксической стилистики, комплексное исследование языковых единиц субстантивной природы внесли И. Выхованец, А. Потебня, Л. Булаховский, В. Виноградов, А. Загнитко, М. Плющ и многие другие русские и украинские ученые. При этом актуальным остается проведение системного и комплексного анализа класса предметных существительных, функционирующих в научных текстах, на лексическом и семантико-синтаксическом уровнях.

Цель исследования – проанализировать форму родительного падежа существительного как носителя атрибутивной семантики при атрибутивной квалификации предметных существительных. Исследование проводилось на материале украинского научного языка строительной отрасли, текстов преимущественно собственно-научного и научно-производственного подстилей.

Неспециализированные квалификаторы атрибутивной семантики с разнообразным морфологическим диапазоном их выражения характеризуются разной частотностью в научно-строительных текстах. К ядерным формам принадлежат существительные в падежных формах, хотя и среди них частотность является неадекватной, что мотивируется степенью приобретения формой атрибутивной семантики и равно- / неравноконкурентностью с основной функцией формы.

Ядро неспециализированных элементов как носителей атрибутивного значения представляют формы родительного падежа существительного, выступая конкурентноспособными относительно специализированных форм прилагательного [3], которые эволюционировали из первичной предикативной функции в атрибутивную (отчасти она сохранена в атрибутивных словосочетаниях с постпозитивным квалификатором типа *борозник електричний ручний*, сравн.: *шар панелей, ригель рами, переріз стійок арки* и др. «Родительный падеж составляет чуть ли не самую сложную относительно разнородного синтаксического использования падежную форму» [1, с. 146], семантико-синтаксические функции которой имеют производный характер.

В присубстантивной постпозиции форма родительного падежа существительного в формально грамматическом аспекте приобретает обобщение и реализует определительную функцию, которая выступает для нее первичной. Это дает полное основание утверждать равноконкурентность репрезентации атрибутивной семантики специализированными элементами (прилагательными и т. п.) и неспециализированными, поскольку для родительного функционирование в присубстантивной постпозиции является системно определенной специализацией. Такой родительный признака часто в научно-строительных текстах представлен целым словосочетанием и в этом случае вместе со стержневым словом, от которого зависит относящаяся к существительному форма, составляет сложное словосочетание: *коефіцієнт*

ущільнення бетонної суміші, где второй компонент сложного словосочетания представляет собой производное терминологическое словосочетание, в котором два предикатных компонента (*ущільнення і бетонної*) объединены также с внутренне предикатным элементом *суміш*, поскольку он является результатом выполненных действий и относится по своему статусу к артефактам.

Форма родительного падежа существительного часто выступает с атрибутивным компонентом – такое словосочетание приобрело относительную терминологизацию и в научно-строительном тексте воспринимается как воспроизводимая целостность. Подобные зависимые словосочетания характеризуются атрибутивно-локативной семантикой: *ригель сходової площадки = ригель + сходової площадки* [2, с. 187] и т. п.

Научно-строительному тексту присуще сочетание атрибутивно-субстантивного терминологического словосочетания с формой родительного падежа существительного другого атрибутивного терминологического словосочетания, которое образывает в этом случае целостный план качественной квалификации предмета и отнесения его к определенному классу предметов, которые могут быть использованы при тех или иных работах: *високотемпературні нагрівачі інфрачервоного випромінювання* и т. п.

Распространенным выступает выражение атрибутивного компонента аналитическим словосочетанием, в котором совмещаются формы родительного падежа существительного с предлогом *з*, отчасти квалифицирующие предмет относительно его функциональных характеристик. Это в значительной мере усиливается при условии наличия при зависимом компоненте собственного зависимого компонента. Такая характеристика может касаться: 1) последствий процесса производства и ограниченности предмета в применении: *вироби з дрібнозернистих бетонів; плити із шлакосталу*; 2) качества изделия и области его применения: *щітка із сталевого дроту*, 3) пространственных параметров предмета, возможностей внутреннего или внешнего воздействия на него: *теплоізоляція з зовнішнього боку*; 4) технологических характеристик предмета с определением его процессуальных свойств: *механізм поздовжнього пересування протічки*. Эта же функция свойственна и словосочетаниям, в которых опорное слово уже имеет характеризующий корреляционный элемент, а зависимый компонент выражен атрибутивным словосочетанием: *обмотка-індикатор з алюмінієвих дротів*.

К конструкциям с собственно формой родительного падежа субстантива примыкают образования, в которых зависимый компонент является двучленным и представлен терминологизированным словосочетанием, сравн.: *камери → ямного типу*.

Своеобразными образованиями предстают конструкции, в которых совмещаются номинативная и редуцированная предикатно-

экзистенциональная функция, что мотивируется наличием в этих конструкциях собственно-атрибутивов, неспециализированных атрибутов качественной квалификации и неспециализированных атрибутов с локативной семантикой: *касетно-конвейерна ← лінія → з двобічними клиновими формами → Таллінського домобудівного комбінату*. Здесь можно установить такую закономерность: если стержневым компонентом выступает слово конкретной семантики, то в зависимом компоненте доминирует атрибутивная семантика.

Таким образом, мы определили, что семантический спектр родительного атрибутивного достаточно разнообразен, но чаще всего он указывает на размер предмета, его качество, количество, тип по форме и другие признаки. Значительная часть конструкций с родительным атрибутивным маркирована как терминологические или номенклатурные единицы.

Список литературы

1. Вихованець І. Р. Система відмінків української мови / І. Р. Вихованець. – К. : Наук. думка, 1987. – 231 с.
2. Російсько-український словник: Будівництво / Укл. М. Г. Ярмоленко, С. Й. Цимбал, Д. С. Кривенко та ін. – К. : Будівельник, 1994. – 256 с.
3. Чернышова Л. И. Атрибутивный квалификатор предмета в структуре простого предложения / Л. И. Чернышова // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков : Материалы I Международной научно-методической конференции, 21 мая 2018 г., г. Донецк. – Донецк : ДонНТУ, 2018. – С. 80–86.

УДК 821.161.2. – 311.4

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА В РОМАНЕ Н. РУДЕНКО «ОРЛОВА БАЛКА»

Ярошевич И.А., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
irinayaroshevich5@mail.ru

Введение. В украинском литературоведении последних десятилетий наблюдается усиленный интерес к художественному наследию Н. Руденко, творчество которого пример плодотворного сочетания талантов не только писателя, но и философа, его наследие поражает многогранностью, глубиной и актуальностью морально-этических, семейно-бытовых проблем. Проза Н. Руденко, в частности роман «Орлова балка», – воплощение художественно-философских исканий и реализация

эстетической концепции, присущей поколению «шестидесятников» – «эстетики страдания».

Актуальность. Тема представляет научный интерес как в плане исследования духовных ценностей при художественном создании образов семьи донецких шахтеров, так и в рассмотрении отдельных аспектов изучения литературного краеведения Донбасса.

Цель настоящего исследования – охарактеризовать специфику создания образов супругов Медунов как образца семейных ценностей, учитывая при этом позицию самого автора.

Результат. В целом творчество Н. Руденко исследовали И. Качуровский [1], М. Павлишин [2], М. Слабошпицкий [3], Л. Талалай [4], И. Ярошевич [5] и др. Вместе с тем система образов романа писателя требует дополнительного внимания литературоведов.

Самобытный дух шахтеров Донбасса привлекал внимание многих писателей, которые наблюдая за суровыми испытаниями, выпавшими на долю жителей этого промышленного края, за их поведением и бытом, получали богатый материал для своего творчества. Удивительная земля, где закаляются характеры, а человеческие ценности проходят самые суровые испытания, вдохновила не одно поколение литераторов на создание настоящих шедевров (Б. Гринченко, Н. Чернявский, С. Черкасенко). Среди них и Н. Руденко, который в романе «Орлова балка», создавая образы супругов Медунов, возвысил духовный потенциал всех жителей Донбасса.

Один из центральных героев произведения – пожилой шахтер Григорий Остапович Медун – ревностный приверженец обычаев и традиций народа, хранитель балки, и одновременно ее разрушитель, ведь ему принадлежит создание террикона, который символизирует духовное опустошение, служит знаком парадоксальности индустриального прогресса, пагубного влияния на природу и на мир.

Супруги – Григор и Мария Гавриловна, жили в маленьком домике, доставшемся от отца, но со временем террикон начал надвигаться на дом, закрывать своей длинной черной тенью, дышать гарью и пылью на сад, поэтому они вынуждены были переехать. Не смог Григор покинуть родительский дом и дать угольному великану уничтожить его вместе со старыми деревьями и звонким ручьем: «... *майже щодня навідувався під террикон, де поки що лишалася стара хата. То вже душа в нього така – нічого стандартного не приймає*» [4, с. 30].

Голос памяти, желание гармонии и спокойствия ведут героя к родительскому дому, к вековым дубам. В подсознании Медуна сохранено первоначальное единство с природой, что углубляет духовное восприятие персонажем Орловой балки. Шахтер отождествляет себя с частью природы, осознает собственную ответственность за состояние окружающей среды, стремится жить в согласии с природой, ищет у нее

помощи в духовном совершенствовании, пытается ее восстановить, несмотря на материальные проблемы. Внешность Григора свидетельствует о том, что нелегкая шахтерская жизнь закалила его, – в семьдесят лет, *«побачили б ви, які брили вивозить він тачкою зі свого садка! Не кожен молодик здужає»* [4, с. 29], – так изображает его Н. Руденко: сильным и крепким.

Григор Медун неумоимо расчищает Орловую балку – угловину, в которой растут старые дубы, ведь порода, комочками скатываясь с террикона, подступая все ближе и ближе к родительскому дому, разрушает эту местность и загрязняет источник. Именно такие люди, которые самоотверженно работают на нашей родной земле, заботясь о ней, – и являются главной ценностью донбасского края. Фигура Медуна в романе олицетворяет весь равнодушный к искаженной промышленностью природе народ Донбасса.

В отличие от мужа – Мария Гавриловна, на склоне лет тяжело болела, но это и неудивительно, ведь она пережила тяжелые военные годы. С большой болью говорит писатель о причине болезни пожилой женщины, где сказались все горести, которые отзывчивое сердце и милосердная душа женщины не могли перенести без последствий: *«Вони з Григором могли б і не голодувати – шахтарям видавався хліб. Не наїдалися досита, але від голоду не пухли. Та прочули вони про голод на Полтавщині, а там у Гаврилівни сестра лишалася. Поїхали до сестри – тільки могилу застали. [...] Живі на Донбас потягнулися – скільки їх наїхало! А на шахтах також годували не кожного – лише тих, що обушками у забоях здатні гупати. Як же той хлібець до рота нести, коли біля твого двору німичні діти від голоду помирають?»* [4, с. 29]. Совесть не позволяла женщине съесть собственную пайку, она готова была терпеть муки голода, чтобы накормить других. Не могла видеть истощенных от голода детишек, веря в то, что чужих детей не бывает! Но и о любимом муже Мария Гавриловна не забывала: *«Григорову пайку для нього берегла, а свою чужим людям віддавала. Бадьорилася, щоб Григир не дізнався?»* [4, с. 30].

Казалось, возможно ли пережить такое бедствие и не огрубеть душой? Да, возможно. Лица Медунов будто излучали доброту и кротость – такие лица будут прекрасными до последнего своего дня. Жили супруги душа в душу, переносили все жизненные невзгоды вместе, воспитывали детей, тяжело работали, кровью и потом орошая донбасскую землю: *«Мир і спокій панували в сім'ї Медунів. Добрі вони обоє були – і Марія, і Григир – але запальну вдачу мали замолоду. Отож і забували інколи, що молодість давно минулася»* [4, с. 32].

В заключении стоит отметить, что характерная особенность произведения «Орлова балка» – раскрытие духовных и семейных ценностей шахтеров-дончан. Супруги Медуны, – отзывчивая и добрая, мудрая женщина, которая не могла не протянуть руку помощи

нуждающимся людям, и, будто вылитый из цельного камня, мужчина, у которого пламенеет неравнодушно ко всему живому сердце. Тихо, не напоказ, боролись с несправедливостью в жизни и равнодушием людей промышленного края к экологической катастрофе, которая неумолимо надвигалась на их родную землю. Стремилась решить проблемы современности, недалекого будущего, когда дети спросят, что их родители сделали для благосостояния нашего края.

Список литературы

1. Качуровський І. Проза Миколи Руденка // Руденко М. Орлова балка. – Торонто – Балтимор: «Смолоскип» ім. В. Симоненка, 1982. – С. 9-15.
2. Павлишин М. «Собор» Олеся Гончара та «Орлова балка» Миколи Руденка: навколишнє середовище як тема й аргумент / М. Павлишин // Канон та іконостас. – К.: Час, 1997. – С. 44-61.
3. Руденко М. Орлова балка / М. Руденко. – Торонто – Балтимор: «Смолоскип» ім. В. Симоненка, 1982. – 455 с.
4. Слабошпицький М. Горить його свіча / М. Слабошпицький // Дивослово. – 2000. – № 12. – С. 14-16.
5. Талалай Л. Муза М. Руденка / Л. Талалай // Березіль. – 2003. – № 7. – С. 164-178.
6. Ярошевич І. Екзистенційність як сутнісна ознака зображення митця у романі М. Руденка «Орлова балка» / І. Ярошевич // Культура в фокусі наукових парадигм / научн. ред. Кравченко О., Каика Н. – Донецьк: ДонНУ, 2019. – Вып. 9. – С. 127-134.

УДК 81`37:659.133(477.62)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЕРБАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПЛАКАТНОЙ РЕКЛАМЫ ГОРОДА ДОНЕЦКА

Ясюченко С.Э., Зенина А.В., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
anvz@mail.ru

Введение. Одной из сфер, где в едином графическом пространстве функционируют различные сочетания семиотических кодов с вербальными и иконическими компонентами, является реклама. Язык рекламы, по мнению Е.В. Столярской, «прочно входит в повседневный узус, обновляя набор привычных языковых средств» [3].

Современный рекламный плакат представляет собой яркий пример креолизации. Изучение соотношения иконической и языковой составляющей, выявление семантики и модальности последней на материале рекламных плакатов города Донецка позволяет проанализировать основные тенденции создания данного вида наружной

рекламы, задача которой – расположить и привлечь внимание к определенному товару, услуге и т.д.

Цель исследования заключается в выделении лингвистических особенностей вербального компонента плакатной рекламы на фонетическом, лексическом и морфологическом, стилистическом и синтаксическом уровнях.

Основная часть. Важными вербальными составляющими рекламного текста (далее – РТ) наружной плакатной рекламы являются слоган как «базовая константа рекламной компании» [1, с. 6], заголовок как носитель главного аргумента рекламного сообщения, основной рекламный текст, рекламные реквизиты [1]. Е.С. Сердобинцева дополнительно выделяет подзаголовки, подписи и комментарии [2].

Являясь особым продуктом словесного мастерства, РТ регулируется законами поэтики и правилами выбранного языка на всех его функциональных уровнях. Традиционно при лингвистическом анализе РТ принято выделять три составляющие – фонетику, морфологию и синтаксис [2]. Важность системного подхода к РТ в лингвистике и журналистике подтверждается так называемым индексом читаемости текста, или показателем Fog Index: (FI): $FI = (X + Y) \cdot 0,4$, где X – среднее количество слов в предложении текста; Y – среднее количество слов с длиной три и более слогов в предложении текста [2, с. 8]. При определении читаемости текста проводится анализ на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

На фонетическом уровне для достижения целей рекламы в речевом воздействии могут использоваться рифмы: «*Жувиленд! Жуешь – весело живешь!*», «*Урожай*» – *то, что любишь выбирай!*», «*На работе целый день – вечером свари пельмень!*», а также аллитерация и ассонанс, особенности артикуляции звуков. Немаловажен и потенциал отдельных фонем человеческой речи, образуемый «ассоциативной составляющей звуков и передающих их букв» [1, с. 67], что изучается фоносемантикой.

В РТ «*Пробуй! Удивляй! Покоряй!*» огубленные гласные заднего ряда [o] в силу схожести с песенными мотивами и междометиями создают иллюзию длины и мягкости, звук [u] кажется гладким и легким. Шумные смычные согласные и сонорный дрожащий звук оставляют впечатление мужественности, храбрости и силы. Созвучная флексия последних двух глаголов – [уд'и^свл'áj], [пъклр'áj] – [áj] – также формирует позитивную эмоциональную установку.

Выбор лексических и морфологических средств обуславливает эффективность рекламного посыла, результативность тактик воздействия и аргументации. Так, в рекламных текстах используются:

1. Жаргонная, разговорная, бытовая лексика, интертекстуальные комбинации: «*В салоне кровь отпылесосим, чей труп в багажнике не спросим. Автомойка 10 м*», «*Реальный шиномонтаж! Сюда иди! 20 м*».

2. Региональная лексика (игра на национальном колорите, упоминание социально-политических явлений, характерных для определенного социума): «Одобрено народным контролем!», «С Донбассом в сердце!», «Феникс» – мой оператор!».

3. «Универсальные» слова (*каждый, все, всё, наш, ваш, свой*), способствующие реализации тактики убеждения посредством присвоения положительных оценочных знаний, а также формирования семантической категории «свой круг»: «Ваш производитель!», «Наш товар!», «Все для народа!».

4. Языковая игра, предполагающая грамматические ошибки, что в целом создает комический эффект, возможность двойного прочтения и понимания фразы: «Без нас ни КАК!» (реклама туалетной бумаги).

5. Глаголы настоящего времени: «Встречаем с улыбкой, готовим с любовью!», а также повелительного наклонения: «Почувствуй нашу нежность!», «Выбирай лучшее!», «Покупай по выгодным ценам!», «Не проходите мимо!», «Любите свои волосы».

6. Сравнительная и превосходная степень прилагательных (*лучший, чудесный или превосходный*): «Отечественный производитель – лучший товар!»; прилагательных, реализующих тактику комплимента реципиенту: «Сахар сладкий добрым людям!».

7. Числительные: «Наш товар – это 120 лет качества!», «100 % натуральный продукт», «Двери на 2-х этажах».

8. Наречия, необходимые для формирования семантической категории «свой круг», «семья», предполагающей доверие: «Вместе вкуснее!», «Всегда вкусно, всегда удобно!», «Никогда не подведут!».

9. Модальные операторы долженствования и возможности (*должен, нужно, необходимо, надо, обязан; выбор, можешь, можем, свобода*): «Пластлин. Все, что нужно вашему ребенку!».

В РТ распространены и стилистические языковые средства (фигуры): метафора: «Обвал цен»; «Лоск – выводит даже самые упрямые пятна»; гипербола: «Мировые двери»; олицетворение: «Говорит и показывает «Мегафон».

Часто используемым стилистическим приемом является повтор, цель которого – усилить смысловую значимость повторяемой части рекламного текста: «Сроки действия больше не действуют» (реклама тарифной компании «Джинс»), «Покупай дешево – покупай выгодно!»

На уровне синтаксиса наблюдаются следующие особенности:

1. Сравнения: «Народные окна, гарантия низких цен. Тёплые, в 2,5 раза теплее обычных окон! Тихие, в 10 раз тише обычных окон. Красивые, современных ПВХ профиль. Заходите и убедитесь сами!».

2. Использование логической структуры «вопрос – ответ», восклицательных, побудительных предложений: «Лишние деньги? Не ходите с ними! Ходите к нам!».

3. Преобладание простых односоставных нераспространенных предложений: *«Профнастил. Металлочерепица», «Косметика, бытовая химия, парфюмерия».*

4. Использование риторических вопросительных конструкций: *«Родите ли?»* (агитационное сообщение против курения), *«Родной продукт – что может быть лучше?».*

5. Синтаксический параллелизм: *«Жувиленд, жуешь – весело живешь!».*

Заключение. Актуализация разноуровневых языковых средств и приемов как компонента вербальной составляющей рекламных плакатов города Донецка в комплексе с изображением представляет собой мощный побуждающий стимул для ее реципиента и позволяет данной рекламе «работать».

Список литературы

1. Бернацкая Ю. С. Текст в рекламе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «032401 (350700) «Реклама» / Ю. С. Бернацкая. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 288 с.

2. Сердобинцева Е. Н. Структура и язык рекламных текстов / Е. Н. Сердобинцева. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 104 с.

3. Столярская Е. В. Рекламный дискурс и рекламный медиатекст в системе функциональных стилей русского языка / Е. В. Столярская // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://movoznavstvo.com.ua/>

УДК 373. 167

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В МИРОВОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XX ВЕКА

Анисимов Н.А., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Как известно, в XX веке мировая публицистика не была единым и целостным процессом осмысления «общей жизни» человечества и сопряжения с нею «отдельной жизни» человека, что и составляет специфику предмета публицистики и публицистичности. Имеется ввиду тот исторический факт, что после 1917 года общественная жизнь в мире раскололась на две разновидности – буржуазную и советскую, капиталистическую и социалистическую. Вплоть до последнего десятилетия века друг другу противостояли две модели обустройства общества со своими неслиянными аксиологическими парадигмами. В соответствии с этим формировались и два типа публицистики – советская и буржуазная, а по существу – ортодоксальная и аналитическая.

С середины XX века ортодоксальный пафос советской публицистики все больше иссякает: приоритет «классовых ценностей» теснится апологетизацией «общечеловеческих ценностей», что и предопределило размывание жестких границ между внутренним содержанием обоих вариантов публицистических суждений.

Более того, в последнее десятилетие века произошло, по самым разным причинам, разрушение ценностной парадигмы социалистического типа, и уже «постсоветская» общность воссоединилась с общностью всемирной. И вместе с этим обобществлением прекратилось противостояние публицистик, общей задачей стала необходимость совместными усилиями осмысливать современное состояние, идеалы и перспективы нашего совместного, общемирового существования.

К сожалению, наш переход в новую общность из родной советской открыл нам и новые противоречия. Так называемое мировое сообщество обнаружило свою неоднородность, что оказалось более удручающим, нежели привычная однородность социалистического мира, от которого мы отказались в надежде на лучшее. Мировое сообщество встретило нас, «блудных детей», не то что бы враждебно, но явно отчужденно, не стесняясь при этом бесцеремонно демонстрировать свою внутреннюю разобщенность, выдавая ее за демократический плюрализм. На деле же это выглядело так: «Мы все в лодке. Океан жизни. Одни спят, другие гребут, третьи – дырки ковыряют ниже ватерлинии» [3, с.120].

В структуре этой разнородной мировой общности уже не звучит голос «коммунистической публицистики», он уже не разрушает своей оппозиционностью кажущееся единодушие «капиталистической публицистики». Но и без этого умолкшего (навек? – Н. А.) «враждебного» голоса современная публицистическая мысль демонстрирует новый тип «всемирной разобщенности», генезис которого еще в середине прошлого века объяснил Маршалл Маклюэн, книга которого издана на русском языке только в 2007 году: «Архимед как-то сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю». Сегодня он ткнул бы пальцем в наши электрические средства коммуникации и сказал: «Я обопрусь на ваши глаза, уши, нервы и мозг, и мир будет вертеться в любом ритме и на любой манер, как только я пожелаю. Эти «точки опоры» мы и сдали в аренду частным корпорациям» [1, с.73].

Эти откровения, прозвучавшие тогда, когда еще на весь мир звучали голоса публицистов советского единомыслия, стали нашим достоянием лишь в XXI веке, что все-таки позволяет сделать важный, на мой взгляд, методологический вывод. По собственной воле отказавшись от тотального единомыслия и погрузившись в разноголосицу «свободного слова», мы вскоре убедились, что свобода слова используется не ради истины, которая призвана объединить людей, а ради частного интереса или корпоративной выгоды.

По этой причине современная зарубежная публицистика либо завязла в тине частного или корпоративного эгоизма, либо погрузилась в пессимистическую бездну тотального кризиса гуманитарных ценностей, в котором ныне находится человечество. Об этом свидетельствуют названия публицистических работ: «Культура времен Апокалипсиса» Адама Парфея, «Конец света – первые итоги» Фредерика Бегбедера, «Либеральный фашизм» Джона Голдберга, «Столкновение цивилизаций» Тарика Али и т. д.

С горечью приходится констатировать, что наша готовность противостоять настроениям кризисности весьма слаба, поскольку в арсенале публицистики советского времени совершенно отсутствовала аналитическая, «альтернативная» составляющая. Нас устраивала основная функция публицистического слова, объясненная и оправданная в одном учебном пособии времен «перестройки». Автор пособия, ссылаясь на мысль К. Маркса о том, что «первая обязанность печати состоит теперь в том, чтобы подорвать все основы существующего политического строя» [2, с. 247], пролонгирует мысль классика, не дожившего до победы революции 1917 года: «В обществе социальной справедливости (а таковым как бы то ни было наш социализм все-таки был – Н. А.) акценты меняются коренным образом: публицистика всем своим арсеналом защищает политический строй» [4, с. 16].

Кроме одобрения такой ортодоксальной ограниченности, на которую и были обречены советские публицисты, последние были отлучены от

многих зарубежных публикаций. Но именно в них содержался глубокий анализ «болевых точек» на пути развития мировой цивилизации, звучала тревога об опасностях негативной трансформации общегуманитарных ценностей. Отрадно, что сегодня эти работы нам доступны и должны быть неотлагательно включены в теорию и практику современной отечественной публицистики. Отчасти это уже осуществляется на кафедре журналистики ДонНУ, где обновляются учебные курсы «История мировой публицистики» и «Современная зарубежная публицистика». Следует отметить, что, переключаясь с названиями работ XXI века, которые мы упоминали выше, работы первой половины XX века («Закат Европы» Освальда Шпенглера, «Размышления аполитичного» Томаса Манна, «Кризис духа» Поля Валери, «Кризис современного мира» Рене Генона и др.) отличаются внутренней убежденностью авторов в том, что не все потеряно, что все еще можно исправить, отстаивать высшие ценности человеческого общежития. Тогда как работы XXI века преисполнены ощущением безвыходности и обреченности.

Формат нашей работы не позволяет привести примеры, иллюстрирующие плодотворность освоения публицистических источников, которые стали известны нам с большим опозданием. Освоение продолжается, и есть первые результаты, которые мы намерены вскоре представить в широком формате. Пока что они находятся в электронном варианте конспекта лекций по вышеназванным учебным курсам.

Список литературы

1. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М., 2007
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд.2-е, Т.6. – М., 1957.
3. Публицистика в кризисный период: проблемы истории, теории, языка. – Великий Новгород, 2010
4. Стрельцов Б. Основы публицистики. – Минск, 1990.

УДК 316.77;070

ТЕОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФРЕЙМА

Антоненко Ц.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
tsesanna@yandex.ru

На сегодняшний день в зарубежной и отечественной научных школах набрала популярности теория формирования и применения фреймов в профессиональной журналистике. В связи с этим, важно

отметить, фреймы до сих пор остаются малоизученной темой и полемика вокруг этого информационно-коммуникативного феномена продолжается.

Целью этой работы является продемонстрировать три основные теории формирования и применения фреймов и доказать их состоятельность в современной журналистике.

Вопреки распространённому мнению о жёсткой структуре фреймов, на самом деле это достаточно гибкая структура, которая способна видоизменяться, подстраиваясь под стремительно изменяющуюся журналистскую среду, а также требования творцов медиа, которые используют фреймы при создании информационного контента.

В первую очередь обратимся к теории перспектив, которая была разработана Даниэлем Канеманом в 1979 году и доработана в 1992 году. Чаще всего её относят к экономическим наукам, но сам исследователь при её разработке основывался на коммуникационном эксперименте, и сама теория перспективных фреймов активно используется в коммуникативистике.

Теория перспектив основывается на том, как именно люди принимают решения и из чего при этом они исходят. Канеман доказал, что человек при принятии решений основывается не на рациональных доводах, а на собственном эмоциональном восприятии, и перспектива потери для человека играет значительно большую роль, чем перспектива приобретения. Таким образом, люди будут активно избегать рисков, когда выбор формируется с позиции возможных приобретений, но пойдут на гораздо большие риски, если вопрос формируется с позиции возможных потерь.

Для того, чтобы понять практическое применение фрейма перспектив, достаточно взглянуть на формирование предвыборных компаний или подачу важных социальных вопросов, которые могут вызвать негодование у массовой аудитории. Скажем, Евромайдан в Киеве в 2014 году был, первоначально, собран на основе выбора потери возможности безвизового режима с Европой и люди не задумывались о возможных рисках собственного выступления и вхождения в Евросоюз.

Следующей стержневой теорией фрейминга является теория каскадной активации фреймов, разработанная Робертом Энтманом. Каскадная теория активации фреймов основывается на том, что СМИ играют важную роль в репрезентации событий реальности, однако полностью или частично контролируется элитами. В представлении Энтмана информационный поток спускается от правительства к элитам и дальше.

Представители властей обладают максимально полной информацией о том или ином событии, их действия имеют наибольшую эффективность в условиях разворачивающихся событий. Именно власти задают базовую модель информационного потока, которая будет распространяться далее по цепочке.

Элиты (представители групп интересов, бизнеса, крупных медиакорпораций и т.д.) получают информацию напрямую от

правительственных каналов и дальше распоряжаются ею, исходя из своей позиции относительно действующей власти: одни могут поддержать власть и сохранять или ещё больше уменьшить информационный поток; другие наоборот решат воспользоваться полученной информацией и используют её соответствующим образом.

Журналисты являются переходным этапом, который передает информацию от правительства/элит к аудитории, исходя из тех решений, которые были приняты на предыдущем этапе распространения информации.

Фрейминг представляет собой результат работы журналистов и воплощает информационный поток, который, в итоге, получает аудитория.

Таким образом, становится понятно, что аудитория, в конечном итоге, получает не только не всю информацию, но информацию, которая соответствует интересам элит, в первую очередь.

Подобная точка зрения изложена и в теории фрейма-контейнера, которую разработал Болдинг Ван Горп. Она основывается на том, что СМИ постепенно перестают быть «четвёртой властью», которая объективно освещает работу правительства, в том числе и ошибки действующей власти, а после передаёт реакцию аудитории властям. Согласно этой теории, медиа под влиянием властей или элит формируют фрейм-контейнер, который обеспечивает поддержку элитам/властям.

При этом фрейм-контейнер состоит из трёх важных составляющих:

1. Фрейм-инструменты – выбор определённых слов, метафор, примеров, описаний, доводов и визуального сопровождения.
2. Очевидные или скрытые инструменты умозаключений.
3. Скрытый культурный феномен.

Таким образом, из всего сказанного в этой части нашего исследования можно сделать вывод о том, что фрейм – это не просто часть формирования или даже конструирования информационного пространства, но и один из основных способов манипулирования общественным мнением.

Список литературы

1. Entman R. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm / R.Entman // *Journal of Communication*. — 1993. — Т.43. — №4. — С. 52-58
2. Entman R. Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and U.S. Foreign Policy / R.Entman // University of Chicago Press. — 2003
3. Goffman E. A reply to Denzin and Keller / E. Goffman // *Contemporary Sociology*. — 1981. — Т.10. — №1. — С. 60-68
4. Ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования / М. Ван Хульст, Д. Яноу. — Режим доступа: https://sociologica.hse.ru/data/2011/09/07/1266960174/10_1-2_10.pdf

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТА РАСПОЗНАВАНИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СМИ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Артамонова И.М., д-р наук по соц. ком., профессор,
Держак О.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
olgaderg@mail.ru

Введение. Средства массовой информации принято считать «четвертой властью», распространяющей актуальные модели поведения и социальные ценности в неоднородном обществе. В этой связи логично отметить необходимость медиаобразования, приоритетной целью которого, по Л. Мастерману [6], является обучение аудитории принципам ориентировки в информационной среде, обнаружению манипулятивного влияния медиа и т.д.

Актуальность. Положение медийного образования в России значительно уступает развитым западным и европейским стандартам, поскольку вопрос о его необходимости был поставлен только в последнее десятилетие. Молодую аудиторию необходимо научить воспринимать информацию, полученную из СМИ, анализировать, распознавать фейковые и манипулятивные материалы для ориентации в информационном пространстве.

Цель исследования: подготовить молодое поколение к жизни в конкретном информационном поле, к фильтрации различной информации с целью объяснить последствия психологического воздействия информационных месседжей на человека.

Одной из главных задач школьного обучения является формирование личности, ориентирующейся в мировом информационном пространстве. Практически все учащиеся имеют доступ к различным видам СМИ. Однако в условиях обилия доступной информации возникает проблема правильного выбора информационного канала. Вопрос подготовки учеников к восприятию, анализу, оценке получаемых сообщений не актуализируется в контексте школьного образования, в результате чего выпускники не готовы к полноценной интеграции в окружающую их информационную среду [1].

В связи с этим следует обратить внимание на необходимость развития у школьников критического мышления, необходимого для высокого уровня медиавосприятия, которым обладает медиаграмотная личность [3].

Для установления существующего уровня взаимодействия школьников со средствами массовой информации нами был проведен

опрос среди старшеклассников. В анкетировании приняли участие 82 респондента: в 1 группе – учащиеся 10-х классов, во второй – 11-классники.

Результаты анкетирования показали, что ученики владеют первичными навыками идентификации медиатекста [5], при этом большинство школьников предпочитает получать информацию через каналы межличностного общения – 36,3 % в первой группе и 40,2 % во второй, или посредством социальных медиа, как правило, информационно-развлекательных сообществ, которые представляются нам недостоверными источниками информации – 37,9 % и 43 % соответственно. Так, процент использования СМИ в первой группе равен 25,7 %, а во второй – 16,8 %.

На наш взгляд, низкий показатель использования СМИ свидетельствует о том, что большой процент молодых людей полагается на информацию, которая уже была критически воспринята и оценена кем-то другим.

Таким образом, возникает проблема неразвитости собственного критического восприятия медиапродуктов и способности различать правдивые сообщения и фейковые.

В соответствии с этим мы разработали план урока, в котором представили основные способы манипулирования в СМИ, с которыми ознакомили школьников. Исходя из классификации, предложенной С.А. Зелинским, нами были выбраны десять наиболее распространенных, на наш взгляд, манипулятивных приемов [2, с. 163–165]. Учащимся был предложен анализ данных технологий, сопровождаемый наглядными примерами.

Поскольку медиаобразование предполагает новый формат взаимодействия школьников с учителем – формат диалога, в ходе которого участники развивают идею, опираясь на логику, чтобы достичь консенсуса по тому или иному вопросу [4], мы проводили урок с максимальным включением учащихся в обсуждение услышанного. При этом учащиеся показали высокую степень интерактивного участия в ходе групповых обсуждений предлагаемых новостей. По результатам проведенного урока в четырех классах респондентами были усвоены значения понятий «средства массовой информации», «фейковая новость» и «манипуляция», а также восполнены пробелы в знаниях видов СМИ.

Результаты исследования показали, что лучше всего школьники усвоили манипуляции микроуровня, поскольку их отмечали в каждом последующем медийном сообщении, где они присутствовали. Распознавание манипуляций мезоуровня далось опрашиваемым не так легко. В свою очередь, мы направляли обсуждение группы в правильное русло, помогая анализировать материал и обращая внимание школьников на пропущенные ими элементы манипулятивного воздействия.

В качестве **итога** исследования отметим, что все ученики достаточно хорошо усвоили теоретическую базу, которую мы изложили. Нами был оценен уровень итоговых знаний учащихся посредством «критической практики» – самостоятельного анализа медиапродуктов школьниками. Большинство учеников успешно усвоили и запомнили половину манипулятивных приемов, а на практике распознали все представленные механизмы, что свидетельствует о значительной результативности проведенного исследования. Также мы отметили, что чем больше материалов было обсуждено, тем более полным становился анализ последующих материалов. Высокая результативность проведенной работы, заключается также в том, что по мере ознакомления с манипулятивными технологиями, школьники задавали сопутствующие вопросы, свидетельствующие о понимании предмета разговора и стремлении повысить собственный уровень знаний.

В **заключение** можно сделать вывод об эффективности медиаобразования как средства для распознавания манипулятивного воздействия медиапродуктов, что позволяет человеку лучше ориентироваться в информационном поле, активизирует критический подход к восприятию новостей. Логично предположить, что внедрение медиаобразования в школьную программу позволит в будущем повысить у учащихся медиаграмотность, то есть, ученики смогут развить способности восприятия, анализа, оценки и создания медиатекстов, что обусловит комплексный уровень идентификации медиапродуктов, а также обеспечит развитие коммуникативных навыков.

Список литературы

1. Вершинская О.Н. Информационно-коммуникационные технологии / О.Н. Вершинская. – М.: Наука, 2007.– 203 с.
2. Зелинский С.А. Методы и приемы манипулирования. / С.А. Зелинский. – СПб, 2014. – 201.
3. Туоминен С.Н. Педагогические аспекты формирования медийной и информационной грамотности / С.Н. Туоминен, С.Г. Котилайнен. – М.: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2012. – 127 с.
4. Федоров А.В. Медиаобразование и медиаграмотность /А.В. Федоров. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2004. – 340 с.
5. Шестерина А.М. Психология журналистики / А.М. Шестерина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. – 375 с.
6. Masterman, L. (1985). Teaching the Media. London: Comedia Publishing Group, 341 p.

СМИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Артамонова И.М., д-р наук по соц. ком., профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
inesa_artamonova@mail.ru

Введение. В современном мире бизнес, правительства, руководство стран серьезно зависят от общественного мнения, что раньше так ярко не проявлялось. В связи с этой тенденцией остро встает проблема нового инструментария по воздействию на общественное сознание, особенно это актуально при работе с молодежью. Кроме пропаганды и других способов влияния на молодёжь в частности и все общество в целом, СМИ (конкретно, телевидение) влияют на сознание молодежи, в том числе показом фильмов и новостей со сценами насилия.

Цель. В данной работе мы хотели акцентировать внимание на молодежи, в частности подростках, как основной аудитории, на которую направлено воздействие с далеко идущей перспективой.

Основная часть. Ученые различают три вида воздействия телевидения на человека: когнитивное проявление — просмотр зрителем сцен насилия влияет на восприятие этим человеком реального мира, эмоциональное проявление — просмотр сцен насилия вызывает немедленную или долгосрочную эмоциональную реакцию, поведенческое проявление — просмотр сцен насилия влияет на поведение человека в дальнейшем.

Вопреки расхожим стереотипам не только фильмы ужасов, боевики, экшны и триллеры пагубно воздействуют на сознание молодежи, информационно-аналитические программы, репортажи с места трагедий и новости могут оказывать не менее, а иногда и более негативное воздействие — сказывается осознание реальности происходящего, в то время как при просмотре фильма зритель все же подсознательно понимает, что это вымысел.

Аналитическим центром института социально-политических исследований Российской Академии Наук было установлено, что такие информационные телепрограммы как «Новости», «Вести», «Сегодня», а также «Вечер с Владимиром Соловьевым», «Время покажет», «Право голоса», «Постскриптум» и даже сравнительно безобидная передача «Пусть говорят» вызывают у телезрителей чувство тревоги в 60-70 %, чувство страха — в 49-55 % случаев, разочарования — в 45-50 %, а в 20-22 % случаев и вовсе — безнадежности и бессмысленности жизни [2]. Ряд социологических опросов о влиянии СМИ на сознание молодежи показал, что деятельность средств массовой информации приобрела пугающе дисфункциональный, а то и вовсе деструктивный характер. Опираясь на

данные научных исследований, можем заметить, что есть разные варианты влияния СМИ на сознание людей. При исследованиях изначально предполагалось, это воздействие непосредственно связано с телевидением и другими средствами информации. Однако анализ данных показал, что существуют и некие «третьи факторы»: социальное расслоение общества, благополучие либо неблагополучие семьи и окружения, наличие друзей и родных, увлечений, любимых дел, частота просмотра, прослушивания, чтения СМИ и т.д. Все эти факторы в совокупности с просмотром телевидения, различных видео в интернете, в социальных сетях, с агрессивной музыкой, мрачными стихами о смерти, безнадежности существования и тщетности бытия, столь любимые многими детьми в подростковом возрасте, делают молодежь часто безрассудной и агрессивной по отношению к другим людям, закладывая на всю жизнь фундамент для будущих искажений в психике, которые могут, проявившись, навредить другим. В качестве примера вреда социальных сетей, можно привести так называемые «Группы смерти», такие как «Синий кит», провоцирующие подростков на массовые и одиночные самоубийства, сайты самоубийц, группы, где вербуют в террористические и экстремистские организации и т.п.

Радио, телевидение и особенно интернет, хоть там присутствуют не только СМИ, во многом оказывают огромное влияние на сознание общества в целом и молодежи в частности. Самым распространенным аргументом, доказывающим это, является тот бесспорный факт, что количество преступлений резко увеличивалось в тех странах, где появлялось и начинало развиваться телевидение, затем интернет, не говоря уже о радио. Так в Соединенных Штатах Америки и Канаде в период активной популяризации телевидения (1957–1974 гг.) количество преступлений, особенно убийств и изнасилований, возросло в два раза по сравнению с предыдущими и последующими годами. В Южно-Африканской Республике телевидение появилось в 1975 году, и за последующий год число убийств возросло в два раза по сравнению с предыдущим десятилетием.

Опасной становится тенденция, в соответствии с которой фильмы со сценами насилия стараются представить современному обществу как нечто обыденное. Персонаж, совершающий насилие, представляется героем, борцом за справедливость, всесильным человеком, – идеализируется и становится очень популярным. Причем это можно сказать не только о голливудских фильмах. В одной из американских тюрем провели соцопрос среди 210 заключенных: 9 из десяти допускают, что могли совершить преступления, вдохновленные фильмом, телепередачей или новостным сюжетом, а каждые четверо из десяти признавались, что хотели повторить то или иное преступление, когда-то увиденное в фильме. Трое из десяти при этом были убеждены, что способны совершить это преступление изощреннее, чем киногерой.

Однако нельзя говорить только о негативном влиянии СМИ на общественное сознание. Можно и нужно также говорить о положительном воздействии СМИ, ведь всю полезную и важную информацию мы получаем зачастую из них же, даже температуру и наличие на улице дождя большинство людей предпочитают смотреть не по термометру в своей квартире и не в окно, а по прогнозу новостей или в интернете. Также благодаря СМИ формируется пресловутое общественное мнение – то есть то состояние массового сознания, которое содержит в себе отношение социальных общностей к различным проблемам, явлениям, событиям действительности. Трудно не заметить, что на телеэкране стали появляться и положительные, познавательные передачи: они преподносят детям уроки хорошего поведения, доброты, честности, стараются повысить уровень культуры не только молодежи, но и общества в целом. Стали работать детские каналы на ТВ, появился канал «Россия Культура», созданные для повышения общего уровня культуры в стране. Кроме того, стали появляться и позитивные новостные сюжеты, телепрограммы о взаимопомощи, такие как «День Добрых Дел» на Пятом Канале (Россия) и т.п.

Исследователи из США во главе с доктором наук в области социальных коммуникаций, социологии и психологии Сьюзан Хирольд, привели статистические данные 118 исследований, где сравнивали воздействие на сознание от просмотра просоциальных и нейтральных программ. В результате было выявлено, что «если зритель просматривал просоциальные программы вместо нейтральных, то уровень вовлеченности в общественную жизнь и просоциальности поведения этого зрителя возрастал (по крайней мере, временно) с 50 % до 76 % [1].

Кроме демонстрируемого по телевизору насилия существуют еще и его открытая пропаганда и призывы к нему в музыке, особенно в различных направлениях рока и некоторых ветвях поп-культуры.

Влияние агрессивной музыки на сознание человека губительно, она может пробудить в нем агрессию, ярость, ненависть, а учитывая, что слуховое восприятие гораздо сильнее и глубже зрительного, то прослушивание такой музыки становится одним из важнейших факторов, воздействующих на сознание человека, слушающего такие мелодии. В творчестве многих популярных музыкантов, композиции которых сейчас слушает подростковая и юношеская аудитория, присутствуют призывы к убийствам и насилию, к жестокости, к анархии, к свержению власти, к употреблению наркотиков, алкоголя, сигарет и т.д. Молодёжь, восхищаясь поп- и рок-кумирами, пытается им подражать, копировать поведение, восхваляемое в песнях, музыка для них словно путеводная звезда на жизненном пути, заменяет учителя-наставника. Такая тенденция очень опасна еще и потому, что единомышленники, слушающие одну и ту же музыку, затем объединяются в группы панков, анархистов, скинхедов, сатанистов, которые зачастую несут в себе антисоциальный, контркультурный, деструктивный характер.

Так многие подростки, которые заканчивали тем, что стреляли в своих одноклассников в американских и российских школах, увлекались тяжелым роком с призывами к убийствам, самоубийствам и насилию, а также слушали песни, воспевающие краткость, мрачность и бессмысленность жизни.

Разумеется, в России, как и в любом другом государстве, предпринимаются законотворческие попытки навести порядок в этом аспекте общественной жизни и оградить подростков от просмотра сцен насилия в интернете и по телевизору с помощью различных ограничений телевизионных каналов, но по разным причинам эти законы не вступают в силу, не соблюдаются и не работают.

Следовательно, средства массовой информации, через агрессивные и трагические репортажи и информационные сообщения, фильмы, музыку и телепередачи, отрицательно воздействуют на каждого отдельного потребителя информации и на общество в целом: повышается уровень преступности, агрессивности и недовольства, у людей, особенно подростков и юношей, появляются девиантные или делинквентные формы поведения. Люди теряют патриотизм, ценности, человечность, духовность, милосердие, терпимость. Данная проблема уже давно переросла рамки внутригосударственной и стала глобальной.

Заключение. На наш взгляд, для повышения уровня самосознания и самодостаточности современной молодежи, особенно подростков, нужно тщательно отбирать информацию, сделать более чувствительными материальные штрафы руководителям федеральных каналов и телепередач, ради рейтинга насаждающих культ агрессии, насилия, нетерпимости и жестокости. Стоит также создавать большее количество детских, культурно-воспитательных, социальных передач, учебно-просветительских и спортивных каналов, которые органично войдут в повседневную жизнь современного общества и в первую очередь молодежи.

Список литературы

1. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. – М.: Ягуар, 2006. – 256 с.
2. Зверинцев А.Б. Коммуникационный менеджмент: рабочая книга менеджера PR. – 2-е изд., испр. – СПб.: Союз, 2007. – 288 с.

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

Артамонова И.М., д-р наук по соц. ком., профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
inesa_artamonova@mail.ru

Введение. Человеческое общество, само того, возможно, не осознавая, с древнейших времен сталкивалось с проблемой информационных войн на всех уровнях, прежде всего социальном и психологическом, а оружие – от луков и стрел, мечей и пушек до боевых кораблей, танков, самолетов и крылатых ракет в конце концов, только завершали физический разгром той части человечества (государства, сообщества), что уже потерпела поражение в информационной войне.

Актуальность и важность теоретических исследований в области информационных войн, многогранность и разнообразие форм, вариантов, средств и методов этой работы в научном и практическом планах обусловлена тем, что сегодня любая страна мира, считающая себя суверенной во внутренней и внешней политике, так или иначе нуждается в создании эффективной системы защиты.

Цель данной работы – как можно более полно раскрыть значение информационных войн в современном обществе, а также методов и способов их ведения, защиты от их влияния, их результатов и способов противодействия.

Основная часть. В наше время многие государства рассматривают информационную войну как бесценный по своей эффективности инструмент реализации внешней политики и достижения своих целей на международной арене. К тому же и во внутренней политике информационная война позволяет контролировать многие процессы: снижать и повышать градус напряженности в обществе, избегать (или провоцировать) социальные взрывы и революции, формировать общее мнение по тем или иным явлениям, событиям, личностям. Информационно-психологическая война позволяет оказывать очень мощное по своей интенсивности и ни с чем не сравнимое серьезное по своей глубине и силе воздействие на различные процессы практически на всех уровнях государственного и общественного устройства в любой стране, регионе и прочих вариантах сообществ, имеющих единую информационную политику или общее информационное поле.

Развивающееся информационное общество, как гармоничный элемент информационной эры, сделало реальным то, что раньше было далекой от действительности трудно осуществимой теоретической

возможностью, а именно – прямое манипулирование информацией противника, представление этой информации в самом неудобном для соперников свете и в выгодном для себя.

В информационном мире ничто не существует до того момента, пока это не будет замечено и интерпретировано кем-то еще. Поэтому информация – это в любом случае следствие и результат воспринятых событий и императивов, требуемых для интерпретации тех или иных данных и увязывания с ними вытекающих значений.

Таким образом, к числу сфер ведения военных действий, помимо земли, моря, воздуха и космоса, теперь добавляется и информационная сфера или киберпространство. Как подчеркивают военные эксперты, основными объектами поражения в новых войнах будут информационная инфраструктура государств и психика противника (появился даже термин «human network»), не имеющий пока аналога в русском языке.

Большое количество серьезных проблем в данной области обусловлено тем, что объективная потребность в создании такой системы противодействия есть, а государство, современное сообщество и каждая личность в отдельности, к сожалению, в активное сопротивление любым попыткам манипулирования общественным сознанием не вступают. Дело в том, что в массовом сознании граждан того или иного государства еще не совсем, а кое-где и совсем не сформировалось понимание той угрозы, которую могут нести современные коммуникационные технологии при их скрытом информационно-психологическом воздействии, особенно если использовать их в политических целях.

Еще одним серьезным на данный момент нерешенным противоречием информационно-психологических войн является то, что при информационном противоборстве используются те же самые уникальные новейшие коммуникационные технологии, базовые элементы и способы коммуникации, что и в других социальных процессах. Таким образом, целенаправленное информационно-психологическое воздействие на человека является разновидностью социальных отношений, и в этом-то, на наш взгляд, таится особая опасность. Информационная война, манипулирование и влияние приобретает все более скрытые формы. В этом таится самая большая опасность информационной войны: большинство людей даже не понимают, какому воздействию подвергаются. Предупредить людей и тем самым помочь им защититься – важнейшая и главная задача всех тех граждан, кто осознает, что против нас ведется глобальная информационная война.

Есть также еще одна проблема – несоответствие темпов развития специальных технологий информационно-психологической агрессии и методов и технологий психологической защиты сознания, системы ценностей и психического здоровья общества. Мы имеем в виду, что методы воздействия развиваются порой даже слишком быстро, в то время

как способы защиты уже практически безнадежно отстали от темпов развития методов влияния. Основной ключ к защите – осознание того, что воздействие осуществляется и что мы определенно можем и должны от него защищаться.

Хоть это и достаточно трудно и неприятно признавать, но именно современные средства массовой коммуникации сделали информацию уязвимой к прямому доступу и манипуляции с ней. Технологии нашего времени дают нашим противникам возможности для создания и изменения любой информации без предварительного получения фактов, их восприятия и обработки. Примерный список критериев современных информационных систем, которые приводят к появлению подобной уязвимости: концентрированное хранение информации в одном месте, высокая скорость доступа, широкая распространенность и уязвимость, но поскольку методы воздействия в информационной войне развиваются значительно быстрее, чем средства защиты, на данный момент снижение уязвимости – процесс весьма затруднительный.

Практика воздействия на общественное мнение с помощью различных методов и техник в условиях открытой информационной войны только увеличивает свой натиск, а представители медиасферы, эксперты и особенно политики в основном считают, что все методы хороши для достижения цели – воздействия на общественное сознание – и активно, а также осознанно применяются ими.

Заключение. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что сегодняшние СМИ уже давно являются классическим информационным оружием, принадлежащим тому, кто платит, т.е. правящей верхушке, глобальной и внутренней элите, олигархам, серым кардиналам и так называемому «deep state» и применяются для управления своим народом в собственных, нередко и антинародных интересах. При этом пассивной защиты от информационной войны не существует. Основной же принцип активной защиты состоит в том, чтобы осознанно решать, какую информацию принимать, а какую отторгать, какой из них верить, а какую вычеркивать из сознания и подсознания. Но зато бывают не менее опасные и разрушительные по своим масштабам последствия, и особенно страшны они тем, что далеко не все вообще понимают глубину информационного противостояния и его последствий. Дело в том, что проблема окончания информационной войны, как и проблема ее начала, относится к алгоритмически неразрешимым задачам. Более того, нет причин, по которым агрессор прекратил бы свое информационное воздействие на жертву, поскольку это не имеет ни тактического, ни стратегического обоснованного смысла.

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УКРАИНСКИХ СМИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ДИСКРЕДИТАЦИЮ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА

Безродный В.П., канд. хим. наук, ст. науч. сотр., засл. ж-ст Украины
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
vpbezrodnyi@i.ua

Средства массовой информации играют все возрастающую роль в жизни человека. Телевидение, радио, газеты, интернет, реклама – основные источники информации, которые формируют внутренний мир человека. Однако в настоящее время, вместо того, чтобы информировать население, многие СМИ манипулируют сознанием человека, направляя в то русло, которое выгодно «заказчику» [1].

Важнейшим качеством манипулирования является скрытость воздействия на психику человека, которому внушается соответствующая информация для того, чтобы он изменил свои взгляды под «нужным» углом, необходимым манипулятору. При этом человек продолжает думать, что он сам пришел к тому или иному мнению [2].

Интерес к манипулятивным технологиям резко возрастает в кризисных ситуациях, когда общественное мнение становится весьма динамичным и подвержено резким колебаниям. Именно в такой ситуации в настоящее время находится украинское общество, одной из важнейших проблем которого является вопрос о восстановлении мира в Донбассе. А это возможно лишь с учетом мнения его жителей. Однако власть имущие в Украине пытаются различными способами убедить общество в незаконности, несправедливости и даже преступности действий жителей Донбасса, которые были вынуждены с оружием в руках защищать право на собственные ценности.

Анализ контента украинских СМИ в течение 2014-2019 гг. свидетельствует, что большинство материалов, посвященных событиям на юго-востоке Украины, носит манипулятивный характер. Об этом свидетельствует и тот факт, что около 80 % политической информации подается украинскими СМИ односторонне, что противоречит общепринятой журналистской практике подачи информации с разных точек зрения.

В ходе исследований были выявлены самые популярные для украинских СМИ приемы. К ним можно отнести такие как, фабрикация и умалчивание фактов, ложь, информационная блокада, использование комментариев, проведение аналогий, метод обратной связи, переписывание истории, психологический шок, отвлечение внимания,

сросшиеся предложения, ядовитый сэндвич, создание проблем, ссылки на авторитеты, сенсационность, повторение, использование стереотипов, особенности речевой динамики и мимики, вырывание цитат из контекста, монтаж.

В настоящее время самым мощным и востребованным средством массовой информации является телевидение. Этот вид СМИ отличается и высокой эффективностью применения манипулятивных технологий. В этом виде СМИ чаще всего используются следующие варианты манипуляций: фабрикация фактов, игра голосом и мимикой, спираль умолчания, ссылки на авторитеты, повторение, использование ретроспективных показов фильмов, «непривлекательный ракурс», упрощение, прямой диалог, реалити и ток-шоу.

Наиболее ярко использование манипулятивных технологий можно продемонстрировать на примере телеэфира популярных украинских телеканалов «5», «1+1» и «СТБ». Для формирования негативного отношения к жителям Донбасса, их дискредитации, искажения и перекручивания отношения донбассовцев к событиям, которые произошли в Украине после 2014 года, когда в Киеве произошел государственный переворот, указанные телеканалы используют, в первую очередь, программы новостей и развлекательные передачи типа ток-шоу.

Проанализировав, какие методы манипулирования применяет каждый из вышеуказанных телеканалов, был сделан вывод, что на «5» украинском телеканале отдают предпочтение таким методам манипулирования как, ложь, фабрикация фактов, игра голосом и мимикой, прием «спираль умолчания», метод запугивания аудитории, метод классификации, метод обратной связи.

На телеканале «1+1» применяются такие манипулятивные приемы как: констатация факта, создание угрозы, наклеивание ярлыков, эффект присутствия, фабрикация фактов, повторение, ложь, метод контраста, визуальные манипуляции, комментарии очевидцев события, двойные стандарты, перспектива, игра голосом, интонацией, мимикой и жестами.

Что касается телеканала «СТБ», то в его эфире изобилуют следующие манипулятивные приемы: создание угрозы, замыливание глаз, комментарии очевидцев события, визуальные манипуляции, утверждение, наклеивание ярлыков, сияющее обобщение, повторение, ложная аналогия, игра голосом, интонацией, мимикой и жестами, создание ассоциаций, констатация факта, речевое построения сообщений.

В конечном счете вся представленная манипулятивная машина имеет своей целью сформировать в украинском обществе устойчивый негативный образ жителей Донбасса, который бы доминировал и подавлял любую информацию, хотя бы в какой-то мере имеющую позитивный характер.

В результате проведенных исследований мы пришли к выводу, что украинские СМИ используют медиафрейминг в качестве инструмента

ведения психологической войны, целью которой является дискредитация жителей Донбасса.

Для достижения указанной цели используются такие новостные фреймы: конфликта (подчеркивает разногласия между индивидами, группами, учреждениями и странами), человеческого фактора (вводит человеческий фактор или эмоциональный аспект в изложение события, вопроса или проблемы), морали, ответственности (перекладывают ответственность за возникновение и разрешение события, вопроса или проблемы на правительство, группу или индивида). Эта классификация введена исследователями Семетко и Валкенбургом [3].

Фрейм человеческого фактора («личный фрейм») переносит на все население ДНР тот негативный образ, который был сформирован украинскими СМИ по отношению к тогдашнему главе Республики Александру Захарченко. Так появляются негативно окрашенные стереотипы, которые укореняются в общественном сознании населения Украины: «террористы», «оккупанты», «боевики» и т.п.

Фрейм морали («ценностный фрейм») используется для демонстрации отсутствия моральных ценностей у жителей Донбасса (например, использование детей на фронте, не имеющее доказательств).

Фрейм ответственности (фрейм «социальная проблема») объединяет, например, материалы, повествующие о гибели пассажиров малайзийского боинга, и ответственность за которые авторы возлагают на Донбасс, чему также нет доказательств.

Фрейм конфликта используется для описания разногласий между Донбассом и Киевом, вмешательства России в конфликт. В результате образ Донбасса, созданный в рамках данного фрейма, представляется как регион – агрессор. Военная агрессия, проявляемая на Донбассе, демонстрирует жителей ДНР как неуправляемых «террористов» и дискредитирует их образ в украинском медийном пространстве.

Список литературы

1. Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2005. №1, 2.
2. Кара-Мурза С.Г., Манипуляция сознанием, издание «Алгоритм» – 2000. – 352 с.
3. Semetko H.A. Framing European politics: a content analysis of press and television news / H.A. Semetko, P.M. Valkenburg // Journal of Communication, 2000. – Vol. 50, No 2. – P. 93-109.

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИСКУРСА ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТЕЙ

Булгакова А.А., канд. филол. наук

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», г. Гродно, Белоруссия
abulgakova@inbox.ru

В настоящее время телевидение выступает особой формой коммуникации, обслуживающей интересы современного медиаобщества и являющейся частью медиакультуры. Доминирование аудиовизуальных образов, высокая информационная емкость, скорость и широта трансляции и тиражирования, доступность и массовость, характеризующие телевизионный дискурс, обуславливают специфику медиатекста, транслируемого посредством телевизионного канала: фрагментированность, дискретность, «клиповый» характер, сериальность, интертекстуальность, полистилизм (Ж. Бодрийяр, М. Маклюэн, Э. Тоффлер, Д. Кук и А. Кроулер и др.).

Телевидение больше, чем любой другой канал коммуникации, обладает возможностями конструирования особой реальности – так называемой медиареальности, определяемой через взаимодействие сознания человека с медиасредой. Способами создания образов информационной картины мира, а также репрезентации событий и явлений посредством медиатекста в этом случае являются отражение, реконструкция (через сценарии, монтаж образов и др.) и миф.

Важную роль в формировании информационной картины мира и медиаобраза этого мира в сознании современного человека играют новости. Дискурс телевизионных новостей как текст, обладающий специфическим набором характеристик, воплощенный в определенных условиях с учетом контекста, нуждается в изучении. Структурными компонентами новостного дискурса выступают текстовые (подписи, бегущая строка, текстовые комментарии), вербальные (речь и интонации ведущего, журналистов, комментаторов, героев сюжетов), визуальные (оформление студии, заставка, «картинка») и звуковые (звуковое оформление новостей, сопровождающие «картинку» звуки – не речь) коды, которые можно объединить в группы факторов лингвистического и экстралингвистического характера, посредством которых оказывается влияние на восприятие человеком событий и явлений, происходящих в мире и отраженных в новостях.

Как мы установили, роль факторов экстралингвистического характера в структурировании новостного материала, создании внутритекстовых связей и отборе языковых средств достаточно велика. Среди них следует отметить условия создания новостей как коллективного журналистского продукта – множество правил, ограничений и субъектов

влияния от события до новости; информационную политику телеканала – определенные ограничения форм и тем, ориентация на свою аудиторию, свои источники информации и своя специфика общения с аудиторией; установки журналистов, редактора, канала, владельца, правящих элит; верстка выпуска со своими правилами и собственной логикой повествования, рассчитанной на определенную аудиторию и ее потребности; условия создания новостного сюжета – репортаж с места событий, прямое включение, опрос на улице, журналистское расследование или перевоплощение; ориентация авторов на аудиторию.

Одной из технологий воздействия новостного медиатекста на общественное сознание является *установление повестки дня* как способа создавать события, акцентировать внимание аудитории на конкретных явлениях, а также видоизменять их и «стирать» из памяти. Повестка дня зависит от источников, снабжающих СМИ актуальной информацией, необходимости продвижения имиджа персоны, организации или государства, идеологической политики телеканала. С помощью повестки дня возможно искусственное создание событий, смещение акцентов с факта на интерпретацию, перенасыщение сознания аудитории негативными сообщениями. Следует отметить, что теория установления повестки дня («agenda-setting») разработана достаточно давно в рамках направлений теорий гейткипинга (У. Липпман, М. Маккомбс, Д. Шоу и др.), однако исследуется, как правило, в качестве технологии политических коммуникаций.

Одним из способов репрезентации (конструирования) событий является *драматургия новостного текста и построение выпуска новостей* или ряда входящих в него сюжетов по принципам организации художественного произведения. Именно информационные программы можно смело назвать образцом классической драматургии в малой форме. По словам М. Маклюэна, медиатекст предстает не только в качестве некоторого набора языковых и визуальных знаков, но и как социокультурный феномен и своеобразное «произведение искусства» (режиссера, оператора, выпускающего, редактора и его помощников, ведущего и др.) [1]. Драматургия новостного текста реализуется через введение героя и антигероя (злодея), развертывание конфликта по определенному сценарию, включающему экспозицию, завязку, развитие, кульминацию и развязку, особую организацию хронотопа (сценическая обстановка, место и время действия) действующих лиц, а также через авторские комментарии и ориентацию на адресата, аудиторию.

Следует отметить такой важный элемент новостного текста, как *стиль*. Это проявление творческой личности журналиста, его видения структуры повествования, подчиненного правилам новостного сюжета на ТВ. Стиль репортера проявляется в манере речи, жестикуляции, особенностях использования технических средств и профессиональных приемов и способен оказывать прямое воздействие на зрительскую аудиторию.

Новости являются действенным средством воздействия на общественное сознание, так как обладают обширным потенциалом приемов убеждения и манипуляции. Среди таких способов и приемов можно отметить *размещение новости не на своем месте, неоправданные обобщения, построение сюжетов на основе прогнозов и предположений, смещение внимания с факта на интерпретацию, открытое сравнение на основе контраста, показ псевдособытий, актуализацию с помощью психологического шока, перегрузку выпуска положительными или негативными новостями* и др. Приемы нацелены на конструирование конкретной управляемой медиареальности через создание и закрепление в сознании необходимых образов-имиджей.

Проанализировав итоговые новостные выпуски российского телеканала «НТВ» и белорусского «Беларусь 1» как рейтинговых телеканалов своих стран, имеющих влияние на аудиторию, мы пришли к выводу о том, что основными приемами воздействия, которые практически в равном объеме реализуются в новостных выпусках НТВ и «Беларусь 1» являются создание события, изменения соотношения позитивной или негативной информации (нарушение принципа «нормы»), ассоциативное выстраивание сюжетов, дополняющих друг друга и создающих необходимый контекст для смещения акцентов, привлечение внимания к деталям в ущерб основной информации, смягчение негативной информации через переключение внимания на положительные стороны происходящего; проведение многочисленных кампаний по продвижению имиджа политических персон, основных приоритетов государств, подмена интересов аудитории интересами заказчика. Главным звеном, которое налаживает контакт с аудиторией и сохраняет репутацию канала и программы, являются как журналисты, так и источники информации.

Новости на «НТВ» формируют образ России как сильной страны, противостоящей внешним врагам, заботящейся об интересах дружественных народов, надежного военного союзника. Президент РФ предстает как лидер мирового масштаба, сильная личность, помогающая россиянам справиться с последствиями мирового кризиса, усугубленного антироссийскими санкциями.

Телеканал «Беларусь 1» формирует образ Беларуси как самодостаточной, открытой, дружественной и толерантной страны, которая успешно реализует свои амбиции, не ссорясь, а находя компромиссы, налаживая сотрудничество и выполняя договоренности. Складывается образ сильного, близкого к народу, работающего Президента, действия которого направлены на обеспечение процветания страны, сохранения мира, стабильности и порядка.

Список литературы

1. McLuhan M. Television: the Timid Giant // McLuhan M. Understanding Media: the Extensions of Man. – L., 1967. – P. 329-359.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА АУДИТОРИЮ КАК УНИКАЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ РАДИОВЕЩАНИЯ

Гудова Т.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
gudova@mail.ru

Введение. Безусловно, радиовещание оказывает эмоционально-психологическое влияние на слушателей, обладает способностью, ориентируясь на массовое потребление информации, вести «разговор по душам» с каждым отдельным слушателем. В системе традиционных СМИ только радио более других воздействует на воображение, эмоции и фантазии человека.

На это обращают внимание и многие современные физиологи вслед за великими русскими учеными И.М. Сеченовым и И.П. Павловым. Еще до появления радио было доказано, что человек в меру своих возможностей и развития ассоциативного мышления пытается перевести звуковые впечатления в зрительные. Процесс этот неизбежен, он не зависит от желания человека, ибо выражает объективную закономерность природы восприятия окружающего мира [4].

В качестве доказательства вышесказанного необходимо привести пример с шестилетней девочкой, которая предпочла прослушать свою любимую сказку по радио, потому что «там картинки интереснее показывают». Ребенок выбрал аудиовersion, так как его воображение нарисовало свой сказочный мир, который оказался гораздо красочнее, ярче и волшебнее, чем готовая визуальная картинка.

Актуальность (социальная значимость) темы обусловлена спадом популярности радиовещания среди молодого поколения (16–25 лет) по сравнению с остальными СМИ.

По данным опроса, проведенного среди студентов этого возраста, радио занимает всего лишь третье место по популярности после Интернета и телевидения. Последнюю позицию занимают печатные средства информации.

В то же время необходимо отметить, что уникальное свойство радио, которое по сей день обеспечивает его жизнестойкость и конкурентоспособность – это особый характер эмоционального воздействия на аудиторию, которое не присуще ни одному другому СМИ.

Цель настоящего исследования: определить важность эмоционального влияния радиовещания на слушателей в плане донесения информации, регулирования глубинным подсознанием аудитории и, как следствие, формирования общественного мнения и определенных настроений.

Для исследования используются общенаучные **методы**: опрос, анализ, синтез. Для реализации цели проведено исследование по изучению эмоционального влияния радиосообщения на аудиторию, определению степени его воздействия на сознание слушателей.

Основная часть. Радио стимулирует чувства и помогает человеку выйти из той эмоциональной «рутины», в которую приводят его бесконечные, постоянно повторяющиеся бытовые обстоятельства, привычные условия среды, в определенной мере регламентирующие развитие его личности.

К этому следует добавить и всевозможные стрессы, систематически получаемые человеком в различных жизненных реалиях. Особенно это актуально в условиях Донецкой Народной Республики, где пять лет идет война, и стресс сопровождает местное население повсюду, люди морально и психологически подавлены. По мнению психологов, такое состояние систематической внутренней подавленности приводит к моральному угнетению личности, подчинению её сознания страхам и боязням, которые продиктованы окружающей обстановкой.

И телевидение, и Интернет, обладая специфическими техническими возможностями, в красках и с огромной экспрессией демонстрируют своему зрителю все те обстоятельства, с которыми ему приходится сталкиваться в повседневной жизни.

Восприятие такого человека оказывается слишком перегруженным, фантазия – задавленной, а воображение – отключенным. Между тем, нормальный организм требует эмоционального баланса, которого в определенной мере можно достичь путем прослушивания радиопередач. Социопсихологи утверждают, что даже самая трагическая информация воспринимается с меньшим нервным напряжением по радио, чем с экрана телевизора или монитора компьютера, ибо в этом случае срабатывает механизм психологической защиты, который есть у каждого индивидуума [4].

В заключении стоит отметить, что руководителям и ведущим радиостанций для выведения местного радиовещания на новый уровень развития и повышения его популярности среди населения необходимо акцентировать внимание на его уникальной особенности – эмоциональной составляющей. Радио можно назвать самым живым и человечным СМИ, ведь обращаясь к массам, ведущий, по сути, должен обращаться к одному человеку, быть его гостем, другом и добрым наставником. «Магия голоса», наверное, так можно охарактеризовать специфику радиовещания как СМИ. Поэтому все специалисты, которые в той или иной мере имеют отношение к функционированию радио в нашей Республике, должны приложить максимум усилий, чтобы эта «изюминка» радиовещания заняла положенные лидирующие позиции.

Радиоведущие должны осознавать ту ответственность, которая возложена на них, как на «невидимых собеседников». Им необходимо

постоянно совершенствовать свои языковые и голосовые навыки, не уставать искать правильную интонацию, расстановку экспрессивных и логических ударений в тексте, точно, правильно и честно описывать факт, событие, человека и т.д. Не забывать, что монотонность – главный враг радиоведущего, и любое слово на радио без интонации просто не имеет смысла.

Список литературы

1. Горяева Т.М. Радио России. М., 2000 г.
2. Ключев Ю.В. Радиожурналистика: основы профессии – СПб, 2015 г.
3. Смирнов В.В.: Радиожурналистика в современном эфире. – Таганрог: Центр развития личности, 2007 г.
4. Шерель А.А. Радиожурналистика – М., Изд-во Моск. ун-та, 2000 г.
5. Ярцева Н. Ради радио. Как стать популярным ведущим. Альпина нон-фикшн, 2009.

УДК 654.197

ПРЯМОЕ ТЕЛЕВИЗИОННОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ: ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Карний С. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
eskalive25@gmail.com

Введение. Значимость прямого телевизионного включения сложно оценить в полной мере без всестороннего рассмотрения элементов, воздействующих на психоэмоциональное состояние массовой аудитории, что в контексте телевидения как СМИ исследовали различные учёные, представляя свою точку зрения по поводу. Некоторые из них отмечали, – воздействие осуществляется за счёт визуальных, звуковых и вербальных составляющих. При этом исследователи акцентировали внимание, что данное явление присуще не только экранному медиуму, из чего следует, – одними из основополагающих факторов в тележурналистике являются сочетающиеся аудиовизуальные и эмоциональные средства. Однако, помимо них есть и другие инструменты, оказывающие влияние на сознание аудитории. Особенно – в рамках исследуемого феномена.

Цель: изучение существующей теоретической базы, касающейся исследования воздействующих факторов телевидения, но в контексте прямого телевизионного включения как базовой современной составляющей непрерывно трансформирующегося репортажа.

Основная часть. Изучая воздействие СМИ на аудиторию, исследователи приходили к выводу, что оно происходит непреднамеренно

и в данном процессе важна неоднозначная роль корреспондента, личность которого сама по себе вызывает дополнительную реакцию, не говоря о психоэмоциональном влиянии его коммуникации. Другие теоретики утверждают, репортажный жанр также является наиболее эффективным воздействующим фактором в медиалингвистическом плане, которому присущи специфические особенности в зависимости от его композиции. В качестве воздействующего фактора в прямом телевизионном включении может выступать ещё и такой инструмент коммуникации как метафора, которая особенно востребована в рамках исследуемого феномена, потому что она может вызвать эмоции различного характера. Данными свойствами в комплексе обладает и телевидение как СМИ, которое вызывает реакцию и выступает в качестве идеологического инструмента. Отсюда можно сделать вывод, что немаловажную роль в данном случае может выполнять озвученная и сопровождаемая соответствующим видеорядом пропаганда со свойственными ей приёмами, один из которых – цикличность определённой информации в речи или тексте, что немаловажно во время воздействия на подсознание. Для достижения результата немаловажны тактики действий, например: «тактика иронизирования — осуществление воздействия за счёт контраста между сказанным и подразумеваемым». [4, с. 63] Исследователь Е. Н. Спиридонова подметила особое влияние на аудитории именно региональной журналистики: «воздействуя на социум и жизнь каждого человека, выпуски местных новостей оказывают влияние на формирование всего российского информационного пространства». [8, с. 4] Г. В. Гросул в своей работе продолжила эту мысль и представила свой взгляд на происходящее: «наибольшее воздействие на зрителя достигается, прежде всего, освещением и анализом фактов, событий и явлений, которые ближе к нему». [2, с.31] Воздействующим фактором в прямом включении может быть и сам текст, утверждает Д. Р. Аксянова: «полинасыщенный текст с ярким визуальным сопровождением являются основным средством воздействия на потребителя информации». [1, с.14] Управлять аудиторией, считает В. В. Сиченков, можно ещё и: «путём воздействия на тематические потребности целевой аудитории», [9, с. 11] что схоже с выводами В. В. Тучковой: «создаются информационные поводы и привлекается внимание к передаваемым сообщениям». [10, с. 23] Игровая природа телевидения также оказывает влияние на аудиторию, утверждает С. Н. Ильченко: «на сущность и смысл его функций, предопределив их ключевое присутствие в модели взаимоотношений социума с эмпирической реальностью». [5, с. 23] Данную научную мысль касательно инфотеймента продолжил А. Н. Фортунатов, «он ещё и является манифестацией определенного стиля, отношения к окружающему миру и к людям». [12, с. 63] Реакцию могут вызывать даже фобии телезрителей, если их периодически культивировать. На эту особенность во время изучения отрицательного воздействия телевидения обратил внимание С. Н. Ильченко. [5, с. 32] На

эффективность прямого включения могут воздействовать и другие факторы, на которые обращает внимание научного сообщества А. Д. Дедюхина: «религии, языка, стиля жизни, истории, различий между городской или сельской культурой, культурно-психологических особенностей общества». [3, с. 16] Особенно вызывает эмоции у телезрителя рекреативная функция, реализуемая в прямом включении. Её особую роль изучила Н. А. Федотова, которая считает, что она является эффективным инструментом воздействия на эмоции, умонастроения и формирование установок личности, предопределяя выбор тех или иных форм рекреации [11, с. 5].

Заключение. Исходя только из вышеизложенных результатов исследований, можно сделать вывод, что воздействие во время реализации прямого включения происходит за счёт возникновения в сознании зрителей телевизионных образов, которые формируют ощущения причастности аудитории не только к происходящим событиям, но к переживаниям их героев. В комплексе все инструменты, которые способны вызвать реакцию формируют такое общее понятие как экранное воздействие. Из выше перечисленного инструментария стоит также остановить внимание ещё и на других воздействующих факторах, присущих прямому телевизионному включению. Один из таких – персонификация – восприятие аудиторией личности телевизионного коммуникатора и содержания его повествования в прямом эфире. Сознательное или подсознательное запугивание также приводит к определённым результатам, что не может не сопровождаться определенными приёмами. В данном контексте стоит обратить внимание ещё и на такое явление, которое может встречаться в прямом включении, как медианасилие. Ассоциативное воздействие на массы также является результатом эффективного коммуникативного акта. Далее следует когнитивное. Основополагающим же воздействующим фактором в профессиональной деятельности любого журналиста является убеждение.

Список литературы

1. Аксянова Д. Р. Особенности информационного сопровождения социокультурных проектов // автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Рос. ун-т дружбы народов. Москва, 2015. – С. 19.
2. Гросул Г. В. Развитие регионального телевидения в информационном пространстве России 1967 – 2008 г. // диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Астраханский государственный университет. Астрахань, 2010/
3. Дедюхина А. Д. Развитие и функционирование структуры медиасистемы и её влияние на содержание печатных СМИ (на примере Великобритании, Германии и Италии) // Автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Фак. журналистики. Москва, 2009. – С. 26.
4. Ильина И. А., Покидов Д. К. Дискурс-анализ общественно-политических ток-шоу // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2017. № 2 (58). С. 62-74.

5. Ильченко С. Н. Трансформация жанровой структуры современного отечественного телеконтента: актуализация игровой природы телевидения // Автореферат дис. ... доктора филологических наук / Акад. медиаиндустрии. Москва, 2012. – С. 48.

6. Спиридонова Е. Н. Своеобразие единого информационного формата на российском государственном телевидении // автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Казань, 2014.

7. Сыченков В. В. Интервью-портрет как тип коммуникации (на материале российских печатных еженедельников 1985-1996 гг.) // Автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2007. – С. 20.

8. Тучкова В. В. Государственная информационная политика в продвижении семейных ценностей в современной России // автореферат дис. ... кандидата политических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2013. – С. 28.

9. Федотова Н. А. Рекреативные функции СМИ: содержание и стратегии реализации // Автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Фак. журналистики. Москва, 2010. – С. 21.

10. Фортунатов А. Н. Проблемы истории телевидения: философский и культурологический подход. Нижний Новгород. 2007. – С. 76.

УДК 070

СОВРЕМЕННЫЕ СМК КАК АКТИВАТОР СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Кухаренко Е.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

donjourn@mail.ru

Введение. Сегодняшняя молодежь – это свыше миллиарда личностей, то есть 18 % населения мира. Учитывая численность и глобальность влияния молодого населения на общественные превращения, мы решили посвятить исследования молодежному социуму, проблемы и перспективы которого сегодня анализируются во всем мире. **Актуальной** тема является еще и потому, что именно сейчас в значительной мере решается будущее Донецкой Народной Республики. Пришло время, когда нужно действовать быстро, правильно и компетентно. Современные СМК – инструмент распространения информационного контента, касающегося социальных процессов среди молодежи, а также способ реализации молодежной политики, повышения социальной мобилизации молодежных движений в разных общественных процессах, их распространения путем публикаций в социальных сетях, средствах массовой информации и их интернет-аналогах.

Целью исследования послужило: рассмотреть процесс активации социальной мобилизации и направления ее реализации на примерах сайта Министерства молодежи, спорта и туризма ДНР, телеканалов «Юнион», «Оплот» – основных информационных ресурсов. Для исследования используются следующие **методы**: текстологический анализ, системный анализ, сравнительно-описательный метод, теоретико-методологическое обобщение результатов, мониторинг.

Результат. Осознание современной молодежью своей роли происходит в социальной среде, основной чертой которой (больше 20 лет) была дисфункциональность социальных институтов, обусловленная нестабильностью и неопределенностью переходного периода. С 1991 года в донецком регионе не прослеживались четко выраженная национальная идея, целостная государственная идеология, отсутствовала научно-обоснованная государственная молодежная политика. На стражу и помощь молодым людям должны выступить СМК, правительственные и общественные организации, чтобы усилить движение вперед – к лучшему будущему. Наше исследование подтверждает, что с 2014 года такой механизм запущен в действие, остается лишь констатировать его работу и ускорение основных этапов реализации социальной мобилизации донецкой молодежи. Исследованием установлено, что под основное влияние попадает *студенчество* (17-24 года), на втором месте стоит категория, условно, – старшекласники, *первокурсники* (15-18 лет), третье место занимают *выпускники вузов, молодые специалисты* (25-35 лет). Современное молодое поколение закономерно выстраивает свою шкалу ценностей и приоритетов: *здоровье* (45,1 %), *материальное благополучие* (19,6 %), *создание семьи* (15 %), *высшее образование, профессия* (13,1 %), *уважение к себе, друзья* (7,2 %). Установленная ценностная шкала помогла нам определить приоритетные направления изучения социальной мобилизации донецкой молодежи: *«Пропаганда здорового образа жизни», «Интеллектуальное и творческое развитие», «Утверждение патриотизма, духовности, моральности», «Благотворительность», «Профессиональная занятость», «Развитие молодой семьи».* Приемы влияния материалов СМК на активацию социальной мобилизации молодежи строятся на: *влияние через иронию, шутки; обращение к авторитету; использование молодежного или авторского примера; аргументация статистическими данными; апелляция к материальному поощрению; создание авторитетного фона; перенесение фактов, событий локального характера на глобальный контекст и наоборот; стереотипизация.*

В заключении стоит отметить, что анализируя научно-теоретическую базу по теме, мы не нашли глубоких фундаментальных исследований не только отечественных ученых, но и зарубежных исследователей, есть лишь отдельные статьи, интернет-публикации, справочные материалы [1-5].

Список литературы

1. Гуляев С.Б. Влияние СМИ на социокультурную динамику в современном российском обществе: автореф. дис. канд. социологических наук: 22.00.06 / Гуляев Святослав Борисович; Институт социально-политических исследований РАН – М., 2009. – 24 с.
2. Современный словарь по общественным наукам / под общей ред. О.Г. Данильяна, Н.И. Панова. – М.: Изд-во «Эксмо», 2005. – 528 с.
3. Социология журналистики: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. С.Г. Корконосенко. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 318 с.
4. Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Изд-во «Книжный дом», 2003. – 1312 с.
5. Титма М.Х. Молодое поколение: учеб. пособие / М.Х. Титма, Э.Л. Саар. – М.: Мысль, 1986. – 547 с.

УДК 070.15

ПРОБЛЕМЫ ДЕТСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Левкович В.А.,

Артамонова И.М., д-р наук по соц. ком., профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Levkovi4_valeria13@mail.ru

Введение. Культурно-информационная среда не имеет непосредственного отношения к социальной защите детей. Однако она оказывает существенное влияние на практики защиты. Влияние может быть трех типов: положительное, оказывающим дополнительное подспорье детскому развитию, нейтральное, не оказывающее заметного влияния, негативное, усугубляющее риски детства.

Цель исследования. Путем анализа детского культурного пласта в СМИ (телевидение) выделены возможные способы организации информационного досуга.

Основная часть. Исследователь телевидения А.В. Шариков [3] определяет долю передач, ориентированную на детско-юношескую аудиторию, как стабильно малую. Профессор отмечает, что телевидение превратилось в «консервацию степени социальной безответственности на уже существующих государственных каналах». Частные телевизионные СМИ не имеют особенного отличия от государственных. Разница заключается лишь в финансировании, где вместо государственных организаций оно осуществляется частными компаниями, поэтому нередко можно проследить возрастание доли детско-юношеского контента на

частных каналах телевидения. Минус подобного варианта заключается в бесконтрольности. Программы, выходящие в эфир на частных каналах, в большинстве своем ориентированы на продолжение в коммерческо-рекламном сегменте. Появление передач по типу «Гриффинов», «Симпсонов» А.В. Шариков называет «злом отечественного телевидения».

В рамках телевизионного пространства существует вариант создания отдельного культурного детского пространства, что-то схожее с «культурным заповедником». Появление специализированных платных каналов, таких как «Улыбка ребенка», дают возможность родителям обеспечить детей дополнительным вариантом досуга. Риски культурного пространства можно разделить на деятельностные и содержательные. Первые связывают с организацией и функционированием культурного поля. Содержательные связаны с контентом, его участием в социализации. Деятельностные считаются внешними, так как они задают структуру. С них и начнем рассмотрение.

Чтобы соревноваться с таким мощным противником как интернет, каналы, которые стремятся сохранить рейтинги, вынуждены прибегать к «агрессивизации» и «катастрофизации». Управленческими рисками можем считать организацию контроля в материальной и нематериальной областях детской культуры. На сегодняшний день отсутствует межведомственный орган, занимающийся проверкой детских товаров. Немного иначе дело обстоит в области регулирования детских программ. 29 декабря 2010 г. был принят закон «О защите детей от информации, причиняющий вред их здоровью и развитию». В сфере детского телевидения России закреплены права ребенка и подростка на качественный телевизионный продукт, ориентированный на особенность восприятия каждой ступени его жизненного цикла («дошкольный возраст», «дети от 6 до 12», «подростковый возраст», «юношеский возраст»).

К организационным рискам информационно-культурного пространства детства относят трудности с финансированием СМИ, направленных на работу с детьми. Недостаток финансирования толкает к поиску дополнительных источников.

Одна из подкатегорий содержательных рисков образуется из организационных рисков, относящихся к деятельностным. Когда канал не может покрыть расходы своего существования, он вынужден обращаться к спонсорам. Пользуясь ситуацией, финансирующие компании перенасыщают информационное пространство рекламой, сдвигают фокусы внимания, задают новые векторы движения. При этом не стоит забывать, что дети еще не имеют сложившейся устойчивости к манипулятивным приемам.

Основным ресурсом культурно-информационного пространства детства можем считать информацию. Все содержательные риски связаны с разными характеристиками информации: недоверностью,

некачественностью, причиняемым ущербом. Указанные риски можно объединить в один – нарушение информационной безопасности.

Чтобы выявить содержательные риски детства и подтвердить целесообразность указанных теорий детского пространства, обратимся к контент-анализу, проведенному А.Г. Филипповой. Кандидат исторических наук проводит исследовательский срез в трех видах СМИ: пресса, радио и ТВ. Последний вид СМИ был выбран нами, так как оказывает наибольшее влияние потребителя контента, воздействует сразу на несколько каналов: звуковой и визуальный.

Опрос потенциальных зрителей привел к упорядоченной структуре телевизионных предпочтений среди детей: 53 % опрошенных предпочитают юмористические программы, 45 % смотрят музыкальный контент, оставшиеся 2 % с удовольствием смотрят программы о спорте, животных и путешествиях [3].

Анализируя проекты для детей на непрофильных каналах (СТС, ТНТ, ОРТ, РТР), приходим к выводу, что создатели программ направляют свое творчество на создание рекреационно-развлекательного контента. И.И. Докучаев обозначает стиль развлекательных передач как «глобальный перформанс» [2]. Такие программы позволяют зрителям чувствовать себя вовлеченным участником, но в то же время, быть свободным от передачи. Что касается анализа сетки вещания для детей на анализируемых каналах, то можем сделать вывод, что отечественное телевидение не особо лояльно к детской телеаудитории. Контент транслируют для двух целевых групп: дошкольники и подростки. Для дошкольников медиасреда использует анимационные и мультипликационные ролики, а для подростков — ситкомы и шоу преимущественного зарубежного производства. В ходе анализа А.Г. Филиппова приходит к выводу, что происходит смещение функций СМИ. На смену информированию пришла и прочно закрепилась развлекательная функция.

Важными критериями оценки пространства детства выступают доступность и качество. Наблюдается проблема доступности в восточной части страны, так как процесс технологического развития распределен по стране неравномерно. Выпуск отечественной продукции не поставлен на «поток», из-за отсутствия налаженной системы происходит отставание. Имеющийся уровень не выдерживает напряжения с детской зарубежной медиаиндустрией.

Следующий критерий — качество. Форумы, интернет-страницы, конференции поднимают вопросы экспертизы детских проектов. Это приводит к разработке критериев и механизмов проверки качества.

Заключение. Для того, чтобы защитить ребенка от пагубного информационного воздействия, необходимо заниматься регулярным просвещением детей, вырабатывать навыки противостояния к манипулятивным технологиям и развивать критическое мышление. Что

касается выстраивания программ для детей, то они должны преследовать образовательную, воспитательную или социализирующую функцию, потому что контента с развлекательной составляющей —превалирующее большинство.

Список литературы

1. Громова К.В. Основные характеристики телевизионного медиапродукта для дошкольной аудитории. / К.В. Громова // Историческая и социально-образовательная мысль. —2014. — Том 6 №6, Часть 2.
2. Докучаев И.И. Глобальный перформанс: контуры культуры 21 века / И.И. Докучаев / Вопросы культурологии. — 2011. — № 12 — С. 4-10
3. Филипова А.Г. Культурно-информационное пространство детства: риски и ресурсы социальной защиты Вестник Пермского университета Выпуск 4(16) — 2013.
4. Шариков А.В. Российское телевидение и проблема социальной ответственности СМИ <http://edu.of.ru/attach/17/22433.pdf> (дата обращения: 16.09.2019)
5. Шариков А.В., Чудинова В.П. Детское телевидение. Взгляд социолога // Дети и культура/ отв.ред. Б.Ю. Сорочкин. М:КомКнига, —2007. — С.58-85.

УДК 355.01:070 (477.62)

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ: МАНИПУЛЯЦИОННЫЕ МЕТОДЫ И ТАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Ломидзе К.М.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
karina.lomidze@mail.ru

Введение. Конфликт во все времена является постоянным спутником человечества и проявляется в разных формах – от дебатов, споров, дискуссий до таких крайних форм, как революция, бунт, война, терроризм. Всегда затруднительно определить момент, когда противоборство и насилие перерастает в экстремальную форму, в частности, в вооруженный конфликт, в результате которого гибнут сотни и тысячи людей. И это жестокая реальность современности.

Отражение вооруженных конфликтов в СМИ относится к числу сложных социально-политических вопросов, которые привлекают в последние годы, повышенное внимание политиков, историков, социологов, и в целом всей общественности. СМИ стали важнейшим оружием в управлении вооруженными конфликтами. В настоящее время Донецкая и Луганская области Украины находятся в зоне серьезнейшего военного конфликта со времен Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. На

сегодня более 2 млн. человек населения данного региона живет в экстремальных военных условиях. Военный конфликт на Юго-Востоке Украины – это затяжная конфронтация со сложными структурными отношениями. Начавшись в ноябре 2013 года на фоне политического кризиса в стране, внутривластный конфликт перерос в конфликт военный с ведением полномасштабных военных действий и привел к возникновению войны информационной. Интерпретация данного конфликта в СМИ связана с эмоционально-идеологическими аспектами восприятия ситуации, а также субъективным видением украинской стороны, причин конфликтных действий и военной ситуации в целом. Неоднозначность, а зачастую, и диаметрально противоположность медийной интерпретации происходящих событий на Донбассе, обуславливают исследовательский интерес к проблеме украинского конфликта.

Целью исследования является определение характера и детерминантов освещения военных конфликтов, использование методов манипулятивных и пропагандистских технологий, особенности освещения военной конфронтации на Донбассе в украинском телевидении.

Основная часть. Ведение современных военных действий предполагает активное применение специальных средств для достижения необходимых и значимых целей, к которым, прежде всего, относятся манипулятивные технологии и политическая пропаганда. Они являются сильным и эффективным средством военно-политического манипулирования, играют главную роль в формировании общественного мнения, способствуют преобразованию взглядов, политического мышления, установок и поведения населения. Использование технологий военно-политической пропаганды и применение манипулятивных методов в значительной мере повышают шансы на успех информационной войны.

Манипуляции массовым сознанием и военно-политическая пропаганда служат ключевым элементом психологических операций в информационной войне. Пропаганда является открытым распространением фактов и аргументов для формирования общественного мнения. Манипулятивные технологии являются скрытым действием, направленным на реализацию целей манипулятора. Манипулятивное воздействие направлено на эмоционально-психическую структуру человека, осуществляется незаметно и ставит целью установление контроля над сознанием.

Применение манипулятивных технологий является механизмом влияния на массовое сознание, формирования в обществе определенных мнений и взглядов. СМИ стали основным инструментом манипулирования общественным мнением, которое прививает общие ценности, поведенческие модели и нормы. Масс-медиа широко используют потенциал манипулятивных технологий, и такие методы как фрагментация информации, оперативность подачи сообщений, изолирование от

альтернативных точек зрения, фабрикация фактов, традиционно являются ведущими в системе манипуляций общественным мнением. С их применением, СМИ предлагает определенные модели поведения, предоставляя выгодные точки зрения для массового сознания, и таким способом, превращает общество в массу потребителей информации, а аудитория, следовательно, перестает осмысливать сообщения, таким образом способствуя действенности манипуляции.

Военно-политическая пропаганда распространяет и прививает в сознании социума определенные идеи и идеалы, ставя перед собой цель увеличить количество их единомышленников. Основная задача пропаганды – это переубеждение идейных противников. С применением методов эффекта первичной информации, сенсационности, повтора, создания угрозы, избирательной правды и констатации фактов, пропаганда успешно внедряет в массовое сознание необходимые установки и мнения.

Современную военную конфронтацию на Юго-Востоке невозможно отнести к какой-либо группе кризисов и конфликтов, изучаемых в период послевоенных международных отношений. Для характеристики этого военного и идеологического противостояния лучше всего подойдет определение «многослойный» или «многоуровневый», как с точки зрения количества заинтересованных сторон в конфликте, так и с позиции вариативности представленных в его развитии проблем.

В освещении военных конфликтов главной задачей сообщений является переубеждение или разубеждение общества в его мнении о происходящем, формирование мнения, развенчание уверенности и внесения сомнений. В условиях боевых действий функционируют два направления: постоянное давление на СМИ относительно диапазона распространения, характера информации и степени ее эмоциональности, а также процесс оперативного информирования СМИ о событиях. Данные факторы связаны со спецификой эскалации конфронтации, в ходе которой снижается коммуникация между его участниками и увеличивается скорость потока дезинформации, которая поступает посредством СМИ.

Список литературы

1. Аронсон Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. / Э. Аронсон., Э.Р. Пратканис. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002 – 384 с.
2. Барабаш, В. В. Государственная пропаганда и информационные войны. Учебное пособие / В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 400 с.
3. Васин А.В. Основные направления деятельности средств массовой информации в освещении военных конфликтов в 1990- 2000-е гг. / А.В. Васин. // Успехи современной науки, 2016. – № 12 – С. 39-42.
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием/ С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ ЖУРНАЛИСТИКИ В ИНТЕРНЕТ-МЕДИА

Лютикова А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.lyutikova@donnu.ru

Введение. Сегодня интернет-журналистика – это сложная и постоянно развивающаяся система, которая не только содержит конвергентные средства массовой информации, но и образует новые форматы медиа.

Благодаря мультимедиатизации, интертекстуальности, гиперстекстуальности, интерактивности интернет-СМИ набирают большую аудиторию, нежели другие средства массовой информации.

В настоящее время происходит процесс интернетизации информационного пространства. Современная аудитория отдает предпочтения новейшим формам коммуникации – электронным гаджетам. Поэтому представляется актуальным изучение медиатекстов в сети Интернет.

Цель работы — выявление новейших оригинальных жанров интернет-медиа и описать их дискурсивные характеристики.

С возрастанием важности роли интернета в жизни человека происходит формирование новых интернет-жанров. В связи с этим возникает необходимость в их классификации. Над этим работали такие исследователи, как И.А. Быков, Л.В. Балахонская, А.П. Атягина. Были изучены различные популярные социальные сети, особое внимание было уделено Facebook, Twitter, Instagram, Pinterest, так как они имеют наибольшую аудиторию.

Эмпирическим материалом исследования послужили социальные сети Instagram, Twitter, Pinterest. Все эти сервисы являются средствами мгновенного обмена текстовой, визуальной и аудиовизуальной информацией. Изучим жанры Insta, Twit и Pin как новейшую форму современного медиатекста.

Основная часть. Исследователи классифицируют жанры интернет-коммуникации с различных позиций. О.В. Лутовинова, опираясь на интенцию коммуникации, выделяет дискурсообразные (форум, смс, чат, блог, микроблог, онлайн-игры, e-mail) и дискурсоприобретенные (флуд, спам, флейм, виртуальный роман и послание) [2: с. 47-49]. Жанры интернет-коммуникации возникают благодаря особым технологическим возможностям, получают некие свойства и характеристики, которые впоследствии могут меняться, переходить от одного жанра к другому в

процессе трансформации и диффузии жанров. Например, дискурсообразный жанр «комментарий» может встречаться под постами в социальной сети или на страницах интернет-СМИ.

Актуальность настоящего исследования определяется трансформацией жанров интернет-СМИ, которые представляют новое своеобразие методов и способов передачи информации. Предпосылками возникновения новых жанров являются изменение потребностей аудитории в форме подачи информации, социально-экономические изменения в жизни общества, политическая обстановка, технические новации и т.д. В современной журналистике происходит процесс вытеснения одних жанров другими. Например, взамен текстовых форм появляются дигитализированные. Трансформируясь и изменяясь, медиажанры сохраняют свои индивидуальные типологические признаки.

Научная система журналистских жанров построена на различных типологических подходах, каждый подход имеет свое представление о классификации жанров. В классическом определении жанры делят на информационные, аналитические и художественно-публицистические.

На сегодняшний день современные журналистские жанры представляют общую и расширенную систему. Особенностью такой системы является то, что, с одной стороны, она выражает себя постоянной, а с другой – динамичной.

При рассмотрении жанрового своеобразия медиатекстов следует выделить следующие группы: новостные, рациональные и эмоциональные жанры. Первые — сообщают новую информацию, отвечая на вопросы «Кто? Что? Где? Когда? Почему?». Вторые — выявляют взаимосвязи между различными явлениями, анализируя и оценивая полученную информацию. Третьи — вызывают эмоциональную реакцию аудитории.

Применим данную систему признаков для выявления особенностей жанров Insta, Twit, Pin. Они являются новостными, потому как мгновенно фиксируют факт в визуальной или текстовой форме; рациональными, в случае, если содержат указание на причины и последствия события, а также его анализ (инфографика); эмоциональными, если вызывают реакцию пользователя социальной сети.

Рассматривая структурные характеристики данных медиатекстов, следует указать на их особенности:

- 1) возможность теггинга осуществляется с помощью хештегов (метка, которая используется для распределения сообщений по темам в социальных сетях и блогах);
- 2) в некоторых медиатекстах существует ограничение количества передаваемой информации;
- 3) ограничение доступа к частной информации и коммуникации зарегистрированных на сервисе читателей;
- 4) высокая степень интегрированности в другие сервисы веб 2.0.

Данные медиажанры обладают рядом дискурсивных признаков. Во-первых, гипертекстуальностью. Многие лингвисты утверждают, что данное свойство является обязательным условием существования любого текста, так как имплицитно или внутри медиатекста существуют смысловые связи и корреляции. В интернет-СМИ этот термин означает связь между отдельными текстами, что позволяет получать информацию по внутренним и внешним ссылкам.

Дискурс Instagram, Twitter и Pinterest формируется как гипертекст. В данном случае мы подразумеваем его как особую форму организации печатного текста, опосредованную компьютерной средой и характеризующуюся процессом нелинейного письма и чтения. Данные ресурсы представляют собой ряд публикаций (изображение, текст), которые имеют различные переходы по внешним ссылкам. Так, например, в Instagram размещаются посты в виде фотографии с кратким описанием, а также хэштегами, отметкой о месте расположения объекта и отдельных пользователей. Все вышеуказанные инструменты содержат в себе ссылки для перехода на другую страницу.

Вторым признаком является интертекстуальность. В жанрах Insta, Twit, Pin это проявляется в возможности кросспостинга сообщений и других ресурсов. К примеру, в сети Twitter существуют микроблоговые площадки различных СМИ, а сеть Instagram позволяет распространять публикации в других социальных сетях.

Фотографии или текстовые посты, публикуемые на данных ресурсах, могут вызывать комментарии (дискурсообразный жанр). Зачастую данные формы становятся основным текстовым наполнением материала. Например, публикация в Instagram содержит фотографию, отметку о месте и хэштеги. В комментариях, путем коммуникации между автором поста и его читателями, происходит обмен дополнительной информацией.

Третий и, пожалуй, самый главный признак — креолизованность текста — синтез вербальной и невербальной информации. Это позволяет привлечь внимание аудитории к публикуемой информации, а также удержать ее интерес к существующему профилю социальной сети.

Что касается функций данных жанровых форм, то стоит выделить информационную и аттрактивную. Первая функция помогает обеспечить мгновенную передачу информации или определение тематики публикации. Вторая — обеспечивает привлечение внимания аудитории к публикации, а также передачу эмоциональной оценки.

Заключение. В новой технологической среде жанровая структура журналистики трансформируется, принимая новые формы и способы интерпретации информации. Рамки жанров интернет-журналистики зависят от технологической возможности коммуникативной платформы и, соответственно, они постоянно меняются, обновляются. Процесс появления новых жанровых форм и диффузии жанровой системы

журналистики неизбежен и требует полноценного изучения и исследования.

Список литературы

1. Ким М.Н. Жанры современной журналистики / М. Н. Ким. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2004 (ОАО Техническая книга). – 335 с.
2. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О.В. Лутовинова. – Волгоград : Перемена, 2009. – 477 с.
3. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие / А.А. Тертычный. – Москва: Аспект Пресс, 2000. – 312 с.
4. Шмелева Т.В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи : сб. науч. тр. / Под ред. В. В. Дементьева. Вып. 8 : Жанр и творчество. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. – С. 26–37.
5. Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации / Л.Ю. Щипицина. – Архангельск : Поморский университет, 2009. – 238 с.

УДК 316.77; 070

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАПРОФЕССИИ: ТРЕБОВАНИЯ К СОВРЕМЕННОМУ ЖУРНАЛИСТУ

Марценюк М.А.

Артамонова И.М., д-р наук по соц. ком., профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
martsenyuk.donnu@gmail.com

Актуальность. Тема профессионализма и критериев оценки журналисткой деятельности малоизучена и сложна по своей природе. Это связано с тем, что невозможно дать четкое определение профессионализма журналиста по привычным, универсальным параметрам. Критерии оценки же постоянно меняются, поскольку напрямую связаны с переменами в общественной жизни и технологиями.

Актуальна работа также с точки зрения подготовки будущих специалистов. Изменения касаются и журналистского образования, пересматриваются критерии профессионализма специалистов, меняются запросы работодателей.

Новизна работы заключается в определении канонов современной журналистики, рассмотрении трансформации функций и методов деятельности журналиста, а также выявлении тенденций, которые оказывают влияние на трансформацию медиапрофессии.

Цель – выявление особенностей процесса трансформации понятия «профессионализм журналиста», его опосредованности социально-

информационными и технологичными факторами, а также профессиональным сознанием.

Ученые выделяют определенные черты, которые характерны для развития современных медиа: высокая скорость потребления и создания новой информации; участие потребителей в создании контента; автоматизация сообществ; вымирание монополии профессиональных журналистов на создание, обработку и распространение информации; доступность поиска любой информации.

Мы определили, что на данный момент в мировой медиасфере действуют такие тренды: популяризация собственных приложений СМИ для смартфонов, лонгриды и подкасты занимают ведущее место среди журналистских материалов, социальные платформы определяют журналистику и ее развитие, растет влияние визуального оформления сайтов, появление феномена Crowdlearning, разработка голосовых интерфейсов, возникновение проблемы слоев уведомлений, запуск программ для написания журналистских текстов.

Для получения точных данных по нашей теме мы провели опрос среди студентов Донецкого национального университета и действующих журналистов Донецкой Народной Республики. Опрос состоял из 13 вопросов, которые касались изменений требований, предъявляемых современным журналистам.

Большая часть опрошиваемых считает, что на данный момент требования к журналистам изменились. В связи с этим необходима и трансформация нынешнего медиаобразования. Новый подход к обучению будущих журналистов заключается во внедрении новых учебных дисциплин. Кроме того, участникам опроса было предложено самостоятельно указать, какие, по их мнению, дисциплины следует включить в подготовку журналистов. В результате мы получили самые различные ответы, среди которых были такие предложения: программирование (углубленные навыки), аналитика, работа в социальных сетях и мессенджерах, ораторское искусство, расширенный курс психологии, этики, философии, социология чтения, деловое общение.

Проанализировав, как конкретные сферы человеческой деятельности влияют на трансформацию понятия профессионализм журналиста, было изучено воздействие культурного, социального, политического и технологического фактора.

В связи с этим сформировались такие требования, определяющие профессионализм современного журналиста:

1. Знания в сфере IT-программирования.
2. Навыки исследования и анализа данных.
3. Умение работать с мессенджерами.
4. Свободно владеть новыми технологиями.
5. Навыки монтажа видео и звука.

6. Владеть новыми способами подачи информации.
 7. Умение быстро адаптироваться для работы в цифровой среде.
 8. Наличие корпоративного менталитета.
 9. Трансформация журналиста в пиарщика.
 10. Трансформация журналиста в пропагандиста.
 11. Трансформация журналиста в политического деятеля.
 12. Карьеризм – появляется возможность карьерного роста, вероятность получения особого статуса в профессиональной среде.
 13. Манипулирование общественным сознанием – для того, чтобы быть востребованным журналистом в современном мире необходимо в полной мере владеть манипулятивными приемами.
 14. Навыки создания и регулирования культурных ценностей общества.
 15. Знания в области культурологии, литературы, религии, социологии, философии и других гуманитарных наук.
 16. Иметь такие внутренние качества, как напористость, честность, всестороннее развитие, внимательность, умение расположить к себе собеседника, вовлеченность в общественные процессы, принципиальность, стрессоустойчивость, остроумие.
 17. Формировать имидж и придерживаться его на протяжении своей карьеры.
 18. Трансформация журналиста в общественного деятеля.
 19. Умение привлекать внимание властей к проблемам общества
- В результате мы достигли цели и определили, как на процесс трансформации понятия «профессионализм журналиста» влияют культурный, социальный, технологический и политический факторы.

Список литературы

1. Баранова Е.А. Конвергентная журналистика. Теория и практика.: Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Е.А. Баранова. – Люберцы: Юрайт, 2016.
2. Копылов О.В. Особенности творческой деятельности журналиста в условиях медиаконвергенции / О.В. Копылов. – Екатеринбург: 2013. – 19 с. – С. 3 – 18.
3. Олешко, В.Ф. Психология журналистики: Учебник и практикум / В.Ф. Олешко. – Люберцы: Юрайт, 2016.

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ КОНТЕНТА ДЛЯ МАСС-МЕДИА И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СФЕРЕ БРЕНД-ЖУРНАЛИСТИКИ

Петлевая А.А.

Артамонова И.М., д-р наук по соц. ком., профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
anastasia.petlevanaya@gmail.com

Журналистика бренда – это фирменная журналистика, также известная как корпоративная. Она исследует все, что имеет отношение к пулу клиентов компании, создает контент и распространяет его среди соответствующих людей.

Основной целью является привлечение и удержание внимания потенциальных потребителей. Журналисты используют социальные сети и СМИ для предоставления всей соответствующей информации о компании реципиенту [2].

Однако для использования преимуществ бренд-журналистики, контент, который журналист предоставляет своей аудитории, должен создаваться в соответствии с определенными принципами:

Актуальность и качество содержания. Важно предоставить актуальную и правильную информацию, иначе произойдет разрыв между компанией и ее аудиторией. Контент должен отвечать на ее вопросы, уведомлять о новых разработках, а также взаимодействовать с реципиентом. Нужно знать свою целевую аудиторию, компанию, которую вы представляете, и ситуацию в отрасли и на рынке.

Кроме того, качество содержания должно быть на уровне: ошибки в тексте должны отсутствовать, а информацию следует подавать так, чтобы ее было легко понять.

Соответствие стратегии компании. При написании статьи в сфере бренд-журналистики следует учитывать стратегии компании, настроение и мнение аудитории. Текст должен говорить о том, о чем хочет сказать компания, представлять ее в выгодном свете, при этом быть полезным и интересным. В основном, это тексты, которые призваны рассказать аудитории как можно больше о самом бренде, выделить его среди других таких же, сделать его ближе к аудитории.

Использование эффективных интерактивных навыков. Успешная журналистика бренда требует не только изучения и предоставления информации аудитории – нужно наладить с ней взаимодействие.

Таким образом, нужно создавать такие тексты, которые будут привлекательными для реципиента и смогут дать ему возможность вносить вклад и реагировать на информацию, то же самое относится к другому содержанию, например, видео.

Кроме того, нужно подстраивать текст под платформу, на которой он будет размещен. Например, для Instagram контент должен быть емким, информативным и лаконичным, как и для Twitter, где максимальное количество символов в посте приближено к ста сорока. Для Вконтакте и Facebook текст может быть длиннее, но не превышать объем в 2–2,5 тыс. символов. Социальные сети в основном выполняют рекреативную функцию, поэтому нагружать реципиента большим объемом информации на подобных платформах не имеет смысла: логичнее будет обозначить тему статьи и оставить на нее ссылку, при этом разместив текст большого объема на сайте бренда.

Текст статьи должен информировать реципиента о конкретной проблеме, при этом предлагать пути решения этой проблемы посредством конкретного бренда. Например, если в статье идет разговор о том, как сейчас непросто снять уютное, комфортабельное и недорогое жилье, с какими трудностями сталкивается обыватель, в конце будет уместно предоставить ссылку на бренд, в данном случае, риэлтерское агентство, которое поможет с решением этой проблемы.

Наиболее точно срабатывают статьи, в которых непосредственное участие принимает представитель бренда либо организации. Используем пример всё того же риэлтерского агентства: теперь текст будет не просто о проблемах обывателей со ссылкой на бренд в конце, это будет интервью с представителем агентства, который сам расскажет о подобных проблемах и путях их решения. Доверие аудитории к таким материалам больше, чем к вышеуказанным, так как у них создается впечатление, будто бы они сами беседуют с представителем компании, становясь при этом ближе к самому бренду. При этом, если в конце статьи теперь указать имя представителя компании и дать ссылку на сам бренд, человек перейдет по ней с большей вероятностью.

Анализ информации о покупателе. Важным этапом при подготовке материалов для статьи является сбор информации об аудитории. Журналист должен знать свою аудиторию, чтобы предоставить ей необходимую информацию: ведь спрос рождает предложение. Поэтому всегда важно проводить исследования целевой аудитории в поисках такой информации, как: кто является покупателем – его возраст, пол, профессия, вкусы и место жительства, потребности покупателя, мнения покупателя о качестве продуктов и услуг и каковы его/ее желаемые изменения, что влияет на его решения.

После определения желаний реципиента, ему легче предложить варианты решения его проблем с помощью бренда. Либо, опираясь на предпочтения аудитории, рассказать о бренде так, что покупатель выделит его среди сотен других.

Выполнение исследования по ключевым словам. Помимо качества и актуальности текста, ключевое слово очень важно, когда речь идет о

размещении статьи в интернете, будь это сайт либо социальная сеть. Это то, что большинство людей набирают в свои браузеры и, следовательно, то, что поисковые системы используют при предоставлении результатов и ранжировании онлайн-платформ.

Для этого важно проконсультироваться с исследовательскими фирмами и посетить сайты онлайн-исследований, чтобы выделить общие и популярные ключевые слова – это поможет при разработке контента.

Выполнение углубленного анализа. Кроме того, после публикации вы можете запросить услуги исследовательских фирм для мониторинга рейтинга вашей поисковой системы, потока онлайн-трафика и даже влияния ваших усилий в продажах и осведомленности бренда, в том числе [3].

Бренд-журналистика является относительно новым понятием в сфере средств массовой информации, но уже активно набирает обороты и используется многими журналистами для продвижения бренда. Бренд-журналистика способна дать компании авторитет в своей отрасли и на рынке, привлекая клиентов. При правильном исполнении такая журналистика значительно повышает узнаваемость компании на рынке, а также ее популярность.

Некоторые компании даже разрабатывают собственные СМИ, чтобы включить брендовую журналистику в свою повседневную деятельность. Она является профессиональной платформой для размещения статей, различных материалов и публикаций, способствующих большей узнаваемости бренда.

Более того, компании выходят за рамки написания текстов, создавая видео и фото, взаимодействуя с блогерами, стримерами и популярными медиаплощадками [1].

Это лишь некоторые из способов использования фирмами брендовой журналистики: они подходят не только фирмам, но и компаниям, брендам и организациям.

Список литературы

1. Тренды: Brand Journalism [Электронный ресурс] : Pressfeed. Журнал. – 2015. – URL: news.pressfeed.ru
2. Brand Journalism [Электронный ресурс] : WhatIs.com. 1999. URL: whatis.techtarget.com
3. How to do Brand Journalism the right way? [Электронный ресурс] : Curatti. The editors of chaos. 2015. URL: curatti.com

РОЛЬ УЧАСТНИКОВ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «ВЕЧЕР С ВЛАДИМИРОМ СОЛОВЬЕВЫМ»)

Плохотнюк К.В.,

*Артамонова И.М., д-р наук по соц. ком., профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
QueenXU@yandex.ru*

Введение. Политические ток-шоу пользуются огромной популярностью, благодаря большой палитре высказываемых мнений и возможности интерактивного голосования. В них обсуждаются все актуальные изменения в политической жизни и обществе. Эффективность воздействующей коммуникации зависит от правильности распределения ролей между участниками студийной дискуссии.

Исходя из вышесказанного, обозначим **цель** исследования: определить особенности ролей участников воздействующей коммуникации в ток-шоу.

Соответственно, объектом исследования является политическое ток-шоу как источник воздействующей коммуникации.

Предмет – особенности ролей участников воздействующей коммуникации в политических ток-шоу.

Исходя из цели исследования, обозначим задачи:

1. Обозначить участников политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым».

2. Определить роль ведущего, гостей и аудитории в рамках воздействующей коммуникации политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым».

Среди участников дискуссии можно выделить: ведущего, приглашенных гостей и аудиторию.

Ведущим и автором политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» является Владимир Соловьев.

Соловьев позиционирует себя как уверенную в себе личность, которая может противостоять любому мнению, противоречащему его жизненной позиции и принципам: «Меня можно уволить, но диктовать мне нельзя. Надо быть всегда открытым для диалога, но при этом четко себя ставить. Если ты изначально ставишь себя как тряпку, управляемую марионетку, ты не интересен ни зрителям, ни людям, которые с тобой работают» [3].

В ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» он выполняет функцию модератора: задает тему дискуссии и ее темп; передает слово гостям, используя плавный открытый жест руки или же обращение по имени или имени отчеству; следит за тем, чтобы гости в своих

высказываниях не выходили за рамки обсуждаемой темы; в случае возникновения конфликта успокаивает гостей и переводит дискуссию в спокойный тон («И началось геть, геть. Пока не дошло до боевого гопака, передаю слово...») [4]; разряжает обстановку в ходе обсуждения («Я помню анекдот. Доктор мне каждую ночь снится, что за мной ходит Наполеон. Скажите, у меня мания величия или мания преследования») [5].

Помимо основных задач, которые выполняет ведущий в роли модератора, он также активно принимает участие в обсуждении темы, комментируя высказывания гостей, задает дополнительные вопросы, вступает в прения в моменты несогласия с участниками дискуссии.

Каждый выпуск в студию приглашают шесть гостей, у каждого из приглашенных гостей есть своя задача. В обсуждении активно принимают участие 3-4 гостя, не включая ведущего, остальные же высказываются лишь тогда, когда им предоставляют слово – безэмоционально.

Первому ведущий предоставляет слово человеку, который задает живой тон беседе и создает шоу для телеаудитории (Владимир Жириновский – председатель ЛДПР, Вячеслав Ковтун – политолог; Семен Багдасаров – директор центра изучения стран Ближнего Востока и Центральной Азии и т.д.) [3]. Вторым высказывается гость с ролью «личности» (Андрей Сидоров – заведующий кафедрой Международных организаций и политических процессов факультета Мировой политики МГУ; Сергей Станкевич – представитель комитета ВПП «Партия роста» по международным связям и т.д.) [4] – человек, который хорошо разбирается в обсуждаемой теме и может в разговоре с гостями противостоять ему. Таким образом, в студии наблюдаются оппозиционные стороны, герои с ролями «заводила» и «личность» высказываются больше остальных. Они эмоциональны, их основная задача – создавать шоу.

В зависимости от выпуска поочередность высказываний участников может меняться. Обсуждение начинает «личность», а затем слово передается «заводиле или наоборот» или наоборот.

«Специалист» [1] – вступает в дискуссию несколько раз за выпуск, высказывается исключительно исходя из конкретных фактов действительности и только тогда, когда ему передаст слово ведущий (Владимир Евсеев – военный эксперт, заместитель директора Института стран СНГ; Антон Уткин – эксперт по химическому оружию и т.д.) [3].

«Носитель идеи» [1] – он также вступает в живой спор с главными оппонентами выпуска, эмоционально высказывает свою точку зрения (Сергей Михеев – политолог и т.д.) [5].

«Звезда» – редко появляется в политическом ток-шоу, ориентируется исключительно на свой жизненный опыт «я так думаю...», «мне кажется...», «я так считаю...» и т.п. (Карен Шахназаров – режиссер, Народный артист России и т.д.) [4]. Появляется в студии для создания впечатления вовлеченности в обсуждаемую проблему всей творческой элиты.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что ведущий политического ток-шоу руководит ходом дискуссии, он определяет, кто и когда будет высказываться. Гости – основные действующие лица воздействующей коммуникации, их задача состоит в том, чтобы не отклоняться от своей роли и действовать в ее рамках. Каждая роль имеет свои особенности. «Заводила», «Личность» и «Носитель идеи» [1] создают в студии шоу, они эмоциональны и являются главными действующими лицами, не считая ведущего. Их задача – вовлечь и удержать телеаудиторию, донести основной посыл и заложить в их подсознание нужные автору ток-шоу догмы. «Специалист» является рациональным участником дискуссии. В зависимости от обсуждаемой темы роль «специалиста» могут выполнять несколько участников шоу: они не позволяют превратить обсуждение в балаган.

Аудитория же является вспомогательным участником воздействующей коммуникации, ее задача – акцентировать внимание на более важных высказываниях гостей студии для закрепления их в подсознании телезрителя.

Список литературы

1. Владимирова М.Б. Трансформация массового сознания под воздействием СМИ: учебник/ М.Б. Владимирова. – Москва: Флирт, 2011. – 91 с. – С. 10-67.
2. Горина Е.В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности: уч. пособие / Е.В. Горина. – Екатеринбург: издательство Уральского университета, 2016. – 67 с. – С. 27- 58.
3. Россия 1 [Электронный ресурс] : Вечер с Владимиром Соловьевым за февраль 2018 : официальный сайт телеканала «Россия 1». 2001 – 2022. URL: <https://vecher-s-solovevum.su/category/fevral-2018> (дата обращения: 01.03.2018).
4. Россия 1 [Электронный ресурс] : Вечер с Владимиром Соловьевым за март 2018 : официальный сайт телеканала «Россия 1». 2001 – 2022. URL: <https://vecher-s-solovevum.su/category/mart-2018> (дата обращения: 01.04.2018).
5. Россия 1 [Электронный ресурс] : Вечер с Владимиром Соловьевым за апрель 2018 : официальный сайт телеканала «Россия 1». 2001 – 2022. URL: <https://vecher-s-solovevum.su/category/aprel-2018> (дата обращения: 01.05.2018).

УДК 070-027.21-043.61

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ

Саламатина А.В., Наливайко Ю.Ю., канд. филол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
annasalamatina350@gmail.com

С развитием СМИ и актуализацией конкурентной борьбы на рынке полиграфической продукции все большей актуальности набирает качественная и серьезная подготовка издания на этапе теоретической разработки.

Цель исследования – проанализировать и изучить этапы разработки полиграфического издания, которые проводятся до того, как издание макетировано, напечатано и распространено в специализированные точки торговли.

В первую очередь издание должно соответствовать перечню характеристик, которые выдвигает официальный законодательный акт к подобного рода материалам. Так, в ДНР понятие «периодическое печатное издание» определяет Закон «О средствах массовой информации» [4] – это газета, журнал, альманах, бюллетень, иное издание, имеющее постоянное наименование (название), текущий номер и выходящее в свет не реже одного раза в год.

Следующий важный этап в процессе теоретической разработки периодического издания заключается в формировании его концепции, которая является первоочередным редакционным документом, на который опираются специалисты в процессе своей работы, который определяет различные направления деятельности коллектива, принципы работы с авторами, материалами, поступающими в редакцию, нюансами политической и рекламной деятельности, маркетинговыми программами, дизайнерскими решениями [2].

От того, насколько правильно и детально будет разработана концепция, а сотрудники редакции будут ее соблюдать, будет зависеть, в первую очередь, организованная работа всех подразделений на этапе формирования нового издания, во-вторых, вся дальнейшая работа с продуктом полиграфии, начиная от редактирования текстовых материалов и продолжая оформлением, работой с полиграфическим предприятием и маркетинговой программой.

Концепция помогает исключить формирование издания посредством случайного отбора материалов, где главная цель – просто выпуск газеты / журнала, а не формирование собственной аудитории, спроса и конкурентоспособности [3]. Посредством формирования концепции вся дальнейшая работа над изданием структурирована и детально прописана так, что отклонений и спорных вопросов возникнуть не должно.

Концепция формируется на основании 3-х специализированных моделей издания: содержательной, графической и организационной, каждая из которых включает в себя тематические, узкие характеристики [1].

Так, например, содержательная модель описывает текстовую сторону будущего издания, в ней определяются табуированные и, наоборот, желательные тематики материалов, жанровая палитра будущей газеты / журнала. Здесь также прописываются критерии редактирования и отбора авторских текстов и исходящих материалов. Благодаря четко структурированной содержательной модели аудитория формирует в своем сознании представление о данном издании и материалах, размещенных на его страницах и, исходя из этого, определяется с выбором предпочтений.

Графическая или дизайнерская модель издания определяет оформительские характеристики издания, такие как работа дизайнера с иллюстративным рядом, применение цветовых и формовых решений в обложке или на страницах газеты / журнала. Благодаря качественно разработанной оформительской модели и четкому следованию ее принципам оформителями и художественными редакторами аудитория формирует первичное впечатление об издании, так как сразу знакомится именно с оформлением газеты / журнала, после чего только с текстовым наполнением. Здесь важно согласование всех моделей и концептуальных особенностей будущего издания. Например, для точного прописывания количества декоративных элементов, их яркости и насыщенности, выбора цветовой гаммы и других декоративных нюансов важно знать тематику издания и аудиторию, на которую оно будет рассчитано, то есть учитывать базовые концептуальные особенности.

Организационная модель издания является основополагающей в процессе формирования маркетинговой программы. Кроме того, здесь формируются различные организационные модели поведения и построения коллектива, распределения обязанностей между специалистами и отделами. Здесь прописаны как основы финансово-экономической деятельности, так и различные нюансы рекламной кампании. Здесь также могут указываться требования к подбору персонала, начиная от личностных качеств человека и заканчивая профессиональной подготовкой и политическими взглядами. В организационной модели будущее периодическое издание выступает как объект товарной и экономической деятельности, который является конкурентоспособным и занимает определенную нишу на рынке полиграфической продукции.

Итак, из всего вышеизложенного можно заключить, что жизненный цикл периодических изданий переживает различные фазы, которые условно можно сформулировать как зарождение, формирование, развитие, спад. От того, насколько профессионально и качественно будет проделана работа специалистов на этапе зарождения издания, будет зависеть его рентабельность и конкурентоспособность. Поэтому вопросу разработки концепции издания, а также всех его моделей важно уделять максимальное внимание.

Список литературы

1. Гуревич С. М. Газета: Вчера, сегодня, завтра: учебное пособие для вузов / С. М. Гуревич. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 288 с.
2. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Концепция современного периодического издания: учебно-методическое пособие / И. М. Дзялошинский, М. И. Дзялошинская. – М.: МедиаМир, 2012. – 344 с.
3. Дзялошинский И. М., Пильгун М. А. Деловые коммуникации. Теория и практика / И. М. Дзялошинский, М. А. Пильгун. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 433 с.
4. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон № 59-ІНС от 29.06.2015 – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakon_doneckoj_narodnoj_respubliki_o_sredstvah_massovoj_informacii/ – (дата обращения: 13.02.19).

ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ДИСКУССИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Тулупов В.В., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, РФ
vltul@mail.ru

Споры о факультетах журналистики не утихают практически всю новейшую российскую историю. То диакон Андрей Кураев поделится своей почти тридцатилетней мечтой позакрывать все журфаки [1], то телеведущий Владимир Познер похвалится, что он «ни на каком журфаке не учился», добавив: «И, кстати, никому не советую» [2]. Им вторит писатель Евгений Гришковец: «Хуже образования, чем на журфаке, не бывает» [3], да и от других не менее известных личностей достается – причем не только нашим бедным факультетам, но всей отечественной журналистике [4]. Преуспел в этом даже заместитель министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ Алексей Волин, заявивший, что «журналистики как таковой в XXI веке больше не существует» [5]. Помнится еще в 2005 г. пришлось откликнуться письмом [6] на статью Александра Тимофеевского с более чем задорным заголовком «Факультет ненужных вещей» [7]. И вот недавно, видимо, в преддверии круглого стола «Журналистское образование: новые вызовы цифровой эпохи», который вошел в программу форума современной журналистики «Вся Россия – 2019», организованного Союзом журналистов РФ, накатила новая волна обсуждения. Начало ей положил «Журналист» [8], продолжилась же дискуссия в соцсетях [9].

Ну почему всё-таки периодически возникают такие споры? Не бывает же дыма без огня? И почему этот огонь раздувают и вчерашние выпускники, среди которых немало состоявшихся в профессии? Отбросим в сторону шутки про то, что там, где два журналиста – там три мнения, что в журналистике, как и в футболе, разбираются все и что каждый суслик мнит себя агрономом, потому что ситуация сверхсерьезная.

Кажется, нет ни одной отрасли, кроме медиа, где бы так доставалось альма матер. Хотя если бы проводился настоящий фактчекинг, большинство критических стрел ушло бы «в молоко», потому что обвинители не знакомы с учебными планами, где многие из дисциплин, которые предлагают ввести псевдореформаты, уже введены. Наверное, не на всех факультетах, но тогда следует обличать отстающих, а не обвинять всю систему. Да, есть немало причин, мешающих нормальному образовательному процессу: огромное количество центров подготовки журналистов (в СССР таковых было чуть больше 20, в сегодняшней России – около 150); низкий уровень подготовленности абитуриентов (раньше на отделения и факультеты принимали 25 лучших, сегодня – всех,

преодолевших минимальные баллы); ликвидация бюджетных мест, а значит, бюджетного финансирования и невозможность постоянно обновлять материально-техническую базу (это раньше для обучения, по сути, хватало мела и тряпки, сегодня без мощного компьютерного парка, программного обеспечения, мультимедийного оборудования, невозможно качественно подготовить медиаспециалиста).

Дело еще в том, что представители профессионального сообщества сами не могут договориться о стратегии журналистского образования. Одни считают, что журналистике научить нельзя – в СМИ должны приходиться специалисты из разных областей, просто их надо чуть-чуть подучить. Другие уверены, что будущие журналисты должны в вузе получить прежде всего мощную гуманитарную базу, а совершенствовать специализацию они будут в редакциях СМИ определенного типа. Когда спрашиваешь третьих, ратующих за изменения, что необходимо принципиально изменить, внятного ответа не получаешь... В остатке остается одно: человека всегда привлекает интересное содержание. И интересен всегда тот журналист, который оригинально мыслит и умеет оформлять смыслы в оригинальную вербальную или визуальную форму.

Журналист, медиатрениер и главный редактор международного мультимедийного проекта *Russia Beyond* Всеволод Пуля опубликовал в ежемесячнике «Журналист» свои соображения о том, каким должно быть идеальное образование для журналистов [10]. Большинство из них не вызвало возражений, но есть и те, с которыми следует поспорить. Автор пишет: *«Журналистика давно перестала быть обнесенным неприступной стеной таинственным садом, закрытым от других видов и способов передачи информации. Правильное название современных журфаков – факультет коммуникации или медиа («теории коммуникации» тоже не подходит, потому что – а где же практика?)»*. Удивительно услышать это от того, кто ратует за маркетинг: ведь журфак – это бренд, который успешно работает на рынке высшего образования. Не лучше ли разделять мнение тех, кто считает понятия «медиа» и «журналистика» близкими, но все же различными: совокупность медиа – это структурное образование, характеризующее строение системы, т.е. журналистики как системного объекта. Именно структура служит реализации функций системы, т.е. функций журналистики.

В. Пуля рекомендует включать в учебные планы дисциплины по экономике медиа и маркетингу, хотя таковые читаются по меньшей мере уже лет двадцать. Как и предметы, посвященные *«мультимедийным форматам, способам организации информации, вариантах группировки или дробления фактов и сюжетов», «оформления сайтов»*. Хотя и здесь необходимо соблюдать меру, чтобы знания о том, как *«как работают поисковые роботы, зачем страницам нужно заполнять tag description, как узнать, какие системы аналитики установлены на сайте конкурента, как настроить Google Accelerated Mobile Pages и прочие вещи»*, не затмили умения грамотно и по делу писать, навыки литературного

редактирования и творческого мышления. Чтобы не заворачивать в красивый фантик пустое содержание.

Повторяю, много полезных советов дает главный редактор *Russia Beyond* – и по редакционной аналитике, и по аналитике социальных сетей, и по базовым навыкам видеомонтажа, цветокоррекции и обработке звука, работе перед камерой, но порой сам же вступает в противоречие с самим собой, ужасающемуся растущему количеству курсов: *«Университетское фундаментальное образование, в свою очередь, дает слушателям слишком “рыхлую” картину знаний и навыков, многие части которой моментально оказываются нерелевантными. Слишком большой набор дисциплин не позволяет обозначить большую или меньшую важность тех или иных предметов для студентов».*

Фундаментальное образование, если оно реально фундаментальное, как раз дает научную картину мира, а вот само понятие «рыхлая» в силу своей метафоричности действительно нерелевантно. Количество же дисциплин сохраняется уже многие десятилетия: примерно до десяти зачетов, до пяти экзаменов в сессию.

Приведу ещё несколько «про и контра»:

«Основная проблема с журналистским образованием сегодня кроется либо в нерелевантности получаемых знаний, либо в отсутствии системного подхода».

Думается, это голословное утверждение. Журналистское образование в России имеет почти вековую историю, в течение которой сложилась достаточно стройная система, отраженная в госстандарте, одобренном в том числе практиками. Есть учебные планы, рабочие программы, сложилась и методика обучения. Конечно, слишком много бумаг стало в последнее время, конечно, само обучение может быть нерелевантным, но это проблема конкретного факультета, конкретной кафедры, конкретного преподавателя. Хотя и здесь срабатывает многоступенчатая система контроля, в том числе со стороны самих обучающихся.

«Если раньше одной из основных целей образования было наполнить головы студентов максимальным количеством знаний за минимальный срок, то сейчас, с моментальным доступом к знаниям из любого смартфона, такая универсальность выглядит устаревшей».

Без базовых знаний никакой смартфон не поможет (см. басню «Мартышка и очки»).

«...университеты все больше разворачиваются в сторону развития так называемых soft skills (гибких навыков) – с тем чтобы научить студентов учиться и после окончания университета».

Защитники классического образования не только не отрицают такой подход, а рассматривают его как основу стратегии вузовского обучения журналистике: дать широкое базовое образование и выработать практические навыки и умения, которые необходимо будет развивать и углублять всю профессиональную жизнь.

В заключение отметим, что нам ближе позиция декана факультета журналистики Уральского федерального университета Бориса Лозовского, который в том же «Журналисте» изложил свои соображения о смысле журналистского образования. Тезисно они выглядят так:

- В бесконечных дискуссиях о журналистском образовании много пустой критики, но есть и такая, к которой следует прислушаться.
- Важно прийти к согласию по поводу социальной миссии журналистики, её функций.
- Содержание первично, а форма (технология) всё же вторична.
- Журналистское образование необходимо для сохранения институциональности журналистики как профессии, как необходимой составляющей гражданского общества.
- Стратегия обучения журналистике давно определена: дать широкое образование и выработать практические умения.
- Преподаватель журфака должен идти в ногу со временем, отслеживая изменения в медиасфере и постоянно присутствуя в ней (сотрудничество, медиакритика и др.).

Список литературы

1. Беседа с диаконом Андреем Кураевым на Факультет журналистики ВГУ, Воронеж, 29 октября 2004 г. – URL: http://www.reshma.nov.ru/texts/kuraev_beseda_zhurnal.htm (дата обращения 19.09.19).
2. Бойко А. «Я ни на каком журфаке не учился. И, кстати, никому не советую» Владимир Познер о жизни, советской журналистике и Светлане Алексиевич / А. Бойко. – URL: <http://www.websmi.by/2016/02/ya-ni-na-kakom-zhurfake-ne-uchilsya-i-kstati-nikomu-ne-sovetuyu-vladimir-pozner-o-zhizni-sovetskoj-zhurnalistike-i-svetlane-aleksievich/> (дата обращения 19.09.19).
3. Пешая Е. Евгений Гришковец: «Хуже образования, чем на журфаке, не бывает» / Е. Пешая. – URL: <http://www.metronews.ru/.../grishkovec.../Tponjl---TSIfMCloXuTsY> (дата обращения 19.09.19).
4. Портников В. В России давно нет журналистики – есть пропаганда / В. Портников. – URL: <http://rus.newsru.ua/colum.../05May2016/nekremlevskoekino.html> (дата обращения 19.09.19).
5. Волин: журналистики как таковой в XXI веке больше не существует // Информационное агентство ТАСС. – <http://tass.ru/obschestvo/3387041> (дата обращения 19.09.19).
6. Тулупов В. Факультет ненужных журналистов? Письмо в редакцию / В. Тулупов. – URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=858&fbclid=IwAR0Ttn99Bd5glzNvCcnAfWhK77UPrUQ5seeI9D01IZ04zSnc6PzCmtN2TQE> (дата обращения 19.09.19).
7. Тимофеевский А. Факультет ненужных вещей / А. Тимофеевский. – URL: <https://4ege.ru/vuz/4373-fakultet-nenuzhnyh-veschey.html> (дата обращения 19.09.19).
8. Лозовский Б. «Проклятие журфака»: правда или вымысел? / Б. Лозовский. – URL: <https://jrnlst.ru/lozovskiy>; <https://jrnlst.ru/perfect-faculty...> (дата обращения 19.09.19).
9. <https://www.facebook.com/pulya/>
10. Пуля В. 10 соображений о том, каким должно быть идеальное образование для журналистов / В. Пуля. – URL: <https://jrnlst.ru/perfect-facultyhttps://jrnlst.ru/perfect-faculty...> (дата обращения 19.09.19).

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ТЕЛЕВИЗИОННОГО СПЕЦИАЛЬНОГО РЕПОРТАЖА ПРИ ОСВЕЩЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В РОССИИ И МИРЕ

Чайка О.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
oschaika@mail.ru

Телевизионный специальный репортаж активно используется на современном телевидении для освещения политических событий. Причиной этому является способность спецрепортажа, в силу ряда своих особенностей, успешно ретранслировать мнение телеканала по той или иной ситуации в политическом мире.

Цель исследования — определение основных признаков телевизионного специального репортажа при освещении политических событий в России и мире.

У телевизионного специального репортажа, освещающего политические события, есть ряд релевантных признаков, которые отличают его от материалов других тематических групп. При этом все жанрообразующие признаки присутствуют.

Это подтвердил анализ политических спецрепортажей журналистов ВГТРК. Проанализированные материалы телеканалов «Россия 1» и «Россия 24» демонстрируют такие характеристики спецрепортажа: предоставление актуальной социально значимой информации, трансляция информации с места события, динамичность презентации информации, акцент на актуальности события, оперативность ее подачи на телеканале, определенная оценка информации, анализ полученных сведений [2, с. 297]. При этом анализ фактического материала позволил выявить следующие дистинктивные признаки репортажей этой тематической группы.

1. *Роль политического обозревателя.* В телевизионном специальном репортаже, посвященном политическим событиям в России и мире, специальный корреспондент является не просто ретранслятором информации и грамотным её аналитиком. В силу особенностей жанра он управляет сознанием людей, формируя повестку дня, выступая лидером мнения по тому или иному политическому вопросу.

2. *Противопоставление «МЫ — ОНИ».* В материалах этой тематической группы практически всегда присутствует демонстрация противостояния политических сил, будь это сюжет о внутригосударственных событиях, либо о событиях мирового уровня. Эта особенность влияет и на выводы, которые спецкор делает в конце сюжета. Коррелируя с информационной политикой телеканала, они артикулируют официальную точку зрения государства.

3. *Наличие сарказма и иронии.* В материалах о политике сложно удерживать внимание и, тем более, представлять зрителю образ страны и образ других стран — идеологических противников, используя только сухие аргументы и факты. В спецрепортажах о стихийных бедствиях или событиях культуры нет смысла использовать сарказм и иронию, но в сюжетах о политике сложно убедить реципиента, подчеркнуть контрпродуктивность противоположной точки зрения без этих элементов.

В качестве яркого примера специального политического репортажа, который надолго запомнился зрителям — материал из Гамбурга, с площадки саммита «Большой двадцатки» в 2017 году от корреспондента ВГТРК Павла Зарубина [эфир «Россия 1» от 17. 07.2017].

Ироничное повествование открывает специальный репортаж. На экране — участники «Большой двадцатки» в театре. Текст следующий: *«Обмахиваясь программой концерта, словно веером, Меркель и её гости лишь усиливали впечатление от этого саммита двадцатки как самого жаркого в истории. От усталости президенты буквально валялись с ног и не скрывали этого. Трамп, то и дело, закрывал глаза, Макрон с супругой вроде бы пытались держаться — но с какими лицами, и даже хозяйка саммита — Меркель сдалась. Поскольку её соседи вообще перестали открывать глаза. Глава Китая, Си Цзиньпин, отчаянно боролся с собой и вроде бы побеждал. Президент Путин, не моргая, смотрел в одну точку».*

В этом вступлении всё: и ироничная манера повествования, и сам инфоповод — поход лидеров на концерт симфонического оркестра, и демонстрация Владимира Путина как самого стойкого лидера, что сформировало у зрителей определенное отношение к нему в этом конкретном случае. А поскольку это начало сюжета, то уже любая информация будет восприниматься зрителем с учетом оценочного суждения журналиста, поданного в весьма шутиливой манере.

Далее обратимся к роли политического обозревателя. В этом материале Павел Зарубин, как и в остальных своих спецрепортажах с этого саммита, делит сюжет условно на 2 части — сам саммит и протестные акции антиглобалистов. И в первом, и во втором случае он — в гуще событий. На саммите его в числе избранных журналистов допускают в кулуары «Большой двадцатки» — зону, где могут находиться только лидеры государств, министры и их заместители. Из этого узкого коридора журналист продолжает рассказывать о саммите, когда все остальные просто следуют по направлению к переговорной комнате.

Вторая часть, как и во всех других его спецрепах по этой теме, непосредственно с протеста антиглобалистов. Павел не записывает стендап на фоне митинга, или просто используя закадровый текст, находясь на безопасном расстоянии. Он находится в окружении протестующих, вместе со всеми бежит по улицам Гамбурга, на ходу рассказывая о том, как обстоят дела.

В этих материалах П. Зарубин выступает не просто как ретранслятор информации и специальный корреспондент, он ведет себя так, будто бы он — часть события, стараясь быть в кадре большую часть времени, используя закадровый текст только для сопровождения кадров с официальными лицами.

В репортаже есть и противопоставление МЫ — ОНИ. Начиная с кадров, где на концерте только Путин держится изо всех сил, и, заканчивая постоянным напоминанием о том, что только российский лидер смог поладить со всеми на саммите, и только с ним каждый хотел побеседовать лично. В этом материале с помощью всех средств телевизионного специального репортажа создан образ сильного лидера, который противопоставляется лидерам других стран, придерживающихся иной идеологии.

Заключение. Резюмируя вышесказанное, отметим, что в условиях информационной войны следует особо тщательно оберегать те ценности, на которых зиждутся нравственные устои общества, которые формируют общественное мнение, направленное на сохранение достижений государства, его культуры и истории.

В силу своих релевантных признаков телевизионный специальный репортаж успешно выполняет поставленные перед современным телевидением задачи. К ним мы относим: информирование, предоставление аналитических данных, формирование положительного образа государства, его лидера и государственной политики.

Телевизионный специальный политический репортаж, с использованием некоторых дополнительных приемов, успешно влияет на общественное мнение, формируя у общества новое отношение к уже известным общественным явлениям, а, учитывая сложную политическую обстановку в мире, роль материалов данного жанра в освещении новостей будет только усиливаться.

Список литературы

1. Харламова, Ю. О. СМИ как инструмент реализации государственной политики / Ю. О. Харламова // Власть. — № 8. — 2012. — С.41-45.
2. Чайка О. Релевантные признаки телевизионного специального репортажа как жанра новостной журналистики / О.Чайка // Культура в фокусе научных парадигм : материалы IV Международной научно-практической конференции (Донецк, 6-7 апреля 2016 г.) / научн. ред. Кравченко О. А., Каика Н.Е. — Донецк : ДонНУ, 2016. — Вып. 4. — С. 294-297.

ПУТИ ВОСПИТАНИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ КРИЗИСОВ

Якель А. О.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
ayakel@narod.ru

Введение. Технологический прогресс вывел процесс коммуникации на новый качественный уровень. Взаимодействие между субъектами осуществляется в виртуальной среде. Однако большинство потребителей контента не готовы к эффективному взаимодействию из-за недостаточно высокого уровня использования инструментов коммуникации. В первую очередь пользователем осваивается механизм отправки и получения сообщений, однако фактически полностью отсутствуют пути формирования информационных фильтров.

Процесс обучения студентов по направлениям подготовки «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью» и «Телевидение» в Донецком национальном университете, как и в любом другом вузе, где готовят специалистов по массовой коммуникации, предполагает не только формирование профессиональных компетенций, связанных с производством медиапродукции, но и направленных на критическое восприятие информационных сообщений. Окружающий любого современного человека «дата смог» препятствует четкому разграничению истинной и фейковой информации. Однако специалист в сфере масс-медиа обязан обладать навыками простейшего фактчекинга.

Актуальность (социальная значимость) состоит в популярности и общественной важности медиаобразования. В развитых странах занятия по компетентному потреблению информации проводятся не только в вузах соответствующего профиля, но и входят в программы среднего и высшего образования. Обучение критическому восприятию информационных сообщений предотвращает негативное воздействие враждебной пропаганды на широкие слои населения и способствует стабилизации общественного порядка. Также в условиях военного положения такая практика весьма актуальна в силу того, что информационное пространство перенасыщено дезинформацией и сообщениями провокационного характера. Большинство подобных публикаций сосредоточены в социальных медиа, пользователями которых становится все большее количество людей. А значит, осознанное потребление контента нивелирует негативное воздействие.

Целью данного исследования стало определение оптимальных способов формирования критического мышления студентов-журналистов с учетом сложной военно-политической обстановки.

Результат. Методология высшей школы по формированию аппарата критического мышления состоит из трех основных направлений. Во-первых, в учебный план включены дисциплины, способствующие критическому осмыслению потребляемого контента СМИ: «Манипуляции в СМИ», «Коммуникативная логика», «Журналистская этика» и прочие. Во-вторых, аудиторные практические занятия по дисциплинам профессионального цикла предполагают проведение коротких брифингов о новостной повестке. Студенты готовят короткие доклады о текущей обстановке в Республике, ближнем зарубежье и мире, а также обсуждают актуальные события. В-третьих, в рамках факультатива предполагается сбор и обсуждение сообщений, содержащих манипуляции и информационные искажения. В-четвертых, в рамках профессиональных дисциплин возможно проведение специальных занятий по отработке навыков проверки фактов, трансформации субъективных сообщений в объективные, контентного анализа.

В **заключении** заметим, что студент, способный критически осмыслить информационное сообщение, обладает более высоким уровнем профессиональной компетенции. Создавая свои собственные публикации, он способен соблюсти принципы фактической точности, объективности и непредвзятости. А в информационной борьбе стратегический успех зависит от того, насколько честен будет тот, кто распространяет информацию, и насколько высоки будут его нравственные принципы.

Список литературы

1. Макарова Н. Я. Навыки работы в социальных медиа в системе профессионального медиаобразования // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. С. 37-39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/navyki-raboty-v-sotsialnyh-media-v-sisteme-professionalnogo-mediaobrazovaniya> (дата обращения: 28.09.18).
2. Милославская З. А. Потенциальная опасность современного медиатекста: причины и следствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. №1. С. 115-122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsialnaya-opasnost-sovremennogo-mediateksta-prichiny-i-sledstviya> (дата обращения: 28.09.18).
3. Фрейре П. Педагогика угнетенных. СПб.: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018. URL: <http://iknigi.net/avtor-paulu-freyre/157866-pedagogika-ugnetennyh-paulu-freyre/read/page-1.html> (дата обращения: 28.09.18).

Проблемы обучения нормам русского литературного языка

УДК 811.111

К ВОПРОСУ О НОРМИРОВАННОСТИ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Казанцева И.Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
e.grechina@donnu.ru

Динамичный темп современной жизни делает непрерывным и всё более убыстряющимся процесс появления новых слов, что, несомненно обогащает русский литературный язык. Однако обогащение языка происходит не только путём создания новых слов, но и посредством появления новых значений. Вместе с тем возможности расширительного употребления слов в литературном языке не безграничны. Противоречивые мнения лингвистов о признании новых значений слов вызывают необходимость определить общие принципы их квалификации.

Расширение семантики представляется оправданным и приемлемым в таких случаях.

1. При отсутствии в лексической системе языка однословного наименования для обозначения нового предмета или понятия. При этом применение старого слова оказывается экономичнее, чем употребление описательного оборота. Срабатывает и наличие возникающих устойчивых ассоциаций (ср. «морж» – северное морское животное и «морж» – любитель зимнего купания).

Сравнительно недавно слово «абитуриент» закрепилось в значении «человек, поступающий в высшее учебное заведение», тем самым избавив говорящего от необходимости употреблять описательное выражение. Утрата же словом «абитуриент» прежнего значения – «оканчивающий среднюю школу» – оказалась для языка не важной, так как для обозначения данного понятия уже имелось слово «выпускник».

В современной разговорной речи часто встречается употребление слова «именинник» применительно к человеку в день его рождения, а не только именин, как это было прежде. Это связано с тем, что в русском языке нет однословного наименования для этого понятия. Кроме того, сам обряд празднования именин устарел, а молодёжь вообще не знает этих календарных дат.

2. Допустимым представляются варианты расширительного употребления слова при обязательном сохранении прежнего смысла. Такое употребление целесообразно потому, что оно основывается на

использовании уже усвоенного смысла и не требует мыслительного напряжения для запоминания нового слова. Например: «ас» (не только о летчике, но и вообще о профессионале высшего класса в любом деле); «инфляция» (не только о деньгах, но и об обесценивании в широком смысле слова: инфляция образования, инфляция совести и т.п.). Причина закрепления этих и подобных употреблений состоит в свежести и выразительности нового применения, что является важным фактором обогащения языка.

Вместе с тем в современной речи довольно часто наблюдаются факты немотивированного семантического смещения (например, **дилемма** вместо **проблема**, **алиби** – вместо **оправдание**).

Выделим наиболее характерные причины нарушения норм словоупотребления.

1. При расширительном употреблении утрачивается необходимая связь с традиционным смысловым ядром слова, в результате чего новое значение перестает соответствовать основному смыслу слова. Например, в слове «напарник» заключена идея содружества, поэтому неверной является фраза «Первый раунд напарники закончили со счетом 2:2» (вместо «соперники»). Аналогично слова «дуэт», «квартет», «трио» имеют признак общности, согласованности действий группы лиц. Ошибочно же эти слова стали применяться к лицам, действующим даже в противоположных интересах, например: «На пьедестале трио лидеров из России, США и Китая».

2. Неверным представляется также такое применение слова, при котором утрачивается важный характеризующий признак, выделяющий данное понятие в ряду близких, но не тождественных. В этом случае происходит nepозволительное смешение слов. Примером может служить употребление слова «вернисаж» (торжественное открытие выставки) вместо слова «выставка».

3. Ненормативное употребление нередко возникает в результате нарушения соразмерности соединяемых понятий. В таких случаях важное, весомое слово оказывается в нелогичном соседстве и само утрачивает свою значимость. Так, слово «форум» означает представительное собрание, имеющее большое общественное значение: форум ученых, Всемирный форум молодежи, мировой форум журналистов и т.п. Нередко же использование слова «форум» встречается применительно к собраниям местного значения. К примеру, «форум животноводов, работников ЖКХ» и т.п.

Девальвируется также и торжественность слова «корифей». Так можно назвать выдающегося ученого, философа, писателя, художника, музыканта, но вряд ли правильным было бы сказать «корифей прыжков в длину», «корифей салатов» и т.п.

Указанные признаки разграничения правильного употребления имеют весьма общий характер. В языке постоянно идет борьба между

стремлением к точности и однозначности наименования и тягой к расширительному и нетривиальному применению слов.

Отметим, что понятие правильности словоупотребления не является постоянным свойством. Его невозможно уложить в заранее созданные схемы и образцы. Поэтому назовем и спорные случаи современного словоупотребления. Так, в лингвистике ведутся споры по поводу расширительного употребления слова «автор». В словарях и справочниках по культуре речи отмечается неуместность таких словосочетаний, как «автор рекорда, гола» и т.п. Однако в СМИ нередко можно встретить и «автора фирменных блюд», и «автора сортов яблонь». Некоторые языковеды готовы признать нормативность таких словосочетаний, так как совершенно естественно стремление заменить описательное выражение «тот, кто совершает действие» однословным наименованием. Его отсутствие приводит к тому, что берется несозвучное слово из другой сферы общественной жизни.

Заметим, что наша речь, как и одежда, подвержена влиянию преходящей моды. Так, например, в настоящее время «модными» являются слова «эпицентр» и «плеяда». Видимо, не все знают, что «эпицентр» означает поверхность земли, расположенную над или под очагом землетрясения или взрыва. Ясно, что даже в переносном смысле слово «эпицентр» не теряет связи с понятием о разрушении. Но в СМИ это слово зачастую используют иначе: «эпицентр столицы», «эпицентр борьбы за мяч», «эпицентр праздника» и т.п.

Слово «плеяда» восходит к греческой мифологии. Плеядами называли семь дочерей титана Атланта, превращенных в звезды. Естественно, что это слово сохраняет историко-культурные ассоциации и поэтому ограничено в сочетаемости. Можно сказать: «плеяда ученых, поэтов, великих полководцев, выдающихся музыкантов» и т.п. Но нелогично применение слова «плеяда» к представителям будничных профессий (например, «плеяда кулинаров, баскетболистов, ткачих»). И уж совсем недопустимо употребление этого слова по отношению к тем, чье поведение вызывает негативную оценку («плеяда экстремистов», «плеяда боевиков»), либо применительно к неодушевленным предметам («плеяда тракторов», «плеяда ракет» и т.п.).

Таким образом, нормализация словоупотребления представляет собой задачу особой трудности. В океане слов совмещается новое и старое, переплетаются элементы разных стилей и жанров, удачные новообразования сосуществуют с модным словесным мусором. И, конечно, лучшими путеводителями для преподавателей служат современные словари: толковые, фразеологические, синонимические, словари паронимов, словари трудностей и другие справочники нормативного характера.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК БАЗИСНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КРЕДИТНО-МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Кулиш С.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
e.grechina@donnu.ru

Современное образование ориентировано на усиление значимости самостоятельной работы студентов (СРС) и изменение её роли в учебном процессе. Доминирующие позиции СРС определяются положениями о Высшей школе, в соответствии с которыми самостоятельная работа выступает инвариантом двух главных составляющих (деятельностей): для преподавателя – это средство организации учебной деятельности в новых педагогических условиях, а для студента – это объект самостоятельной учебной деятельности. Отметим, что при переходе на кредитно-модульное обучение значительно возрастает количество часов, отводимых на СРС, так как существенным отличием самостоятельной работы от других традиционных видов учебной деятельности является её направленность на формирование «методов обучения» в соответствии с личностными особенностями и потребностями обучающихся.

Определим СР как вид учебной деятельности в условиях систематического уменьшения прямого сотрудничества с преподавателем через его косвенное воздействие к выработке алгоритма продуктивной деятельности студента. При таком подходе обязательен учет общедидактических положений организации самостоятельной работы: **выделение** профессионально значимых умений и навыков; **создание** оптимальных условий; **обеспечение** преемственности и поэтапности; **следование** индивидуально-дифференцированному принципу обучения; **определение** рациональных форм контроля.

В системе занятий по русскому языку и культуре речи СРС занимает особое место. Это связано прежде всего с тем, что общение всегда требует от участников коммуникации достаточно зрелой языковой самостоятельности. Достигнутая учебная самостоятельность позволит студенту «самому управлять процессом собственного образования», контролировать и оценивать уровень своей языковой компетенции, «осознавать личностную ответственность за принятые решения и результаты обучения» [1. с. 26]. Следует отметить, что организация самостоятельной учебной деятельности современного студента имеет свою специфику на каждом этапе обучения: в бакалавриате и в магистратуре. Традиционно считается, что к самостоятельным учебным действиям студенты должны быть подготовлены еще в школе. В этот период

формируются общеучебные умения СР, в то время как на основном этапе (бакалавриат) развиваются уже специфические навыки выполнения любого вида самостоятельной работы, на завершающем же (магистратура) формируются собственно познавательные интересы и потребности студентов в самостоятельном творческом решении учебных задач. Как правило, на этом этапе студенты могут работать без специальных инструкций пооперационного выполнения заданий.

Проведенный нами педагогический мониторинг общей готовности студента-первокурсника к самостоятельной учебной деятельности показал низкий уровень сформированности общеучебных навыков и умений и почти полное отсутствие навыков организации своей СР, полученных на начальном (школа) этапе. Поэтому наиболее сложный и психологически труднопреодолимой самостоятельная работа является именно для первокурсников, так как самостоятельно должны работать учащиеся, проходящие еще и процесс психологической, дидактической и коммуникативной адаптации.

Особое место в рабочей программе учебной дисциплины «Русский язык и культура речи» отводится именно разделу СРС. В соответствии с нормативами, объем учебного времени, отводимого на самостоятельную работу, увеличивается от курса к курсу. Уточним, что самостоятельная работа будет наиболее эффективной при следующих обязательных условиях:

- 1) последовательном педагогическом руководстве;
- 2) наличии специальных учебно-методических материалов;
- 3) целенаправленном контроле со стороны преподавателя.

Причем характер педагогического руководства может быть опосредованным и меняться от сотрудничества и управления к формированию «технологии» самостоятельного обучения и подготовке «алгоритмов управления» СРС.

Список литературы

1. Гурвич П.Б. О четырёх общеметодических принципах организации обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 1. – С.24–28.
2. Соловова Е.Н. Автономия учащихся как основа развития современного непрерывного образования личности // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 3. – С. 41-44.

К ВОПРОСУ О ВАЛЕНТНОСТИ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ В СТРУКТУРЕ СЛОГА РУССКОГО ЯЗЫКА

Сторчак Л.В., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
e.grechina@donnu.ru

1. Исходным в данной работе послужило предположение о том, что слог представляет собой единицу квантования фонемного потока на определенные фонемные группы, в пределах которых действуют строгие закономерности в отношении сочетаний фонем друг с другом. В рамках данного подхода слог рассматривается как элементарная модель, лежащая в основе любой группировки фонем в речевой цепи.

2. Типы слогов и формулы их строения, характерные для данного языка, являются постоянными и устойчивыми единицами его фонетической системы. Вариативная черта слоговых структур – их фонемный состав. Согласные, участвующие в образовании начала и конца слога, обладают различной способностью иметь перед собой или после себя другие согласные. Эта способность называется валентностью. Её можно и нужно выразить в числах.

3. В данной работе определяется валентность согласных, образующих начало слогов ССУ, СССУ, ССССУ (где С – консонант, У – вокал). В двухконсонантном сочетании наибольшую валентность имеют фонемы (в) и /с/, наименьшую – /ц/ и /ф/. чаще всего начинает слог с двухконсонантным сочетанием фонема /с/, так как у неё наибольшая валентность справа. В начале трёхконсонантного слога наибольшей валентность обладают те же фонемы, что и в двухконсонантном сочетании, только функциональная нагрузка их в последнем случае намного выше. Сочетаемость возможностей согласных в четырёхконсонантном сочетании (ССССУ) еще более ограничена по сравнению со слогом СССУ. Поэтому здесь насчитывается 38 нереализованных возможных сочетаний и многие фонемы имеют нулевую валентность.

4. Конец слога представлен моделями УСС и УССС. В конце слога – УСС наибольшей способностью к сочетаемости обладают фонемы /р/ и /н/, наименьшей – /ж/ и /б/. чаще всего заканчивает слог – УСС фонема /т/, так как она имеет наибольшую валентность слева. В слоге – УССС валентность фонем невелика, так как их сочетаемость возможности ограничены. Наибольшую валентность имеет фонема /т/, наименьшую – /в/. 9 фонем имеют нулевую валентность.

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ НОРМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ИНТЕНСИФИКАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ

Сторчак Л.В., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
e.grechina@donnu.ru

Правильная русская речь является необходимым условием студентов, обучающихся в университете. Многочисленные ошибки обусловлены объективными причинами: трудными для запоминания орфоэпическими правилами или их отсутствием, вариативностью орфоэпических норм, недостаточной разработанностью общей теории нормы, вопросов соотношения нормы и системы языка, нормы и вариантов. Для успешного овладения нормами произношения и ударения предлагается следующий порядок работы:

1. Теоретическая преамбула. Она строится по следующему плану:

- Орфоэпия: определение, предмет орфоэпии. Звуковая организация речи. Краткие сведения о фонетике, интонологии, акцентологии, логопедии.

- Произносительные и акцентологические нормы, их вариативность.

- Отклонения от литературного произношения, их причины.

Примеры просторечного, диалектного, профессионального произношения.

- Фонетический портрет. Произношение говорящего и его социолингвистическая характеристика.

- Стили произношения: нейтральный, разговорный, высокий.

- Словари нормативного произношения. Краткая характеристика.

Принципы построения. Примеры.

При знакомстве студентов со специальными словарями и справочниками обязательно обращается внимание на существование различных, иногда взаимоисключающих рекомендаций, касающихся произношения или постановки ударения в ряде слов.

2. После теоретической преамбулы студенты выполняют практические задания. По нормам произношения предлагаются, например, следующие виды заданий:

а) вместо точек поставьте буквы Е или Ё: аф...ра, оп...ка, ист...кий срок, ман...вры, деловая см...тка, быти... и сознание, новорожд...нный.

б) прочитайте аббревиатуры: ФРГ, СНГ, США, ФБР и т.д.

в) прочитайте заимствованные слова, произнося твердые или мягкие согласные перед буквой Е: шинель, компьютер, прогресс, одеколон, тезис, термин, неологизм, неофашизм, тире и т.д.

г) прочитайте слова, начинающиеся с буквы Я: январь, Япония, язык, явление и т.д.

В небольшом теоретическом вступлении, посвященном природе русского ударения и акцентологическим нормам русского языка, обращается внимание на объективную сложность нормативной системы русского ударения, на тот факт, что исследователи насчитывают около пяти тысяч общеупотребительных слов, в которых зафиксированы колебания в ударении, на чрезвычайную сложность проблемы оценки акцентных вариантов. Поэтому обучению акцентологическим нормам русского языка уделяется много времени.

Затем даются задания на определение места ударения в словах:

а) прочитайте заимствованные слова, объясните постановку ударений: маркетинг, каталог, квартал, диспансер, эксперт, арбуз, жалюзи, верба и т.д.

б) прочитайте омографы, объясните их значения: языковая – языковая, отзыв – отзыв, броня – броня, замок – замок, мука – мука и т.д.

в) прочитайте глаголы, оканчивающиеся на –ировать с правильным ударением: делегировать, блокировать, премировать, нормировать и т.д.

г) прочитайте глаголы в форме прошедшего времени: задал – задала – задали, клал – клала – клали, принял – приняла – приняли и т.д.

д) прочитайте краткие страдательные причастия с правильным ударением: роздан – роздана – розданы, созван – созвана – созваны и т.д.

е) прочитайте глаголы, образованные от прилагательных, с правильным ударением: углубить, облегчить, подбодрить, упрочить и т.д.

ж) прочитайте отглагольные существительные с правильным ударением: обеспечение, намерение, премировать и т.д.

з) прочитайте действительные причастия прошедшего времени с правильным ударением: занявший, прибывший, начавший, умерший и т.д.

Здесь приведено лишь несколько заданий для проверки норм орфоэпии. На практических занятиях студентам предлагается читать по ролям диалоги, например, «Телефонный разговор», рекламные объявления, новости экономики и политики.

Прочитайте «Рекламные объявления», обращая внимание на правильное произношение подчеркнутых слов: Делайте бизнес с нами! Наши товары конкурентоспособны! Разнообразие услуг фирмы приятно удивит занятых людей!

Таким образом, работая активно на занятиях, студенты и в повседневной жизни будут стремиться к дальнейшему совершенствованию своей произносительной культуры.

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТОВ «ПРАВДА» И «ИСТИНА» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРАХ

Суслова И. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
irina.al.su@mail.ru

1. Концепт «Правда» и «Истина». В русской концептосфере концепты «правда» и «истина» находятся в едином семантическом поле. Они образуют некий концептуальный тандем. В значении «истина» условно употребляется также слово «правда», хотя этот термин обусловлен субъективным восприятием самой правды, антонимами которого служат понятия *кривда*, ложь и вымысел.

Кроме того, на различии «правды» (лат. *iustitia*, ср. серб. *Правда* — правосудие) и «истины» (лат. *veritas*) настаивает славянский перевод 84 (85 в масоретской традиции) псалма: «*Истина возникнет из земли, и правда приникнет с небес*» 84:12.

Очень часто концепт «правда» заменяет концепт «истина», однако использование концепта «правда» в большей степени свойственно разговорному дискурсу, в то время как концепт «истина» может использоваться в юридическом дискурсе. Более того, под «правдой» подразумеваются индивидуальные представления человека об истине, речь может идти о «нескольких правдах».

Некоторые сторонники классической концепции трактовали истину более возвышенно, но также и более неопределённо. Они понимали истину как свойство субъекта, совпадающее с его согласием с собой, комплексом априорных форм чувственности и мышления [И. Кант] или даже в виде вечного, вневременного, неизменного и безусловного свойства идеальных объектов [Платон, Августин].

Значение слова «правда» по словарю Даля: «Правда истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость. Творите суд и правду. Стоят за правду. Нет правды на свете суда по правде. Небеса, возвещают правду Его, Псалтирь.. Истина от земли воссия, и правда с небесе прииче».

Однако существует нетождественность понятий «правда» и «истина». Некоторым образом различаются их коннотационные поля. Так возникают смыслы, основанные на взаимообыгрывании, взаимопротивопоставлении правды и истины в русской концептосфере.

2. Анализируя английский языковой материал, можно прийти к выводу о том, что существует огромное разнообразие способов выражения концепта «истина» в английской концептосфере. Значение истины

актуализируется как в сфере имён, так и в сфере предикатов. Однако основным материалом для изучения являются, главным образом, имена существительные и прилагательные. Преобладающая роль существительных в структуре ядра лексикона определяется той ролью, которую они играют в формировании речемыслительной деятельности в онтогенезе. Тот факт, что существительные "непосредственно соотнесены с реальными предметами и явлениями, ... когнитивно-ориентированы" [Леонтьев, 1976:53], способствует не только их усвоению, но и лёгкости извлечения из памяти. Необходимо ещё раз подчеркнуть, что в случае с истиной мы имеем дело с очень сложной семантикой. Строго говоря, невозможно учесть все бесконечные семантические вариации истины. Хотя круг лексических единиц, несущих исследуемое значение и выражающих соответствующий концепт, может быть более или менее чётко очерчен, практически невозможно учесть все оттенки значения и дополнительные семы, все смыслы, появляющиеся в результате употреблений тех или иных лексических единиц в речи.

Так, в ряде глагольных лексем значение истина / истинность выступает фактически в качестве семы при ведущей роли какого-либо другого компонента значения. Они реализуют семантику истины как специфическую, включая какой-либо дополнительный оттенок значения, например, обозначение действия по доказательству или проверке истины (to verify).

Лексическое значение глагола и глагольных сочетаний может выражать не только ситуацию, когда некоторое положение дел принимается как безоговорочно истинное: be true, be the case, conform to fact, square with the facts, etc или ситуацию, когда потребовались дополнительные свидетельства в пользу признания истинности некоторого положения det prove to be, prove out, hold true, hold good, hold up, pass current, bear out, corroborate, etc. Но и те случаи, когда говорящий выражает неуверенность в истинности: ring true, sound true, hold the ring of truth, etc. Большое количество глаголов содержат указание на способ явления истины — речевой: accept, acknowledge, admit, affirm, allege, allow, assert, assume, assure, attest, avow, blow sb s cover, certify, tell the truth, confirm, concede, confess, verify, etc. Рассматриваемые глаголы передают отношения в объективной действительности (тождество, соответствие) и общественные отношения (одобрение, согласие). Так как одобрение или согласие выражается в процессе коммуникации, то большинство глаголов являются речевыми, поскольку побуждают к действию собеседника в различных видах общения.

Кроме того, глаголы и глагольные сочетания, объективирующие концепт истины, можно разделить на две группы: 1) результативы с общим значением "становиться истинным", например: come true, come about, come to pass, etc; 2) каузативы с общим значением "делать что-либо истинным,

соответствующим действительности, требованиям, норме": true, make precise, put/set the record straight, give the whole show away, hit the nail on the head, hit it on the nose, right, etc.

Все глагольные лексемы находятся на периферии семантического пространства внешней истины.

Именем концепта чаще всего становится слово-термин — собственная форма языкового существования концепта, [Степанов, 2001: 79] которое передаёт содержание концепта наиболее полно и адекватно целям и условиям коммуникации. Анализ слова-имени концепта является базовым в описании экспликации концепта, так как в ходе него выявляются основные содержательные характеристики концепта, отражённые в сознании носителей языка. Показателями базовости лексем служат принадлежность лексем к исконной лексике английского языка, широкая семантическая структура, обширные синтагматические и парадигматические связи на уровне семантики, словообразования.

Список литературы

1. Леонтьев А. Н. Эволюция психики. / А. Н. Леонтьев. – М., 1999
2. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М., 1973.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976, 1985. – 400 с.
4. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология (монография) / Елена Александровна Селиванова. – Киев: Фитосоциоцентр, 2010. – 248 с.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – С. 40–76.
6. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

УДК 81'366.5:811.161.1:37.091.3

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГРАММАТИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Юдина Л.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
e.grechina@donnu.ru

Изучение грамматики русского языка имеет огромное практическое и образовательно-воспитательное значение. Практические и воспитательные цели и задачи обучения грамматике состоят в том, чтобы обеспечить студентам овладение грамматическим строем языка,

совершенствовать умение выражать свои мысли в устной и письменной формах, содействовать интеллектуальному формированию студентов.

Центральное место при обучении грамматике отводится морфологии и синтаксису. Обучение грамматике необходимо рассматривать как средство для овладения способами словоизменения, словообразования, овладения способами структурного оформления речи.

Научное изучение языка содействует мировоззренческому воспитанию студентов. Язык – очень сложное общественное явление, связанное со многими другими явлениями и процессами. Русский язык – один из самых богатых и выразительных языков мира. Богатство русского языка заключается в его грамматике, в ряде грамматических явлений, необходимых для построения предложений (формы выражения множественности существительных, прилагательных, глаголов; категории рода; падежной формы; суффиксальное богатство русского языка и т.д.).

Разнообразие грамматических форм предоставляет возможность выразить на русском языке тончайшие нюансы мыслей и чувств.

Культура речи студентов остается на низком уровне, о чём свидетельствуют разнообразные лексические, грамматические, стилистические ошибки. Студенты слабо ориентируются в вопросах, связанных с культурой речи, не замечают в речи ошибки в орфоэпических нормах, в произношении и употреблении слов, в построении предложений. Это говорит о низком уровне владения нормами литературного языка.

Овладение грамматическими нормами расширяет лингвистический кругозор студентов, способствует развитию логического мышления, усовершенствует их знания. Языковые знания одновременно являются источником и средством развития и воспитания.

Мировая и отечественная культура

УДК 080

ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ ПОЭТИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БЫТА

Агаркова А.А., канд. культурологии, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kf.cultur@donnu.ru

Не секрет, что проблематика культуры повседневности и быта, особенно в отечественных культурно-исторических реалиях, давно отвоевала себе заслуженное место в кругу актуальных гуманитарных научных исследований [1-7]. За последние годы повседневно-бытовая среда обитания человека, непосредственно связанная с областью его частной жизни, стала в равной степени перспективной и «модной» для всего гуманитарного «человековедения»: многолюдной армии социологов, культурологов, филологов, историков и пр. Однако данный срез жизни человека по-прежнему предоставляет обширный материал для многогранной научной интерпретации, что, в свою очередь, позволяет лучше осознавать логику (и парадоксальность) как ее собственного бытия, так и всего культурно-исторического процесса, в том числе – характер и последствия влияния на нее доминантных (на данном этапе) идей и мифоидеологем.

Цель настоящего исследования – рассмотрение мифопоэтических граней феноменологии быта в системе культуры и в контексте осуществляемых в течение последних двух столетий социально-исторических метаморфоз (и революционных переустройств) общественной жизни.

Не секрет, что быт (как самый малый жизненный круг своего Отечества) – единственный надежный фактор преодоления все более отчетливо проявляемой «*разукорененности*» человека. Своей сугубо «витальной» ценностной основой он призван естественным путем восстанавливать любые духовно-исторические искривления в развитии культуры, когда-либо возникавшие под прессом радикальных «прогрессивных идей». В пространстве культуры именно стихии быта в той или иной мере предназначено гармонизировать личностное, частное и коллективное, социальное.

В качестве одного из основных маркеров этнокультурной идентичности быт закрепляет языковую специфику, привычные и понятные морально-эстетические установки, доминантные в данной среде, предельно упрощает и «одомашнивает» круг традиционных

мифорелигиозных представлений. Именно бытовая матрица типизирует и закрепляет сословную архитектуру общественной жизни (всю сложившуюся мозаику *бытующих* социокультурных сред). При этом, внутри любого духовно-исторического пространства, так или иначе, взаимодействуют (а то и открыто конфликтуют) разномасштабные частно-бытовые жизненные практики, обеспечивая динамическое равновесие, противоречивую целостность («согласное несогласного») всего культурного целого, объединяемого лишь общими ментальными установками. Традиционный быт всегда противостоял опасной «гомогенизации» жизненного уклада.

Весь колоссальный массив мнений, вкусов и предпочтений, подвергаясь *о-своению* и обработке обыденным сознанием в пространстве бытовой («изнаночной») отечественной культуры отстраивает свои собственные образно-символические контексты: внутрисемейные, соседские, малые территориальные (двор, квартал, поселок), субкультурные и пр., оформляя живую *фоносферу быта*.

Особая мифопоэтика быта проявляется в постоянном перезапуске механизмов самовосстановления, когда вновь и вновь отстраивался свой собственный жизненный круг, малый миропорядок, в котором «*все личное*». Радикальные революционные переустройства в истории характеризуются решительным вторжением власти именно в сферу быта: как последний и самый неуступчивый жизненный бастион человека.

Космогонические революционные притязания на назревшую якобы историческую «встряску» всей прежней «жизненной реторты» существования, на упразднение всего «*косного и отсталого*», наконец, на создание «*нового человека*» неизменно сопровождалась намерением окончательно «расколдовать» и демистифицировать закрытое, заповедное лоно быта.

Всякая революционная «борьба с бытом» («воинствующее безбытничество») не случайна, поскольку имела дело с самым антиреволюционным сегментом культуры, существующим по своим внутренним законам и воссоздающим традиционную жизнеустроительную поэтику культурно-жизненного пространства.

У бытовой сферы образуется своя цикличность развития – свои периодические симптомы «вырождения», достижения *критического градуса банального* (пошлого), результатом чего оказывается появление в ней новых (преимущественно технократических) образно-стилевых черт.

Сложная амбивалентность бытовой жизненной среды проявляется как в его принципиальном традиционализме («как у всех», «не хуже других») и узнаваемости, так и неременной установке на глубоко личностное пространство.

Периодические смены «бытовой телесности» завершаются утверждением современной нам эпохи *индустрии культуры*

повседневности, проявляемой уже не только в вещно-предметном (потребительском) ракурсе, но и поведенческом, на уровне духовного бытия. Новая сословная иерархичность бытовой культуры, утрачивая прежнюю имманентную знаково-символическую составляющую, замещается искусственными, нарочито стилизованными эрзац-формами и элементами. В эпоху «посткультуры» вещно-предметный мир быта, долгий час оставаясь особым хранителем межпоколенческой семейно-родственной памяти, неподвластным времени знаком надежности и уюта, все более становится «сменным», технически функциональным, большей частью связываемым в массовом сознании с фактором престижности, статусности и «соответствия». Разрушение прежней и поиски новой культурной идентичности неизбежно влекут активную перестройку стилистики быта.

Прежние автохтонные ментально-бытовые устои сталкиваются с наднациональными, космополитическими представлениями и вкусами, «дочиста отмытыми» в постановочной, виртуальной среде современного потребительского общества. Сфера быта, лишаясь традиционных духовных скреп, утрачивает свою защитную и рекреативную роль.

Общий кризис культуры не мог не отразиться на этой важнейшей (по-своему «расчеловечиваемой») константе жизни человека, инициируя тем самым для исследователей все новый круг вопросов и ответов, проблем и решений.

Список литературы

1. Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни / С.Бойм. – М., 2002.
2. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и другие миры опыта / Е.В.Золотухина // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т.5, №3-4. – С.345-398.
3. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: (Голоса из хора) / Н.Н.Козлова. – М.: РАН, 1996. – 216 с.
4. Козырьков В.П. Освоение обыденного мира: социокультурный анализ. Монография / В.П.Козырьков. – Н.Новгород: Изд.ННГУ, 1999.
5. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии.1920-1930-е гг / Н.Б.Лебина. – СПб.: «Нева», 1999. – 320 с.
6. Марков Б.В. Культура повседневности / Б.В.Марков. – СПб, 2008.
7. Махлина С.Т. Семиотика культуры повседневности / С.Т.Махлина. – М.: Алетейя, 2009. – 232с.

АИДЗОМЕ В КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ

Бондаренко А.О.

Академия архитектуры и искусств ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
lika.gorbunova@mail.ru

Введение. Япония славится утонченной красотой. Разные виды ручных ремесел доведены мастерами до уровня высокого искусства. Если в русском языке слова «ремесло» и «искусство» понятия разные, то в Японии слово «ремесло» одновременно означает и «декоративно-прикладное искусство». Символическое значение цвета не отделяется от выразительного. Слияние и неразрывность символов есть характерная черта японской культуры.

Основная часть. Япония испытывала влияние древнего Китая, с его философией и языком цветowych символов. Китайские истоки прослеживаются во многих видах японского искусства, архитектурных ансамблях, чайной церемонии, в живописи тушью, поэзии, керамике, художественном текстиле. [2] Оттуда же в конце 7 в. н. э. Япония унаследовала растение аи (лат. *Persicaria tinctorium* Gross). Аи – близкий родственник гречихи, однолетнее травянистое растение высотой около 60 см. Из его листьев и почек изготавливали краситель для ткани- "японский индиго". Питательной средой для производства красителя стала река Ёсино, пересекающая страну с запада на восток и отделяющая нагорья Сикоку на юге от гор Асан на севере. В эпоху, когда разлив рек не контролировался, из-за тайфунов и проливных дождей Ёсино ежегодно выходила из берегов. Питательный ил, образывавшийся в процессе этих разливов, обеспечивал идеальные условия для культивирования аи. Территория, удобряемая рекой Ёсино, стала центром производства высококачественного "японского индиго".

Аидзومه попал в Японию в эпоху Хэйан (794-1185). В эпоху Сэнгоку (1467-1568), когда повсюду шли военные конфликты между феодальными правителями, спрос на *индиго* повысился. Воины предпочитали надевать под доспехи хлопчатобумажную ткань именно этого оттенка. Самураи ценили *аи* не только за эстетические качества, но и за ранозаживляющее, жаропонижающее и бактерицидное действие, отпугивающее насекомых.

На популярность синего цвета в Японии повлияли множество факторов. Один из них – административные меры. На протяжении трех веков (с начала XVII до XIX в.) феодальное правительство жестко поддерживало стабильность общественной системы, регламентировало покрой и цвет одежды, в зависимости от общественного положения,

возраста, пола и других факторов. Лицам высших сословий разрешалось носить одежду из шелка, а лиловый цвет был привилегией императора и знати. Другие слои населения носили одежду сдержанных цветов, к которым традиция относила и синий. Подобные меры имели и положительную сторону, ибо привели к созданию большого числа оттенков разрешенных цветов и развитию искусства узелкового батика. Одно из самых известных центров производства текстильных изделий Японии – деревня Аримацу в Нагое. Она основана в 16-м веке, территориально располагалась между Киото и Эдо (современный Токио). [4] Большая часть производимой ткани окрашивалась красителем айдзуме, который был доступен и подходит для окрашивания хлопчатобумажной ткани, из которой шили одежду (юката, летние кимоно), и текстильные изделия для подарков. [1] Широкое распространение получают предметы домашнего обихода, окрашенные аи (полотенца для рук, постельные принадлежности, узелки для переноски вещей, тканевые флажки-вывески). Кризис после Второй мировой войны привел к снижению спроса на изделия окрашенные натуральным красителем аи, искусственные красители были дешевле, но экономический бум 1960-х способствовал возвращению к традиционным кимоно и повышенный спрос на навыки ремесленников.

Цвета в восточных культурах не только несут эмоциональную нагрузку, но и наделены функциональной значимостью и конкретным содержанием. В Японии ценным качеством считалась способность различать большое количество оттенков [3]. Основным сырьем для получения красителей в этой стране были минералы и растения. Как следствие, при окрашивании они давали неяркий светлый цвет с сероватым оттенком. Данное обстоятельство повлияло на цветовое восприятие японцев. Они были способны различать более тонкие нюансы цвета, чем европейцы, добивались сложных сочетаний, в которых каждый оттенок подчеркивал другой.

Традиционная японская колористика объединяет все оттенки индиго в семейство, положение в котором ранжируется по его глубине: от мягкого, зеленовато-голубого "камэнодзоки" к сине-зеленому "асаги", к слегка отливающему сталью "ханада", наконец к глубокому темно-синему "аи катио". При каждом погружении в краситель ткань приобретала все более темный оттенок индиго. Как только ткань приобретала требуемый оттенок, процесс окрашивания завершался.

Заключение. В наше время Японское правительство поощряет сохранение традиционных искусств и ремесел посредством субсидий «Наследникам значимых нематериальных культурных ценностей», которые также часто именуются «живые национальные сокровища». Эти мастера традиционного искусства руководят тысячами других штатных ремесленников. Примерно 100 «живых национальных сокровищ» были выбраны в области текстильного искусства.

Список литературы

1. Вещь в японской культуре / Сост. Н.Г. Анарина, Е-М.Дьяко-В40 нова. — М.: Вост. лит, 2003. — 62 с.
2. Виноградова Н. А. Сто лет искусства Китая и Японии / Н. А. Виноградова; Рос. акад. художеств. Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобразительных искусств. — М.: НИИ теории и истории изобразительных искусств Рос. акад. Художеств, 1999. — 522 с.
3. Воробьев М.В. Япония в III-VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М., 1990.-305с. Вещь в японской культуре. Сб.ст. М., 2003.
4. ITAGAKI Jumpei. UNDERSTANDING AND FINDING THE MULTIUTILIZATION OF THE TEXTILE AT THE FIELD; CASE STUDY OF THE WHITE CLOTH IN ETHIOPIA, EASTERN ETHIOPIA// 12th International Shibori Symposium 2017, pp. 22

УДК 080

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

Вертикова А.В., Каика Н. Е., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
natalyakaika@mail.ru

Введение. В течение определенного периода коммерческая реклама, функционирующая в российском рекламном пространстве, преимущественно основывалась на гедонистической философии. Однако в последнее время коммерческая реклама, кроме своих прямых функций, нацелена и на реализацию определенной культурной миссии [1, с. 49].

Взаимодействуя с массовым сознанием, современная российская реклама, с одной стороны, отражает духовное состояние общества, а с другой стороны, формирует национальное сознание масс, задает векторы национально-культурного развития. В данном контексте представляется актуальным анализ функций, форм, методов репрезентации национально-культурной специфики современной коммерческой рекламы в российском медиaprостранстве.

Цель исследования – проанализировать социокультурные особенности современной коммерческой рекламы, функционирующей в российском медиaprостранстве.

Основная часть. Реклама, функционирующая в российском медийном пространстве, имеет большой арсенал коммуникативных инструментов, направленных на формирование национального сознания масс. Кроме своих экономических, маркетинговых задач, рекламное обращение может вербально и/или визуально репрезентировать национально-культурные ценности, традиции, обычаи и др., значимые для русского народа.

Так, например, в рекламном ролике ТМ «Добрый» подчеркивается готовность русского человека всегда прийти на помощь: на выставке картин, функционирующей под открытым небом, начинается дождь, и посетители один за другим начинают защищать картины зонтиками.

В рекламе шоколада «Россия – щедрая душа» дедушка угощает внука сладостями, а через некоторое время внук тратит свои сбережения на шоколадку для дедушки, чтобы отплатить добром за добро. Этот простой жест демонстрирует многое: семейные ценности, почитание старших, моральный закон платить добром за добро.

Тема обычаев особенно ярко представлена в рекламе сметаны ТМ «Домик в деревне». Концепт строится на том, что без сметаны масленица не наступит, и поэтому, когда бабушка едет в город в лошадиной упряжке и везет с собой сметану, жители, словно по команде, переодеваются в национальные костюмы, начинаются веселые пляски, появляются атрибуты празднования масленицы. Заканчивается видео традиционным ритуалом – проглатыванием блина, который символизирует солнце.

Национально-культурная специфика рекламы выражается и в апелляции к народному фольклору, литературе, музыке и др. Так, авторы ролика ТМ «Майский» удачно использовали отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и проиллюстрировали обращение образом писателя.

Сказочные герои появляются в рекламе сотовой связи «Билайн», где развеселить царевну Несмеяну сумели только «смешные цены». Три богатыря в ролике ТМ «Ролтон» перемещаются из сказки в современный супермаркет и помогают определиться с выбором товара. В рекламе ТМ «Аленка» маленькая девочка дает Змею-Горынычу сладкое угощение, что утоляет его голод и делает его добрее.

Использование в рекламных обращениях элементов русской культуры также способствует формированию у потребителей эстетических вкусов и представлений. К примеру, в рекламе кваса «Русский дар» видим обычных деревенских жителей, которые хорошо трудятся и хорошо отдыхают. Яркое солнце, радостные дети, веселые хороводы – всё это приносит удовольствие и греет душу. При этом камера демонстрирует изделия одного из традиционных видов русского декоративно-прикладного искусства – резьбы по дереву. Прекрасную визуализацию народного быта дополняет композиция «Улетай на крыльях ветра» из оперы «Князь Игорь», что формирует у зрителя соответствующее эстетическое восприятие рекламы.

Заключение. Современная коммерческая реклама, функционирующая в российском рекламном пространстве, характеризуется положительной тенденцией к созданию качественного продукта, который, кроме своих прямых функций, актуализирует национально-культурные ценности, традиции, обычаи, ментальность народа и т.д. и способствует формированию новой отечественной философии рекламы.

Список литературы

1. Каика Н. Е. Национально-культурная специфика рекламы / Н. Е. Каика // Материалы международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью 16-18 мая 2019 г. Часть II / Под общей ред. проф. В.В. Тулупова. – Воронеж, 2019. – 118 с. – С. 49-51.

УДК 008

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА»

Гулякина С.И., Минат В.Н., канд. геогр. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет
имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ
minat.valera@yandex.ru

Введение. О происхождении термина «культура» говорится во всех учебниках и методических пособиях по культурологии. Но в освещении данной проблемы допускается большая путаница. Не учитывается тот факт, что становление любого, особенно научного, понятия является сложным процессом и имеет свою историю. Этот процесс осуществляется в соответствии с законом восхождения от абстрактного к конкретному. Изначально слово «культура» функционировало в форме *термина*, обозначавшего, если перевести с латинского языка (*culfiia*), «возделывание, обработка земли», что обнаруживает его связь с производительным трудом, с чувственно-предметной жизнедеятельностью человека.

Основная часть. Мы оперируем термином «культура», но чаще всего говорим, что это есть понятие, не видя, что в том же самом отношении оно является словом. А существуют ли различия в этих формах выражения? Даже маститые теоретики испытывают трудности в определении различий между словом и термином, термином в форме представления и термином в форме понятия. А это важная проблема, которая должна решаться еще на уровне школьного образования. Но незнание этих различий при рассмотрении тех или иных вопросов часто приводит к путанице. Слово есть единица, «клеточка» речи (языка), представляет собой единство материального и идеального, звука и значения. Звук – материальная «оболочка» мысли в слове. Термин – это то же самое, что и слово. Но термины бывают простые и сложные. Простые состоят из одного слова, сложные – из двух или нескольких слов. Говоря о культуре, мы здесь оперируем термином, состоящим из одного слова. Но, ведя речь, например, о материальной культуре, мы используем один сложный термин, состоящий из двух слов [1].

Могут быть термины научные и термины обыденной речи. Оперирование научными терминами должно осуществляться не на уровне представлений, т.е. в форме мысли, обладающей узким, бедным содержанием, а на уровне понятий (понимание сути дела). Путаница в этих внешне банальных формах выражения мысли часто порождает в теории бессмыслицу, софистику и схоластику, которые являются извращенными формами рассудка.

В античности отсутствовал термин «культура». Поэтому речь о понимании древними греками смысла термина «культура» является подменой предмета исследования. Вместо освещения становления категории «культура» некоторые исследователи пишут о многих содержательных аспектах культуры Древней Греции. Эта же путаница присутствует при рассмотрении культуры средневековья. Реальные, объективно существующие вещи, с одной стороны, и формы их выражения и закрепления в мышлении людей – с другой – это принципиально различные проблемы, порождающие противоречия и даже путаницу.

В европейских языках (немецком, английском и французском) слово «культура» поначалу являлось сельскохозяйственным термином и означало обработку, культивирование земли. Это понимание существовало вплоть до второй половины XVIII в. В философской и прочей литературе это слово употреблялось скорее в переносном значении, по аналогии с другими словами, т.е. как метафора терминов «образованность», «просвещенность», «воспитанность» и т.п. Но наступает период, когда термин «культура» становится предметом внимания ряда наук. Он вводится в научный обиход, что требует более точного, глубокого понимания его смысла. Говоря иначе, термин «культура» постепенно превращается в научное понятие. Делаются первые попытки дать теоретическое определение этому феномену [1].

Признано считать, что одно из первых определений термина «культура» осуществил в 1684 г. немецкий философ Пуффендорф. Он писал, что «культура – это нечто созданное общественным человеком, существующее благодаря ему и противопоставляемое природе как естественной целостности». Разумеется, эта дефиниция весьма абстрактна. Она позволяет включать в культуру явления антикультуры. Но парадокс этой дефиниции проявился не в том, что она умозрительна, а в том, что этой дефиницией оперируют в качестве истинного суждения в современных изысканиях по теории культуры. В последующем в научной литературе этим термином пользовался немецкий просветитель И.К.Адслунг, выпустивший в 1782 г. книгу «Опыт истории культуры человеческого рода». А спустя два года вышел в свет первый том книги немецкого философа И.Г.Гердсера (1744 – 1803) «Идеи философии и истории человечества», где слово «culture» уже перестает служить метафорой, а наполняется более глубоким теоретическим содержанием. Гердсер пишет о многообразии национальных культур, их уникальности .

В России слово «культура» впервые зафиксировано в «карманном словаре иностранных слов» Н.Кириллова (1845). Но широкого распространения это слово в середине XIX в. не получило. Вместо него употреблялись близкие по смыслу выражения: «образованность», «просвещение», «воспитанность». Только в 60-е гг. XIX в., как отмечает культуролог А.И.Кравченко, термин «культура» вошел в русские словари, а в 80-е гг. утвердился в научной и художественной литературе. Как пишет А.Кравченко, в содержание науки понятие культуры входило очень медленно. Собственно, только в XX в. этот термин приобретает различные смысловые оттенки и значения. Говоря иначе, термин «культура» из абстрактного, «бедного» содержанием представления превращается в *научное понятие* [3]. В понятие, которым часто оперируют не только в научной, но и в художественной литературе, а также в обыденной речи.

В Средние века оперируют термином «культура» в первоначальном, исходном его содержании. Больше всего идет речь о духовности человека, которая отождествляется с приобщением человека к Богу, с уровнем восприятия Священного писания [2]. Эта же тенденция проявляется и в эпоху Возрождения. Чаще всего говорят и пишут о воспитанности и образованности человека. Эти категории понимаются прежде всего как формы духовного раскрепощения индивида. В широкий оборот вводится термин «humanitas». Идея гуманизма явилась реакцией на средневековый догматизм и стремлением сосредоточить вопросы веры не на церковных догматах, а на постижении истины.

Заключение. Итак, показанные выше изменения миропонимания происходили на основе приобщения, осмысления, возрождения античных духовных ценностей, которые подготовили богатую почву для введения в научный оборот более широкого и емкого понятия, каким явился термин «культура». Он был превращен в научную форму мысли (категорию). Термин «культура» из обыденного представления постепенно превращается в понятие, т.е. форму мысли с более богатым содержанием. Это был по времени длительный процесс. Первые шаги такого превращения совершили мыслители, главным образом философы, эпохи Нового времени.

Список литературы

1. Белоконев, Г.П. Пороки образованщины / Г.П. Белоконев. – Ростов н/Д: Новая книга, 2008. – 336 с.
2. Минат, В.Н. О некоторых факторах, определивших географию древних городов Рязанского края / В.Н. Минат // в сб.: Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: Труды Рязанского ин-та управления и права. – М. – Рязань, 1998. – С. 23-26.
3. Kostrova, Y. Foreign experience in the use of electronic technologies in electoral processes and possibilities of its application in Russia / Y. Kostrova, V. Minat // Выборы: теория и практика. – 2015. – № 2 (34). – С. 44-53.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КУЛЬТУРЫ В XX ВЕКЕ: АНАЛИЗ И КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Гулякина С.И., Минат В.Н., канд. геогр. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет
имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ
minat.valera@yandex.ru

Введение. Двадцатый век в понимании культуры характеризуется масштабным развитием как классических, рационалистических, так и неклассических подходов. В теориях XX в. понимание культуры складывалось как осознание ее глубокого кризиса, идеи невозможности гармонии человека и природы. Происходил отказ от поиска рациональных оснований этой гармонии. Кризис культуры осознается как распад ее внутреннего единства. Для теории этого периода особо важной оказалась проблема поиска «подлинного» человеческого бытия и сосредоточенность мысли на символах предметов культуры.

Основная часть. Рационализм был представлен двумя основными течениями: *марксизмом*, превратившимся в XX в. в мощное идеологическое движение, и философией *Макса Вебера* (1864–1920). На основе разработанного М. Вебером понятия социального действия возникло системно-функциональное направление в социологии и культурологии. Неклассические ориентации в современных культурологических теориях рассматриваются как антитеза (противоположение) рационалистической теории мира и панлогическому (*pan* – все, *logos* – разум) пониманию бытия, характерному для классической философии.

Символические свойства культуры выявлены в работе Эрнста Кассирера (1874-1945) «Философия символических форм». Культура, по его мнению, характеризуется многообразием символических форм. Именно символическое значение окружающих человека вещей и символика действий представляют мир культуры, т.е. единичный предмет передаст символику всего класса явлений, выступает его представителем, тем самым определяя отношение человека к миру. Однако этот подход не раскрывает подлинной сути культуры. Хотя система символов и знаков занимает важное место в системе ценностей культуры, она не является ее основным содержанием [1].

Освальд Шпенглер (1880-1936) в работе «Закат Европы» первым на Западе выступил против классической историографии и линейной концепции истории, а стало быть, и всей культуры. По его мнению, над морем первобытных культур удалось подняться лишь восьми культурам

высшего типа. К ним он отнес египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, майяскую (культуру индейцев племени майя), аполлоническую (греко-римскую), магическую (византийско-арабскую) и фаустовскую (западноевропейскую) [1].

Особый интерес вызывает культурно-историческая концепция Карла Ясперса (1883-1969) – своеобразный опыт синтеза предшествующих теорий. Ориентируясь на идею общечеловеческой культуры, сохранив историзм и идею развития линейных схем, отдавая приоритет духовности в понимании сущности культуры, К. Ясперс тем самым существенно обогатил представление об исторических типах культуры. Это связано с переосмыслением гегелевского понятия «оси» мировой истории. Общий контур истории культуры задан у Ясперса «истоками» и «целью» человеческого существования (они неясны и неопределенны). Он выделяет этапы истории: первобытная доистория, «прометеевская эпоха» и настоящее, расширенное до эпохи Нового времени состояние человечества (с его наукой и техникой, превращением истории в мировую, но и с «разбожествлением мира») [2].

Особую концепцию культуры излагает «русский американец» П.А. Сорокин (1889-1968). Он был социологом, причем видным социологом. П.А.Сорокин, выступая против марксизма, разработал теорию социальной стратификации (социальной структуры общества) и социальной мобильности (обновления общества). Основные идеи П.Сорокина о культуре состоят в следующем. В отличие от органических феноменов, имеющих два компонента – физический и жизненный, – явления культуры имеют нематериальный, духовный компонент. Значимые нематериальные ценности и нормы образуют связь, позволяющую назвать ее социальной. Вещи, ставшие воплощением значений, ценностей и норм, претерпевают трансформацию: одни из них становятся духовными (магическими) символами, другие – материальными (здания, машины, предметы обихода и т.п.) [3].

Особым культурологическим значением обладают также работы известного психоаналитика З. Фрейда (1856-1939), швейцарского философа и психиатра К. Юнга (1875-1961), немецкого психолога К. Хорни (1875-1952), американца Э. Фромма (1910-1980).

Не менее интересны и богаты по смыслу идеи о культуре русского философа Н.А.Бердяева (1874-1949). Его духовное наследие еще не осмыслено в необходимой мере. А творчество Н. Бердяева больше всего посвящено вопросам интеллектуальной, духовной деятельности человечества, созидающего мир культуры. Он пишет о кризисе интеллигенции как главного субъекта культуры, подвергает критике буржуазную культуру за ее пренебрежение к простому человеку и упрекает марксизм, который идеей классовой борьбы «заслонил» внутренний духовный мир личности. Идеал культуры в понимании

Н. Бердяева – в свободе духа человека, в постоянном творчестве и объективации творений духа в ценностях культуры.

Следует упомянуть и о теоретиках советской эпохи; в то время сформировалась своя, весьма оригинальная школа культурологов. Среди них, пожалуй, на первое место можно поставить Э.В. Ильенкова (1924-1979), за ним – М. Мамардашвили (1918-1987), А.Ф. Лосева (1893-1974), Ю.А. Жданова (1914-2007). Д.С. Лихачева (1906-1994), А.М. Минасяна (1913-1992) и др. Каждый из них разрабатывал определенные проблемы истории, теории и логики развития культуры. В этом аспекте особо следует выделить работы Ю.Жданова. Он, можно сказать, является первым мыслителем, который с позиций теории освещает вопрос об антикультуре, в частности вскрывает демоническую силу невежества.

Из всего сказанного о теориях культуры XX в. вытекает ряд выводов. Разработка научных идей и концепций культуры проходила в острой борьбе двух школ, двух направлений: *марксистской и либерально-буржуазной теоретической мысли*. Несмотря на наличие единого предмета исследования, каждая школа стремилась дать свое собственное, якобы подлинно научное понимание проблем культуры.

Заключение. Естественно, по многим аспектам были высказаны тождественные друг другу мнения и точки зрения. Различие возникало там, где в исследованиях исходили из противоположных политических и методологических позиций. И та школа, которая выступала с диалектических позиций, добилась более серьезных результатов. Важнейшим пороком всех этих школ и направлений является тот факт, что абсолютное большинство теоретиков не стремились рассматривать культуру, ее нормы и ценности в соотношении с ее отрицанием, ее противоположностью – феноменами антикультуры. Даже исследователи, стоявшие на позициях марксизма, абстрагировались от этого принципиального факта. Этот порок сохраняется.

И все же важнейшим достижением XX в. является то обстоятельство, что культурология приобретает самостоятельный статус.

Список литературы

1. Белоконев, Г.П. Пороки образованщины / Г.П. Белоконев. – Ростов н/Д: Новая книга, 2008. – 336 с.
2. Соколов, А.С. Культурная парадигма как базовая ценность духовно-нравственного развития / А.С. Соколов, В.Н. Минат // в сб.: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Междунар. науч. конференции / Под общ. ред. С.В. Беспаловой. 2018. – С. 278-280.
3. Kostrova, Y. Foreign experience in the use of electronic technologies in electoral processes and possibilities of its application in Russia / Y. Kostrova, V. Minat // Выборы: теория и практика. – 2015. – № 2 (34). – С. 44-53.

ЭКФРАСИС В ПОЭЗИИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Ерохина А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

alexierokhina@gmail.com

Введение. М.А. Волошин – поэт, переводчик, литературный критик, художник, искусствовед – был одним из образованнейших людей своего времени. Его поэзия глубоко и содержательно проникает в самые разные темы: историю, мифологию, теософию, философию. Особое место в литературно-художественном творчестве М.А. Волошина занимает тема изобразительного искусства.

Цель исследования – рассмотреть стихотворения М.А. Волошина, которые являются прямыми развёрнутыми репрезентациями произведений изобразительного искусства.

Основная часть. История понятия “экфрасис” восходит к античности. Так назывались упражнения риторов, заключающиеся в словесных описаниях явлений природы, произведений живописи и скульптуры, устройства храма, празднества, кораблекрушения и т. п. Эти упражнения были направлены на развитие умений с максимальным правдоподобием воссоздавать действительность средствами слова. Постепенно область экфрасического описания сужается до произведений изобразительного искусства, а сам экфрасис начинает осознаваться как самоценное явление и выделяется в литературный жанр. Впервые это произошло в «Картинах» Филострата Старшего (II–III в. н.э.). Знаменитый трактат состоит из описаний живописных полотен, якобы увиденных античным писателем в картинной галерее своего друга.

По определению Н.В. Брагинской, экфрасис – это «<...> описания произведений искусства; описания, включенные в какой-либо жанр, т. е. выступающие как тип текста, и описания, имеющие самостоятельный характер и представляющие собою некий художественный жанр» [1, с. 264].

Подробную и систематизированную классификацию экфрасиса предприняла Е.В. Яценко в работе «“Любите живопись, поэты...”. Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель» [5]. В зависимости от объекта описания, исследователь различает экфрасисы прямые (автор открыто указывает, что описывает картину, скульптуру, архитектурное сооружение, фотографию и т. п. визуальные объекты) и косвенные (описание пейзажа, персонажа, других элементов художественного мира литературного произведения создается с привлечением мотивов визуального произведения (артефакта), но автор

делает это завуалированно, лишь намекая на цитирование какого-либо визуального источника, или открыто, проводя сравнение с визуальным образом) [5]. По объему экфрасисы могут быть полными (развернутая репрезентация визуального артефакта), свернутыми (описание укладывается в одно-два предложения) и нулевыми (существует лишь указание на отнесенность реалий словесного текста к тем или иным художественно-изобразительным явлениям) [5].

Прежде чем перейти к рассмотрению экфрасиса в поэзии М.А. Волошина, следует сказать о том, что для его творчества был характерен синкретизм, который заключался в соединении образа поэтического и образа визуального. Примером тому – акварели М.А. Волошина, которые автор подписывал поэтическими строками. В собрании сочинений поэта представлено 230 таких текстов.

В произведениях М.А. Волошина содержится немало упоминаний произведений изобразительного искусства, но только некоторые из них были подробно описаны поэтом.

Прямую развёрнутую репрезентацию визуального артефакта представляет стихотворение «“Весна” Миллэ». Произведение посвящено картине французского живописца Жана-Франсуа Милле. На живописном полотне изображён сельский сад после дождя. Дорога, усыпанная цветами, убегает вдаль, к деревьям, стоящим плотной стеной на дальнем плане. Солнце пробивается сквозь грозовые облака, и омытая дождём молодая листва цветущих деревьев играет всеми оттенками зелёного цвета. В верхнем левом углу поднимается из ниоткуда и уходит в никуда радуга. Поэт написал: *«В голосе слышно поющее пламя, / Точно над миром запела гроза. Белые яблони сыплют цветами, / В туче лиловой горит бирюза. // Гром прокатился весеннею сказкой, / Влажно дыханье земли молодой... / Буйным порывом и властной лаской / Звуки, как волны, вздымает прибой»* [2, с. 393]. Стихотворение является не только словесным описанием картины Милле, поскольку поэт выступил не только как сторонний наблюдатель, а стал “со-автором” живописца, наполнив визуальный образ звуками природы. Таким образом, экфрасис способствовал “оживлению” живописного полотна, а поэтическое произведение приобрело яркий зримый образ, который наполнен красками и настроением весны.

Сразу в двух стихотворениях («Вот парк Монсо. Здесь Мопассана...» и «Камни Парижа») поэт подробно описал памятник Мопассану работы французского мастера Рауля Верле. На скульптуре изображена девушка, сидящая у подножия бюста Мопассана. Поклонница таланта писателя задумчива, в левой руке она держит прикрытую книгу, её взгляд устремлён вдаль. Поэт дал следующие описания скульптурного изображения: *«Вот парк Монсо. Здесь Мопассана / Поставлен бюст. В тени ветвей / Над книгой жгучего романа / Склонилась девушка. У ней / Печальный вид, распущен локон... / На грудь упал увядший лист...»* [2, с. 369]; *«В красивом*

развесистом парке Монсо / Есть мраморный бюст Мопассана, / И девушка тихо задумалась там / Над мраморной книжкой романа» [2, с. 384]. Оба описания говорят о девушке, склонившейся над книгой романа. Но если во втором поэтическом произведении эта книга “мраморная” (а значит, девушка – персонаж скульптуры), то при прочтении первого текста складывается впечатление, что девушка читает книгу, расположившись где-то на скамейке парка, недалеко от памятника писателю.

В стихотворении «Письмо» М.А. Волошин написал: *«Родэн навеки заковал / В полубезумный жест Кентавра / Несовместимость двух начал. / В безумьи заломивши руки, / Он бьется в безысходной муке, / Земля и стонет и гудит / Под тяжелой судорогой копыт»* [2, с. 55]. Во фрагменте поэтического текста представлен прямой развёрнутый экфрасис скульптуры Огюста Родена “Женщина-кентавр”. Репродукция этого произведения изобразительного искусства висела в парижской мастерской поэта. Персонаж скульптуры – кентавр – мифическое существо с головой женщины и торсом лошади. Человеческая часть существа показана в страстном, но тщетном, желании освободиться, вырваться из ненавистного существования. Дикому, с буйным нравом существу поэт противопоставил себя. М.А. Волошин написал: *«Но мне понятна беспредельность, / Я в мире знаю только цельность, / Во мне зеркальность тихих вод, / Моя душа как небо звездна, / Кругом поет родная бездна, / Я весь и ржанье, и полет!»* [2, с. 55].

Заключение. В работе были рассмотрены некоторые случаи прямых полных экфрасисов, зафиксированные в поэзии М.А. Волошина. Изучение экфрасиса представляется перспективным направлением, поскольку исследования в этой области способствуют более глубокому пониманию творчества литераторов.

Список литературы

1. Брагинская Н.В. Экфрасис как тип текста. (К проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. – М.: Наука, 1977. – С. 259–283.
2. Волошин М.А. Собрание сочинений: В 13 т. (17 кн.). Т. 2: Стихотворения и поэмы 1891–1931 / сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. – М.: Эллис Лак 2000, 2004. – 768 с.
3. Генералюк Л.С. Архитектурные экфразисы и цветосветовая символика тропов (К проблеме взаимодействия поэзии и живописи в творчестве М. Волошина) // Материалы Международных научно-практических конференций XII, XIII, XVI Волошинских Чтений. – Ч. I. XVI Волошинские Чтения. Международная научно-практическая конференция «Все видеть, все понять, все знать, все пережить...». – Симферополь: АнтикВА, 2007. – С. 29–40.
4. Яценко Е.В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 47–57.

ФЕНОМЕН «БОЛДИНСКОЙ ОСЕНИ» В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Калиниченко Е.Н.

КУ «Художественный музей «Арт-Донбасс», г. Донецк, ДНР

Kalinichenko.k.n@gmail.com

Введение. Происхождение фразеологизма «болдинская осень» обязано истории жизни великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. По сей день данное понятие применимо к характеристике человека, находящегося в самом плодотворном творческом состоянии, расцвете творческих способностей, творческом подъеме [5].

29 августа 1830 года Пушкин впервые отправился в свое имение в Нижегородской области – Болдино ради вступления в права владения ещё одной деревней Кистенево, расположенной рядом. Именно болдинский период в творчестве Пушкина считается самым продуктивным и плодотворным. Всего три приезда в родовое имение Большое Болдино осенью 1830, 1833 и 1834 г. подарили человечеству произведения, которые вошли в золотой фонд мировой литературы. Эти пять в общей сложности месяцев и вошли в летопись русской литературы под названием «болдинская осень».

Актуальность исследования. Село Большое Болдино находится на юго-востоке Нижегородской области среди многочисленных полей и лугов. Это небольшое поселение давно стало местом паломничества для тех, кому имя Пушкина значит нечто большее, чем просто поэзия. В чем же притягательность этого места и что оно значит не только для болдинцев, но и для деятелей культуры и искусства? В данной работе изложим свою версию феномена «болдинской осени», которая появилась после посещения этого удивительного места также осенью, во время проведения XLVII Международной научной конференции «Болдинские чтения», организованной Государственным литературно-мемориальным и природным музеем-заповедником А.С.Пушкина «Болдино» [4].

В настоящее время музей А.С.Пушкина «Болдино» заслуженно занимает особое место среди пушкинских культурных центров России. Музей ведет активную научную и просветительскую работу. В научной конференции «Болдинские чтения» (проводится с 1969 года) участвуют литературоведы, музейщики и историки со всего мира. Ежегодно проводится Всероссийская конференция учащихся «Под знаком Пушкина». Музей является организатором Всероссийского фестиваля оперного и балетного искусства «Болдинская осень». В содружестве с музеем работает

Большеболдинская картинная галерея. Именно посещение ее экспозиций натолкнуло нас провести анализ живописных и графических работ, посвященных «болдинской осени», написанных на болдинской земле.

Цель статьи: рассмотреть феномен «болдинской осени» в изобразительном искусстве художников XX- XXI столетия.

Результат. Из записей директора Ю.И. Левиной, нам известно о том, что в 1936 году в Болдино первым из художников приехал график П.Ф.Осипов [3, с.10-13], который создал серию осенних акварелей. Среди нижегородских профессиональных художников, обратившихся к болдинской теме в 1960-е годы, были В.С. Калинин, позднее Д.Д.Арсенин, Т.А. Маврика, Б.В.Гроздовский. Их работы занимают достойное место в собрании Большеболдинской галереи.

Созданная в 2007 году галерея с 2011года проводит всероссийские Болдинские пленэры с участием известных российских художников из городов: Нижний Новгород, Саранск (Мордовская Республика), Чебоксары (Республика Чувашия), Уфа (Республика Башкортостан). На данный момент в фондах галереи находится более 600 экспонатов, посвященных пушкинской тематике. Сама певучая природа этого края, прозрачный воздух, бескрайние поля и луга, на окраине которых виднеются небольшие деревеньки, неспешность и приветливость жителей обладают особой силой притяжения и вдохновения. Художники создают портреты Александра Сергеевича на фоне исторических достопримечательностей и знаковых мест. Нижегородские художники Л.Ю. Абрамов и А.Д. Алямовский изобразили последний приезд поэта и его отъезд, художник С.А. Рыбаков представил Пушкина на берегу пруда, окружающего барский дом в работе «А.С.Пушкин в Болдине». Акварелист В.И. Хазов изобразил поэта на фоне церкви Успения Божьей Матери, построенной его дедом в год его рождения. Нижегородец С.И. Квач представил задумчивого хозяина болдинской усадьбы на веранде барского дома в работе «Болдинские раздумья». Также, посещая барский дом, художники представляли Александра Сергеевича в домашней обстановке: вот поэт в рабочем кабинете (О.А.Дудик «Октябрь уж наступил...», А.Н. Штыков «Темна октябрьская ночь»), в конторе, во время последнего приезда 1834 года (К.И. Блинова «Болдино. Приют минут моих уединенных»). Прекрасный семейный портрет Александра и Натальи Пушкиных написала художник из Чебоксар О.А. Леонтьева «Последняя осень».

Также следует отметить две портретные серии «Руководители болдинского музея» и «Артисты болдинского хора», последняя создавалась художником В.Крылатовым с 2004-2011 гг. Факт существования такого хорового коллектива, который сохранял народные песенные традиции болдинского района, являлся важным для сохранения нематериального культурного наследия.

Знакомство и общение с нижегородскими художниками Виктором Хазовым и Натальей Квач утвердили мнение, что человек единожды побывав на болдинской земле, будет заново для себя открывать поэзию Пушкина и останется влюбленным в это удивительное место. Посетив персональную выставку Виктора Хазова «Болдинские акварели» [1] можно совершить путешествие по всем уголкам болдинского заповедника, восхититься красотой природы и знаковых архитектурных мест в разные времена года. Художник черпает вдохновение в тех же самых местах, что и поэт. Только оно переходит на бумагу не при помощи пера и чернил, как у великого поэта, а посредством кисти и акварельных красок [2, с. 21-29].

Заключение. Притяжение болдинской земли можно объяснить фактом необходимости читать и перечитывать произведения Пушкина, восхищаться его идеями и сюжетами, а художникам создавать новые живописные и графические работы.

В Большом Болдино все жители стараются соответствовать тому важному историческому факту пребывания Пушкина, который и является феноменом под названием «болдинская осень».

Один из нижегородских художников сказал, что в пушкинскую тему можно войти, но выйти из нее невозможно. Творчество великого Пушкина заставляет обращаться к нему снова и снова, открывая для себя значимое, важное и настоящее.

Список литературы

1. Калюнин П. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.turionn.nnov.ru/vystavka_hazov.html [Дата обращения: 18.09.2019].
2. Квач С.И. Альбом «Притяжение болдинской земли» [Текст] / Нижний Новгород: ИП Квач С.И., 2019.-80 с.: ил.
3. Квач С.И. Каталог «Болдино в сердце и на холсте» [Текст] / Нижний Новгород: ИП Квач С.И., 2017.-208 с.: ил.
4. Музей А.С.Пушкина «Болдино» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.boldinomuzey.ru/index.php/home/history> [Дата обращения: 19.09.2019].
5. Портал «Что означает» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chtooznachaet.ru/boldinskaya-osen.html> [Дата обращения: 18.09.2019].

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ И СЛОВЕСНОЙ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ АГИТАЦИОННОГО ПЛАКАТА)

Квашина Л.П.¹, канд. филол. наук, доцент

Красицкая Н.С.²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

lyukva@bk.ru

²ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР

nina.krasickaya@mail.ru

Между разными семиотическими системами, как «системами с неодинаковой базой» (Э. Бенвенист), не существует «синонимии», то есть, нельзя сказать одно и то же с помощью слов и то же самое с помощью музыки или изображения [см.: 1, с. 77–78]. У изображения, как и у вербального текста имеются свои специфические возможности передачи информации. Обозначим некоторые наиболее существенные их особенности.

Изображение схватывается взглядом одномоментно и целиком, оно симультанно. Его сила – в наглядности, в способности более непосредственно вызывать определенную эмоцию. Как писал Р. Барт, изображение «навязывает свое значение целиком и сразу <...>, не дробя на составные части» [2, с. 74]. Текст же линейен, для его восприятия требуется время.

Отношения изображения и текста могут выстраиваться в нескольких параметрах. С точки зрения семантики, возможно: доминирование изображения; подчинение изображения; рассогласование изображения и текста. С точки зрения синтактики, возможно: включение слова в изображение; соотношение, когда слово и изображение отсылает к одной действительности; соотношение, когда слово и изображение отсылают каждый к своей действительности; и наконец, превращение слова в изображение (что происходит, к примеру, в визуальной поэзии). С точки зрения прагматики, о чем писал Р. Барт в «Риторике образа», между изображением и текстом могут устанавливаться отношения закрепления (в этом случае именно текст определяет и денотацию, и коннотацию изображения) или связывания (текст и изображение создают новое единство) [3].

Если семантика словесного высказывания совпадает с семантикой естественного языка, то визуальный образ выстраивает свой смысл за счет особых изобразительных средств и приемов. Р. Барт указывал на сложности, которые возникают в связи с декодированием изображения:

«Намного проще «расчлени́ть» некоторое движение при повествовании о нем, нежели при его визуальном изображении» [2, с. 228].

Плакат как коммуникативное сообщение, соединяет на своем поле визуальный и словесный ряды. Для понимания природы плаката важно учитывать его нацеленность на современность: он живет актуальными проблемами социальной, идеологической жизни, его статус и функции существенно меняются вне породившего его контекста. Причем, плакат не просто передает информацию – его задача сформировать мнение, оказать непосредственное воздействие на действительность. Это не фиксация некоторого факта, а активное его продвижение. В природе плаката заложен принцип действенного целеполагания. В отличие от произведения искусства, это всегда рассчитанное действие, и критерием ценности служит достижение поставленной цели.

Плакаты исключительно текстовые (не афиши, а именно агитационные плакаты) встречаются нечасто, хотя возникли они гораздо раньше изобразительных. Довольно редко можно встретить плакаты без сопроводительного текста – в этом случае многократно усиливается семиотическая нагруженность визуального образа. Можно сказать, что плакат стремится к тому, чтобы быть воспринятым без слов (как стихи стремятся выразить эмоцию прежде всего ритмомелодикой, стать музыкой), но в этом стремлении есть и свои внутренние границы. Наиболее распространенный тип плаката соединяет на своем поле изображение и текст.

Традиционно изображение и словесный текст в семиотическом плане различают как разные системы кодирования: иконическую и символическую. Изображение чаще всего определяется как иконическое высказывание: оно складывается из зрительно воспринимаемых единиц. Закон плакатного искусства – простота и убедительность. Плакат должен быть общепонятным. Актуальная информация, которую стремится передать плакат, должна схватываться интуитивно, как бы не требуя расшифровки. Впрочем, общепонятность отнюдь не означает упрощенность. Пластическая организация плаката строится на глубоком понимании психологии визуального восприятия, а также на сопряжении изобразительных средств и приемов с глубинными культурными архетипами. В синтаксическом плане композиция изображения должна быть четко выверенной, она строится на сознательных и бессознательных моделях. Поскольку изображение, в отличие от текста, не читается в заданном порядке (слева направо и сверху вниз), здесь подключаются другие факторы: передний / задний, большой / маленький, – которые также несут значимые культурные коннотации.

Плакатное изображение имеет не только денотативный (иконический), но и развитый коннотативный (иконографический, то есть кодированный) уровень. Все коннотативные означаемые объединены

единой идеологией, ценностно маркированной и легко опознаваемой. Таким образом, плакатный образ – это не столько иконическая отсылка, сколько «раздражитель, производящий ассоциации, вызывающий достройку воображением <...> чрезвычайно активную работу чувства» (С. Эйзенштейн). Плакатное изображение, таким образом, не только передает информацию, указывает на что-то, но является знаком высокой семантической и синтаксической насыщенности. Он репрезентативен и автореферентен. И, подобно эстетическому знаку, он несет в себе «версию мира». Плакатное изображение указывает на предмет и на себя в качестве изображения, и в этом оно родственен поэтическому образу.

Если эстетическое изображение в качестве коммуникативного сообщения отличается информационной избыточностью и смысловой неисчерпаемостью, то стратегия плаката направлена на достижение смысловой однозначности. И визуальный, а также вербальный планы работают в этом направлении. В художественном произведении множественность смыслов порождает глубину произведения, и в этом его специфика и несомненная ценность. Плакат же стремится к однозначному толкованию – иначе невозможно достичь необходимого пропагандистского эффекта. И функция плакатного текста заключается не в дублировании изображения, а в ограничении спектра его толкования и интерпретации.

Задача агитационного плаката – не просто обозначить некоторую реальность, но высказаться, то есть заявить определенную позицию, и что особенно важно – вызвать нужную реакцию. Изображение должно быть переведено в план высказывания, а значит, особым образом интонировано. Формой такого пластического интонирования служит жест, включающий в себя пластику всего тела: мимику, взгляд, позу. С точки зрения изобразительности, жест нагляден и не нуждается в декодировании, он обладает силой прямого психологического воздействия. Поэтому важнейший принцип плаката – это поиски удачной жестово-изобразительной формулы. Жест интонирует слово, окрашивает его волевой энергией призыва. Вербальное и визуальное в искусстве плаката сливаются в едином агитационном пафосе. Так осуществляется их дивергенция в новое изобразительно-текстовое семиотическое единство. Достижение такого единства определяет жанровое своеобразие, а также обеспечивает коммуникативную силу и эстетическую ценность плакатного искусства.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 446 с.
2. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму – М. : Прогресс, 2000. – С. 196–238.
3. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с. http://www.bim-bad.ru/docs/bart_izbrannoje.pdf

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛУГАНЩИНЫ: ГОНЧАРСТВО – ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кокоткина О.С.

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный аграрный университет», г. Луганск, ЛНР
kos.loga@mail.ru

Введение: Культура человечества многогранна. Она возникла на стародавних традициях развития общества и неразрывно связана с его историей. Культура несет в себе память веков, которая трансформируется по нормам современности и воплощается в настоящем бытии людей.

Изучение опыта народных мастеров, знакомство с традиционными приемами изготовления глиняных изделий способствует освоению многовекового наследия народных умельцев.

В процессе освоения культуры – особое видение природы вещей, которые окружали человека, определяло его особое отношение ко всем предметам, жилищу, миру. Как было отмечено Сергеем Есениным, « хата крестьянина – символ понятий и отношений к миру».

Пройдя долгий путь из глубины веков, гончарство не только не утратило своей актуальности, но и приобрело новые формы, современные технологии, которые успешно существуют наравне с традициями и дополняют друг друга.

Луганщина богата талантами, в том числе и мастерами гончарного дела. Несмотря на всю сложность производства гончарных изделий, современные мастера продолжают возрождать и развивать этот вид народного промысла.

На протяжении XX века становление и развитие гончарного промысла на Луганщине практически не исследовалось. Однако сегодня народные умельцы села Пархоменко продолжают традиции гончарства на территории усадьбы Алексея Артюшенко – известного макаровоярского гончара.

Возрождение традиций народной культуры и сохранение культурного наследия содействует популяризации народного творчества наших земляков. Ведь только конкретные знания истории и культуры своего края сформируют у молодежи уважение к прошлому, пробудят желание продолжить традиции, внесут вклад в историю и культуру своего государства.

Цель исследования: Рассмотреть этапы развития гончарного промысла на Луганщине, его культурно- историческое значение, традиции, проанализировать проблему популяризации культурного наследия и развития гончарства в современных условиях.

Основная часть. Глиняная посуда – горшки, кувшины, миски и многое превращалось в нечто священное. Глиняные изделия символизировали землю, которая дарит жизнь всему на свете, а также огонь, который очищает и оберегает человека от разных напастей. А такие глиняные посудинки, как кувшин или горшок, могли символизировать человека – в их строении наши прадеды видели и горло, и туловище, и плечики, и бока, и ручки.

Глиняные миски и тарелки, которые имели круглую форму, напоминали солнце и выступали его символами. Поэтому в обрядах – календарных и семейных – в разных ритуальных действиях, например в заговорах, где не было ни одного лишнего слова, жеста, предмета, где все служило одной четко определенной цели, глиняная посуда использовалась в качестве символа земли, огня, солнца, человека, выполняя иногда главную, иногда второстепенную роль.

Гончарный промысел зародился на Луганщине в конце XIX века. Самым большим центром гончарного искусства Луганщины было село Макаров Яр Славяносербского уезда (с 1958 года – село Пархоменко Краснодонского района Луганской области).

Воссоздать давнюю историю макарово-яровского гончарства также сложно, как и воссоздать историю самого села: отсутствуют не только письменные источники, но и предметные доказательства в виде гончарных изделий, их элементов, инструментов, фото.

За переписью 1885 года в селе было 300 дворов, в которых жило 239 гончаров. За сезон они делали до 100 тысяч единиц посуды, известной на всю округу.

До 1861 года гончарный промысел в Макаровом Яру не имел существенного экономического значения для поддержки хозяйств местных селян, которые большую часть времени уделяли работе на барина. Лишь только после земельной реформы в 1861 году, получив личную свободу, часть местных жителей отдала предпочтение занятию гончарством. Это было вызвано тем, что многие из селян остались без земельного надела, а следовательно, и средств к существованию.

О значительном распространении во второй половине XIX века гончарства в с. Макаров Яр и в ближайших населенных пунктах свидетельствуют обнаруженные в конце XX и в начале XXI веков заброшенные карьеры, где добывали гончарную глину.

В конце XIX столетия гончарный промысел начал проявлять первые признаки упадка, связанные, прежде всего, с развитием гончарной промышленности. И в начале XX века развитие промышленного гончарства обесценивало производство кустарное неизбежным повышением себестоимости гончарных изделий, введением оплаты за разработку карьера, стоимостью топлива и т.д. Так в 1909 году в селе Макаров Яр гончарным промыслом занималось уже только 100 человек.

Но стоит отметить, что несмотря на трудности, возникающие в течении времени, и исторических процессов, происходящих на наших землях, в селе Макаров Яр возникла и существовала гончарная школа, сохранившая свои традиции и в сегодняшнем дне.

Так из архивных документов, дошедших до нашего времени, значатся целые династии гончаров, которые не просто сохраняли промысел, но передавали знания и традиции будущим поколениям.

В дальнейшем как исключение наблюдались временные улучшения в развитии гончарного промысла, особенно в послевоенные годы, однако все это носило ситуативный характер и не способствовало широкому дальнейшему развитию.

Сегодня несмотря на сложные общественно-политические условия народные умельцы продолжают традиции гончарства на территории усадьбы Алексея Артюшенко – известного макаровояровского гончара, работает художественная мастерская Луганского центра народного творчества «Макаров Яр». С момента образования Луганского центра народного творчества именно его коллектив бесменно и непрерывно вел плодотворную работу по сохранению и популяризации традиций гончарного искусства на Луганщине.

С 2015 года в центре возобновились занятия для учащихся и студентов по гончарному искусству, а в 2016 году в Краснодонском районе Луганской Народной Республики в селе Пархоменко художественная мастерская по гончарству «Макаров Яр» уже приняла первых посетителей в рамках информационных туров для старшеклассников. На занятиях в кружках и мастер-классах участники изготавливают кружки, кувшины, тарели, свистульки, глиняные игрушки, статуэтки и сувениры, которые отображают традиционные и современные мотивы и сюжеты из жизни.

Заключение. Луганщина богата талантами, в том числе и мастерами гончарного дела. Несмотря на всю сложность производства керамических и гончарных изделий, современные мастера продолжают возрождать и развивать этот вид народного промысла.

В городе Луганске продолжают жить и работать заслуженные мастера декоративно-прикладного искусства: Николай Ярошко, Наталья Галак, Сергей Зиновьев, Сергей Кабушко. На весь Лутугинский район известна династия народных мастеров Вороновых, а в Краснодонском районе именно благодаря директору музея «Макаров Яр», народному мастеру Луганщины Таисии Блюм вот уже несколько лет работает гончарная студия.

Каждый мастер привносит свой личный вклад в развитие декоративно-прикладного искусства Луганщины, прославление родного края, возрождение забытых традиций.

Список литературы

1. «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» ЮНЕСКО от 16 ноября 1972 г. Париж

2. Рябых В.В., Ключко Т.Н. «Малая Родина», сборник статей Луганского областного краеведческого музея. – Луганск: 2007. – 792с.

3. Алексеева Л.И. Пархоменко/ История городов и поселений Украинской ССР : – К. Главная редакция Украинской энциклопедии АН УССР, 1968. – Т. Луганская область. – С.371-381.

4. Каплун Н. Гончарство на Луганщине / Луганщина: этнокультурное измерение// Н.Н.Каплун – Луганск: Альма-матер, 2001.- С.112-119.

5. Литвиненко С. Макаровояровская керамическая школа/ С. Литвиненко// Народное искусство – 2003.-№1-2. – С.55.

6. Литвиненко С. Макаровояровская керамическая школа/ С.Литвиненко// Наша газета. – Луганск, 2002. № 29. – 5 марта. – С.38.

7. Овчаренко Л. Технологический процес домашнего гончарного производства в с. Макаров Яр на Луганщине в первой половине XX века//Л. Овчаренко// Образовательные заметки. – 2009. – № 5-6. –С.662-672.

8. Тищенко О.Р. Гончарное искусство на Луганщине / О.Р.Тищенко // Народное творчество и этнография. – 1998 – № 3. С.110-119.

Интернет-источники

1. Роль культурного наследия в образовании и воспитании российской молодежи 2015 г./ / <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kulturnogo-naslediya-v-obrazovanii-i-vospitanii-rossiyskoj-molodyozhi>.

2. Анализ проблемы популяризации культурного наследия среди молодежи города Белгорода. // <https://novainfo.ru/article/15303>

3. Статьи в рубрике «новости культуры» Луганского информационного центра// editor@lug-info.com

УДК 82.09

ОБРАЗЫ СТРАДАЮЩИХ ЖИВОТНЫХ: ТРАГИЧЕСКИЙ РАКУРС ВОСПРИЯТИЯ ПРИРОДЫ

Кравченко О.А., д-р филол. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

1234oksana@bk.ru

Введение. В контексте русской культуры была выработана традиция описания образов животного страдания. Истоки ее прослеживаются в творчестве Н. Некрасова и Ф. Достоевского. Некрасовская цитата из стихотворения «До сумерек» – о том, как извозчик бьет лошадь «по плачущим кротким глазам» – введена в рассказ Ивана Карамазова («У Некрасова есть стихи о том, как мужик сечет лошадь кнутом по глазам, по кротким глазам». Этого кто ж не видал, это русизм. <...> Клячонка рвется, и вот он начинает сечь ее, беззащитную, по плачущим по “кротким глазам”» [2, Т. 14, с. 219]). К некрасовским же описаниям отсылает и сцена жестокого убийства лошади в «Преступлении и наказании». В «Сне

смешного человека» люди после «грехопадения» «стали мучить животных, и животные удалились от них в леса и стали их врагами» [2, Т. 25, с. 116]. От Некрасова и Достоевского в современную культуру приходит вопрос о цене и оправданности страдания природы.

Актуальность. Проблема страдания животных, ставших жертвами человеческого практицизма, нашла осмысление, в частности, в работе Ж. Бодриера «Животные: территория и метаморфозы» [см.: 1]. Что же касается художественной рецепции мира живой природы, то по наблюдению Н. А. Лопаревой «в начале XX века у художников и поэтов обострился интерес к метаморфозным, неустойчивым состояниям материи, к самому процессу изменения, рождения новой формы» [6]. С этими процессами связана актуализация «инсектного кода» в русской культуре XX века [см.: 3], выразившаяся в сопряжении человеческой телесности с образами жуков, клопов, мух, тараканов и «Тараканищ». Отметим, что русский метаморфизм подчас бывает осложнен столь же глубоким экзистенциальным трагизмом, какой был свойствен, к примеру, Кафке. Осмысление трагического модуса поэтизации природы позволит выявить в философской лирике установку на трагическое же осмысление человеческого существования, соотносимого с жизнью животных.

Цель статьи состоит в том, чтобы проследить роль образов животных, концептуализирующих человеческое отношение к природе в индустриальную эпоху.

Результат. Одним из наиболее эксплицитных текстов, отражающих данную проблематику, нам представляется стихотворение Юрия Кузнецова «Атомная сказка» (1968) [5, с. 24]. Здесь зоо-антропоморфный образ Царевны-лягушки воплощает предельную меру страдания природы, жизни как таковой. Сказочный сюжет, задающий начало лирического – субъективного в своей основе переживания – трансформируется в рассказ об атрофии не только субъективности, но и человечности. Слова Иванушки «Пригодится на правое дело» служат водоразделом между исконной сказочной реальностью (с ее «тремя морями», «сребристым следом судьбы» и даже платком, в который герой кладет лягушку) и жестокостью сказки «на теперешний лад». Однако новизна этого лада относительна: чудовищный Иванушка – это Франкенштейн наоборот, осуществляющий переход живого в мертвое. Из царевича, пытающего счастья, он становится монстром, пытающим лягушку, а по сути, убивающим самого себя. Пропуская электрический ток через «белое царское тело», Иванушка деградирует из царевича в ученого дурака. Название стихотворения в этом ракурсе прочитывается не как метафора угрозы науки, а скорее – как метафора атомизации, диффузии мировой целостности. Это сказка о разрушении самой сказки как отголоска мифологической реальности, в которой лягушка и царевна, болото и царский дворец оказываются непротиворечивыми и взаимообратимыми составляющими мира.

«Атомная сказка» Кузнецова задает модель нового счастья. Самим этим словом образовано смысловое кольцо от начала стихотворения «Эту сказку счастливую слышал...» – до «счастливого лица дурака» в финальной строке. Заметим, что по закону сказки это счастье «скоро сказывается». Иванушкино «правое дело» осуществляется в соответствии с поэтическим законом волшебной сказки, обозначенным Д. Лихачевым как «малое сопротивление <...> материальной среды» [4, 79]. Между последовательными действиями: «Положил он лягушку в платок» и «Вскрыл ей белое царское тело» отсутствует какой-либо временной зазор. В этом стремительном ритме сам научный эксперимент, тем не менее, задает ретардацию, он как бы останавливает ход времени: «В долгих муках она умирала / В каждой жилке стучали века». Разноприродность временных планов счастья и муки оформляет собою онтологический контраст истории и современности, понятой как ее окончание. Атомный век в череде столетий – лишь мгновение научного самоуничтожающего идиотизма. Сократическая ирония признания «Я знаю, что я ничего не знаю» оборачивается в нем гротескным счастьем разрушительного знания: «И улыбка познания играла на счастливом лице дурака». Трансформация сказочного сюжета об очеловечивающем поцелуе в рассказ об ученом-маньяке знаменует собой тотальное расколдовывание мира.

В заключении отмечаем, что поэтическая концептуализация природы в XX веке осуществлялась не только в медитативно-созерцательном ключе, но и в модусе осмысления экологических проблем, где были востребованы модальности от серьезно-ответственного до трагического говорения.

Список литературы

1. Бодриар Ж. Животные: территория и метаморфозы // Ж. Бодриар. Симулякры и симуляция. – М.: Постум, 2018. – С. 228-251.
2. Достоевский Ф. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Л.: Наука, 1972-1990.
3. Злыднева Н. Инсектный код русской культуры XX века // Абсурд и вокруг: сборник статей. М.: Языки русской культуры. Электронный ресурс: <https://culture.wikireading.ru/66972>
4. Лихачев Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74-87.
5. Кузнецов Ю. П. Стихотворения. – М.: Эксмо, 2001. Электронный ресурс: <http://libverse.ru/kuznecov/atomnaya-skazka.html>
6. Лопарева Н. А. Новое зрение Н. Олейникова: герой и пространство / Н. А. Лопарева. – Дисс... канд. филол. н.: 10.01.01. – Тюмень, 2005.- Электронный ресурс: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/novoe-zrenie-n-olejnikova-geroj-i-prostranstvo.html>

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА ДОНЕЦКА

Кроливец А.А., Кондаурова А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР,
allakrolivetz@yandex.ru

Введение. Парк как особое культурно-маркированное пространство исследовал Д. С. Лихачев. Учёный анализировал пространство парка в «эстетическом климате» каждой новой эпохи, соизмеряя конкретные артефакты с господствующими установками и мировоззренческими моделями [4]. Д. С. Лихачёв рассматривал парк как культурный текст, на который каждая эпоха накладывает свой отпечаток. Это даёт основание такое пространство рассматривать как особое символическое поле, содержащее культурно-исторические коды.

Целью настоящего исследования является анализ центральных мифологических мотивов и образов мифологии кочевых народов в семиотическом пространстве города Донецка. Предметом исследования являются знаковые комплексы парковых зон города.

Основная часть. Одной из доминант культурного облика Донецкого региона является система мифологических представлений кочевых племен.

Распространение культуры кочевых народов связано с широкой географией кочевья: от Северного Китая на востоке, значительная часть Южной Сибири и Центральной Азии, и до границ Северного Причерноморья.

В культурном ландшафте Донецка отразилось влияние кочевников в скульптурных композициях парковых зон сквера «Сокол» и проспекта Театрального. Представленные скульптуры являются точными копиями образцов скифского искусства, которые восходят к двум историческим периодам: 1) первый период охватывает время с VII в. до н. э. – до середины VI в. до н. э.; 2) второй период – с конца VI в. до н. э. – III в. до н. э.

В статье М. И. Артамонова «Антропоморфные божества в религии скифов» детально проанализирован скифский пантеон на основании исторических взглядов Геродота, а также конкретного археологического материала. Религия скифов тесно связана с индоиранскими религиозными воззрениями. М. И. Артамонов рассматривает археологические образцы в тесной связи с мифологическими представлениями кочевников.

Скульптуры сквера «Сокол» являются знаковыми комплексами, отражающими представления и верования скифов. Прежде всего, тематику всего комплекса определяет одна из надписей – «Рожденные степью». Название объединяет сразу два семантических кода: историю региона, его

географическое положение. Степь становится концептуальной характеристикой в культурном ландшафте города. Являясь колыбелью кочевых народов, это географическая зона стала символом и ментальных качеств: упорство, прямолинейность, смелость.

В скульптурных композициях прослеживается не только исторический контекст, но и специфика ментальных особенностей кочевников. Одна из скульптур представлена двумя фигурами скифов, в руках они держат ритон. Данная композиция является копией статуэтки из кургана Куль-Оба IV в. до н. э. Содержательная сторона знака восходит к повествованию античного автора Лукиана, в котором описывается обряд побратимства у скифов [3]. Решив скрепить узы дружбы, скифы приносят клятву: жить вместе и умереть друг за друга. В знак подтверждения клятвы они делали разрезы на пальцах и собирали кровь в чашу. Затем, обнажив мечи и держась друг за друга, выпивали её. По данному преданию тех, кто совершил этот обряд, ни что не могло разделить. План выражения знака представляет собой фигуры, которые образуют квадрат. Лица скифов плохо детализированы, с помощью насечек, углублений проработаны некоторые черты лица, одежды. Скульптура статична, контур плавный так же, как и общий ритм скульптуры. Безусловно, данная композиция, представляя особенности внутриплеменных взаимоотношений, в современном контексте становится символом единства и братства.

Мифология скифов содержит многочисленные зооморфные образы. Одна из скульптур сквера является копией золотой бляшки из кургана Иссык Семиречье, IV-III вв. до н. э. Скифские мастера подчёркивали и выделяли самые характерные черты животного, обобщали их и при этом отбрасывали второстепенное. Особое внимание уделялось тем частям тела, которые символизируют особенность животного, а также помогают ему выживать. Моделировка скульптуры поверхности была произведена посредством усечения объема. Зооморфная фигура детализирована, проработана каждая деталь.

Одна из статуй, представленных на Театральном сквере, является копией золотого скифского шлемовидного головного убора IV века до н.э. Оригинал шлемовидного головного убора был найден в 1988 году археологами Донецкого национального университета под руководством А. А. Моруженко. Раскопки скифского кургана Передериева Могила проводилась около села Зрубное в Шахтёрском районе.

Изображения на шлемовидном головном уборе повествуют о погоне скифов за враждебными племенами киммерийцев. Вернувшись, скифы обнаружили, что их жены были неверны. Оружием они не смогли победить детей своих жен. Тогда кочевники взялись за кнуты, и генетическая память потомков-рабов дала о себе знать – те сдались. Сцены сражения изображены с удивительной детализацией и точностью, проработаны также одежда, обувь, вооружение, причёски и орнамент. В

реалистической манере изображен бой с участием двух взрослых скифов и четырёх юношей. Изображение разделено на две композиционные группы. По центру одной группы юноша, стоящий на коленях, вытаскивает меч и смотрит на второго юношу слева от него. Взрослый воин расположен в правой части композиции и держит акинак правой рукой, а левой удерживает щит юноши с копьем. Оригинал скульптуры был сделан греческими мастерами для скифской знати и такие детали как меч-акинак, лук со стрелами, сумку, облик скифского воина передавался детально.

Культура кочевников широко представлена в семиотике центральных парковых зон города, что свидетельствует о значимости данных символов для Донецкого региона. Являясь обитателями бескрайних степей, кочевые племена воплотили основные качества боевого духа: силу, мужество, смелость. Несомненно, что духовная основа данной культуры созвучна основным ментальным свойствам степного края.

Кочевники явили себя и как воинствующий народ, и как народ-созидатель, хорошо владея выплавкой железа, руды, они смогли дать непревзойдённые образцы материальной и духовной культуры.

Донбасс является не только исторической ареной истории степных народов, но и воплощением их лучших духовных качеств.

Список литературы

1. Иванова К.Г. Элементы парка – знаки эпохи. Иркутск (середина XX века) // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. – 2014. – № 1 (6). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-parka-znaki-epochi-irkutsk-seredina-xx-veka> (дата обращения: 16.05.2019).
2. Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ec-dejavu.net/t-2/Town.html>
3. Королькова Е. Ф. Властители степей. П.: Издательство государственный Эрмитаж, 2006. – 136 с
4. Лихачёв Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. 1998 [Электронный ресурс] <http://iknigi.net/avtor-dmitriy-lihachev/158322-poeziya-sadov-dmitriy-lihachev/read/page-7.html>
5. Лотман Ю.М. "Избранные статьи" / Ю.М.Лотман ТОМ II Статьи по истории русской литературы первой половины XIX века / Часть I. С.-Петербург: «Искусство—СПБ» 1992. – 848 с.
6. Скибенко А. К. Донецк и донецкая область: Путеводитель. – Д. : Вебер (Донецкое отделение), 210. – 268 с.
7. Скибенко А. К. Донецк знакомство с городом, или девять донецких экскурсий./ А. К. Скибенко. Донецк: Народ Компьютер. 2010. – 232 с.

БЛАГОУКРАШЕНИЕ ХРАМОВ – ДЕЛО ДЛЯ МОЛОДЫХ

Кузина Е. А., канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары, РФ
kuzina_elen_a.a@mail.ru

Введение. В послании Федеральному собранию президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп, дефицит того, что всегда, во все времена исторически делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Нам нужно опереться на богатство российской культуры. Мы обязаны четко знать и отвечать на запросы современного общества и особенно молодежи, укреплять традиции народов России» [1]. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл считает, что перед молодежью стоят задачи актуализации базисных ценностей – основ общенациональной идентичности. Это справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, достоинство, четность, патриотизм, солидарность, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность. «Но для того, чтобы молодое поколение справилось со стоящими задачами, оно должно быть включено в процесс передачи тех самых ценностей...» [3, с. 479]. Одним из путей проведения работы по передаче молодому поколению базисных ценностей является приобщение студентов к наследию российской культуры.

Цель проекта «Храмовая живопись – Евангелие в красках» – привлечение студентов к благоукрашению Епархиального храма. Проект участвовал в Международном грантовом конкурсе «Православная инициатива», был поддержан Фондом «Соработничество» и на его реализацию были выделены средства.

Основная часть. Для организации работы по проекту педагогический университет и Епархия заключили Соглашение о предоставлении Епархиального храма в качестве площадки для организации творческой практики студентов. Практикой студентов руководили опытные художники-монументалисты, а духовным окормителем и вдохновителем проекта был настоятель храма. Работа по реализации проекта началась задолго до непосредственной росписи храма. Нужно было решить актуальную для многих, построенных в конце XX – начале XXI вв. храмов, проблему закопченности стен. Назрела

необходимость использования в отделке таких красок, которые позволяли бы без особых усилий ухаживать за росписями, как можно дольше сохранять красоту интерьера храма. Консультации со смежными специалистами, изучение опыта московских храмов, литературы по благоукрашению церковных интерьеров обусловили выбор силикатных красок. Технологи фирмы-представителя силикатных красок в России дистанционно помогали вести подготовительные работы для росписи храма. Пока в храме велась подготовительная работа и закупка художественных материалов, преподаватели педагогического университета разрабатывали программу практики для студентов, составляли расписание занятий, обучали студентов технологии работы с силикатными красками. Роспись храма выполнялась поэтапно. Сюжеты для росписи отбирались очень тщательно. Они должны были не только отражать Евангельские события из жизни Христа, но и по своему композиционному построению, количеству персонажей, их расположению в картинной плоскости вписываться в архитектуру храма, в форму и размеры стен и простенков для их размещения.

Внутреннее убранство храма имеет стройную систему, сложившуюся еще в Византии, поэтому роспись православных храмов осуществляется в соответствии с христианским канонem. Купол алтарной апсиды храма украшает Евангельский сюжет Рождества Христова. На красном ложе изображена Пресвятая Богородица. Она, слегка склоненной головой и рукой, показывает в сторону лежащего в яслях Младенца Христа. Карниз алтарной апсиды украшает шрифтовая композиция – тропарь Рождества Христова. Справа изображены идущие на поклонение Богомладенцу пастухи, слева – волхвы. За лещадками горок видны фигуры Ангелов и пронизывающий луч Вифлеемской звезды, исходящий из мандорлы в наш земной мир. На центральной стене алтарной апсиды показана сцена Святой Евхаристии, в которой Иисус Христос освящает хлеб и вино, а апостолы по правую и левую сторону от Спасителя идут ко Святому причастию. Средний ярус стен алтарной апсиды посвящен Господским праздникам. Слева – сцена Обрезания Господня, справа – Сретение Господне. В нижнем ярусе стен алтаря изображены убрусы – полотенца с узорами. Откосы алтарных оконных проемов украшают изображения вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и святого апостола Иакова – брата Господня.

Свод храма посвящен сошествию на апостолов Святого Духа. В центре свода восьмиконечная звезда, по кругу изображены сидящие апостолы, над их главами язычки пламени. На парусах перехода от купольного свода к четверику изображены шестикрылые серафимы и херувимы. Алтарный люнет украшает лик Спасителя (Спас Нерукотворный, Новгородский извод XII века), боковые люнеты – сюжеты «Воздвижение Креста Господня», «Успение Пресвятой Богородицы»,

западный – «Жены мироносицы у Гроба Господня». Карниз украшен шрифтовым бордюром – стихирой Рождества Христова на церковно-славянском языке. Плоскость стен храма разбита на три яруса. Верхний ярус отведен под многофигурные композиции: «Исцеление прокаженного», «Вход Господень в Иерусалим», «Воскрешения Лазаря», «Бегство в Египет и избиение младенцев». Средний ярус стен посвящен изображению святых, чьи имена носят благодетели и жертвователи храма. Фигуры святых изображены в полный рост.

Западная стена посвящена сценам «Преполование Пятидесятницы» и «Благословение детей». На хорах клироса представлены сюжеты «Иисус Христос и самарянка», «Иисус и Закхей». Нижний ярус стен отведен под орнаментальный фриз и шрифтовую ленточную композицию на стихире Рождества Христова. Откосы огромных, почти во всю стену, правого и левого окна показывают полнофигурные изображения святых, расположенные один над другим. В центре арки каждого откоса оконного проема – изображение Архангелов Михаила и Гавриила. В притворе на правой стене изображен сюжет «Благовещение Архангелом Гавриилом Пресвятой Деве Марии», на левой – «Благоразумный разбойник».

Колорит настенной живописи в Храме Рождества Христова золотой, символизирующий Господский цвет и цвет горнего мира. Теплую цветовую гамму выгодно оттеняют серебристо-серые и голубоватые тона. Живопись построена на полутонах, без резких цветовых и тональных контрастов, что создает особую атмосферу строгости, сдержанности и, одновременно, изысканности.

Заключение. По окончании проекта было издано учебно-методическое пособие «Методические рекомендации по организации и проведению творческой практики по настенной храмовой живописи в православном храме» [2]. К престольному празднику роспись храма Рождества Христова была закончена. Студенты и преподаватели педагогического университета получили неоценимый опыт по благоукрашению храма и приобщению к культурному наследию народа.

Список литературы

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/
2. Данилов А. В., Кавказова Г. В., Кузина Е. А., протоиерей С. Пушков. Проведение творческой практики по настенной живописи в православном храме : учебно-методическое пособие. – Чебоксары, 2015. – 86 с.
3. Храните веру в сердцах : Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Минск : Издательство Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви, 2011. – 528 с.

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Лях В.И., д-р филос. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар, РФ
ValentinaIaich@mail.ru

Культурогенез как теоретико-методологический концепт изучения культуры отражает процесс формирования её основных характеристик и качественное состояние [4].

Важная характеристика культурогенеза в его ценности. Здесь осуществление идеально-ценностных задач происходит через «переселение ценностей из мира должного в мир сущий». Рождение этого концепта связано как с незавершённостью и открытостью человеческой природы, так и с развитием творческой деятельности человека, направленной на поиск сакрального смысла бытия [8, с. 23].

Истоки культурогенеза уходят в глубь веков. Его появление основывается на законах культурной преемственности и «социальном заказе» населения, живущего на разных этапах своего развития. Он непрерывен и постоянен [5].

К примеру, антропо-социокультурогенез первобытного общества характеризуется нерасчленённостью трёх форм бытия, включающую культуру, общество и человека. Это проявлялся и на всех последующих стадиях развития общества [3, с. 327; 3, с. 335-336].

Изучение культуры в структуре этого исследовательского инструмента происходит в пространстве практически всего арсенала гуманитарных наук. Это объясняет многообразие подходов и методов исследования указанного феномена.

М. Каган пришел к выводу, что в процессе моделирования культура «иллюзорно воссоздает целостное бытие, реализуя его во всей полноте исторически выработанных человеком качеств и способностей». Он считает, что всё, что есть в человеке, есть культура, столь же разносторонне-богатая и противоречиво-дополнительная, как сам человек – ее творец и главное творение [2, с. 19-20]. Но она отличается от человека своей многоэлементностью и разнородностью, что дает возможность исследовать ее в дискурсе культурогенеза.

Кроме того, этот феномен формируется в пространстве «тройной спирали» своего развития, обогащаясь и расширяя свое влияние на общество.

Так, содержание первой спирали формирует предметную деятельность человека, что характеризует и культурогенез. В содержание

второй спирали входит отражение человеческого общения на основе синхронии (социокультурное пространство) и диахронии (социокультурное время). Общение людей происходит в процессе их совместной деятельности. Благодаря культурогенезу оно переходит от человека к человеку как к партнёру, как к равному себе субъекту, развивая и обогащая их. Содержание третьей спирали основывается на художественном освоении действительности и связывает творчество одного человека с творчеством других людей, соединяя одновременно личность с личностью, поколение с поколением, народ с другими народами, человека с человеком как субъектов, которые творят культуру, а она творит их.

Можно сделать вывод, что трёхслойное спиралеобразное формирование культурогенеза как теоретико-методологического концепта изучения культуры способствует накоплению новых знаний, представлений, опыта. В результате этого «реализуется связь человека с человеком в тех её формах, которые необходимы и достаточными для его целостного бытия как культурного существа и целостного бытия культуры как очеловеченного мира» [1, с. 78].

Уже доказано, что каждый очередной этап культурогенеза рождается тогда, когда одна группа людей, оказавшись на одном культурном пространстве, создает необходимые условия для жизнедеятельности, адаптированные к конкретной территории и времени, которая «по содержанию и формам отличается от других такого же рода совокупностей форм бытия, сложившихся у другой группы людей в другое время и на другой территории». А заканчивается очередной этап культурогенеза тогда, когда «новая совокупность норм и стандартов деятельности людей институализируется в обществе как сбалансированная и отрегулированная система, которая включает нравы и обычаи или выражающаяся в кодифицированных сводах норм, правил, законов и т. п. [7, с. 140].

Итак, культурогенез как теоретико-методологический концепт исследования культуры представляет собой сложный, постоянно развивающийся процесс, постоянно самовозобновляющийся и формирующий новые формы, интегрируя их в социальную практику; это – творческая созидательная деятельность людей и их общение в социокультурном пространстве и социокультурном времени, помогающие духовному освоению действительности; это – категория культурологии, формирующаяся на единстве и многомерности, концентрации и синтезе его объективной и конкретно-исторической сторон; это – «интегративный процесс, соединяющий стадиальность формационного и синхронность глобального, «естественность» антропологического и искусственность культурологического, социальность демографического и стихийность биосферного методов познания действительности; это – фундаментальная матрица, помогающая воспринимать окружающую действительность,

представляющая сложную многоуровневую систему, в которой каждый элемент имеет свою форму детерминации, обусловленную внешними и внутренними факторами развития общества» [6].

Список литературы

1. Генезис понятия «культура» в европейской философии XVII-XVIII вв.: Очерки сравнительной культурологии. – М., 1993. – Вып. 6.
2. Каган, М. Философия культуры. – СПб., 1996.
3. Каган, М. Философия культуры. – СПб., 1996; Файнберг, Л. У истоков социогенеза. – М., 1980
4. Лях, В. И. Культурогенез как теоретико – методологическая основа исследования искусства / Аналитика культурологии (Электронный журнал Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина). – 2014. – № 1(28). URL: Электронный ресурс / <http://www.analiculturolog.ru/>
5. Лях, В.И. Культурогенез как концепт теории и истории культуры / Аналитика культурологии (Электронный журнал Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина). 2011, №1(24). URL: Электронный ресурс / <http://www.analiculturolog.ru/>
6. Лях, В.И. Культурогенез как проблема теории культуры. Автореферат диссертации по культурологии, специальность ВАК РФ 24.00.01 М., 1999 URL: <http://cheloveknauka.com/kulturogenez-kak-problema-teorii-kultury#ixzz5ynVA8ApP>
7. Флиер, А. Культурогенез в истории культуры // ОНС. 1995. №3.
8. Чавчавадзе, Н. Внешние и внутренние факторы развития культуры // Культура и общественное развитие. – Тбилиси, 1979.

УДК 791.83 (477.6)”1930”

ОТДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЦИРКАМИ УССР НА ДОНБАССЕ (1933 ГОД)

Малыхина М.А., канд. искусствоведения

ГОО ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия
имени С. С. Прокофьева», г. Донецк, ДНР
MarinaMarina17@yandex.ru

Введение. Одним из малоизученных аспектов истории советского цирка остается деятельность Государственного управления цирками Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) в 1932 – 1933 годах, в частности, ранее не были освещены особенности и результаты работы донбасских отделений управления.

Хотя история советского цирка первой трети XX века достаточно подробно представлена в работах Ю. Дмитриева, Е. Кузнецова, Р. Славского, М. Рыбакова, П. Тарахно, а также в материалах специализированных изданий «Советский цирк», «Советская эстрада и цирк», ценным дополнением к ранее известным источникам информации

стали архивные документы Государственного архива-музея литературы и искусства (г. Киев). Большая часть цитируемых фрагментов архивных материалов публикуется впервые. Стиль, орфография и пунктуация авторов сохранены.

Цель статьи – охарактеризовать деятельность Государственного управления цирками на Донбассе в 1933 году.

Основная часть. В изучаемый нами период главной стала установка о цирке, как о популярном зрелище среди широких народных масс, которое, пропагандируя высокие достижения культуры и спорта, а так же используя сатирико-агитационную клоунаду и пантомиму, способно «внести свой вклад в культурное строительство» [1, с. 362].

К началу летнего сезона 1932 года цирки УССР работали только в больших промышленных центрах: Харькове, Киеве, Одессе, Днепропетровске, Запорожье и Сталино (сейчас – Донецк). Все они имели стационарные помещения и подчинялись Государственному объединению музыки, эстрады и цирков (ГОМЭЦ).

Вместе с тем, неудовлетворительной оставалась ситуация с организацией культурного досуга для зрителя на периферии. Заведующий производственной частью ГУЦ Л. Горин, анализируя перспективы деятельности управления, акцентирует внимание на том, что до лета 1932 года вся периферия УССР «лишена была какого бы то ни было обслуживания цирковыми зрелищами» [4, с. 20]. Критически оценивая работу ГОМЭЦ на Донбассе, Л. Горин указывает, что в таких больших рабочих центрах как Горловка, Краматорск, Никитовка и других культурное обслуживание населения ограничивалось только организацией парков отдыха, установкой аттракционов и «комнат смеха», следовательно, «ГОМЭЦ политикой и воспитанием молодежи и зрителя периферийного не интересуется» [4, л. 20].

При этом Л. Горин указывает на то, что для ГУЦ «первостепенной задачей был обхват Донбасса и др. промышленных центров» [4, л. 19] и предлагает распределять работу на периферии следующим образом: «Областной Центральный цирк как филиал центра, каковой спускает на свою периферию цирков в районные центры а также ведет работу по обслуживанию Совхозов, Колхозов, МТС и прочие сельские и населенные пункты» [4, л. 19].

Согласно приказу № 69 от 16.02.1933 года «в связи с расширением работ по Донбасской области» на должность Уполномоченного Правления Государственных Цирков был назначен А. Цененко, которому было поручено «организовать базу при Мариупольском Цирке, для материалов, фуража и т. д. То что необходимо для обслуживания Отделов Цирков на Донбассе» [3, л. 28].

Архивные документы свидетельствуют о том, что в 1933 году на Донбассе функционировали Артемовское, Енакиевское, Мариупольское,

Славянское отделения ГУЦ. Стационарные помещения имели только Енакиевское и Мариупольское отделения. Цирковое помещение в Макеевке нуждалось в ремонте после пожара. Для регулярного обслуживания цирковыми зрелищами других городов Донбасса, а также сельских ярмарок, колхозов и совхозов устанавливали шапито. Руководство ГУЦ инициировало и организацию отдельных передвижных цирковых трупп.

Исходя из информации, содержащейся в финансовых документах управления, можно сделать вывод, что каждая программа состояла из 12-13 номеров. Расчет «дорожных» расходов свидетельствует о том, что программу планировали менять каждые 15 дней [2, л. 2].

Анализ архивных документов (переписка дирекции и руководителей отделений, сохранившиеся программки и афиши разных отделений, рецензии в периодических изданиях и т. д.) позволяют сделать вывод, что программы ГУЦ содержали разнообразные с точки зрения жанровой принадлежности цирковые номера и аттракционы, которые дополнялись спортивными и развлекательными программами. На аренах цирков управления выступали как начинающие артисты, так и признанные мастера советского циркового искусства. Благодаря деятельности ГУЦ зрители Донбасса получили возможность познакомиться и с творчеством зарубежных цирковых артистов.

Государственное управление цирками, проработавшее всего десять месяцев, было ликвидировано приказом № 114 от 1. 11. 1933 года [4, л. 4]. Предпосылки создания ГУЦ, результаты деятельности управления, а также основные причины его ликвидации были ранее представлены автором в статье «Деятельность Государственного управления цирками на Украине в 1933 г.» (2013, г. Москва).

В заключение хотелось бы отметить, что деятельность Государственного управления цирками оказала позитивное влияние на процесс распространения и популяризации циркового искусства на Донбассе в 1933 году.

Список литературы

1. Кузнецов Е. М. Цирк: происхождение, развитие, перспективы / Е. М. Кузнецов. – Москва : Искусство, 1971. – 415 с.
2. Документы (штатное расписание на 1933 год, индивидуальные договоры с артистами, расчеты расходов по цирку, ведомости на зарплату, расписки сотрудников о получении денег, квитанции, накладные, контокорентные, выписки и др.) Мариупольского отделения госцирка (24 декабря 1932 – 16 июня 1933) // Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины. – Ф. 580. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 2.
3. Государственное управление цирков Народного комиссариата образования УССР. Постановление ЦАК СССР и Советского УССР «Про меры по введению оплаты перестоев и брака на производстве и транспорте.» Приказы №1-108 по объединенному

театральному тресту и цирк-сектору НКО УССР основной деятельности и личному составу. Проект штатного расписания Управления цирков УССР на 1933 год (16 февраля 1932 – 5 октября 1933г.) // Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины. – Ф. 580. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 28.

4. Переписка с артистами о включении их номеров в новые цирковые программы и приём на работу на определенных условиях, 1930 – 12 июля 1931, 8 декабря 1932 – 19 марта 1933 // Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины. – Ф. 580. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 4, 19, 20.

УДК 080

А. СУХОВО-КОБЫЛИН «СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА». СОВРЕМЕННЫЕ СЦЕНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Мартынова Т.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
tatian.mart@gmail.com

Введение. 200-летие А.Сухова-Кобылина было отмечено новыми постановками его трилогии. Мы рассмотрим одну из современных интерпретаций (2018 г.) пьесы «Смерть Тарелкина». В своей трилогии и философских трудах Сухово-Кобылин с художнической прозорливостью изобразил настоящее и будущее страны, погрязшей в бесконечных противоречиях бюрократической системы, где сами угнетатели угнетены, создатели зла в мире ненавидят мир за это зло. Попытки воздействовать на чиновников, разоблачить злоупотребления — безнадежны; и как итог звучат пророческие слова А. Сухово-Кобылина: «...светопреставление уже близко..., а теперь только идёт репетиция».

Цель состоит в том, что бы проследить трансформацию художественного, образного языка пьесы на протяжении столетия, выявить способы диалога с современным зрителем

Результат. История постановки пьес А.Сухова-Кобылина очень насыщена. В 1900 году трилогию играла Русская драматическая труппа под руководством В. Форкатти в Таганроге. Вс. Мейерхольд поставил «Дело» в Херсоне в 1904 году с И. Н. Певцовым в роли Тарелкина, в 1916 году эта пьеса была в репертуаре Незлобинского театра. В 1908 году на студии А. Дранкова был снят фильм «Свадьба Кречинского». Известно и несколько зарубежных постановок «Свадьбы Кречинского» и «Дела». Интерес к творчеству драматурга не угасает, о чем свидетельствует Библиографический указатель, составленный Е. К. Соколинским и опубликованный в 2001 году: за XIX–XX столетия — 128 постановок.

Но путь пьесы к зрителю был не так прост. Сухово-Кобылин умер в марте 1903 года, а спустя два с половиной года, в сентябре 1905-го,

«Смерть Тарелкина» была запрещена для исполнения в народных театрах, где игралась довольно часто. «Пьеса эта для народных театров совершенно непригодна, — сообщалось в цензорском рапорте, — представляя из себя сатиру на администрацию вообще и полицию в частности. Автор, хотя и в шуточной форме, яркими красками очерчивает произвол, вымогательство и взятки представителей правительственной власти. Подобные пьесы, дискредитирующие власть, нельзя не признать для простолюдина безусловно вредными, и я полагаю бы поэтому комедию „Расплюевские веселые дни“... на народных театрах вовсе не допускать». А спустя еще полгода «Смерть Тарелкина» была запрещена цензурой для исполнения вообще. «Фраза в этой пьесе: „Всю Россию под арест!“ — слишком современна», — не без ехидства замечал рецензент журнала «Театр и искусство» в 1906 г.

Вся трилогия была поставлена единожды, в 1917 г. В.Мейерхольдом. 25 января состоялась премьера «Свадьбы Кречинского», 30 августа — «Дела», 23 октября — «Веселых расплюевских дней». Но «бурная политическая жизнь страны вытеснила со страниц газет и журналов театральные рецензии, — писал К. Л. Рудницкий в исследовании „Режиссер Мейерхольд“. — Было не до театра, история безоглядно мчалась от Февраля к Октябрю. Поэтому мы располагаем весьма скудными данными о каждом из трех спектаклей... Самым удачным и по-своему пророческим, запоминающимся надолго, был третий, заключительный спектакль — „Веселые расплюевские дни“ („Смерть Тарелкина“). Эта пьеса приковала к себе пристальное внимание Мейерхольда, и недаром он к ней спустя несколько лет вернулся». В начале столетия, чреватого «неслыханными переменами», не раз обращался к творчеству Сухова-Кобылина и Александр Блок.

В 2018 году в рамках фестиваля «Золотая маска», Драмтеатр им. А.Чехова, из г. Серов привозит в Москву на конкурсную программу «Маска Плюс» свою постановку пьесы "Смерть Тарелкина" режиссер Павел Зобнин, художник Евгений Лемешонок, музыкальное оформление Петр Незлученко.

В первом акте герой/Тарелкин объясняет логику поступка, которой будет руководствоваться на протяжении всей пьесы: «Решено!.. не хочу жить...<...> Умру. Но не так умру, как всякая лошадь умирает, <...> а умру наперекор и закону и природе; умру себе всласть и удовольствие» — увлеченно сообщает о своем решении Тарелкин — в исполнении Дмитрия Плохова. Герой в оптимистичной надежде на «другую жизнь, другие желания, другой мир, другое небо!!» приступает к грандиозному перевоплощению.

Режиссер Павел Зобнин от сцены к сцене, через всю постановку, как по дантовым кругам проводит своего зрителя по всем лабиринтам искаженного мира человека, отказавшегося быть собой. Режиссёрская идея

удачно реализована сценографически. Художник Евгений Лемешонок «фундамент мира» создает с двойным дном: первый уровень – подвал весь заполненный канализационными трубами – среда обитания Тарелкина – Копылова и еще ниже, пространство ЗАКОНА, где канализационные трубы – это «небо» кабинета частного пристава. Многомерность пространства позволяет героям перемещаться не только по горизонтали сцены (повседневное), но и по вертикали (вечное), при этом сценография выглядит реалистичной и довольно подробной. Созданный художником мир образно напоминает лабиринт Минотавра и дантовский ад одновременно. Сценограф разбивает пространство на верх и низ. Два акта пьесы создают образ сообщающихся сосудов: – подвал – Тарелкин (первый акт) и пространство ниже подвала – «органы» (второй акт) – одни порождение других. Человек, стоящий на защите закона, сам его и попирает. Одно преступление порождает другое, и это непобедимо пока есть человек без лица, потерявший совесть, живущий жаждой наживы и славы.

Заключение. В современной постановке пьесы режиссёр и художник выбирают решения, в которых сочетаются образность и функциональность. Художник представил мир героя как лабиринт из сточных, канализационных труб. Чтобы добраться из одной точки сцены в другую, подойти друг к другу, актерам приходится изловчиться и преодолеть ряд препятствий, ведь это пространство не для жизни, а только для увёртываний и прогибаний. На трубах герои сидят, отдыхают, поминают, на трубах стоит гроб покойного. Из режиссерской идеи художник вычлняет детали, связанные с пространством: описание места действия, изменение хромотопических характеристик, перемещение персонажей.

Вечный в литературе мотив преображения и воскрешения доведен постановщиками до угрожающего абсурда. Здесь преступник спасает преступника, предварительно измучив его и получив то, что ему было необходимо. Освобожденный преступник «не держит зла» на обидчика и тут же начинает просить у него содействия в дальнейших преступлениях. Герои комедии-шутки делают всегда выбор в сторону рабства, унижения и полной несвободы, рассчитывая на возможные выгоды, но получая взамен лишь расчеловечивание.

«Веселые расплюевские дни» совсем невеселы по сути. Петр Незлученко усиливает это чувство музыкальным оформлением спектакля – Лунная соната Бетховена и Русское поле. Плохой, скрипучий звук, как из колонок в сельском ДК, их звучание нелепо и неприятно, от этого лирический мотив этих великих музыкальных произведений вызывает у зрителя неловкое горькое послевкусие. Под прекрасные вечные произведения – Лунную сонату и Русское поле из года в год, каждый день, вот уже более 200 лет терелкины-капыловы-варравины-полутатарино-расплюевы-шаталы и качалы-охи обеспечивают, обслуживают бесчеловечную машину.

Список литературы

1. Рудницкий К. Л. А. В. Сухово-Кобылин: Очерк жизни и творчества. – М., 1974.
2. Сухово-Кобылин А. В.: библиографический указатель литературы о жизни и творчестве писателя, постановках трилогии / [Сост. Е. К. Соколинский]. – СПб.: Гиперион, 2001. – 163, с.

УДК 372.87

ДИАЛОГ С МАСТЕРОМ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ УЧЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Минасян Н.Г., канд. пед. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
natashaminasian@mail.ru

Современные глобальные процессы мирового техногенного пространства характеризуются усилением технократических тенденций, переносом акцентов с духовных аспектов на аспекты бытия, а, следовательно, упрощением эмоциональной жизни человека, появлением морального нигилизма, эмоциональной глухоты, снижением эмпатии, психологического «онемения». Общество ощущает дефицит того, что во все времена делало человека крепче, сильнее, духовно богаче. Ведь эмоции для человека являются одним из важных аспектов формирования его внутреннего мира, ибо именно они, отражающие действительность, часто регулируют поведение человека. Исключительная важность человеческих эмоций заключается и в понимании таких дефиниций как способность к сопереживанию, сострадание, любовь. Л. С. Выготский писал, что «жизненный путь личности – это история его переживаний». Он рассматривал переживание как «аффективное отношение» к тому, что её окружает [1, с. 34]. Эмоциональный компонент нравственной сферы молодежи в будущем послужит основой их эмоциональной жизни и станет фундаментом эмоциональности в зрелом возрасте. Таким образом, проблема формирования духовно-нравственных ценностей личности с высоким уровнем эмоциональной культуры, творческой инициативы, личностного самовыражения приобретает особую актуальность на современном этапе развития общества. Доминантой преподавания предметов художественно-эстетического цикла: музыкального искусства, изобразительного искусства, мировой художественной культуры, является *восприятие произведений искусства*, на этой основе – художественно-

эстетическое, духовно-нравственное воспитание, ибо нравственно-эстетический опыт человечества, материализованный в художественно-образной форме, является сущностью самого искусства. «Понимать произведения искусства далеко не просто. Этому надо учиться – учиться долго, всю жизнь», – утверждал Дмитрий Лихачев [2]. Юноши, девушки опираются на представление мастеров прошлого и современности в решении тех или иных проблем, нравственных и социальных противоречий на основе различных мировоззренческих концепций, различного отношения человека к жизни, той или иной иерархии человеческих ценностей. Влияние художественных произведений обуславливается особой чувствительностью психики молодого человека ко всем формам выражения эмоциональных состояний, которые воплощаются в движениях, жестах, мимике, интонациях речи или в звуках, ритмах, красках, линиях и т.д. В современном образовании происходит изменение идеологии коллективизма на личностно-ориентированное обучение, предполагающее акцентуацию на личность обучаемого. В целях создания условий для свободного и всестороннего развития личности инструментарием в этом процессе выступают *гуманитарные технологии*, основывающиеся на практическом использовании знаний о человеке. Одной из главных технологий личностно-ориентированного образования, которая, как было сказано выше, является в настоящее время чрезвычайно востребованной и актуальной, является *технология учебного диалога*. Диалог является мощным средством предупреждения изоляции, возникновения одиночества личности, т.к. любой человек находит свою сущность в диалоге. В нашем исследовании диалог с мастером выступает как методология формирования духовно-нравственных ценностей молодежи в контексте преподавания мировой художественной культуры.

В качестве смысловой оси взята живопись, т.к. именно она имеет наибольшую возможность стать проводником, позволяющим визуально проявить особенности выражения в художественном образе нравственных проблем, которые являются ключом к пониманию духовности мастера.

Диалог с автором произведения дает возможность молодому человеку реально увидеть и ощутить через эмоциональное воздействие как напряженно человеческая мысль познает окружающий мир. Формирование нравственности как моральной категории происходит через погружение в «климат» картины, через понимание драматургии сюжета картины, через её пафос. Педагог помогает молодому человеку переосмыслить художественный опыт мастера через призму затрагиваемых нравственных проблем, сравнивая его с современным взглядом на добро и зло, совесть, милосердие и т.п. Великие художники создали пространства своего времени, но вступая в диалог с ними, мы видим, что в таком же пространстве, задающем нам вопросы нравственности, духовности, мы живём и сейчас. Невидимая связь между эпохами длиною в столетия,

единое нравственное поле для работы и жизни, общий опыт поиска ответов на вечные вопросы разрушают временные границы. И это благодаря диалогу культур. Учитель не просто фиксирует эти связи, а, перехватив эстафету знаменитых предшественников, пытается с молодыми людьми найти решения нравственных проблем: как понять, почему нужно простить? В чем суть покаяния? Вести диалог – значит, приобщать другого к определенной проблеме, поставленной мастером в своем произведении. Можно выделить внутри личностный диалог, диалог как речевое общение людей и диалог культурных смыслов, на котором и строится технология диалога культур. Для восприятия через *диалог с мастером* выбрано полотно великого Рембрандта ван Рейна «Возвращение блудного сына». Искания и идеалы мастера перешагнули границы времени и места. Многие, оказывается, волнует нас сейчас из того, что волновало художников прошлых веков. Через их произведения мы ощущаем связь с прошлым, ощущаем себя наследниками и преемниками. Повод для дискуссии с автором возникает сразу же в первые минуты знакомства с картиной. При восприятии картины вопросы возникают органично. И мастер художественными средствами дает на них ответы. Перед нами сумрачный холст с весьма простой композицией. Но автор «просит» взглянуть в нее внимательнее, чтобы ощутить особый таинственный свет, льющийся откуда-то из глубины и выходящий за границы тьмы, приковывающий внимание, очищающий душу. Возникает вопрос: почему главные фигуры располагаются не по центру? Случайность ли это, в чем смысл такого расположения? И Рембрандт спешит пояснить, что это он сделал намеренно, несколько сдвинув фигуры в левую сторону – ведь так лучше всего раскрывается основная идея картины. Он, вступая с нами в диалог, подчеркивает, что самое главное выделяет не образами и деталями, а светом, переносящим всех участников события к краю полотна. А для лучшего изображения всех пропорций использует золотое сечение, поставив старшего сына для баланса в правый угол, причем специально построил полотно опирающимся на фигуры, которые передают глубину пространства и открывают схему отклика, т.е. реакцию события.

Перед нами два духовно-нравственных отношения, предложенных автором, каково ближе зрителю? Ситуация выбора для молодых людей ... Обращение к собственному «Я» ... Отношение отца к сыну и отношение брата к брату. Художник через картину, выступающую реальным текстом автора, закодированным в краски, композицию, воспроизводящую мысль собеседника-автора-мастера, в диалоге со зрителем, основываясь на постулатах эмоционального воздействия искусства, призывает каждого оценить свой внутренний мир, сделать собственный нравственный выбор. «Возвращение блудного сына» – иллюстрация человеческого пути к самопознанию, самоочищению и духовному росту.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Психология как феномен культуры. – Воронеж: Модэк; М.: Институт практической психологии, 1996. – 512 с.
2. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном / Дмитрий Сергеевич Лихачев; сост. и общ. ред. Г. А. Дубровский. – Изд.2-е, доп. – М. : Дет. л-ра, 1988. – 288 с.

УДК 1(091)

«ВЕЛИКА И ПОРАЗИТЕЛЬНА ОБЛАСТЬ ГЕОГРАФИИ»: «МЫСЛИ О ГЕОГРАФИИ» НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

Минат В.Н., канд. геогр. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет
имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ
minat.valera@yandex.ru

Введение. Именно этими словами, вынесенными в заглавие настоящей статьи, начинает Н.В. Гоголь делиться своим географическим мировоззрением с читателями. Интерес к географии у Гоголя пробудился рано и сопровождал его всю жизнь. Он намеревался создать специальный труд по географии России, стать автором не только художественных произведений, но и географических трудов. Осуществить этот замысел не удалось. Судьба отвела Гоголю всего 43 года жизни. Слишком мало! Как и многим гениальным людям! В публицистических статьях, в письмах друзьям он высказывает мысли, созвучные с ключевыми и сейчас положениями нашей науки. Гоголь проникся пониманием роли географии, ее важности для познания России.

Основная часть. Великого писателя Николая Васильевича Гоголя связывает с географией многое. Лирические отступления в его произведениях – это гимны в честь Днепра, южнорусской степи, украинской ночи. Путешественник по натуре, для которого путешествия стали образом жизни, Гоголь заставил и героев своих книг быть в постоянном движении.

Вскоре после окончания Нежинской гимназии и приезда в Петербург (1828 г.) он опубликовал в «Литературной газете» статью под псевдонимом Г. Янов «Несколько мыслей о преподавании детям географии». *Гоголь думает о географии, пишет о ней как об области человеческих знаний, науке, школьном предмете.* Доработанная статья под новым названием «Мысли о географии» включена в сборник «Арабески», опубликованный позднее. Небольшая, но очень емкая, богатая мыслями [3]. География предстает как интересная, необходимая наука и учебный предмет, особенно полезный для образования и воспитания молодежи:

«Где найдутся предметы, сильнее говорящие юному воображению! Какая другая наука может быть прекраснее для детей, может быстрее возвысить поэзию младенческой души их!» [1].

География раскрывает мир – «величественный, роскошный, грозный, пленительный» – в его удивительном разнообразии. Писатель по сути дела утверждает девиз современной учебной географии: «Учиться должно быть интересно!» Вскользь замечает: «Да, впрочем, что не интересно в географии?» Адресует учителям утверждение: «Ленность и непонятливость воспитанника обращаются в вину педагога и суть только вывески его собственного нерадения; он не умел, он не хотел овладеть вниманием своих юных слушателей; он заставил их с отвращением принимать горькие свои пилюли» [1].

Анализируя статьи «Мысли о географии», «О преподавании всеобщей истории», «Об архитектуре нынешнего времени», «Жизнь» и художественные произведения, письма, краткие заметки, попытаемся охарактеризовать основные черты гоголевской географии.

Внимание к человеку, его сложной натуре, его душе – основная установка. Антропоцентризм у Гоголя выражен четко, сильно и красочно. Познавать, скажем, город нужно, узнав как можно больше о его обитателях. Советует А.П. Толстому: «Приехавши в первый губернский или уездный город, старайтесь узнать его достопримечательности. Они не в архитектурных строениях и древностях, но в людях. Клянусь, человек стоит того, чтобы рассматривать его с большим любопытством, нежели фабрику и развалину... Познакомьтесь прежде всего с теми из них, которые составляют соль каждого города или округа; таких бывает человека два-три в каждом городе. Они вам в немногих чертах очертят весь город» [1].

В свое время Н.Н. Баранский, усмотрев трагедию географии в том, что человек в ней «провалился» между природой и хозяйством, укоряюще и горестно воскликнул, используя фразу чеховского героя: «Человека забыли!» В творчестве Гоголя человек не забыт. Ему отведено первое место.

Задолго до рождения крылатой фразы Н.Н. Баранского: «Карта – второй язык географии» [2] – Гоголь высоко оценивал значение карты, призванной развивать воображение и помогать закреплению знаний. Гоголь даже отдавал карте предпочтение перед книгой: «Воспитанник не должен иметь вовсе у себя книгу. Она, какая бы ни была, будет сжимать его и умерщвлять воображение: перед ним должна быть одна только карта... Чтобы воспитанник... глядел на место в своей карте, и чтобы эта маленькая точка как бы раздвигалась перед ним и вместила бы в себе все те картины, которые он видит в речах преподавателя. Тогда можно быть уверенным, что они останутся в памяти его вечно; и взглянувши на скелетный очерк Земли, он его весь наполнит красками» [1].

Гоголь говорит об этом очень четко: «Преподаватель обязан исторгнуть из обширного материала все, что бросает на город отличие и

отменяет его от множества других... Все общее городам должно быть исключено в определении каждого города. Во многих наших географиях до сих пор в определениях губернского города рассказывается, что в нем есть гимназия, соборная церковь; уездного, что в нем есть уездное училище, и т.п. К чему? Воспитаннику довольно сказать сначала, что у нас гимназии во всех губернских городах, церкви также. Но Кремля, Ватикана, Пале-Рояля, Фальконетова Петра, Киево-Печерской лавры, Кинг-Бенча – нет других в мире» [1].

Гоголь определенно согласился бы с формулировкой наших современников: «Что есть везде, в географии не должно быть нигде!»

На эту связь Гоголь указывал не один раз. Причем географии вовсе не отводилась роль подсобной дисциплины, имевшей задачей привязку исторических событий к определенному месту. Ее роль представлялась Гоголю намного существенней: «География должна разгадать многое, без нее неизъяснимое в истории» [1].

Очевидно тяготение Гоголя к исторической географии. Часть гоголевских произведений (большой частью отрывки незаконченных работ) посвящены историческим и историко-географическим темам и сюжетам. Среди них – «О движении народов в конце V века», «О средних веках», «Жизнь», «Взгляд на составление Малороссии».

В очерке «Взгляд на составление Малороссии» описываются события XIII-XIV веков на территории Киевской Руси, которая после татаро-монгольского нашествия оказалась под властью Литовского государства. Говорится о заселении земель, разоренных нашествием, выходцами из Польши, Литвы, России. Дается выразительная, сочная характеристика территории, которая в результате разорения стала Диким полем: «Беззащитная, открытая земля эта была землей опустошений и набегов, местами, где сшибались три враждующих нации, унавожена костями, утучнена кровью... Это была земля страха, и потому в ней мог образоваться только народ воинственный, сильный своим соединением, народ отчаянный, которого вся жизнь была бы повита и взлелеяна войною» [1].

Гоголь пишет о миграциях, в результате которых сложилось «пестрое сборище самых отчаянных людей», не боявшихся рисковать, отважных и предприимчивых. Сто с лишним лет спустя об этом же писал Л.Н. Гумилев: «...на степной окраине скапливались пассионарии, тяготившиеся жесткими порядками Москвы и беспорядком Польши» [3].

Заключение. Анализ «Мыслей о географии» Н.В. Гоголя проанализированных с географических позиций не укладывается в уже опробованную в географическом литературоведении схему: 1) география литературного действия; 2) влияние места рождения писателя, его учебы и деятельности на творчество; 3) путешествия автора и его героев; 4) образы разных географических объектов. Гоголю присущи особенности, выделяющие его из писательской среды.

Список литературы

1. Гоголь, Н.В. Нужно любить Россию / Сост., предисл. и коммент. В. А. Воропаева. / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 672 с.
2. Даринский, А.В. Методика преподавания географии: учеб. пособие / А.В. Даринский. – М.: Просвещение, 1975. – 368 с.
3. Лаппо, Г.М. География и Гоголь / Г.М. Лаппо // География, 2009. – № 9. – С. 12-16.

УДК 008

О ЗНАЧЕНИИ ПОНЯТИЯ «ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ КАРТИНЫ МИРА

Минат В.Н., канд. геогр. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет
имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ
minat.valera@yandex.ru

Введение. Суть жизненных потребностей человека – адекватное существование в объективно сложившихся жизненных обстоятельствах, в формировании своего особого способа воздействия на них, в выработке своего стиля вхождения, пребывания, деятельности и выхода из разного рода жизненных ситуаций (в самом широком смысле). Культура – это не что иное, как истолкование человеком своей собственной жизни, набор удачных или неудачных решений, которые он принимает в процессе преодоления трудностей и нужд, формировании своей картины окружающего мира [3]. Безусловно, что картина мира нуждается в научном познании, восприятию не только с эстетических и нравственных позиций, но и с точки зрения понимания объективных законов развития природы, общества и т.д.

Единое понятие «культура» неоднородно в «вертикальном» или «отраслевом» аспекте. В самом деле, мы говорим о математической, физической, химической, биологической, лингвистической, исторической, экономической, географической и других культурах. Составляя в совокупности общую культуру, они имеют право на существование и каждая в отдельности [2]. Нас интересует вопрос о *географической культуре*, в котором, к сожалению, до сих пор нет достаточной ясности.

Основная часть. О роли и значении географии для общечеловеческой культуры и образования говорили и писали очень многие известные люди. Если иметь в виду только россиян, то это – М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, К. Д. Ушинский, К. Г. Паустовский, да и ряд других

деятели культуры. Из ученых-географов можно назвать Д. Н. Анучина, Л. С. Берга, Н. Н. Баранского, Р. М. Кабо, Ю. Г. Саушкина, В. С. Преображенского, А. В. Даринского, Ю. А. Веденина. Но все эти высказывания сделаны, как правило, в самой общей форме. Речь шла о географии как явлении культуры, о значении географической составляющей общечеловеческой культуры, в том числе и для образования, в первую очередь школьного. А также о том, что географическая культура берет на себя истолкование ряда процессов и явлений в природе и обществе, знакомство с естественной и социально-экономической основами общественного производства, ориентацию на разумное и нравственное поведение людей в окружающей среде и пр. Однако этого, разумеется, совершенно недостаточно.

Впервые в отечественной литературе подробно и всесторонне понятие, сущность, содержание и структуру географической культуры раскрыл В. П. Максаковский. В его одноименном произведении даны научные и методические основы географической культуры, выявленные и обоснованные автором через призму географических знаний и школьной географии.

Нельзя не учитывать того, что в последнее время само содержание понятия о географической культуре заметно обогатилось. Если на первых порах оно фактически полностью вбирало в себя только понятие о картографической культуре, то затем к нему добавились элементы экономической, а в последнее время, что особенно важно, *экологической культуры*. Разумеется, экологическая культура представляет собой более широкое межпредметное понятие, характеризующее направленность человеческой деятельности на сохранение природных условий, необходимых для жизни, и во многом определяющее степень общей цивилизованности общества. По мнению акад. Н. Н. Моисеева, несмотря на разнообразие цивилизаций, которое будет существовать и впредь, должно быть положено начало формированию некоторой общепланетарной системы экологических знаний и принципов взаимоотношения с природой, в равной степени необходимой всем обитателям планеты. Поэтому географическую культуру нельзя считать синонимом экологической культуры. Но нельзя отрицать и того, что элементы экологической культуры в ней представлены широко.

Далее, нам представляется, что понятие «географическая культура» можно трактовать в двух аспектах – узком (специальном) и широком (массовом). В первом случае речь идет о профессиональной культуре специалистов-географов, которые, естественно, обязаны глубоко разбираться во всех основных теоретических и прикладных вопросах своей науки.

Во втором случае мы имеем в виду все население страны и те – пусть довольно скромные – познания в области географии, которые необходимы

каждому гражданину современного цивилизованного общества. Учитель географии в этой связке занимает как бы промежуточное положение, являясь с одной стороны географом-профессионалом, а с другой – проповедником массовой географической культуры в молодежной среде.

Заключение. Итак, нам представляется, что в структурном отношении понятие о географической культуре должно включать четыре основных компонента:

- 1) географическую картину мира;
- 2) географическое мышление;
- 3) методы географии;
- 4) язык географии.

Эти компоненты одинаковы и для специальной и для массовой географической культуры, а различаются они прежде всего глубиной раскрытия – большей в первом случае и меньшей во втором. Не трудно догадаться, что наибольшую сложность представляет собой интерпретация первого из четырех перечисленных компонентов, поскольку фактически его раскрытию посвящена вся наша географическая литература и все географическое образование.

Поэтому, говоря словами одного из крупнейших географов-методистов акад. В.П. Максаковского, продвигаться в научном познании *географической картины мира* следует «... не от ее конкретно-эмпирического, а от теоретического ее содержания, основанного прежде всего на системе географической науки и иерархии ее научных знаний» [1, с. 9].

Список литературы

1. Максаковский, В.П. Географическая культура: учеб. пособие для студентов вузов / В.П. Максаковский. – М.: ВЛАДОС, 1998. – 416 с.
2. Минат, В.Н. Образовательный, воспитательный и духовно-нравственный аспекты преподавания экономической теории в российском вузе / В.Н. Минат, С.В. Глубокий // в сб.: Духовно-нравственные проблемы национального хозяйствования: Материалы научно-практ. конференции. / Отв. ред. Г.А. Борискина. – Рязань, 2005. – С. 109-112.
3. Соколов, А.С. Культурная парадигма как базовая ценность духовно-нравственного развития / А.С. Соколов, В.Н. Минат // в сб.: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Междунар. науч. конференции / Под общ. ред. С.В. Беспаловой. 2018. – С. 278-280.

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ГЕНЕЗИСА КУЛЬТУРЫ

Мостяев Ю.Н.¹, канд. ист. наук, доцент,

Минат В.Н.², канд. геогр. наук, доцент

¹ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»,
г. Рязань, РФ

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет
имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ

minat.valera@yandex.ru

Введение. Человечество в конкретное культурно-историческое время в процессе создания своей собственной жизни вынуждены решать и решают специфическим, особенным способом реальные, подлинные жизненные проблемы [4]. На наш взгляд, этот способ выступает стилеобразующим фактором жизни этих людей, а культурная парадигма как образец актуализации способов решения жизненных проблем обладает онтологическим статусом и является феноменом социокультурной действительности, а не только социально-философским концептом.

Основная часть. На основе теоретического исследования процесса культурогенеза, мы пришли к выводу о следующих закономерностях данного процесса. Представим их в виде тезисов.

Во-первых, *локальность становления культур.* В каждом регионе, освоенном человеком, у каждого этноса, изолированно от других регионов, формируется своя специфическая культура. Эта уникальность культуры сохраняется на века, пока живет народ, создавший данный тип культуры.

Во-вторых, разнообразие культур, которое формируется на этапе их возникновения, *обусловлено природно-географическими условиями.* Последние влияют на образ жизни людей, их мышление, что выражается в способах изготовления орудий труда, жилищ, предметов быта, их материале, в нормах мышления, верованиях и т.п.

Характерно, что в регионах с тропическим климатом природа как бы баловала человека. Здесь не требовалось особых усилий, чтобы взять у природы самое необходимое для выживания и продолжения рода. Шел процесс стагнации, торможения развития разума человека и его культуры. То же самое происходило в регионах с суровым климатом и весьма скудными природными благами, где человек, ведя изнурительную борьбу, вынужден был довольствоваться очень ограниченным кругом благ. Общество на этом этапе постоянно находилось в состоянии маргинальности. Интеллект человека вынужден был «примириться» с этим часто драматическим состоянием.

Наиболее благоприятными условиями, побуждающими человека к широкой творческой деятельности и дающими материал для подобной

активности, являются регионы с умеренным климатом, с наличием естественных путей сообщения, плодородных почв и пастбищ. Такими регионами оказались области Двуречья (Месопотамии), долины рек Нила, Ганга и Инда, Янцзы и Хуанхэ, районы Средиземноморья и Центральной Америки. Именно в этих регионах возникают и активно развиваются первые очаги культур, а затем и обширных цивилизаций.

Историко-географический подход к изучению любой территории, ее изменению во времени, даже в историческом времени, изначально предполагает хотя бы краткую оценку географической среды, в рамках которой происходило формирование единого пространства древних славян и образования Древнерусского государства.

Крупный советский ученый В.А. Анучин, исследуя географический фактор в развитии общества на разных этапах его эволюции, указывает, что для удовлетворения потребностей раннеклассовых обществ географическая среда Восточной Европы была менее разнообразна, чем географическая среда западной части Европейского континента. И это обстоятельство обуславливало большие различия в уровне и направлении общественного развития народов, населявших Восточную Европу [2].

Если произвести сильную территориальную генерализацию, то при господстве родового строя внутри Восточной Европы выделялись три крупных региона: Северный, Юго-Западный и Юго-Восточный.

Северный заселяли финские племена, жившие почти исключительно охотой и рыбной ловлей. Земледелие им хотя и было известно, но не имело большого значения в хозяйстве. В нем длительное время и не возникало общественной необходимости. Охотничье хозяйство удовлетворяло потребности этих племен. Ареалы расселения финских племен охватывали междуречье Угры и Протвы (Голядь), мещера заселяла северную часть нынешней Рязанской и южную часть Владимирской областей, мордва – долину Мокши, мурома жили в долине средней Оки, а меря – между Клязьмой и Волгой. Юго-Западный регион отличался более заметным географическим разнообразием. Он входил в число ойкумен раннего развития человечества. Днестр был «рекой жизни» для земледельческих племен, заселявших часть его бассейна. Здесь обнаруживаются следы культуры, насчитывающей не менее 5 тыс. лет. Юго-Восточный регион имел не столь разнообразные географические условия, как и Приднестровье. Вероятность древних очагов земледелия здесь меньше, хотя полностью исключать их не следует [3].

В-третьих, что самое существенное, непосредственной детерминантой возникновения культуры является *трудовая* деятельность первобытных людей, связанная с добыванием, а затем с производством пищи, одежды, жилищ, т.е. потребительских благ. Эта деятельность принуждала людей с неизбежной необходимостью изобретать и усложнять орудия труда, а также способы его организации. Орудия труда становятся

более рациональными, совершенными. Главное то, что орудия и средства труда, многие продукты труда, передаваясь в смене поколений, являлись и являются *источником и основой формирования их мышления*. В процессе труда человек вырабатывает способность к абстрагирующей и синтетической деятельности, способность различать и соединять различное. Эта логика духа опредмечивается в продуктах труда [1].

В-четвертых, каждый новый шаг по пути совершенствования и рационализации человеком своей предметной деятельности являлся *актом отрицания в себе дикости и невежества, актом движения на новые ступени разумности и культурности*. Разрешалось противоречие между двумя этими полюсами человеческого духа, что является *закономерностью* эволюции человека и его культуры на всех этапах их истории. По сути дела данный закон проявляется в интеллектуальном становлении каждого единичного человека. Развитие индивидуального сознания представляет собой сокращенное, сжатое во времени и пространстве повторение эволюции человеческого сознания.

Заключение. Возникновение культуры – это процесс, вмещающий многие тысячелетия; процесс, которому присущи особые закономерности, т.е. существенные отношения и тенденции. Однако современная культурологическая мысль не стремится в должной мере высветить эту важную сторону генезиса культуры. Закономерности генезиса культуры не исчерпываются вышеизложенным содержанием. Здесь обозначены лишь основные тенденции данного процесса, протекавшего многие тысячи лет.

Список литературы

1. Белоконев, Г.П. Пороки образованщины / Г.П. Белоконев. – Ростов н/Д: Новая книга, 2008. – 336 с.
2. Минат, В.Н. Договорно-правовые основы изменения территории и границ России / Минат В.Н. – В сб.: Экономика и право: теоретические и практические проблемы современности материалы международной научно-практической конференции. НОУ ВО «Московская академия экономики и права», Рязанский филиал. – Рязань, 2016. С. 117-123.
3. Минат, В.Н. Развитие подходов к историко-географическому районированию России / В.Н. Минат // в сб.: Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук : сборн. науч. трудов. – Рязань, 2017. – С. 101-116.
4. Соколов, А.С. Культурная парадигма как базовая ценность духовно-нравственного развития / А.С. Соколов, В.Н. Минат // в сб.: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Междунар. науч. конференции / Под общ. ред. С.В. Беспаловой. 2018. С. 278-280.

ФЕНОМЕНЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩИННО-РОДОВОГО СТРОЯ

*Мостяев Ю.Н.*¹, канд. ист. наук, доцент,

*Минат В.Н.*², канд. геогр. наук, доцент

¹ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»,
г. Рязань, РФ

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет
имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ
minat.valera@yandex.ru

Введение. На этапе становления первобытной культуры духовная деятельность человека была, говоря словами К. Маркса, непосредственно вплетена в материальную деятельность. Человек не отделял мыслительную деятельность от чувственно-предметной [4]. Лишь в эпоху перехода от позднего палеолита к неолиту постепенно формируются и приобретают относительно самостоятельный характер различные формы духовной деятельности: магия и колдовство, культовые обряды и ритуалы, элементы живописи и танца, мифы и легенды, изготовление украшений и т.п.

Основная часть. По своему назначению эта деятельность духа преследовала главным образом чисто прагматические цели – способствовать удачной охоте или получению богатого урожая, предотвращению грозных явлений природы или болезней. Поэтому первобытная культура по своей сути и содержанию имела *синкретический* характер [3]. Все многообразие этих феноменов объединялось (греч. *syncretismos*), синтезировалось в одном сложном действии и подчинялось достижению одной цели, связанной с борьбой за выживание и сохранение, с защитой и продолжением, воспроизводством своего рода.

В становлении различных форм магии и мифов особая роль принадлежит речи, языку, который возникает и развивается под непосредственным воздействием материальной практики и общения в процессе труда [2]. Язык, речь как непосредственная действительность и универсальная форма выражения мысли является величайшим богатством культуры любого этноса. Благодаря языку до наших дней дошли многие явления и ценности архаической культуры. Дошли, естественно, в модифицированном виде. Это, например, восхитительное богатство обычаев и традиций, явлений тотемизма и верований, магии и мифов. В языке, в его структуре и словарном запасе сохранились многие красочные картины первобытных эпох, без которых современная культура была бы весьма бедна [1].

Магия (от греч. *magos* – чародей, волшебник) возникает и развивается из способа жизнедеятельности первобытных людей.

Различается охотничья и земледельческая магия. Общее в них то, что магия предстает как совокупность рационально необъяснимых действий, способных якобы вызвать желаемые явления природы. У человека родового строя магия основана на одухотворении предметов и явлений природы. Ценность магии состояла в том, что она помогала человеку этой эпохи понимать и объяснять не всегда к нему «добрый» окружающий внешний мир [1]. Главное, она способствовала его выживанию. Магия давала людям веру в свои силы, в возможность выстоять в борьбе со стихией природы.

Величайшей жемчужиной первобытной культуры являются мифы (греч. *mythos* – сказание, предание) предания о многих событиях и героях доисторической эпохи, имеющих во многом вымышленный, фантастический характер. Но, как показывают исследования, мифы содержат много достоверного. Мифы являются первым, донаучным способом познания, освоения природы и истории своего рода, представленной в наивной форме. Они характеризуют логику мышления первобытного человека, его *мировоззрение*. В силу этого мифы стали предметом изучения различных наук. Например, многие мифы говорят о том, что весь окружающий мир возникает из *хаоса*.

На современном этапе этот термин превратился в *научное* понятие. Им вынуждены оперировать и постигать его смысл науки, пытающиеся объяснить тайны возникновения человека, Земли и всей Вселенной. Кроме того, содержание мифов является богатейшим источником познания первобытной истории человечества. Но особенно внушительна их роль в развитии различных видов искусства новой и новейшей истории. Они являются вдохновляющим источником многих его видов и жанров.

Мифы – это удивительные сказки человечества. Они волнуют и восхищают, вызывают гнев и радость, печаль и надежду. Но традиции мифотворчества живут и в современную эпоху, составляя драгоценное сокровище в формировании мышления миллионов малышей; они функционируют в форме сказок. Это духовные изумрудины, без которых немислимо интеллектуальное становление самого младшего поколения. По своему содержанию мифы делятся на следующие виды: космологические, повествующие о происхождении космоса; антропологические, рассказывающие о происхождении человека; эсхатологические, описывающие конец света; этические, освещающие происхождение обычаев и традиций, вещей и предметов, которые сопровождают труд и нравственные отношения людей [1].

Заключение. Итак, рассматривая этапы и закономерности генезиса культуры, важнейшие особенности первобытной культуры, можно сделать некоторые выводы.

1. Возникновение культуры является грандиозным скачком в становлении человеческого рода. В достижениях культуры первобытный

человек не только объективирует и тем самым развивает деятельность своего духа, разума, но и делает первые шаги по преодолению в самом себе явлений дикости и невежества. Отчуждая свой дух, человек создает иной, интеллектуально насыщенный мир, в котором созерцает свою собственную сущность.

2. Значение первобытной культуры состоит в том, что в древние эпохи закладываются внушительные основы для дальнейшего прогресса материальной и духовной культуры. Особенно важно то, что в форму мысли превращается все, что было доступно живому, чувственному созерцанию и не имело своих определений, имени, даже *названия*. Это сеть исторически значимая деятельность духа человека родового строя, духа, который еще не понимает себя, но стремится освоить, превратить в мысль, в представление, в знание наличное бытие природы и тем самым создать иную, очеловеченную природу – мир культуры.

Список литературы

1. Белоконев, Г.П. Пороки образованщины / Г.П. Белоконев. – Ростов н/Д: Новая книга, 2008. – 336 с.

2. Минат, В.Н. Договорно-правовые основы изменения территории и границ России / Минат В.Н. – В сб.: Экономика и право: теоретические и практические проблемы современности материалы международной научно-практической конференции. НОУ ВО «Московская академия экономики и права», Рязанский филиал. – Рязань, 2016. С. 117-123.

3. Минат, В.Н. Развитие подходов к историко-географическому районированию России / В.Н. Минат // в сб.: Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук : сборн. науч. трудов. – Рязань, 2017. – С. 101-116.

4. Соколов, А.С. Культурная парадигма как базовая ценность духовно-нравственного развития / А.С. Соколов, В.Н. Минат // в сб.: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Междунар. науч. конференции / Под общ. ред. С.В. Беспаловой. 2018. С. 278-280.

УДК 7.01: 316.647.6 «19»

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЭСТЕТИКИ НОНКОНФОРМИЗМА

Пиченикова С. Г.

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств
имени М. Матусовского», г. Луганск, ЛНР
pichenikova_svet@mail.ru

Несогласие и протест всегда были свойственны человеческой природе и неоднократно служили залогом развития и прогресса.

Некоторые эволюционисты даже считали своеобразный первобытный «нонконформизм», выразившийся в отрицании естественных животных импульсов, одним из определяющих факторов антропогенеза. «Бунтарь лесов» – так поэтично характеризует французский исследователь Эдгар Морен нашего воображаемого предка, который на заре истории предпочел суровой иерархии лесных приматов бесконечный риск открытых пространств. «Кажется почти очевидным, что инициаторами революции очеловечения были отклоняющиеся от «нормы» изгои, авантюристы, бунтари» [1, с. 218].

Явление конформизма связано с группой. Конформизм – изменение поведения или убеждения в ответ на реальное или групповое убеждение с тем, как может группа влиять на отдельного человека. Если человек согласен с мнением большинства, с мнением или убеждением группы – он получает поддержку и одобрение. Наоборот – если он идет против течения, то встречает недовольство, отвержение, ненависть. Таких людей называют нонконформистами. По большей части они лидеры, генераторы идей, новаторы. Если человек является лидером в коллективе – то ему будет позволено небольшое отклонение от общего поведения. Нонконформист предлагает новые идеи, идет нехоженой тропой. Подобный образ мыслей не приносит популярности. Сначала его не воспринимают, но через некоторое время люди принимают новые решения и спокойно пользуются всеми благами цивилизации. Нонконформист сталкивается с непониманием и отвержением со стороны общества. Конформистов большинство и скорее всего, человек просто боится менять жизнь, стремиться к новому, забывать старое. «Иногда несгибаемая позиция – результат паралича» (Станислав Ежи Лец).

Явление конформизма исследовалось многими учеными. Заметное место в изучении истории инакомыслия занимают работы С. В. Кулешова, О. В. Волобуева, Ю. Ф. Лукина, Т. А. Сивохиной, М. Р. Зезиной, Е. И. Пивовара, А. Б. Безбородова и др.

В научном же плане заявленная тема по отдельным аспектам стала входить в предмет исследований лишь с середины 1990-х гг. В частности, к ней обращались М. И. Геллер, С. Г. Кара-Мурза, И. Я. Фроянов, О. М. Хлобустов, М. В. Ходяков, В. Н. Хаустов, А. И. Шубин и др.

Нонконформизм (от лат. *non* – не, нет и *conformis* – подобный, сообразный). Под нонконформизмом понимают отрицание устоев и правил, существующих в какой-либо группе, обществе или сообществе, и предложение собственного видения проблемы или ситуации. Иными словами, человек выбирает свой путь, а не следует правилам, которые ему диктует толпа. Примеры нонконформизма есть в разных сферах жизни – политике, культуре, искусстве, науке. Как правило, нонконформизмом обладают более интеллектуальные, уверенные в себе и устойчивые к стрессам люди. В ряде случаев – стремление поступать именно наперекор.

Театральный режиссер Г. А. Товстоногов называл это явление «вопрекизм». По сути, нонконформистами можно назвать всех людей (видных деятелей и ученых), которые в своих открытиях опережали время, а потому были отвергнуты обществом (например, Галилео Галилей, Джордано Бруно и др.).

Однако с усложнением социальной организации человечества роль нонконформизма становилась все более неоднозначной. Ведь любая система закономерно стремится маргинализировать, подавить, а, в конечном счете, и вовсе исключить протест, и чем она сложнее, тем больше у нее для этого возможностей. Но и нонконформистские элементы, все чаще переходя на экстремистские, сугубо деструктивные позиции. В современном мире отчетливо прослеживаются оба эти взаимосвязанных процесса. Первый проявляется главным образом в планомерном оттеснении протестных групп в левую политическую нишу, второй – в их подчас нарочито антигосударственной и даже антиобщественной направленности.

Оценивая явление нонконформизма необходимо указать на то, что перед нами феномен, прежде всего эстетически значимый, поскольку представившие и представляющие его деятели в первую очередь ставили перед собой и решали вопросы, касающиеся непосредственно искусства в контексте «несогласия», протеста против официальной власти. Явление формировалось как экспериментирование и творчество, основанные на сознательном отказе от устоявшихся схем, ложной парадности и шаблонного упрощения тем и стилистики, на последовательном неприятии официальной идеологии и противостоянии ей в исключительно художественной сфере и сугубо художественными средствами. «Осуществлялся поиск и целенаправленное движение к формированию собственными силами другого языка», других способов выражения художественной мысли, лично пережитых и прочувствованных представлений о себе, о мире, искусстве [3, с. 115].

Для нонконформизма характерны углубленность в душу (внутреннее Я) художника и необычные формы выражения нового психологического материала. «Бодрствующая душа» художника вступает в контакт с любым, самым малым явлением современной ему действительности, освещает новые грани объекта при его соприкосновении с душевной жизнью. «Чувствующая мысль», тяготея к осмысленности впечатлений, при помощи ассоциаций наделяет смыслом всякий образ или намёк на него в картине. Напряжение душевных сил способно обострить и направить мысль и душу художника в запредельные, недоступные обычному опыту, но необходимые для творчества области. По самым разным и неожиданным поводам художник может проявлять внимание к окружающему миру с вовлечением Высших сил в своё творчество» [2, с. 50].

Историческая заслуга нонконформизма заключается в воскрешении в обществе, искусстве и прочем, внимания к бесконечному разнообразию

проявлений человеческой психики. **Нонконформизм**, по нашему мнению, искусство экзистенциалистское, основанное на разговоре художника со своей душой, и картина может возникать не только из сильных однозначных чувств, но и из совокупности впечатлений, упоминаний, внутренней необходимости увековечить бессловесную, как бы взывающую о помощи красоту – ту красоту, которая возникает из потребности художника её видеть, и чувствовать. Скрытый смысл картины добывается усилием сознания, направленного на смутные ощущения и подробности глубинной душевной жизни. Для экзистенциалистского искусства XX века характерно мужество отчаяния, порожденное отсутствием смысла существования, и самоутверждение вопреки всему. Применительно к личности художника тревога судьбы и смерти явилась главной проблемой **современного искусства** и нонконформизма как его части.

Список литературы

1. Андреева Е. Угол несоответствия. Школы нонконформизма. Москва – Ленинград. 1946–1991 / Е. Андреева. – М.: «Искусство – XXI век», 2012. – 464 с.
2. Исмиева В. М. Проблема социального героя в философии К. Г. Юнга: диссертация кандидата философских наук: 09.00.13 / В. М. Исмиева. – Москва, 2006. – 186 с.
3. Политология. Энциклопедический словарь / под ред. Ю. И. Аверянова. – М. : Издательство Московского коммерческого университета, 1993. – 432 с.

УДК 080

ЖАНРОВЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОЙ ДРАМЫ БАРОККО (на материале славянских пьес XVI–XVIII веков)

Плахтий Т.П.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
plachtijt@mail.ru

В теоретический дискурс нашего исследования, посвященного проблеме полижанровости славянской религиозной барочной драмы, включены литературоведческие работы И. М. Зварича, Н. Д. Тмарченко, Н. Л. Лейдермана, З. Б. Лановик и др. В докторской диссертации И. М. Зварича [2] продемонстрирован характер связи мифа с художественным мышлением. Автор доказывает эффективность применения комплексного метода исследования к разножанровым текстам фольклора и литературы. Поскольку барочная славянская религиозная драма в своей полижанровой структуре обобщает, генерализирует ряд

жанровых форм религиозного языка, для нас особый интерес представляет герменевтический дискурс работы З. Б. Лановик [3]. Ученым библейские тексты рассматриваются как основной источник интертекстуальности, литературного диалогизма, аллегоризации, архетипического мышления, символизма, метаязыковой семиотики мировой культуры. Кроме того, исследование З.Б.Лановик дает возможность типологизированные жанровые парадигмы библейских текстов сравнить с жанровыми формами славянской драмы эпохи барокко.

В пособии по теории литературных жанров под редакцией Н.Д.Тамарченко [6] систематизированы парадигмы эпических, лирических и драматических жанров, актуализирована проблема исторического перехода от жанров канонических к неканоническим жанровым структурам. В теоретический дискурс вводятся понятия «жанровый канон» и «внутренняя мера жанра».

Монография Н.П. Лейдермана «Теория жанра» [4] представляет собой опыт построения системной теории жанра. Дается обоснование представления о функциях жанра как фундаментального художественного закона, разработана теоретическая модель жанра. Выявляются особенности построения «образа мира» в основных жанрах эпоса, лирики и драмы. Автор оперирует понятиями «память жанра», «архетипные жанры».

Архетипическая жанровая модель славянской религиозной драмы барокко представляет собой организующий механизм художественной системы репрезентации архетипа в драматическом тексте. Специфика жанровой модели древнеславянской драмы обусловлена задачами, которые ставились перед её авторами: реализация функций риторических фигур; репрезентация теологических догм христианской религии; эстетическое воздействие на зрителей барочного театра посредством объективного отражения действительности согласно канонам риторики, христианским догматам. В целом, барочная религиозная драма, отображая мифопоэтическое мировоззрение эпохи, воссоздает христианскую картину мира.

В полижанровую структуру барочной религиозной драмы интегрированы различные протожанровые формы. Многие из них – генетически связаны с фольклорными жанрами и славянскими обрядами. Другие – презентуют нарративные стратегии духовных жанров.

В одной из сцен пьесы Дмитрия Ростовского «Успенская драма» (Комедия на успение Богородицы). Ангел обращается к человеку в речевой форме наставления: *«Возри на долную твар, юноше блаженный, / Изочти песок воскрай мора положенный»* [5, с.174]. Тема скорого Воскресения Богородицы в этой драме митрополита Ростовского звучит в форме духовного жанра богославия: *«Поклоняюся, славлю, что и ублажаю, / Рыдание од сердца и плач отлагаю»* [5, с. 186-187]. Образ слез Богородицы гиперболизирован в медитации-молитве фигуры Плача: *«... Нас в море слез втопляеш. / Поели чрез тя свет от Сина, / Буди нам радост едина!»*

[5, с.199]. В этом монологе минорная тема скорби о смерти Богоматери переходит в мажорную тему радости.

В древнеславянской драме И.Волковича «Размышление о муке Христа, спасителя нашего» [1] в реплике-заговоре персонифицированного образа Души Набожной указывается на очищающую функцию моря: «*Затверделое милосердые рач в него вдарити. / Аби обфитое слез море спустило, / Которое би грехи мои очистило*» [1, с.100]. Кровавые слезы Пречистой Девы Марии автором пьесы «Размышление о муке Христа, спасителя нашего» сравниваются с горной росой в протожанровой форме заклинания: «*Сойте горнии гмахи смутне ся дивете, / Кровавую з себе росу гойне испустите*» [1, с. 102]. Душа Набожная заклинает море наказать злых людей: «*И ти, о море, отвори зренице, / З замероноу вискакуй границе, / Нехай воді ся гойне разливають, / Злих затопляют*» [1, с.113]. В этом отрывке языческое мировоззрение проявляется как на жанровом уровне (используется фольклорная форма заклятия), так и на образном – Душа Набожная обращается к морю, как к могущественной природной силе. И. Волкович в своей драме использует также жанровую форму тrena (надгробного плача): «*Уви, тяжкая скорбь мя обточила, / Отхлань окрутних смутков позлотила. / Обшило мене глубокое море, / Горкое горе*» [1, с.114]. Жанровая форма тrena персонифицируется в фигуру Плача, которая, в свою очередь, олицетворяет скорбь Богоматери: «*Плачет чистая горко, слизи виливает, / От строгой скорби, ледве жива оставаает*» [1, с.99].

Религиозная славянская драма – пример мастерской контаминации жанровых форм различных эпох и стилей. Архетипическая жанровая модель древнеславянской пасхальной драмы представляет собой организующий механизм художественной системы репрезентации архетипа в драматическом тексте. Так, например, драмы И.Волковича и Д.Ростовского через жанровую парадигму (фольклорные протожанры заклятия, заговора, духовные жанровые формы богославия, молитвы, послания и т.д.) актуализируют пасхальный архетип. Интегрированные в диалогический дискурс барочной драмы протожанровые формы выполняют номинативную, репрезентационную и интерпретационную функции.

Жанровая модель древнеславянской драмы характеризуется синкретичностью, иконичностью репрезентации смыслов, жанровой диффузностью, орнаментальностью, мифологизированностью, каноничностью, связью с архаическим ритуалом инициации и славянскими свадебными и похоронными обрядами.

Реконструированная жанровая модель древнеславянской драмы позволят выявить внутреннюю организацию знаково-образного материала барочных пьес, определить их жанроорганизующие доминанты, раскрыть специфику мифопоэтического дискурса драматизированного текста барокко.

Список литературы

1. Волкович Й. Розмышляння о муцѣ Христа, спасителя нашего // Возняк М. Діалог Йоаннікія Волковича з 1631 р. // ЗНТШ – 1920. – Т. 129. – С. 33 – 79. / Й. Волкович (дата обращения 20.09.2019) – Режим доступа: <http://litorys.org.ua/ukrpoetry/anto56.htm>
2. Зварич І.М. Міфологічна парадигма художнього мислення: дис... д-ра філол. наук : 10.01.06 / І.М. Зварич ; Київський національний університет ім. Тараса Шевченка. – Київ, 2002. – 361 с.
3. Лановик З.Б. Библиейская герменевтика: становление, методология, (символически-аллегорический аспект литературоведческого дискурса): дисс... д-ра філол. наук : 10.01.06 / З.Б.Лановик. – Институт литературы им. Т.Г.Шевченко НАН Украины. – Киев, 2006. – 370 с.
4. Лейдерман Н.Л. Теория жанра / Н.Л.Лейдерман. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 904 с.
5. Ростовский Д. Успенская драма (Комедия на Успение Богородицы) // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. – М.: Наука, 1972. – С. 161–172.
6. Теория литературных жанров : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / [М.Н. Дарвин, Д.М.Магомедова, Н.Д.Тамарченко, В.И.Тюпа]; под ред. Н.Д.Тамарченко. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 256 с.

УДК 130.2

П.Я. ЧААДАЕВ КАК ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГ

Ревяков И.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
revyakov@yandex.ru

Одной из тем курса «Этнокультурология» является тема «Место России в дихотомии “Восток-Запад”» в контексте темы «Дихотомия “Восток-Запад” как первичная типология культур».

Очевидно, что речь в данной теме идет об особой роли России, об особенностях ее географического положения, о ее пограничности и невозможности отнесения ее ни к Востоку, ни к Западу.

Об особом пути России говорили и писали все настоящие русские писатели и мыслители, например: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Н.Я. Данилевский, В.В. Розанов и другие.

Весьма интересной и двойственной фигурой в этом отношении представляется П.Я. Чаадаев, который, с одной стороны, характеризовал себя как «слишком хорошего русского», который «слишком высокого мнения о своем народе» [9, с. 284], а с другой стороны, отказывает

русскому народу в самостоятельности и отрицает хоть какую-нибудь значимость и значительность русского народа для мировой истории [9, с. 41–44, 45, 47], по сути дела, описывая русский народ подобно тому как Р. Киплинг характеризовал устами медведя Балубе обезьян в «Книге джунглей» [6, с. 39], следовательно, относясь к русским, как к обезьянам.

В своем знаменитом письме из Дрездена к А.Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. Ф.М. Достоевский, говоря о первоначальном замысле «Братьев Карамазовых», пишет о своем намерении в романе «в монастыре посадить Чаадаева (конечно, под другим тоже именем)» [5, с. 118].

Согласно наблюдению, которое впервые сделал В.В. Розанов, Чаадаев проявляется в «Братьях Карамазовых» в качестве помещика Миусова [8, с.14].

Об этом же в ряде своих работ о прототипах героев Ф.М. Достоевского говорит и известный литературовед М. С. Альтман [1, с. 16, 136, 188-189; 2, с. 146-147].

Таким образом, Петр Александрович Миусов оказывается художественной интерпретацией образа Петра Яковлевича Чаадаева.

Свое же отношение к реальному Чаадаеву Ф.М. Достоевский высказал в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «хотя до него (до Белинского. – И.Р.) только разве один Чаадаев так смело, а подчас и слепо, как он, негодовал на многое наше родное и, по-видимому, презирал все русское» [3, с. 50]. Именно так ведет себя и Миусов в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» [4, с. 10–11, 37, 42].

Обратим внимание на то, что Чаадаев, как и Миусов, был весьма либеральных взглядов, и постоянно нападал на православие [9, с. 42, 48].

Таким образом, Ф.М. Достоевский интерпретирует образ Чаадаева как русофоба и западника, отрицающего уникальность и самобытность русского народа.

Как видим, такая оценка полностью соответствует тому, что сам Чаадаев писал о России и русском народе.

В своих оценках Чаадаева Достоевский был не одинок. Так, например, В.А. Жуковский по поводу Чаадаева также высказался однозначно и категорично: «Порицать Россию за то, что она с христианством не приняла католичества, предвидеть, что католическою она была бы лучше – все равно, что жалеть о черноволосом красавце, зачем он не белокурый. Красавец за изменением цвета волос был бы и наружностью и характером совсем не тот, каков он есть. Россия, изначально католическая, была бы совсем не та, какова теперь; допустим, пожалуй, что католическая была бы она и лучше, но она не была бы Россиею» [9, с. 506].

Возражал Чаадаеву и А.С. Пушкин, писавший ему в 1836 г.: «Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами... Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское

нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех... Татарское нашествие печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история!.. клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» [7, с. 866–867].

Подводя итоги, можем говорить, что Чаадаев, по сути дела, выступая с позиций западного либерализма в отношении России и русского народа, высказывает те же мысли и идеи, что и современный «коллективный запад», и современные российские либералы, являясь, таким образом, одним из отцов современного российского либерализма, отрицающего русские ценности и пытающегося убить душу и дух русского народа.

Список литературы

1. Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен / М. С. Альтман. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. – 280 с.
2. Альтман М. С. Имена и прототипы литературных героев Достоевского / М.С. Альтман // Ученые записки Тульского государственного педагогического института. – 1958. – Вып. 8. – С. 131–150.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. – Т. 5: Повести и рассказы 1862 – 1866. Игрок / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1973. – 408 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. – Т. 14: Братья Карамазовы. Книги 1 – 10 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1973. – 512 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. – Т. 29 (1) : Письма 1869 – 1874 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Изд-во «Наука», 1986. – 576 с.
6. Киплинг Р. Собрание сочинений: В 6 т. – Т. 3: Предисловие автора; Первая книга джунглей. Вторая книга джунглей / Пер. с англ. Е. Чистяковой-Вэр; В горной Индии: Рассказы / Пер. с англ. Е. Киселева. — М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2007. – 528 с.
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. – Т. 10: Письма / А. С. Пушкин. – М. – Л.: АН СССР, 1951. – 899 с.
8. Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. — М.: Республика, 1996. – 702 с.
9. Чаадаев П. Я. Статьи и письма / Сост., вступ. статья и коммент. Б.Н. Тарасова. – 2-е изд., доп. – М.: Современник, 1989. – 623 с.

ОБРАЗ ГОРОДА В СОВРЕМЕННОЙ ДОНЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Ревяков И.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

revyakov@yandex.ru

Целью данной работы является рассмотрение города Донецка как художественного образа в произведениях современных донецких поэтов.

С одной стороны, город является физическим пространством повседневной культуры [2, с. 28], одним из пространств реализации повседневности как «рутинного, привычного, типичного, субъективного, близкого» [2, с. 8 – 9], то есть чем-то непоэтичным.

С другой стороны, феномен города может проявляться в художественном творчестве и как поэтический образ, в котором совмещаются разные аспекты и различные планы бытия и быта. В таком качестве город как пространство выходит за рамки повседневности и становится героем поэтического произведения, наполняется более глубокими смыслами, нежели просто пространство реализации повседневности, то есть дает возможность, как писал М. Хайдеггер, «мыслить поэтическое в непоэтичном» [3, с. 464].

Собственно говоря, именно в художественном произведении город поэтизируется и, тем самым, одухотворяется и воспринимается не просто как физическое пространство, а как пространство реализации духовных смыслов.

Например, в стихотворении Вячеслава Теркулова «Донецк» город характеризуется как воплощение вселенной, как реализация ойкумены, то есть всего человеческого мира:

Мой город, мое пространство, моя ойкумена,
мой утренний дождь
и кофе,
ее кокетство – это театра огромная,
полная страсти сцена,
утопающая в розах моего Донецка [4, с. 68].

Здесь город приравнен не только ко вселенной, но и к божественной игре: уподобление города, с одной стороны, ойкумене, а с другой – театральной сцене, по сути дела, является характеристикой города в качестве играющего ребенка Гераклита, на что указывают следующие моменты, а именно: 1) использование собственно древнегреческого слова «ойкумена»; 2) приравнивание ойкумены к театральной сцене. Театральная сцена – это пространство воплощения актерской игры. Игра же для древних греков была одним из архитектурных принципов устройства

мироздания, сам принцип игры олицетворял собою вечность: достаточно, например, вспомнить образ играющего ребенка Гераклита Эфесского: «Вечность есть играющее дитя» [1, с. 295].

Ребенок – это еще и олицетворение детства, то есть, по сути дела, состояния молодости и незрелости, о чем, в свою очередь, пишет Арсений Александров, у которого Донецк, будучи «юным просторным городом», оказывается в то же самое время границей («окраиной») континента и, следовательно, уже не ойкуменой, а ее краем, границей:

окраина континента, юный просторный город,
степными волнами улицы, площади укачало,
встречает каштанами, если едешь из аэропорта,
караваем угля в шахтерской руке – если с жд-вокзала.
серых ПАЗов багряные да янтарные шторы
горький ветер, играя, бросает нам в лица,
а пуще ветра режут глаза эти борды,
на которых одни бессовестные небылицы,
все вместе это – чистый простой аккорд моей главной песни,
а значит, нет мне в мире другого места, кроме Донецка! [4, с. 43].

При этом образ Донецка как города сакрализируется с помощью образов горящей свечи и Бога, например, в стихах Алисы Федоровой:

Унижен и изувечен.
Но не расчеловечен.
Голоден и обезвожен.
Но не обезбожен.
Топится адская печка.
Горячий от солнца и горя,
Мой город горит, как свечка,
У Господа на престоле [4, с. 38].

У Дмитрия же Трибушного Донецк, «где каждый дом крещен огнем», уподоблен неопалимой купине:

На час открыли херувимы
Ворота в рай.
Гори, Донецк неопалимый,
И не сгорай [4, с.14].

Таким образом, можем говорить о том, что в современной донецкой поэзии образ города мифологизирован, являя собою сакральное пространство, в котором «поэтически жительствоует человек на этой земле» [3, с. 457].

Список литературы

1. Досократики / Пер. с древнегреческого А. Маковельского. – Минск: Харвест, 1999. – 784 с.
2. Капкан М. В. Культура повседневности / М. В. Капкан. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 110 с.

3. Хайдеггер М. Жительство человека // Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. А. В. Михайлова. – М.: Академический Проект, 2008. – С. 457 – 464.

4. Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014 – 2015 годов. Сборник стихов. – М.: Издательство «Перо», 2015. – 112 с.

УДК 1/14:605.5

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ретюнских В.Н.¹, канд. техн. наук, доцент,

Судакова Г.Ю.¹, Минат В.Н.², канд. геогр. наук, доцент,

¹Рязанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет», г. Рязань, РФ

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ

minat.valera@yandex.ru

Введение. Информационная компетентность является необходимым условием успешной социализации личности в информационном обществе. Результаты научно-технического прогресса, которые мы можем сегодня наблюдать в развитых странах мирового сообщества, свидетельствуют о том, что условия повседневной жизни и профессиональной деятельности миллионов людей на нашей планете, в том числе, и в России, уже в первом десятилетии XXI-го века становятся принципиально отличными от тех условий, в которых мы жили и работали в конце минувшего века [1].

Данные отличия обусловлены, главным образом, революционными изменениями в информационной среде общества, стремительным развитием новых средств информатики и информационных технологий и их проникновением во все другие сферы жизнедеятельности общества: экономику, науку, образование, политику и культуру. Поэтому *информационная компетентность становится сегодня необходимым условием успешной социализации личности в новой информационно среде общества.* Ранее же это условие нужно было относить не ко всем членам общества, а лишь к тем из них, кто готовил себя к профессиональной деятельности именно в информационной сфере.

Основная часть. В настоящее время существует некая концептуальная основа для нового взгляда на роль информационной культуры в развитии современного общества. Иначе говоря, для того, чтобы современный индивид не чувствовал себя человеком второго сорта в информационном обществе, а хорошо в нем ориентировался и имел бы достаточно высокие шансы найти удовлетворительно оплачиваемую работу, он должен уже в процессе своего образования получить

существенно более высокую, чем это имеет место сегодня, *общую информационную компетентность*. И эту компетентность должна сформировать у него система образования, которая для этого сама должна будет претерпеть соответствующую содержательную, научно-методическую и инструментально-технологическую перестройку.

Актуальной проблемой для многих стран мира, включая Россию, является проблема формирования новой *информационной культуры специалистов* во всех областях социальной практики. Она предполагает не только их способности хорошо ориентироваться в новом информационном пространстве, но также и умения использовать его возможности в своей профессиональной деятельности. Решение этой проблемы требует существенной перестройки существующей системы образования и должно стать одной из первоочередных задач государственной политики в сфере образования [4].

Исследования последних лет показывают, что информатизация профессиональной деятельности становится сегодня ведущей тенденцией развития современной цивилизации. Нет никаких сомнений в том, что это не краткосрочное социальное явление, а устойчивый долгосрочный процесс, который станет одной из отличительных особенностей развития цивилизации в XXI-го века. Уже в первом десятилетии нового века использование средств информатики, телекоммуникационных систем и информационных технологий станет в информационно развитых странах практически повсеместным не только в промышленности, экономике и финансах (как это было в конце XX-го века), но также и в сфере административного управления, политике, науке, образовании, культуре, здравоохранении, других сферах жизнедеятельности общества [2].

Таким образом, профессионально квалифицированным специалистом в XXI-м веке будет считаться лишь тот человек, который помимо своих профессиональных знаний, умений и навыков будет обладать также и способностью эффективно использовать в своей деятельности те новые возможности, которые открывает ему информационное общество. Прежде всего, это возможности использования различного рода *информационных ресурсов* в корпоративных национальных и международных информационных сетях. Для обеспечения таких возможностей необходимо, в первую очередь, развитие *информационной инфраструктуры* российского общества, а также равноправное вхождение России в международное информационное пространство.

Однако, этого мало. Необходимо обеспечить своевременную подготовку и переподготовку специалистов самого различного профиля (в первую очередь – педагогов) по эффективному использованию отечественных и зарубежных электронных ресурсов при помощи современных информационных и телекоммуникационных технологий.

О масштабах и значимости возникающих здесь проблем можно составить представление, если рассмотреть в качестве примера некоторые

положения *концепции информатизации инженерного образования*, которые неоднократно обсуждались на научных конференциях в Московском инженерно-физическом институте, Московском энергетическом институте, а также в МГТУ им. Баумана. Речь идет о том, что в условиях информационного общества современная парадигма инженерного образования оказывается уже несостоятельной, так как она не учитывает последних достижений в области микроэлектроники, наноинформатики и новых информационных технологий. А, самое главное, эта парадигма не учитывает тенденций и темпов развития новых средств информатики и перспектив их использования в инженерной практике [3].

Дело в том, что высоко квалифицированный инженер XXI-го века должен будет уметь эффективно использовать эти средства не только в качестве инструментария для своей повседневной деятельности, но также и в качестве обязательных компонентов проектируемых им изделий, систем и оборудования. Другими словами, сама конечная продукция индустриального производства в XXI-м веке будет в максимально возможной степени начинаться различного рода микроэлектронными и нанотехнологическими информационными устройствами и системами, что и должно позволить существенным образом повысить ее функциональные возможности, надежность и долговечность, а также резко сократить габариты и энергопотребление, повысить удобство в эксплуатации.

Заключение. Сегодня уже нет никакого сомнения в том, что мир находится на пороге нового этапа научно-технической революции, которая произойдет в сфере инженерной деятельности благодаря ее радикальной и всеобщей информатизации.

Список литературы

1. Мишкевич, М.В. К вопросу об эффективности развития информационного общества в России и мире / М.В. Мишкевич, А.Г. Чепик, В.Н. Минат // в сб.: Информатизация населения и устранение цифрового неравенства как фактор социально-экономического развития региона: Материалы Междунар. науч.-практ. конференции. Ряз. ин-т экономики СПбУУЭ. – Рязань, 2015. С. 127-135.

2. Романов, А.А. Основные направления информатизации системы профессионального образования / А.А. Романов, В.Н. Минат // в сб.: Актуальные проблемы современной науки: Сборн. науч. трудов. Рязань, 2018. С. 455-457.

3. Соколов, А.С. Новые экзистенциальные проблемы населения под влиянием виртуализации и информатизации жизни / А.С. Соколов, Ю.Н. Мостяев, В.Н. Минат // в сб.: Информатизация населения Рязанской области (Социально-экономический аспект): Материалы Междунар. науч.-практ. конференции; Ряз.ин-т экономики НОУ ВПО СПбУУЭ. – Рязань, 2014. С. 100-112.

4. Соколов, А.С. Этические аспекты информационной культуры личности и общества / А.С. Соколов, Ю.Н. Мостяев, В.Н. Минат // в сб.: Информатизация населения и устранение цифрового неравенства как фактор социально-экономического развития региона: Материалы междунар. науч.-практ. конференции. Ряз. ин-т экономики СПбУУЭ. – Рязань, 2015. С. 170-173.

ИЗУЧЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРИЗВЕДЕНИЙ КАК ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Рыбина О.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kf.cultur@donnu.ru

Введение. На рубеже веков, а тем более тысячелетий, в сознании людей возникают мысли о пройденном пути, о достижениях человечества. Сменились четыре экономические формации, ряд историко-культурных эпох, направлений искусства. Накопился немалый экономический, культурологический опыт. Исторические, экономические события, которые сейчас происходят в мире, вызывают бесконечные вопросы о судьбе капитализма, социализма, либерализма, национализма и о будущем человечества вообще, которое всегда волновало и будет волновать здравомыслящих людей разных времен. Попытки осмыслить исторические, экономические проблемы с неизбежностью приводят к размышлениям о будущем. Противоречивые суждения вызывает и изменение системы жизненных приоритетов, ценностей.

Актуальность статьи обусловлена духовным кризисом общества, сменой системы жизненных ценностей.

Цель статьи – заострить проблему важности, необходимости восстановления системы жизненных ценностей, предложить вариант изучения музыкальных произведений как один из путей формирования системы ценностей личности.

Основная часть. Деятели искусства всех историко-культурных эпох отражали в своих произведениях мироощущение людей, помогали им найти свое место в сложном, меняющемся мире. Гении прошлого оставили нам свои мысли, систему ценностей, жизненную позицию, чтобы помогать видеть, творить Красоту, находить выходы из сложных жизненных ситуаций, самосовершенствоваться. Во все эпохи приоритетными являются образование, культура, добрые человеческие отношения. Эти духовные ценности развивают человека, расширяют его сознание, делают его жизнь осмысленной, целенаправленной.

Но на рубеже XX – XXI веков история «бросила» человечество, особенно постсоветское, в так называемые «либеральные ценности», что означает полный поворот идеалов в противоположную сторону, полную смену системы ценностей. Конец XX века называют периодом духовного кризиса общества, для которого характерно общее упрощение внутренней жизни, рассогласование ценностей, агрессивность, конфликтность, насилие, разрушение представлений о культуре, выработанных временем, ощущение огромным числом людей утраты смысла жизни. Изменения, происходящие в образовании в конце XX – начале XXI века, с особой

остротой поставили вопрос о необходимости усиления внимания к духовно-нравственному, эстетическому развитию личности. Ослабление этого внимания привело к росту удельного веса деструктивных тенденций в обществе, что отразилось, прежде всего, на подрастающем поколении. Остро встала проблема духовно-нравственного здоровья молодого поколения. «Ведётся тонкая мировая агрессия против образования» [1,с.37]. В этих условиях в значительной мере актуализируется проблема формирования у человека системы ценностей, сочетающих высокоразвитую духовную культуру с деловой активностью, инициативой, целеустремленностью, трудолюбием, предприимчивостью.

В настоящее время происходят значительные преобразования во всех сферах социальной и культурной жизни, в том числе и в сфере высшего образования. Приоритетной становится социальная цель – образование человека, которая обеспечивает ему новые возможности в самореализации и самовыражении. Материальные ценности, которые были присущи индустриальному обществу, уступают место человеческим ценностям, поскольку качество решений и результаты в социальной, экологической, нравственной, политической сферах требуют непрерывного роста ноосферного (интеллектуального) потенциала общества в лице высококвалифицированного специалиста, способного к саморазвитию.

Разрушить систему жизненных ценностей оказалось гораздо легче, чем их развивать, а тем более восстанавливать. В процессе восстановления системы ценностей одно из ведущих мест отводится образованию.

Согласно п.2. ст.2 Закона Донецкой Народной Республики «Об образовании» воспитание рассматривается как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для социализации и самоопределения обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства». В «Концепции развития непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Донецкой Народной Республики» подчёркивается: «Современное общество Донецкой Народной Республики формирует для системы образования новый социальный заказ: ему необходимы не только высокообразованные, но и духовно богатые, инициативные граждане, способные адекватно относиться к происходящим в мире и стране событиям, культурному и научному наследию, историческим достижениям, к пониманию себя, своего места в обществе. В связи с этим возрастает значимость воспитательного компонента системы образования [4, с. 1].

Существует много путей восстановления, развития системы ценностей. Одним из них может быть овладение достижениями мировой художественной культурой, ведь произведения разных видов искусства, деятельность творческих личностей дают бесценный материал для духовного развития. Гении каждой эпохи, творческого направления предлагали новые пути совершенствования.

Предмет «История музыки» даёт богатейший материал не только для получения знаний о различных культурно-исторических эпохах, музыкальных произведениях, но, главным образом, для формирования эстетических, духовных ценностей студентов. Духовные, нравственные смыслы и ценности музыкальных произведений становятся достоянием личности. Б.В. Асафьев был последовательным, высокопрофессиональным и глубоко убеждённым пропагандистом музыкального образования не только для музыкальных профессионалов, а и для «подготовки понятливых культурных слушателей...» [2, с.131]. Он рассматривал роль музыки как важного фактора развития логического мышления человека, её умения обобщать и предугадывать факты и явления.

Достоевский говорил, что красота спасёт мир, Рерих уточнял: «не красота, а сознание красоты» [5, с.47]. Отрадно отметить, что часто сами молодые люди подключаются к возрождению общечеловеческих ценностей (видимо, устав от унижений и оскорблений, идущих от массовой культурной продукции). Ведь человечество нуждается в красоте, добре. Всё больше молодежи чувствует потребность в общении с классическим искусством, в культуре общения, в вере в дружбу, любовь. Свидетельством этому могут быть не только переполненные залы театров, филармоний, музеев, но и усиливающийся спрос на записи классической музыки, кинофильмов, произведений изобразительных искусств. Особенно важно поддерживать, развивать и поощрять такое стремление в учебных заведениях.

Заключение. В современных условиях так называемого постмодернизма особенно важно не растерять великие достижения прошлого, не превратить их в бессмысленности, не разменять на пустые мелочи, не разрушить. В общении с произведениями искусства нельзя допустить ироничного отношения, важно сохранить почтительное, уважительное отношение к великим людям, их произведениям. Опасной тенденцией становится надменное, пренебрежительное отношение к прошлому, включая прошлое культуры. А оно не может стать прошлым, иначе человечество будет обречено на деградацию, гибель. Важно, что сейчас изучение искусства перестает быть узко специальным образованием и становится достоянием людей разных профессий.

Список литературы

1. Амонашвили Ш. Учитель, вдохнови меня на творчество. – Подольский культурно-просветительский центр им. Н.К. Рериха, Хмельницкий, 2011. – 67 с.
2. Асафьев Б.В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. – М.: Ленинградское отделение, 1973. – 144 с.
3. Закон Донецкой Народной Республики «Об образовании». – Донецк, 2015. – 157 с.
4. Концепция развития непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Донецкой Народной Республики» – Донецк, 2015. – 18 с.
5. Рерих Н. Зажигайте сердца. – М., «Молодая гвардия», 1978. – 208 с.

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ И НАЧАЛЕ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Семенов А.В.¹, канд. полит. наук, доцент,

Минат В.Н.², канд. геогр. наук, доцент

¹ГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», г. Рязань, РФ

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет

имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ

minat.valera@yandex.ru

Введение. Определение начала становления культуры в культурологической литературе не имеет однозначного решения. Парадокс этой проблемы заключается в том, что многие культуроведы этот процесс отождествляют с вопросом возникновения человека и человечества, т.е. культурогенез и антропогенез понимают как единовременный процесс. Однако возникновение (генезис) человека и культуры имеют различные временные рамки.

Основная часть. Заблуждения в определении начала возникновения культуры, а затем и цивилизаций возникают из-за непонимания *принципа историзма*, неспособности применять требования данного закона при исследовании генезиса культуры.

Первое правило этого принципа гласит, что следует выявить *предпосылки* рассматриваемого явления, а затем определить *начало* его становления. Реализация этого принципа показывает, что культура не возникает сразу вместе с происхождением и становлением творящего ее субъекта – человека. Естественно, возникновение культуры уходит в глубь веков и тысячелетий. Но ее становление непосредственно детерминировано материальной, изначально примитивной *трудовой* деятельностью человека [2]. Труд как целесообразная деятельность является важнейшим условием становления человека и *решающей предпосылкой* формирования второй, очеловеченной, природы – мира культуры [3]. В процессе труда возникает и развивается духовная субстанция культуры – мышление, разум человека. Рассматривать генезис культуры, абстрагируясь от эволюции духовных сил человека, его интеллекта, равносильно разговору о луне без ее света. Трагично, что эту существенную сторону дела не исследуют и слабо освещают многочисленные работы и учебные пособия по культурологии.

Древнюю историю процесса становления рода человеческого и его культуры исследователи расчленяют на ряд этапов; критерием такого деления выступает материал, в котором опредмечивалась мысль первобытного человека. Таким материалом является камень. Поэтому первый период становления человека, его интеллекта и культуры,

растянувшийся на сотни тысяч лет, называют *каменным веком*. В нем накапливаются предпосылки, которые приводят к возникновению всего мозаичного мира культуры.

Каменный век расчленяется на ряд этапов. Первый этап – век *палеолита* (греч. paleo – древний, litos – камень), который, как полагают многие историки и антропологи, длился около трех миллионов лет. Палеолит, в свою очередь, делится на три периода: ранний палеолит, средний палеолит и поздний (верхний) палеолит. Каждый этап палеолита характеризуется особым образом жизни древних людей и, прежде всего, их орудиями труда, которые постепенно, из тысячелетия в тысячелетие, приобретают более совершенный вид и назначение. Их создавали, ими пользовались и передавали из поколения в поколение, как пишут антропологи, обезьяноподобные люди – питекантропы, синантропы и др., а затем, в эпоху среднего палеолита, – неандертальцы. Всем этим «первочеловекам» был присущ стадный образ жизни и *инстинктивные* формы труда – охота и собирательство даров природы.

Но самым выдающимся достижением данной эпохи, по социальной значимости равным извлечению атомной энергии, является *освоение человеком огня*, что оказалось важнейшей предпосылкой восхождения людей на более высокий путь разумности, а значит, и культуротворчества. Этот акт победы человека ускорил бег его истории. Без покорения этой стихии природы человек не смог бы выжить [1].

Значительные элементы разумности накапливаются в эпоху позднего палеолита. Принято считать, что на этом этапе заканчивается органическая эволюция человека. По своему телесному строению формируется человек, подобный современному, именуемому кроманьонцем. Это человек *Homo sapiens* – человек разумный. Одним из главных разумных новшеств верхнего палеолита была экзогамия. Был запрещен инцест – кровосмешение, брачные отношения ближайших родственников, что означало появление общественной регуляции этого процесса. На этом этапе осуществляется переход от стадного образа жизни к родовому строю, где единство данного сообщества людей прослеживается по женской линии. Отсюда этот строй общества назван *матриархатом*. Женщины были ведущей силой общества десятки тысяч лет.

После палеолита следует *мезолит* (средний каменный век, 8-5 тыс. лет до н.э.) и *неолит* (новый каменный век; например, в Средиземноморье 5-4 тыс. лет до н.э.). Конечно, эта хронология относительна. У первобытных людей не было письменности, а у самых первых – языка. Поэтому долгая эпоха человечества безмолвна. От нее остались лишь грубо обработанные камни, кости, зола, изображения на скалах. Эту эпоху называют *доисторией*. Изучают ее не только путем археологических раскопок, осуществляемых в ряде регионов Земли, но и путем изучения

образа жизни тех этносов, которые сохранили свою архаическую самобытность, обитая в джунглях Южной Азии, тропической Африки, бассейна Амазонки и в пустынях Австралии. Эти исследования показывают, что в эпоху неолита происходил расцвет общинно-родового строя и каменной индустрии [1].

Но самым внушительным достижением был переход в ряде регионов к земледелию и скотоводству. Земледелие возникло в речных долинах, где плодородные почвы при самой примитивной их обработке давали хорошие урожаи. Данный переход – величайший акт в эволюции интеллекта и образа жизни человека. *Осуществляется переход от присваивающей к производительной экономике.*

Заключение. С переходом к производящей экономике человек вынужден вести оседлый образ жизни. Возникают первые постоянные поселения, осуществляется массовое строительство жилищ, идет процесс активного одомашнивания и воспроизводства диких животных, т.е. их окультуривание. Создаются и распространяются элементы духовной культуры, где важным фактором является одухотворение внешнего мира природы. Этот процесс называется *анимизмом*. Человек верит в силу духа. Дух понимается как животворящая, всеобщая сила бытия не только человека, его рода и племени, но и всей окружающей его природной среды. Абсолютизируя дух, он отделяет его от самого себя и наделяет самостоятельной силой. Все это происходит в собственном сознании первобытного человека, но оно говорит о логике и масштабе роста его разума, а значит, и культуры.

Список литературы

1. Белоконев, Г.П. Пороки образованщины / Г.П. Белоконев. – Ростов н/Д: Новая книга, 2008. – 336 с.
2. Соколов, А.С. Культурная парадигма как базовая ценность духовно-нравственного развития / А.С. Соколов, В.Н. Минат // в сб.: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Междунар. науч. конференции / Под общ. ред. С.В. Беспаловой. 2018. С. 278-280.
3. Kostrova, Y. Foreign experience in the use of electronic technologies in electoral processes and possibilities of its application in Russia / Y. Kostrova, V. Minat // Выборы: теория и практика. 2015. № 2 (34). С. 44-53.

РАЗРАБОТКА ИДЕЙ О КУЛЬТУРЕ В ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Семенов А.В.¹, канд. полит. наук, доцент,

Минат В.Н.², канд. геогр. наук, доцент

¹ГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», г. Рязань, РФ

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет

имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ

minat.valera@yandex.ru

Введение. Характерно, что в эпоху Просвещения культура выступает как продукт и творение *человеческого разума*. Она сводится в основном к сфере духовного развития общества. К тому же на этом этапе термины «культура» и «цивилизация» воспринимаются как синонимы [3]. Как понятие «цивилизация», так и понятие «культура» имеют достаточно ярко выраженные «горизонтальный» и «вертикальный» аспекты. Первый из них находит отражение в выделении как двух главных пространственных типов мировой цивилизации – западного и восточного, так и многочисленных других ее типов и подтипов [2].

Основная часть. Этим путем идет американский исследователь Э. Тайлор. В работе «Первобытная культура» (1871) он пишет, что культура или цивилизация складывается «из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества». Эта дефиниция, как видим, ограничивается перечислением важнейших феноменов только духовной культуры, без вычленения ее сущности. Однако Э. Тайлор тут же отмечает, что в основе культуры лежит то начало, которое важно для изучения *человеческой мысли* и деятельности. Э. Тайлор первый в истории разработки теории культуры даст «ключ», позволяющий показать и обосновать исходную основу культуры, а значит, и главное, существенное в содержании грандиозного мира норм и ценностей культуры. Он был первым теоретиком, сделавшим это открытие.

Однако этот аспект данного определения многими последующими теоретиками культуры не берется во внимание. А он имеет *принципиальное значение* для разработки понятия культуры! Только в немецкой классической философии культурное бытие человека связывается с развитием его духа, культура отождествляется с формами духовного саморазвития общества и человека. Так, для И. Канта (1724-1804) культура проявляется как способность человека подняться над эмпирическим, чувственным существованием до высокого нравственного самосознания. Для Гегеля (1770-1831) сущность культуры определяется приобщением индивида к мировому целому, включающему и природу, и историю. Это

целое сеть воплощение «мирового духа», «абсолютной идеи», поэтому приобщение к нему возможно лишь в ходе развития философского, теоретического знания. *Развитие мышления как высшей духовной способности человека и есть действительное содержание культуры.* Это начало диалектического истолкования культуры.

Гегелю принадлежат слова о том, что культура сеть показатель мудрости народов. Это важно в том аспекте, что Гегель выделяет в содержании культуры се *главную основу* (субстанцию). Культура есть движение и раскрытие творческой силы духа (разума) народов. Но Гегель не занимался специально исследованием проблем культуры. Термином «культура» он оперирует довольно редко, в качестве рабочей, «подсобной» абстракции, помогающей разрабатывать другие проблемы. В «Феноменологии духа», одной из важнейших его работ, Гегель глубоко и всесторонне исследует проблему *отчуждения* духа человека. В этом плане, руководствуясь логикой Гегеля, культура является отчужденным духом, разумом человека. *Она – инобытие субъективного в объективной форме.* Из идей Гегеля вытекает, что культура есть мир отчужденного духа. В отчужденной форме дух человека приобретает свое второе бытие. Поэтому изучение этой концепции даст очень много для понимания культуры. Приходится сожалеть, что современные культурологи не обращаются к этому богатейшему источнику [1].

Важен еще один момент. Гегель понимает человека как существо духовное. А сущностью духа является движение к свободе. Для осуществления этой идеи на сцене истории выступают отдельные народы. Дух каждого народа имеет особую идею – особый принцип понимания свободы и условий се движения. Свою реализацию эта идея находит в особо устроенном государстве. На Востоке это деспотия, в античном мире – республика, в христианско-германском мире – монархия. Гегель пытается объединить эти исторические формы и определяет их как этапы прогресса Абсолютного духа. В его периодизации восточная культура представляет собой детство и отрочество духа, античность – юность (Греция) и возмужалость (Рим), христианско-германская – его старость. Культура Востока сохраняет в своей основе природность, естественность. Античность предельно искусственна, оторвана от природы. Культура христианско-германского мира возвышает свободу до полной всеобщности, преодолевает противоположность предшествующих культур и становится действительным царством «целостности».

Особый интерес и научную ценность представляет диалектико-материалистическая концепция культуры К. Маркса. Конечной субстанцией культуры в марксизме является *труд*, связанный с производством материальных и духовных благ. В развитии и движении способов производства (открытом Марксом) дается характеристика исторических типов культуры. Они таковы, каковы общественные

формации. У истоков истории он помещает племенной строй, из которого вырастает первичная (общинная) формация общества. Из трех форм общения (земледельческая община на Востоке, гражданская община-полис в античности и германская община – марка) он выводит три разновидности обществ вторичной формации: азиатско-рабовладельческое, феодальное и капиталистическое. Следовательно, на этих ступенях сохраняется, как и у Гегеля, триадичность [1]. Но третья ступень (капитализм) складывается лишь на основе феодального строя, особенно развившегося у европейских народов. В этой линии развития видится будущий коммунизм, который, по Марксу, приобретет всеобщее значение и впервые откроет идеальные условия для развития человеческой культуры. С коммунизма начинается подлинная история человечества, его культура .

Заключение. Таким образом, в концепции Маркса представлена более полная точка зрения на культуру. Изменения в ней связываются с развитием материального производства. Показана ограниченность рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций. Лишь на четвертой (коммунизм) ступени исторического развития создаются и реализуются условия для становления общечеловеческой культуры. Марксизм, материалистически переосмысливая Гегеля, разрабатывает диалектико-материалистический метод познания и дает пример (образец), как это говорилось ранее, применения диалектики в ходе исследования капиталистического способа производства. С позиций этого метода марксизм разрабатывает ряд положений о культуре. Он рассматривает культуру в единстве с явлениями антикультуры.

В эпоху Нового времени проблему культуры рассматривают и многие другие мыслители. Трудно назвать их культурологами; по сути дела, они были философами, историками, социологами, психологами и т.д. Но это не мешало им высказывать в своих работах содержательные мысли о культуре. К этим ученым можно отнести, например, Ф.Шиллера (немецкий поэт и философ), В.Шеллинга (немецкий философ) и др.

Список литературы

1. Белоконев, Г.П. Пороки образованщины / Г.П. Белоконев. – Ростов н/Д: Новая книга, 2008. – 336 с.
2. Минат, В.Н. Развитие подходов к историко-географическому районированию России / В.Н. Минат // в сб.: Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук : сборн. науч. трудов. – Рязань, 2017. – С. 101-116.
3. Соколов, А.С. Культурная парадигма как базовая ценность духовно-нравственного развития / А.С. Соколов, В.Н. Минат // в сб.: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Междунар. науч. конференции / Под общ. ред. С.В. Беспаловой. – 2018. – С. 278-280.

К ВОПРОСУ О РОЛИ КУЛЬТУРЫ В ЖИЗНИ ИНДИВИДА И ОБЩЕСТВА

*Соколов А.С.*¹, д-р ист. наук, профессор,

*Минат В.Н.*², канд. геогр. наук, доцент

¹ФГБОУ ВО «Рязанский государственный радиотехнический университет», г. Рязань, РФ

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет

имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ

minat.valera@yandex.ru

Введение. В своем рассуждении мы будем исходить из определения культуры как всего разумного. На данной основе можно изложить основные функции. Правда, термин «функции культуры» не совсем корректен. Ведь сама по себе культура никаких функций не исполняет. Эти функции исполняют человек, государство, общество, освоившие ценности культуры. В этом аспекте рассмотреть функции культуры означает не что иное, как определить ее значение в огромном мире социума и ее роль в становлении каждой отдельно взятой личности.

Основная часть. В учебной литературе излагаются следующие функции: *трансляции* (передачи в смене поколений) накопленного социального опыта; *регулятивная*, в согласии с которой осуществляются общественные отношения; *познавательная* (*гносеологическая*); *ценностная* (*аксиологическая*); *коммуникативная*. В этом духе можно идти по пути дурной бесконечности. Но самая (рубая и архиварварская трактовка данной проблемы проявляется, когда пишут о негативной и даже регрессивной, полицейской роли культуры, т.е. той функции, которая свойственна феноменам антикультуры.

Так, Г.П. Белоконов, анализируя учебники по общественным дисциплинам, провел целый ряд интересных наблюдений, итоги которых охарактеризовал звучным термином «*пороки образованщины*». В частности он отмечает: «С.Н. Иконникова пишет, что значение культуры «определяется от того, какое влияние она оказывает на духовный мир личности: способствует ли развитию гуманности и благородства или распространяет чуждененавистничество и зло». Это суждение указывает на полное непонимание сути культуры, его автор отождествляет культуру с антикультурой. Как это может разумное, культурное утверждать зло и ненависть человека к человеку? Зло и насилие суть феномены антикультуры, которые в такой же степени интенсивности (если не больше!), как мир культуры, функционируют на современном этапе истории. Но с еще большим откровением о варварских функциях культуры рассуждает А. Флиер. «Сегодня, – пишет он, – уже никому не

нужно доказывать, что культура – такой же инструмент насилия над личностью, как и политическая власть; и гильотина не менее культурна (культурообусловлена), чем симфония Бетховена. Гильотина отнимает у человека жизнь против его желаний, музыка же может подвести его к самоубийству, доводя до эмоционального срыва состояние внутренней неудовлетворенности». Нетрудно видеть, что в данном тезисе содержится грубейшее заблуждение. Произошла подмена понятий. Явления антикультуры выдаются за феномены культуры» [1, с. 123-124].

Естественно, феномен насилия присущ политической власти. Но власть часто действует и в рамках политической культуры, т.е. в границах разумных установок, в согласии с нормами и ценностями культуры, и к насилию прибегает в обстоятельствах суровой, объективной необходимости, когда исчерпаны всякие разумные формы воздействий. Вся история человечества показывает, что разумно, гуманно мыслящим и действующим слоям общества и отдельным его индивидам часто в контакте с агрессорами и насильниками приходится «разговаривать» на их языке, говорить и действовать в таких условиях, когда исчерпаны все разумные средства.

Но еще более нелепо утверждать, что гильотина отнимает у человека жизнь помимо его воли, а музыка доводит его до суицида. Во-первых, у человека отнимает жизнь не гильотина, а другой, в данных обстоятельствах, возможно, невежественно мыслящий человек при помощи гильотины (или автомата Калашникова, атомной бомбы и т.п.). Во-вторых, не только музыка Бетховена, но и любая иная музыка или вид искусства в руках тирана или палача может довести человека до суицида. Фактически любая ценность культуры в руках террориста может стать и часто становится орудием зверства и жестокости. Если кто-то утверждает, что музыка, как и всякий иной вид искусства, выступает в функции насилия, доводящего человека до суицида, то тогда человечеству придется расстаться с искусством и прочими ценностями культуры. В этом аспекте, видимо, следует согласиться с тезисом небезызвестного Геббельса, вещавшего: «Когда слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет» [2].

Поэтому в понимании культуры, ее функции следует исходить не из внешних признаков, а из ее *сущности*, которая, естественно, скрыта, недоступна мышлению, действующему на уровне формально-логической рефлексии. В то же время мышление, действующее в границах этой рефлексии, часто порождает грубейшие заблуждения. На практике эти заблуждения оборачиваются актами варварства и неразумия. Особенно недопустимы подобные откровения или умозаключения в учебной литературе, на основе которой формируется культура мышления подрастающих поколений, прежде всего студенчества. Формирование культуры ума сопряжено прежде всего, как писал Гегель, с очищением его от грубых и варварских мнений и влечений. Эта культура возникает в

процессе поиска истины и овладения достижениями научного разума, этой *всеобщей* формы духовного богатства. «В этом выявлении, всеобщности мышления культуры – пишет Гегель, – и состоит абсолютная ценность».

Заключение. Итак, при определении роли культуры в жизни каждого индивида и общества в целом не выделяются, не подчеркиваются *существенные* ее функции и назначение:

1. Развитие культуры, накопление и совершенствование ее ценностей обогащают общество, каждого его индивида прежде всего *материально*. Говоря иначе, прогресс культуры создаст для человека более комфортный образ жизни. Но не только в плане удовлетворения потребительских нужд и интересов – в пище, одежде, жилище, транспорте, тепле, свете и т.п. Ее прогресс умножает производственную, техническую силу и мощь человечества, благодаря чему человечество покоряет время и расширяет пространство своей жизнедеятельности. В этом плане она выступает второй, очеловеченной природой его бытия.

2. Поскольку культура есть опредмеченная рефлексия (деятельность) разума человека, она является *источником, основой* формирования в каждом индивиде способности мыслить на уровне разума, мыслить и действовать разумно, творчески. Культура есть зеркало разума человечества. Стало быть, она является показателем мудрости народов. Эти и им подобные суждения о функциях культуры обладают богатым смыслом. Они принадлежат таким философам, как Н.Бердяев, Гегель, К.Ясперс, Э.Ильенков. Выделяя эти моменты, можно сделать умозаключение следующего содержания: культура, освоение ее ценностей являются основой и источником формирования *всесторонне развитой личности*, основой становления ее *культуры ума, интеллекта* и, соответственно, *разумного* образа жизни людей.

3. Развитие культуры, освоение ее норм и ценностей является в то же время процессом преодоления в обществе, в его индивидах феноменов антикультуры. Это важнейшая функция культуры, и не только функция, но *решающая закономерность* движения культуры. На эту сторону дела, на этот закон культуры обществоведы всех рангов не обращают внимания. Игнорирование данного момента обедняет понимание культуры, что в реальной жизни тормозит процесс преодоления феноменов антикультуры.

Список литературы

1. Белоконев, Г.П. Пороки образованщины / Г.П. Белоконев. – Ростов н/Д: Новая книга, 2008. – 336 с.

2. Kostrova, Y. Foreign experience in the use of electronic technologies in electoral processes and possibilities of its application in Russia / Y. Kostrova, V. Minat // Выборы: теория и практика. – 2015. – № 2 (34). – С. 44-53.

«ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА ДУХА НАД ПРИРОДНЫМИ СТИХИЯМИ»: РАЗУМ И КУЛЬТУРА

Соколов А.С.¹, д-р ист. наук, профессор,

Минат В.Н.², канд. геогр. наук, доцент

¹ФГБОУ ВО «Рязанский государственный радиотехнический университет», г. Рязань, РФ

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет

имени П.А. Костычева», г. Рязань, Россия

minat.valera@yandex.ru

Введение. К идее о том, что исходную основу любой ценности или нормы культуры составляет деятельность интеллекта человека, или, говоря словами Н.Бердяева, творческая работа духа над природными стихиями, следует добавить два важных момента. Дух человека проявляет творческую работу не только над природными стихиями. Он в такой же мере творит, преобразует и стихию общественных отношений, наличный, но устаревший мир ценностей культуры, а также стихию человеческой психики и т.п.

Основная часть. Противоположностью разума выступает *рассудок*. Обе эти категории составляют единое целое – мышление. В этом единстве рассудок и разум полагают друг друга и переходят друг в друга. В зависимости от решаемых задач познания и практики мышление выступает в форме либо рассудка, либо разума. Причем разум по сравнению с чувствами и рассудком является более точным и глубоким отражением действительности [2]. Разум *диалектичен*. Это самое точное определение, которое дал Гегель. Существенная особенность разума – выявление противоречий в суждениях рассудка, а значит, и противоречий природы и общества. А всякий момент выявления и определения путей разрешения этих антиномий является актом творчества, в результате чего рефлектируется нечто новое, более разумное, гармоничное.

Современная философская мысль не стремится продолжить дело Гегеля – полнее и глубже исследовать законы разума. Поэтому абсолютное большинство не только естествоиспытателей, но и обществоведов далеки от подлинно научного понимания категорий разума и рассудка, являющихся *ключевыми* универсалиями философии. А это понимание можно выразить в краткой и весьма доходчивой форме, что позволяет определить роль данных форм мышления в созидании и умножении, тиражировании ценностей культуры [1].

В теле культуры, как видим, представлена не сама по себе материя, а творения всеобщего духа человечества или духа определенного этноса (мудрость), если речь идет о национальных культурах. Вся концепция

культуры построена на принципиальном различии вещей и явлений внешнего мира. Необходимо различать, с одной стороны, предметы и явления природы и с другой – ценности, нормы культуры, которым каждый индивид вынужден подчинять свою волю, считаться с их требованиями, т.е. с требованиями отчужденного, воплощенного в них духа, разума прошлых и современных поколений людей. Без этого различения и противопоставления невозможно разработать теорию культуры. Этого принципиального, существенного факта не видят или не стремятся понять многие философы и культурологи. Они абстрагируются от самой важной, весьма принципиальной стороны культуротворческого процесса [1].

Когда ведем речь о том, что, созидая мир культуры, человек тем самым изменяет предметы внешнего мира, прежде всего, преобразует предметы, материю природы, то мы высвечиваем только одну, хотя и существенную сторону творчества, созидательной деятельности человека. Ту сторону творчества, что из материи, из тела природы человек созидает грандиозный мир ценностей культуры. Но в этом противоречивом процессе он изменяет, совершенствует и собственную природу, развивает и обогащает собственные интеллектуальные и физические способности. Помимо своей воли человек формирует, совершенствует, обогащает, если можно так говорить, свою душу и тело.

Поэтому объективация творений разума осуществляется не только при созидании предметов внешнего мира. Она протекает в ходе общения индивидов и при обогащении общественного сознания и его форм. Мысли одного человека становятся достоянием других людей, существуют объективно в субъективной форме. И если эти мысли жизненно важны, то ликвидировать их трудно, не уничтожив силой их носителей, что часто практикуется и в современной истории. Разрешая противоречия, разум производит нечто новое, более совершенное, что полнее удовлетворяет сформированные в процессе общественной жизни потребности и интересы человека.

В единстве с созиданием идет воспроизводство и умножение, освоение и распространение доказавших свою жизненность ценностей культуры. Освоение, воспроизводство и распространение этих ценностей, как материальных, так и духовных, без их совершенствования реализуется уже при помощи иного состояния мышления – рассудочного. В неисчислимых актах мыслительного и практического повторения того, что рефлексировано разумом и зафиксировано в продуктах труда, мышление действует в форме рассудка.

Творения труда и разума, получая широкое признание и распространение, образуют *целостное состояние культуры*. Последнее есть показатель интеллектуального развития того или иного этноса, точнее, его *мудрости*, его движения по пути преодоления в себе

невежества и варварства. Эти явления антикультуры вплетены в ткань общества, как и сама культура. Возникают и накапливаются они как результат стихийных заблуждений или же злонамеренной воли и действий людей. В этом проявляется, как писал Гегель, ирония истории, когда представления и цели людей, даже объединенных единой волей и интересами, не совпадают с результатами их действий [1].

Из этого следует, что любое состояние культуры в самом себе противоречиво. Многие ценности с течением времени исчерпывают свою рациональность, обнаруживают ограниченность. Данная тенденция обусловлена распространением новых творений разума. Ценности, не исчерпавшие свою разумность и жизненность, продолжают функционировать в системе наличной культуры. Многие же из них по истечении некоторого исторического времени исключаются из практики и потребления, не воспроизводятся или, осваиваясь, функционируют в форме устойчивых традиций, привычек и даже неразумных форм отношений.

Эта диалектика присуща всему процессу созидания и функционирования культуры, где сознание человека стремится закрепить творения разума в устойчивые эталоны и образцы практических отношении. В процессе такого закрепления многое в системе культуры, миллиарды раз и сотни лет повторяясь, модифицируется в формы антикультуры. Но разум человечества, не довольствуясь достигнутым, преодолевает эти противоречия.

Заключение. На основе такого понимания можно дать следующую дефиницию. Культура – это объективированная деятельность разума человека, обогащающая общество материально и духовно и преодолевающая в его отношениях явления дикости и варварства, вандализма и невежества. Данное определение можно варьировать в различных формах, но главным должен оставаться тот факт, что во всем мире достижений культуры воплотилась, получила «импульс жизненности» творческая сила интеллекта человечества. Многим известен тезис Гегеля, что все действительное разумно, а все разумное действительно. Можно перефразировать этот тезис по отношению к культуре: все культурное разумно, все разумное культурно. Культура есть все, что разумно, а все разумное культурно.

Список литературы

1. Белоконев, Г.П. Пороки образованщины / Г.П. Белоконев. – Ростов н/Д: Новая книга, 2008. – 336 с.
2. Соколов, А.С. Культурная парадигма как базовая ценность духовно-нравственного развития / А.С. Соколов, В.Н. Минат // в сб.: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Междунар. науч. конференции / Под общ. ред. С.В. Беспаловой. – 2018. – С. 278-280.

ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ЯПОНСКОМ АНИМЕ (НА ПРИМЕРЕ «ПОВЕСТЬ О ПРИНЦЕ ГЭНДЗИ», Г. СУГИИ)

Сторчоус С.С., Кондаурова А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
filolog_mhk@mail.ru

Введение. Распространение в современной культуре японского аниме, обусловило его воздействие на многие виды искусства. Во-первых, аниме получило более активное развитие на родине – 60 % мировой мультипликации создается в Японии [2, с. 1], во-вторых, японская анимация повлияла на культуру в целом: внедрение инноваций в методах и приёмах данного вида искусства, расширение возрастной аудитории жанра, возникновение субкультурных сообществ, отдельные тенденции в моде и стиле.

Цель – анализ символов и мифологем в анимационном фильме Гисабуро Сугии «Повесть о принце Гэндзи». Рассмотрение семантики символического текста с точки зрения традиционных образов и идей японской культуры.

Основная часть. Этимология слова «аниме» имеет несколько версий. Термин вероятнее всего произошёл не от английского «animation», что значит «оживлять», а от «anima», что в переводе от латинского означает «душа» [2, с. 1]. Одной из новаторских идей стало изображение в аниме «взрослых» тем посредством «детской» эстетики: проблемы нравственности, вопросы политической идеологии, религиозные взгляды, взаимоотношения, тяготы повседневности. По сравнению с традиционной мировой мультипликацией, аниме расширило свою семантику: «Мультфильм – активный носитель культуры» [4, с. 2]. Образы и сюжеты аниме сохраняют и транслируют вековую традицию. Культурная преемственность в искусстве сохраняется и на уровне приёмов. Так символичность образов и художественных деталей становится одним из главных принципов аниме [3, с. 4]. Данный приём был разработан в драматургии. Исследователь японской культуры, Е. А. Гадзимова, пишет: «От актера требовалось не изображение событий, не копирование жизни, а лишь выявление ее скрытых основ, что вкупе с воображением зрителя должно было дать полную картину мира» [1]. В японской анимации можно проследить использование данного художественного принципа с момента зарождения этого вида искусства и развития.

В данной работе анализируется произведение классической японской анимации – «Повесть о принце Гэндзи», режиссёра Гисабуро Сугии, вышедшее в прокат в 1987 году. Анимационный фильм создан по мотивам

японского эпоса «Повесть о принце Гэндзи» эпохи Хэйан. Аниме основано на первой части романа-моногатари и сфокусировано на истории внебрачного сына императора, Гэндзи.

Аниме изображает личную историю принца Гэндзи посредством ряда символических образов. Центральным лейтмотивом произведения становится мотив одиночества. В аниме он находит выражение в ряде символов. Одним из основных становится веер как символ одиночества. В японской культуре веер – знак благородного происхождения, но помимо основного, имеет ряд дополнительных значений. Главный герой закрывает лицо веером, что символизирует границу между героем и окружающим его миром. Это становится не только знаком границы между Гэндзи и внешним миром, но и сокрытия души. Одиночество главного героя нарушает только его любимая, в присутствии которой он либо закрывает веер, либо совсем убирает.

Ещё одним символом душевного состояния главного героя становится флейта. В мировой культуре этот музыкальный инструмент получил огромное количество смыслов и значений. Впервые флейта появляется в сцене, где героя пытается отвергнуть возлюбленная. Гэндзи играет на инструменте музыку полную тревоги и эмоционального напряжения. Флейта появляется на протяжении всего аниме, в моменты острой тоски героя, связанной с трагическими событиями в его жизни: болезнь жены, смерть императора. Музыкальный инструмент становится символом внутреннего мира героя, полного душевных терзаний и одиночества.

В японской культуре категория времени имеет особый смысл. В аниме можно проследить, как представлено время через традиционные образы: дерево сакуры, лепестки цветов. Аниме изображает дерево в момент цветения и увядания, что выражает быстротечность времени, быструю смену молодости зрелостью, в конце концов, старостью. Цветы вишни – образы памяти, воображения главного героя. Сакура появляется в комнатах любовниц Гэндзи, что становится символом растрченного понапрасну времени. Таким образом, дерево сакуры является полисемантическим символом быстротечности времени, хрупкости человеческой жизни, её расцвета и угасания.

Одной из центральных мифологем аниме становится образ духа. В конкретном сюжете в духа превращается одна из возлюбленных Гэндзи –

Рокудзё. Не сумев вынести измен принца, девушка обращается в злобного духа и мстит своему обидчику, забирая его любовниц с собой. В японской мифологии такие духи называются онрё, что в переводе означает – обиженный, мстительный дух.

Заключение. Таким образом, в японской анимации неотъемлемым художественным принципом становится обращение к образам и мифологемам традиционной японской культуры. Как видно из проделанного

анализа, в аниме используется не только традиционные сюжеты, но и актуализируются архетипические мотивы и символы культуры.

Список литературы

1. Гаджиева Е.А. Страна восходящего солнца. История и культура Японии [Электронный ресурс]// Е.А. Гаджиева – Страна восходящего солнца.История и Культура Японии. 2006 / Библиотекарь.Ру (Библиотекарь Точка Ру) – электронная библиотека нехудожественной литературы по русской и мировой истории, искусству, культуре, прикладным наукам – URL: <http://www.bibliotekar.ru/japan/>
2. Именохоева И.Н. Мифологема одиночества в восточной литературе [Электронный ресурс] // Вестник БГУ. 2012. №8. / КиберЛенинка– URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-odinochestva-v-vostochnoy-literature> (дата обращения: 19.09.2019)
3. Катасонова Е.Л. Анимэ: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] // Е.Л. Катасонова – Ежегодник Япония. 2007. №36/ КиберЛенинка – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anime-vchera-segodnya-zavtra> (дата обращения: 19.09.2019) – с. 1 – 2
4. Катасонова Е.Л. Анимэ, или анимация по-японски [Электронный ресурс] // Е.Л. Катасонова, К.В. Душенко – Вестник культурологии. 2014. №2 (69)/КиберЛенинка – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elena-l-katasonova-anime-ili-animatsiya-po-yaponski> (дата обращения: 19.09.2019) – с. 4
5. Лалетина А.Ф. Культуробразующее значение мультипликации [Электронный ресурс] // А.Ф. Лалетина – Лингвокультурология. 2009. №3/ КиберЛенинка – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturoobrazuyushee-znachenie-multiplikatsii> (дата обращения: 19.09.2019) – с. 2
6. Мурасаки Сикибу Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моноготари) / Мурасаки Сикибу, Москва, Издательство Наука, Издательская фирма "Восточная литература", 1993

УДК 008

«ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ» ПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ТИПОВ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Судакова Г.Ю.¹, Минат В.Н.², канд. геогр. наук, доцент

¹Рязанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет», г. Рязань, РФ

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет, имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ
minat.valera@yandex.ru

Введение. Многообразие существующих в мире философских и научных определений культуры не позволяет сослаться на это понятие как на наиболее очевидное обозначение объекта и предмета культуры и

требует более четкой и узкой его конкретизации. Оно происходит от латинского слова *cultura*, которое трактуют в смысле «возделывание», «воспитание», «образование», «развитие», «почитание» и впервые встречается в трактате о земледелии *De Agri Cultura* (ок. 160 г. до н. э.) древнеримского политика и писателя Марка Порция Катона Старшего.

Популярная ныне Википедия отмечает многочисленные определения понятия культуры. Вот некоторые из них:

- «Исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» (БСЭ);
- «Совокупность генетически ненаследуемой информации в области поведения человека» (Ю.М. Лотман);
- «Культуру, в том числе наиболее блистательные и впечатляющие её проявления в виде ритуальных и религиозных служб, можно интерпретировать как иерархическую систему приспособлений и устройств для отслеживания параметров среды» (Э.О. Уилсон).

Может быть, именно такая множественность трактовок привела к огромному разнообразию определений этого понятия. Во всяком случае, по подсчетам американских ученых в англоязычной литературе таких определений насчитывается более 250. Немало их и в русскоязычной литературе. Детальное рассмотрение всех предлагаемых дефиниций является задачей культурологии.

Основная часть. Можно, по-видимому, утверждать, что в самой общей форме это понятие существует в более широкой и в более узкой трактовках.

В самом широком смысле под культурой понимают все, что создано людьми в процессе физического и умственного труда для удовлетворения их разнообразных материальных и духовных потребностей (и что может быть противопоставлено явлениям природы, существующим независимо от человека). Можно сказать и так: культура – это исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и культурных ценностях. В таком контексте это понятие употребляется для характеристики целых исторических эпох (античная культура, средневековая культура), не говоря уже о конкретных обществах (культуры ацтеков, майя, инков). Заметим попутно, что в такой широкой трактовке понятие «культура» в общем практически смыкается с понятием «цивилизация». Из идентичности этих понятий исходили еще французские просветители XVIII века, рассматривавшие культуру как общий результат развития человеческого разума и противопоставлявшие «культурность», «цивилизованность» дикости и варварству первобытных народов. Но по

современным представлениям «цивилизация» – понятие все же более широкое, которое олицетворяет общность людей, объединенную сходством образа жизни, культуры, миропредставлений, понятий о фундаментальных ценностях, тогда как понятие «культура» – более узкое. Тем не менее, и ему соответствует очень большое разнообразие, самих видов культуры [1].

В более узком смысле культура – это идейное и нравственное состояние общества, определяемое материальными условиями его жизни и выражаемое в его быте, идеологии, образовании и воспитании, в достижениях науки, искусства, литературы. Наиболее существенными ее атрибутами признаются глубокое, осознанное и уважительное отношение к наследию прошлого и способность к творческому пониманию и преобразованию действительности в той или иной сфере деятельности и отношений [1]. Словом, культура – это высшее проявление человеческой образованности и профессиональной компетентности. Вот почему по образному выражению Ильи Эренбурга, «культура всегда наступала и наступает не на другие страны, а на невежество, грубость, на человеческую разъединенность».

В соответствии с двумя главными сферами человеческой деятельности культура обычно подразделяется на материальную и духовную. Материальная культура представляет собой совокупность средств производства материальных благ, созданных человеческим трудом и обеспечивающих жизнедеятельность людей, общества. Это – орудия труда и средства передвижения, жилые и хозяйственные постройки, мебель, одежда и др. К духовной культуре людей, общества относятся знания, умения, навыки, уровень интеллекта, мировоззрение, способы и формы общения людей, нравы и обычаи, связанные с хозяйственной, семейной и общественной жизнью, правовые нормы, различные виды искусства и народного творчества, религиозные верования и культы.

Однако, такое подразделение все же во многом следует считать условным. Во-первых, потому, что произведения материальной культуры не могут возникнуть без участия сознания, мышления, творческой деятельности, знаний и интеллекта людей. Во-вторых, потому, что многие виды духовной культуры фиксируются в материальных предметах (письменные документы, картины, скульптуры, музыкальные инструменты и пр.). Не случайно известный отечественный литературовед и культуролог Ю.М. Лотман не раз писал о тесном переплетении в мире духовного и материального начала [2].

Как понятие «цивилизация», так и понятие «культура» имеют достаточно ярко выраженные «горизонтальный» и «вертикальный» аспекты. Первый из них находит отражение в выделении как двух главных пространственных типов мировой цивилизации – западного и восточного, так и многочисленных других ее типов и подтипов. Так, по мнению

известного американского политолога Сэмюела Хантингтона, в современном мире существуют восемь крупных цивилизаций. Английский историк и социолог Арнольд Тойнби различает 21 цивилизацию. Примеры многих цивилизаций приводит в своих работах акад. Н.Н. Моисеев. То же относится к широко известным трудам Л.Н. Гумилева. Еще большим территориальным разнообразием отличается понятие «культура», которое можно рассматривать на локальном, национальном, субрегиональном, региональном и глобальном уровнях.

Заключение. Итак, важность «горизонтального» или, можно сказать «пространственного», подхода позволяет оценить многообразие культурного, точнее историко-культурного районирования. Хотя нельзя не замечать и того, что в современном мире усиливается тенденция к укрупнению подобного районирования и формированию единых культурных пространств. В ее основе лежит усиливающееся взаимодействие национальных и региональных культур.

Список литературы

1. Максаковский, В.П. Географическая культура: учеб. пособие для студентов вузов / В.П. Максаковский. – М.: ВЛАДОС, 1998. – 416 с.

2. Соколов, А.С. Культурная парадигма как базовая ценность духовно-нравственного развития / А.С. Соколов, В.Н. Минат // в сб.: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Междунар. науч. конференции / Под общ. ред. С.В. Беспаловой. – 2018. – С. 278-280.

УДК 7.04

СИНТЕЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЗЬБЫ И КУЛЬТУРЫ

Тамаровская Ю.В.

Академия архитектуры и искусств ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
yulia_bober@mail.ru

Обращение к внутреннему миру человека посредством духовных ценностей – одна из ключевых особенностей художественной резьбы. Она занимает особое место в современном искусстве и сохраняет традиции народных промыслов, в нашем изменившемся времени объединяет разные элементы культур в одно целое, конструирует новое. Такая синтезная особенность художественной резьбы отражается в ее возможности изменяться вместе с внешним предметным миром, с внутренними процессами в этом виде искусства, а именно:

Во-первых, в резьбе применяются различные художественные и технические приёмы для выполнения работ.

Во-вторых, в художественной резьбе используют всевозможные древесные материалы, а также иногда в процессе резьбы сочетается с керамикой, металлом, драгоценными камнями и т.д.

В-третьих, в резьбе художественно-эстетические и практические функции используются при создании предметов быта. Функция, красота и практическая польза высоко ценились всегда.

Одной из характерных особенностей места художественной резьбы в культуре является соответствие художественной идеи и ее воплощения, обязательное наличие в процессе этих двух сторон. Если есть только идея – то это художественный замысел сам по себе, если же только исполнение – то изготовление изделия несет в себе конвейерный характер.

Традиции художественной резьбы складывались долгое время, основы художественного мастерства складывались от поколения к поколению. Новые работы дают новые умения и навыки, заставляют искать оригинальные решения, поэтому художественная резьба требует иные пути творческого развития и новые подходы.

Другой характерной особенностью резьбы по дереву непременно является функциональность, соединение в изделии практической пользы и красоты. Резные изделия воспринимаются человеком тактильно и зрительно, поэтому структура, фактура и красота материала, искусность в приёмах резьбы важны также, как и польза. К особенности резьбы по дереву можно также отнести этапность процесса. Резное производство делится на несколько основных элементов: художественный замысел, непосредственно художественное производство и созданный результат.

Еще одной особенностью художественной резьбы является экономическая востребованность, как сочетание реализованного замысла и заинтересованности потребителя в изделии.

Список литературы

1. Василенко В.М. Русская народная резьба и роспись по дереву XVIII–XX вв. / В. М. Василенко. – М. : Издательство МГУ, 1960.
2. Черпахина А. Н. История художественной обработки изделий из древесины. – М: Высшая школа, 1993.
3. Богуславская И.Я. Традиции народных художественных промыслов и проблемы сувениров. Советское декоративное искусство 77/78, М., 1980
4. А. Исаева «Изделия из дерева» (1876), «Нижегородский сборник» 1877–1890 гг.
5. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М., 1971.

РУССКИЙ МИР ЛУГАНЩИНЫ

Теремова Т.И., доцент

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени
М. Матусовского», г. Луганск, ЛНР
teremova77@gmail.com

Однажды на пункте перехода из ЛНР украинский военнослужащий задал мне вопрос: Ну что, пришёл к вам «русский мир»? Я ответила: А он от нас и не уходил!

Что же такое «русский мир»? «Русский мир» моего Луганска, Луганщины и меня лично – это не признак национальности.

14 ноября 1795 года Екатерина II подписала Указ «Об устройении литейного завода в Донецком уезде при речке Лугани». Мой город берёт начало с Указа русской императрицы, которая вовсе не русская, а немка!!

Екатерина II была мудрой просвещённой правительницей. В «Уставе благочиния» императрица изложила, на каких принципах должно существовать общество и государство. Под её руководством развивалась сеть воспитательных учреждений, основана Академия наук и более 300 школ. Произошли изменения в здравоохранении: учреждена Медицинская коллегия, устраивались госпитали и больницы. В сфере экономики Екатерина поощряла предпринимательство. Количество промышленных предприятий увеличилось в два раза. Неоценимо культурное значение её царствования. Это было время расцвета литературы, науки и искусства, формирования национального самосознания.

В области внешней политики Екатерина добилась блестящих результатов. Как писал Н.М. Карамзин: «Пётр удивил Европу своими победами. Екатерина приучила её к нашим победам». Она сумела решить три важных вопроса русской политики: шведский, польский и турецкий. При ней Россия приобрела Крым в ходе русско-турецкой войны, отстояла русские завоевания на Балтике.

В Беловодском районе есть место, связанное с Екатериной II – Деркульский конный завод, учреждённый по её указу в 1765 г. Здесь разводили лошадей персидской, русской, различных европейских пород. Постройка в стиле классицизма – дань почтения основательнице. Форма строений с высоты птичьего полёта выглядит в виде монограммы «Е II», что спасло завод от бомбардировки во время Великой Отечественной войны. Немецкие лётчики отказались бомбить Деркульский конный завод в память о бывшей немецкой принцессе.

Но вернёмся к истокам нашего города Луганска. Первым директором литейного завода стал инженер, оружейник, изобретатель Карл Гаскойн,

который в 1786 году он был приглашён на службу в Россию для налаживания производства каронад (изобретённого им вида корабельного оружия) для нужд российского военного флота. В Луганске установлен памятный бюст Гаскойну, шотландскому представителю «русского мира».

В начале XIX века Луганский завод начал выпускать паровые машины и металлорежущие станки, а к 1895 году переоборудован для производства патронов и стал основным их поставщиком для царской армии. В советское время производственное объединение «Луганский станкостроительный завод» стало ведущим предприятием Украины.

Ярчайшим представителем «русского мира» на Луганщине является датчанин по происхождению В.И. Даль (1801-1872). В Луганске на улице Даля есть музей в доме, где родился талантливый писатель, учёный, медик, этнограф, естествоиспытатель, диалектолог, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка». Свои труды он подписывал псевдонимом «Казак Луганский». Даль не только показал во всей красоте живое русское слово, но и создал энциклопедию быта, нравов, обычаев, ремёсел, обрядов.

Известно, что Даль был одним из тех, при ком уходил из жизни А.С. Пушкин. В «русском мире» Пушкин – «это наше всё!». А как же его арабская кровь? Значит, опять дело не в национальности.

Ещё один русский иностранец, выходец из Австро-Венгрии, заслуживает внимания. Это Густав Гесс де Кальве, автор «Теории музыки», изданной в 1818 году. Волею судьбы Кальве попадает в Россию, женится на Серафиме Мечниковой и переезжает в её имение в Харьковской губернии. В Харькове посещает университет, защищает диссертацию на степень доктора философии. С 1816 года Густав, человек кипучей энергии и мощного интеллекта, является членом правления Луганского литейного завода. Его потребность в творчестве в те годы нашла выражение в научной и журналистской деятельности. В 1818 году в типографии Харьковского университета выходит его «Теория музыки».

Во вступлении автор писал: «Цель моих трудов в том, чтобы дать любителям музыки в России средства к лучшему понятию сего искусства. Мне кажется, что мы, Россияне, ещё не имеем ни одного систематического сочинения, приспособленного к нынешней музыке, и что нет другой нации во вселенной, которая бы столько имела природных склонностей к сему искусству, как наша». То есть Кальве сам относит себя к «русскому миру».

Труд Гесса де Кальве был востребован его современниками. Один из рецензентов писал: «Автор в полной мере заслуживает благодарности от русских, для которых он трудился над этим произведением. Действительно, у нас это первая книга такого рода». А. Грибоедов в письме из Тбилиси в Москву своему другу В. Одоевскому спрашивает: «Поблизости от тебя в книжной лавке не найдётся ли Гесс де Кальве „Теория музыки“?...».

Советская Луганщина – естественное продолжение «русского мира», хотя решением партии Донбасс был введён в состав Украинской советской республики (для усиления пролетариатом).

История Луганска неразрывно связана с именем Клим Ворошилова, военачальника, государственного деятеля, участника гражданской и Великой Отечественной войн. Наш город в 1935-1958 и 1970-1990 годах назывался Ворошиловградом.

Луганщина гордится подвигом молодогвардейцев. Подпольные антифашистские группы молодёжи возникли сразу после начала оккупации Краснодона войсками нацистской Германии (с 20.07.1942 г.). Вскоре группы объединились в единую организацию, которую назвали «Молодой гвардией». Комсомольцы распространили в Краснодоне более пяти тысяч антифашистских листовок с данными о реальном положении дел на фронте. В январе 1943 года начались массовые аресты членов организации. В фашистских застенках все подвергались жестоким пыткам. Вскоре в 58-метровый шурф шахты № 5 были сброшены 71 человек. Некоторые из них были расстреляны, а часть сброшена живыми.

Подвигу молодогвардейцев посвящён роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия», переведённый на многие языки мира. Режиссёром Сергеем Герасимовым снят художественный фильм «Молодая гвардия», украинским композитором Юлием Мейтусом создана опера.

В 2016 году в ЛНР создана организация «Молодая гвардия». В неё входит молодёжь, узнавшая ужасы бомбардировок украинских нацистов. Чувство патриотизма, любви к родной земле, гордости за свой народ, верности Отечеству, готовность защитить родной край таким детям прививать не надо. Это у них в крови.

Михаил Львович Матусовский (1915–1990) принадлежит к числу тех людей, которые творят историю своего народа. Многие поколения воспитывались на песнях выдающегося поэта, который родился в Луганске в еврейской семье. Сейчас его имя носит Луганская государственная Академия культуры и искусств.

Благодаря Матусовскому мы точно знаем, с чего начинается Родина, и как всему русскому миру дороги подмосковные вечера, и что вместе весело шагать по просторам, и как вышел в степь донецкую парень молодой, и что произошло на Безымянной высоте. С его словами мы обращаемся к Отчизне: «И так же, как в детстве, меня напои берёзовым соком», к первой учительнице: «Ты – юность наша вечная, простая и сердечная»; мы знаем, «отчего так хорошо» и где цвели его «белой акации гроздь душистые».

Наш Русский мир – это созидание, стремление дать как можно больше своей Родине. Русский мир – это любовь, честь, духовность, отвага, самоуважение, умение «раньше думать о Родине, а потом – о себе».

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ИСКУССТВУ: ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ЗАДАНИЙ

Черноземова Е.Н., д-р филол. наук, профессор

ВГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, РФ
chernozem888@yandex.ru

С 2010 года ежегодно проводится Всероссийская олимпиада школьников по искусству (мировой художественной культуре). Задача олимпиады – способствовать развитию интереса обучающихся к научной исследовательской деятельности в области искусствознания, выявить одаренных, наиболее творчески мыслящих участников. Площадка олимпиады служит прекрасным плодотворным плацдармом для педагогического эксперимента по взаимодействию ученика и учителя – преподающего и обучающегося. Успех этого взаимодействия зависит от ряда аспектов. Разработаны типы творческих заданий, соответствующих задачам олимпиады. Ежегодно члены центральной предметно-методической комиссии, в которую входят дипломированные специалисты, обладающие широким искусствоведческим кругозором, заняты составлением уникальных заданий, которые призваны будить интерес к искусству и творчеству, а также к способам их изучения. Олимпиадные задания являются синтетичными по своей сути и создаются на основе синтеза различных видов искусства. Они призваны выявить и визуализировать творческий потенциал участников. Примеры и анализ конкретных заданий, их способности к выявлению степени присвоения и эмоционального переживания произведений искусства, а также способов их оценки доступны на сайте rosolimp.ru.

С целью развития высокого профессионализма и мастерства специалистов, связанных с проведением конкурсных этапов и туров олимпиады, особенно тех, кто непосредственно соприкасается с составлением вопросов и подготовкой обучающихся по внеучебным дополнительным программам члены центральной предметно-методической комиссии проводят анализ вопросов и заданий, составляемых коллегами в разных регионах, встречи с ними, разрабатывают программы и проводят курсы повышения квалификации. Именно эти специалисты призваны увидеть и оценить творческое начало участников, отраженное в их письменных работах. Основные допускаемые ошибки и просчеты в составлении и оценках вопросов и заданий выявляют образовательные проблемы, заслуживающие наибольшего внимания.

Подчас примеры неординарных творческих решений предложенных заданий, а также социально значимых суждений и предложений,

сформулированных участниками, служат подсказкой к принципам преподавания дисциплин предметного ряда "искусство". Показательными при этом оказались ответы, данные на одно из заданий заключительного этапа олимпиады, связанного с Годом культуры (2014). В заключительном этапе этого года, проходившем в Санкт-Петербурге, приняло участие 172 победителя и призёра регионального этапа, ученики 9–11 классов из 42 регионов страны. Им были предложены в числе прочих вопросы, напрямую связанные с Годом культуры и разрабатываемыми государственными документами – Основ государственной культурной политики и Закона о Культуре.

Анализ ответов участников, с одной стороны, представляет срез уровня сознания обучающихся, проявляющих интерес к области культуры, с другой, знакомит с идеями по развитию этой сферы. Подчас эти идеи, действительно, новы и интересны. В статистической части анализа не ставится задача критики или развернутых комментариев высказанных школьниками суждений и предложений. Эта часть носит информативный ознакомительных характер.

Возможности использования площадки Всероссийской олимпиады школьников в качестве педагогического эксперимента многоаспектны и целесообразны. Получаемые результаты послужат основой для разработки рекомендаций по работе с одаренной молодежью. Такой эксперимент требует привлечения научных и педагогических сил и всесторонней поддержки со стороны государства.

Дизайн и art-менеджмент

УДК 74.01/09

ПЛАКАТНАЯ ГРАФИКА В ИСТОРИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЯХ XX ВЕКА И СОВРЕМЕННЫЙ ДИЗАЙН ПЛАКАТА

*Данильян Л. В.,
Тюркеджи Е. В.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
svetlana.petrikina@yandex.ru

Введение. Важнейшей особенностью современного мира являются системные изменения коммуникационного пространства. Одним из коммуникационных средств воздействия на эмоциональное состояние человека, мотивы его деятельности, поступки и формирование новых социальных норм и ценностей является социальная реклама. Её цель – изменить отношение публики к какому-либо явлению, привлечь внимание людей к конкретным социальным проблемам или сообщить о социальных инициативах властей, а в долгосрочной перспективе – выработать новые социальные ценности. В течение почти полутора столетий эти задачи решала плакатная графика.

Цель – определить роль и особенности плакатной графики в изобразительном искусстве, дизайне и социальной коммуникации; проследить исследовать трансформацию плакатной графики в начале XXI века.

Основная часть. Плакат – (нем. Plakat от фр. Placard – объявление, афиша, от plaque – наклеить, приклеивать), или постер (англ. Poster – плакат) – разновидность прикладной печатной графики, наборно-шрифтовое или художественно-иллюстративное листовое крупноформатное тиражное печатное издание, заключающее в наглядно-емком виде информацию рекламного, агитационно-пропагандистского, инструктивно-методического, учебного и иного характера. Листовой плакат представляет собой бросающееся в глаза изображение и яркий заголовок или призыв к действию. В современном дизайне плакат – это объединённое в отчётливую визуальную форму сообщение, предназначенное для призыва к определенному действию.

Как разновидность графики, плакат окончательно сложился в конце XIX в. Первооткрывателем этого течения считают французского графика и театрального художника Жюля Шере (1836–1932). В 1866 году он создал собственное литографическое издательство и начал выпускать концертные

и театральные афиши. Появившаяся возможность печатать текст и изображения, хоть и небольшим тиражом, повлияла на становление плаката. В 1897 г. в Петербурге под покровительством «Общества поощрения художеств» открылась Международная выставка афиш. Это было первое общественное представление нового жанра публике [1], своеобразная точка отсчёта в истории отечественного плаката.

Подлинное рождение советского социально-политического плаката начинается в периоды Октябрьской революции и Гражданской войны, а затем восстановления народного хозяйства. Плакатное искусство исконно рассматривалось новой властью как приоритетное наряду с прессой, радио и кино благодаря возможностям массового распространения, охвата широкой аудитории. В 1917 г. пришедших к власти большевиков поддерживали в основном художники авангарда во главе с В. Маяковским, основавшим вместе с М. Черемных знаменитые Окна РОСТА (Российское телеграфное агентство) [1, с. 80]. Маяковский – автор коммерческих и социальных, рекламных и политических плакатов. Трудясь в «Окнах РОСТА» в плакатном отделе, он видел основную задачу в том, чтобы наглядно и остроумно высмеять врагов и поддержать советскую власть. Плакатам Маяковского присущи схематизм и символизм, который тесно сливался с его стихами. Первые плакаты известного поэта рисовались вручную, а затем уже создавались с помощью трафаретов.

В дальнейшем плакат сыграл значительную роль в мобилизации советского народа на социалистическое строительство, в битве с внешними противниками Советского государства. Значительную лепту в дело мобилизации народа на войну с врагом внесли плакаты советских художников времен Великой Отечественной войны. Четкий лозунг, воплощённый в пылкий художественный образ, порождал такие насыщенные чувства, как ненависть и любовь, гордость и презрение. Плакаты поддерживали людей, помогали преодолевать лишения и голод, физические и душевные муки, защищать Родину, идти к Победе. Советский плакат – это подлинный дух времени, мышление и жизненные взгляды всей страны, заключенные в визуальном образе. Это наглядное воссоздание жизни XX века. Его массовость, доступность зрителям, лаконизм, красочность, простота и выразительность определили место в жизни советского народа. Плакат окружал советского гражданина повсюду, тем самым повлияв на его мировоззрение. Плакат был больше, чем современная реклама. Плакаты наглядно изображали, чем жил народ той эпохи: кого прославлял, с кем противоборствовал и как усмирлял врага, как показывал успехи и богатства Родины, как рекламировал товары собственного производства, пропагандировал здоровый образ жизни, устанавливал рамки поведения на работе и вне её, демонстрировал идеалы, как отзывался на все события в мире. Советский плакат был идейным вдохновителем и моральным ориентиром целой страны.

По несколько иной траектории развивалась плакатная графика в Западной Европе и США. Западноевропейские художники в конце XIX в. создали непревзойденные шедевры плакатной графики. Главная роль в формировании плаката в конце XIX – начала XX в. принадлежит Франции. В конце XIX в. плакат преимущественно имел рекламно-индустриальный характер и связь с постоянно конкурирующими капиталистическими предприятиями. Конкретных принципов создания эффективного плаката не было длительное время, пока в 1866 году известный французский художник Жюль Шере не выделил основные правила изготовления рекламного плаката: яркость изображения и лаконизм текста. Такой принцип подачи информации сразу привлекает внимание.

Первая Мировая война во многом повлияла на популярность плаката. Оказалось, что плакат, как никакое другое искусство, востребован в переломные моменты истории. В это время и появляется тот самый «шершавый язык плаката» и «кисть приравнивается к штыку». Большое распространение получил агитационный плакат. Он использовался для агитации призыва в армию, подписку на военные займы, помощь раненым и т.п. С 1920–1930-х гг. плакат стал популярным средством пропаганды техники безопасности в промышленности и строительстве. Во второй половине XX в. произошли коренные перемены в творческом сознании мастеров, был значительно обогащен их творческий инструментарий, расширены представления о новых технологиях и медиа-инструментах. Работы этого периода характерны «слоистой» образностью, эффектами коллажа, метафоричностью, а также ассимиляцией образов будничной массовой культуры.

Сегодня плакат – наиболее распространенный вид наружной рекламы, у которого есть неоспоримые преимущества. Плакат – недорогой вид полиграфии, однако отклик, который можно получить от него, намного превышает затраты на его изготовление. Именно поэтому яркий, привлекающий внимание дизайном и качеством полиграфии плакат еще долго сохранит свои ведущие позиции на рекламном рынке.

Одновременно с появлением Интернета, который становится более доступным, появляется и Интернет-реклама в виртуальной среде, без географических границ. И вслед за этим появление сетевой рекламы, которую обычно относят к 1994 г., когда пользователи Интернета увидели первый рекламный баннер. Значение слова баннер (banner) в переводе с английского обычно трактуется как заголовок, транспарант, а теперь и как часть Web-страницы, содержащая рекламу [2]. Функции интернет-баннера соответствуют функциям плаката: рекламный баннер должен нести информацию, быть красивым и понятным. Различие между плакатом и баннером заключается в размере, материале и свойствах интерактивности, присущих баннеру. В создании рекламной кампании эти отличия не имеют особого значения – часто один и тот же художественный образ мы видим и

на плакате, и на баннере. Поэтому можно говорить о взаимодействии традиционных средств рекламы (плакат) и средств интернет-рекламы (баннер).

В современном плакате шкала выразительных средств крайне велика: неординарные сочетания и точный отбор графических элементов; игра с пространством и визуальный радикализм; выражение актуального содержания с максимальным эффектом; использование стереотипных графических знаков для передачи новых смыслов; фотоизображения и визуальные символы в многоплановых сложных композициях; декоративный рисунок в сочетании с векторной графикой; оптические эффекты и авторский образный шрифт.

Новые формы развития плаката обусловлены развитием современной коммуникации: сейчас плакат может взаимодействовать с видео и медиа объектами, интерактивными акциями. Модифицируясь через медиа носители, плакат изменяется, приобретает новую – интерактивную – форму.

Заключение. Нельзя говорить о полном упадке плакатного творчества в начале XXI в., скорее плакат видоизменился, нежели чем полностью исчез как вид графики. Поменялось время, и плакат в привычном его понимании перестал быть необходим. Развитие современных технологий и интернета видоизменили плакат. В связи с этим решение стоящих перед дизайнерами задач осуществляется в нескольких направлениях: изменение привычной конфигурации бумажного носителя, использование более долговечных материалов, освоение новейших электронных технологий (электронная бумага) и связанных с этим новых выразительных средств. Плакат, в сочетании с другими информационными носителями включенный в инновационные рекламные кампании, остается важным средством графической коммуникации в рекламной сфере.

Список литературы

1. Полонский В. Русский революционный плакат. – М.: ГИЗ, 1925. – 192 с.
2. Пройдаков Э. М. Англо-русский толковый словарь по вычислительной технике, Интернету и программированию / Э. М. Пройдаков, Л. А. Теплицкий – 2-е изд., испр. – М.: Торговый дом «Русская редакция», 2000. – 448 с.
3. Саратовская Н. Н. Художественный образ в плакате: проблема содержания и формы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plakat.unid.by/blogospha/hudozhestvennyy-obraz-v-plakat-kak-obekt-iskusstvovedcheskogo-issledovaniya>.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИЗГОТОВЛЕНИЯ ФОТОКНИГИ

Кулюпина Г. А., канд. филол. наук,

Гринева А. А.

ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств
и культуры», г. Белгород, РФ
drutchinina@yandex.ru

Введение. Что из себя представляет фотокнига? Это полиграфический продукт, книга, развороты которой наполнены тематически схожими фотографиями и художественными надписями.

Обычный потребитель мало понимает, насколько сложен процесс ее создания, ведь покупателю важнее всего качество фотографий и их расположение. Но технологический процесс имеет свои тонкости, и в данной статье хотелось бы их описать.

Исследованию фотоизданий посвящены работы таких специалистов, как В.И. Бобров, И.В. Черная (изучение технологии изготовления эксклюзивных изданий) [1], Е.Л. Мжельская (изучение редакторской подготовки фотоизданий) [2] и др.

Цель данной статьи – обзор современного технологического процесса создания фотокниги. Создание фотокниги – трудоёмкий творческий процесс, результатом которого становится уникальная полиграфическая продукция с индивидуальным дизайном и содержанием.

Основная часть. Прежде чем заняться версткой книги, менеджер в типографии узнает у клиента его предпочтения и пожелания, к примеру, какой вид должна иметь книга: полиграфический или классический. Основные различия между этими видами заключаются в качестве печати и в том, как изображение будет заходить в корешок: в классических фотографиях можно размещать во весь разворот, а в полиграфических изображения уходят в корешок, таким образом можно собрать в книге большее количество листов. Полиграфические книги верстать быстрее, страницы тонкие и упругие, печатаются на мелованной бумаге, имеют гляцевый отлив, обложку можно сделать как мягкой, так и твердой, обтянутой кожей или ламинированной. Но они недолговечны. Классические фотокниги дороже, плотнее и имеют главное преимущество перед полиграфическими: листы можно разворачивать на 180°, фотографии размещать без линии сгиба на развороте.

Сверстать фотокнигу несложно. Интернет-магазины часто предлагают онлайн-верстку в бесплатных программах, так что для клиента открыто множество возможностей дать волю своей фантазии. Для

цифровой лаборатории достаточно работать с фотографиями в профиле RGB и разрешением 300 dpi.

Когда макет готов, дизайнер передает его на доработку допечатнику или же сам подготавливает его к печати (что часто происходит в маленьких типографиях и копи-центрах, в которых нет разделения труда). Печатать можно как химическим путем (классические фотокниги), так и полиграфическим. Далее отпечатанные листы идут на подрезку и сборку к постпечатнику (специалисту по брошюровке, переплету, резке, склейке и другим постпечатным процессам).

После печати требуется пробиговать листы – продавить по центру листа линию для сгиба без потери качества красочного слоя. После биговки листы складываются и стопуются, не нарушая порядка сборки. Далее развороты, согнутые пополам, наклеиваются на плотную основу, размеры которой чуть больше страницы (половины разворота). В зависимости от материала основы и применяемого клея различают три технологии: «мокрая» (с использованием жидкого клея), «сухая» (без жидкого клея) и комбинированная (применяются и жидкие и сухие виды клея). Материалосновы, на которую наклеиваются развороты, - пластик или картон. При «мокрой» технологии формирование книжного блока осуществляется путём нанесения жидкого клея на поверхности разворота и основы. Клей наносится с помощью специальной клеемазательной машины. «Сухая» технология предполагает применение основы с уже заранее нанесённым клеем. Нужно лишь снять защитный слой, и основа готова к сборке (отсюда и название «самоклейка»). Материалом основы может быть как картон, так и пластик. Последовательность сборки следующая: разворот – основа.

После сборки блок помещают под пресс. Листы прижимаются друг к другу, клей застывает, листы принимают вид ровной поверхности, шанс деформации при этом уменьшается. Прессовать листы крайне важно, так как при контакте с воздухом клей может размочить бумагу, и она свернется, или же поверхность просто приобретет неровный вид. Собранные блоки проклеиваются марлей в месте сгибов разворотов (корешке), с выходом на корешковые поля форзацев, для увеличения прочности книги при открывании. Тканевый материал как бы стягивает блок, исключая появление зазоров между разворотами, и не даёт книге развалиться.

Последняя инстанция для листов – подрезка. Происходит она по трем сторонам. Блок подрезается примерно на 3-4 мм, поэтому при верстке фотокниги надо обязательно учитывать «доливки», то есть делать изображения навыпуск, иначе в конечном итоге может получиться, что некоторые фотографии обрежутся в ненужном месте. Можно закладывать и больше 3 мм, тут уже дизайнер должен индивидуально подстраиваться под резчика. Оборудование в типографиях разное, если в одном случае

можно автоматически столкнуть большое количество листов и в точности до миллиметра подрезать, то в другом случае, имея оборудование старого типа, необходимо предполагать, что, допустим, с 2-х крайних сторон книга подрежется миллиметра на 4, а по центральной стороне уже на 5-7 мм. При сгибе разворотов из-за толщины бумаги и количества листов многие страницы сильно выходят наружу, поэтому подрезать их надо больше и понимать, что в макете фотографии, которые находятся в середине книги, будут меньше всего укорочены, чем те, которые идут на первых и последних страницах.

Декорирование блока завершается приклейкой каптала, придающего книге законченный вид.

Обложка изготавливается отдельно. Для самых простых фотокниг делают мягкую фотообложку. Способы ее создания разнообразны, так как её делают из картона, намного превышающего плотность листов. Обложку можно заламинировать, и она приобретет глянцевый или матовый оттенок. Конечно, этому процессу можно подвергнуть и листы, но цена такой книги увеличится в разы, поэтому в типографии просто предлагают отпечатывать развороты на мелованной бумаге плотностью 150–300 гр/м², уже имеющей блестящую поверхность. Матовая ламинация создает приятный теплый оттенок, и на ощупь лист сразу отличается. Если клиент хочет, чтобы его фотокнига выглядела красиво и изящно, то придется доплатить определенную сумму.

Переплетная крышка, которая может быть цельной или составной, соединяется с книжным блоком с помощью форзацев, на которые наклеивается самоклеяка (в большинстве случаев), чтобы при открытии развороты были чистыми. Пожеланию на форзацы можно поместить фотографию, и тогда лучше всего просто склеить крышку сразу с разворотами, но книга при этом может получить весьма неопрятный вид.

При ламинировании есть опасения, что обложка может покрыться пузырьками и пленка неровно сядет. Конечно же все зависит от мастерства постпечатника, который следит за валами ламинатора. Вместо ламинирования обложку можно покрыть лаком.

Установка блока в крышку завершает процесс сборки фотокниги. Теперь ее стоит только упаковать, чтобы она достигла своего заказчика в чистом и неповрежденном виде.

Заключение. Технологический процесс создания фотокниги крайне интересен и требует терпения и долгой кропотливой работы. Если при печати листов важнее всего цвет фотографий, то при сборке надо быть крайне внимательным и ответственным. Аккуратность – главное качество на постпечатной обработке. Но благодаря трудам мастеров типографий многие люди могут получить фотокнигу с индивидуальным дизайном, которая будет радовать их и напоминать о каких-либо важных в их жизни событиях.

Список литературы

1. Бобров В.И. Технология изготовления эксклюзивных изданий: учеб. пособие / В.И. Бобров, И.В. Черная. – М.: Изд-во МГУП, 2015. – 258 с.
2. Мжельская Е.Л. Редакторская подготовка фотоизданий: учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 112 с.

УДК 75

РИСУНОЧНЫЙ ОПОРНЫЙ КОНСПЕКТ

Мальцева Д. М., канд. пед. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
sviridova451@gmail.com

Введение. В сложной теории лабиринтов есть, однако, несколько весьма простых правил, придерживаясь которых, можно в абсолютном большинстве случаев найти выход и без посторонней помощи (см. рис.1).

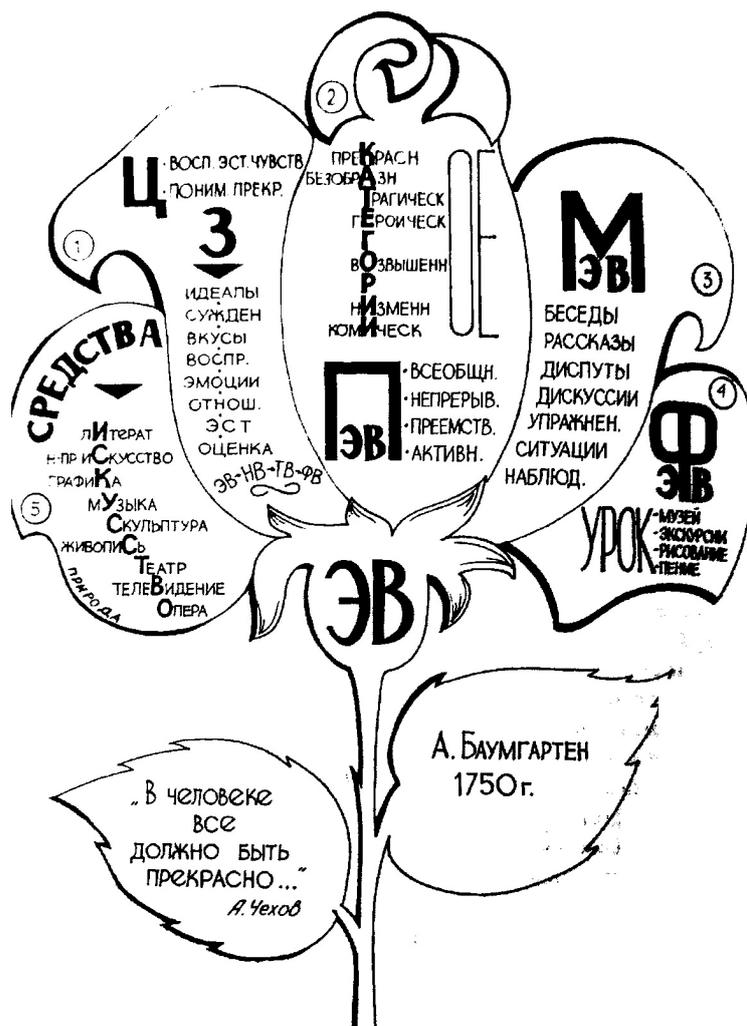

Рис. 1. Пример рисуночного конспекта

Цель исследования – целенаправленное формирование у подрастающего поколения эстетического отношения к жизни: труду, природе, искусству, личному поведению, воспитание способностей полноценного восприятия и правильно понимания прекрасного в искусстве и действительности, уважение к природе, стремлении создавать эстетические ценности.

Задачи:

- воспитание эстетических потребностей, т.е. сознательного стремления к прекрасному;
- воспитание эстетического восприятия и чувств, т.е. способности непосредственно воспринимать и переживать прекрасное;
- воспитание эстетических понятий, вкусов оценок и суждений, т.е. способности не только воспринимать, но и оценивать и понимать прекрасное;
- воспитание эстетических идеалов, т.е. правильного понимания и активного стремления к образу совершенной жизни и совершенного человека;
- развитие творческих эстетических способностей в различных видах деятельности.

Основные результаты. *Прекрасное* – категория, в которой находят отражение и оценку явления действительности и произведения искусства, доставляющие человеку чувства эстетического наслаждения.

Возвышенное выражает сущность значительных событий, явлений действительности и их воспроизведение в искусстве.

Трагическое отражает противоречия действительности, конфликты, которые неизбежны и преодолеваются в бескомпромиссной и суровой борьбе, несущей страдания, а иногда и гибель трагическим героям.

Комическое по своему происхождению, сущности и эстетической функции носит социальный характер.

Методы эстетического воспитания разнообразны – беседы, рассказы, диспуты, дискуссии, проводимые по различным темам о музыке, живописи, книге, театре, архитектуре.

Средством эстетического воспитания является искусство в его различных видах.

Искусство – одна из форм общественного сознания, важнейший элемент эстетической культуры. Специфическая особенность искусства – отражать действительность в художественных образах – один из важнейших способов эстетического освоения мира. Художественный образ в конкретной индивидуальной форме отражает типичные явления жизни. Искусство своей образностью активно воздействует на сознание, чувства, волю людей и играет огромную роль в жизни общества.

Заключение. Основа эстетического восприятия связана с чувством, с эмоциональной реакцией. Особое место в эстетическом воспитании

занимает воспитание средствами искусства, через систему художественных образов и выразительных средств.

Искусство разнообразно по своим видам и жанрам. Воспитание средствами искусства очень действенно, эмоционально, привлекательно для детей и молодежи. Большое эстетическое воздействие на человека оказывает музыка и изобразительное искусство. Они спланивают людей, поднимают их настроение, вселяют бодрость, укрепляют силу духа.

Необходимо регулярно проводить экскурсии в музеи, на выставки, учить понимать идею, изобразительные средства, к которым прибегал художник, чтобы осуществить свой замысел.

Список литературы

1. Мальцева, Д. М. Педагогические лабиринты: Учебно-методическое пособие для студентов педагогических факультетов / Д. М. Мальцева, В. Ф. Шаталов. – Донецк: ДООУ, 2001. – 176 с.

УДК 75

ТИПОЛОГИЯ ПРОЕКТОВ. ИХ СТРУКТУРИРОВАНИЕ

Мальцева Д. М., канд. пед. наук, доцент,
Бычкова В. Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
bychkova_vera_8@mail.ru

Введение. Проектная форма работы является одной из наиболее актуальных технологий, позволяющих учащимся применить накопленные знания по предмету. Следует отметить, что в основу метода проектов положена идея о направленности учебно-познавательной деятельности на результат, который получается при решении той или иной практически или теоретически значимой проблемы.

Кроме того, работа над проектами развивает воображение, фантазию, творческое мышление, самостоятельность и другие личностные качества. Умение пользоваться методом проектов – показатель высокой квалификации преподавателя, его прогрессивной методики обучения и развития учащихся [1]. Следовательно, знание типологии проектов поможет преподавателю при разработке проектов, их структуры, при координации деятельности учащихся в группах.

Основной проблемой, сдерживающей распространение проектного обучения, является тяжелое сопоставление проектных заданий с требованиями образовательных стандартов. Практически не удаётся сформулировать проектное задание таким образом, чтобы стандартные

знания, умения и навыки нашли своё место (точнее – чтобы в них была необходимость) при выполнении учащимися этих задач.

Проблемами проектного обучения занимались Е.В. Карпова, В.Т. Гужеев, Е.С. Полат, Е. Коллингс и другие учёные.

Цель исследования – выявление типологии проектов и их структурирования.

Основная часть. Для типологии проектов нами были предложены следующие типологические признаки:

1. Доминирующая в проекте деятельность.
2. Предметно-содержательная область.
3. Способ общения в процессе проектной деятельности.
4. Характер координации проекта.
5. Характер контактов.
6. Количество участников проекта.
7. Продолжительность проекта.

В соответствии с первым признаком нами были выделены следующие типы проектов:

Исследовательские – проекты, полностью подчиненные логике исследования и имеющие структуру, приближенную или полностью совпадающую с подлинным научным исследованием.

Творческие проекты, как правило, не имеющие детально проработанной структуры совместной деятельности участников, она только намечается и далее развивается, подчиняясь жанру конечного результата.

Ролевые, игровые проекты. В таких проектах структура также только намечается и остаётся открытой до окончания проекта [2]. Участники принимают на себя определённые роли, обусловленные характером и содержанием проекта.

Информационные проекты, направленные на сбор информации о каком-либо объекте, явлении.

Практико-ориентированные (прикладные) проекты, отличающиеся чётко обозначенным с самого начала результатом деятельности его участников.

По второму признаку – предметно-содержательной области – нами были выделены следующие два типа:

Монопроекты – проводятся в рамках одного предмета.

Межпредметные проекты – выполняются во внеурочное время. Это могут быть небольшие проекты, затрагивающие два-три предмета.

По способу общения в процессе проектной деятельности мы выделили проекты, которые выполняются при непосредственном контакте; региональные и международные проекты, требующие для осуществления контактов использования средств коммуникационных технологий [3].

По характеру координации были выявлены два типа.

- Проекты с открытой, явной координацией, где координатор участвует в проекте в своей собственной функции, ненавязчиво направляя работу его участников.

- Проекты со скрытой координацией, где координатор не обнаруживает себя в деятельности групп участников в своей функции. Он выступает как полноправный участник проекта.

По характеру контактов:

- Внутренние или региональные (в пределах одной страны) проекты, организуемые либо внутри одной школы, междисциплинарные, либо между школами, классами внутри региона, одной страны [4].

- Международные (участники проекта являются представителями разных стран) проекты большей частью телекоммуникационные.

По количеству участников: личностные, парные, групповые проекты.

По продолжительности проведения проекты могут быть:

- Краткосрочными – для решения небольшой проблемы или части более крупной проблемы.

- Средней продолжительности (от месяца до полугода).

- Долгосрочные (от нескольких месяцев до года).

Важно отметить, что каждый тип проекта имеет тот или иной вид координации, сроки исполнения, этапность, количество участников. Поэтому, разрабатывая тот или иной проект, необходимо иметь в виду признаки и характерные особенности каждого из них [5].

Процесс структуризации проекта был представлен нами в виде следующей последовательности действий:

Выбор темы проекта, его типа, количества участников.

Выявление возможных вариантов проблем, которые важно исследовать в рамках намеченной тематики.

Распределение задач по группам, обсуждение возможных методов исследования, поиска информации, творческих решений.

Самостоятельная работа участников проекта.

Промежуточные обсуждения полученных данных в группах.

Защита проекта, оппонирование.

Коллективное обсуждение, экспертиза, объявление результатов внешней оценки, формулировка выводов.

Заключение. В работе предлагается идея проектного обучения, нацеленная на формирование у учащихся глубоких знаний и развития способностей, обоснованных взглядов на окружающую действительность, креативность и творческое мышление, формирование деятельности по решению профессионально-практических задач.

Метод проектов зарекомендовал себя как один из творческо-познавательных методов, повышающий мотивацию учеников к изучению, включению их в различные среды. А готовые проектные работы – это огромный толчок для продуктивной работы.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Метод проектов в современной школе / Н. Д. Гальскова. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 224 с.
2. Душеина, Т. В. Проектная методика на уроках иностранного языка / Т. В. Душеина. – М.: Наука, 2003. – 556 с.
3. Колоскова, Н. И. Типологические особенности проектов в процессе изучения биологии / Н. И. Колоскова. – М.: Просвещение, 2011. – 240 с.
4. Кочетунова, Н. А. Метод проектов в обучении языку / Н. А. Кочетунова. – М.: Наука, 2011. – 300 с.
5. Пахомова, Н. Ю. Проектное обучение — что это? / Н. Ю. Пахомова. – М.: Методист, 2004. – 286 с.

УДК 615.849

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ В ПРЕПОДАВАНИИ ОСНОВ ФИЛОСОФИИ СТУДЕНТАМ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ДИЗАЙН» (ИЗ ОПЫТА ДОНЕЦКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОЛЛЕДЖА)

Петрикина С. В.

ГПОУ «Донецкий художественный колледж», г. Донецк, ДНР
svetlana.petrikina@yandex.ru

Введение. Под профессиональной направленностью обучения конкретной дисциплине понимают ориентацию содержания, форм, методов и средств обучения на формирование профессиональных знаний, умений и качеств личности [3]. Впервые, принцип профессиональной направленности обучения в профессиональном образовании был сформулирован в середине 70-х годов XX века. На сегодняшний день существует ряд различающихся между собой трактовок этого принципа, и продолжаются дискуссии, является ли он отдельным дидактическим принципом вообще.

Несомненно одно: для эффективной организации изучения студентами всех дисциплин – в т.ч. и социально-гуманитарных – необходимо, чтобы в содержании и методике преподавания было как можно больше точек соприкосновения с будущей профессией.

Цель - раскрыть опыт реализации принципа профессиональной направленности в преподавании дисциплины «Основы философии» для будущих специалистов в области дизайна.

Основная часть. В Государственном образовательном стандарте среднего профессионального образования по специальности 54.02.01 Дизайн (по отраслям) Основы философии отнесены к базовым дисциплинам и входят в состав общего социально-гуманитарного и экономического цикла.

В преподавании Основ философии для студентов Донецкого художественного колледжа принцип профессиональной направленности реализуется на разных уровнях.

Уже в самой структуре курса значительное место отведено темам, относящимся к философии культуры и философии искусства. Их изучение призвано раскрыть перед студентами философско-исторические и философско-методологические аспекты их профессиональной деятельности.

Известно, что философское знание имеет высокий уровень абстракции и выходит за пределы обыденных представлений и повседневных практик. Нахождение связей и параллелей между философией и искусством призвано сократить дистанцию между миром философии и жизненным миром будущих дизайнеров. Например, при изучении древнегреческой философии студентам предлагается задание: определить и аргументировано объяснить, где изображён Платон, а где – Аристотель на известной фреске Рафаэля «Афинская школа», исходя из концепций двух величайших мыслителей.

Профессиональной направленности курса служит и рассмотрение истории философии в культурном контексте соответствующей эпохи. Так, при изучении античной философии важно провести параллели между образом космоса, воплощённом в древнегреческом искусстве и философии; показать роль категории меры, одинаково важную и в теоретическом, и в художественном мышлении древних греков. Что касается средневековой философии, целесообразно раскрыть неоднократно отмеченное исследователями подобие между готической архитектурой и схоластикой [1, 2]. В этом случае студент может ощутить сходство между величественными интеллектуальными построениями философов-схоластов и готическими соборами, отражающими сакральную структуру мироздания в едином художественном пространстве. При изложении философии эпохи Возрождения важно раскрыть связь между гуманистическими идеями ренессансных мыслителей, антропоцентрическими культурными практиками и утверждением системы прямой перспективы в живописи.

Принцип профессиональной направленности распространяется и на методику преподавания основ философии в художественном образовательном учреждении. Это, прежде всего, активное использование наглядных пособий при изложении учебного материала. Наглядность обучения сама по себе является одним из основополагающих дидактических принципов. В профессиональной подготовке дизайнеров она играет особую роль. У студентов художественных образовательных учреждений преобладает визуальное, наглядно-образное восприятие мира, тогда как философия ориентирована в основном на понятийное мышление. При изложении учебного материала важно учитывать эту особенность. Например,

целесообразно использовать мультимедийные презентации при объяснении учебного материала. Презентации, помимо текста, предполагают насыщение разнообразными визуальными элементами – схемами, таблицами, иллюстрациями. Титульные слайды презентаций включают иллюстрацию-образы, ассоциативно связанные с определенной эпохой в истории искусства и философской мысли либо изучаемым разделом философии.

В программу преподавания основ философии включаются творческие задания, соответствующие содержанию профессиональной деятельности будущих дизайнеров. Например, по теме «Глобальные проблемы человечества» студенты разрабатывают серию пиктограмм, находят и анализируют живописные произведения и образцы плакатной графики.

Во всей полноте принцип профессиональной направленности преподавания основ философии реализуется при изучении студентами темы «Эстетика в структуре философского знания. Эстетические категории и концепции». Тема занимает особое место в курсе Основ философии для студентов художественного колледжа. Это связано с содержанием подготовки будущих дизайнеров, преподавателей художественных дисциплин, для которых эстетика является философско-методологической основой профессиональной деятельности. Занятие по данной теме является одним из завершающих в курсе, а поэтому, с одной стороны, призвано раскрыть предмет эстетики как отрасли философского знания, содержание основных эстетических концепций и категорий, с другой стороны – обобщить и синтезировать знания, полученные студентами при освоении других разделов дисциплины. Занятие построено на активных и интерактивных формах учебной деятельности: выступление студентов с подготовленными мини-сообщениями на тему «Эстетические категории»; моделирование реальной ситуации («Экскурсии в музей античной эстетики»); эвристическая беседа («Эстетическая лаборатория») на тему «Художественный образ как эстетическая категория»; выполнение творческого задания – разработка графических образов-пиктограмм; упражнения для закрепления полученных знаний.

Заключение. Реализация принципа профессиональной направленности в преподавании Основ философии способствует улучшению качества, как преподавания дисциплины, так и профессиональной подготовки будущих дизайнеров.

Список литературы

1. Гвардини Р. Конец нового времени // Вопр. философии. – 1990. – № 4. – С. 127-163.
2. Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 336 с.
3. Савка И.В. Принцип профессиональной направленности подготовки специалистов международного права [Электронный ресурс] // Sci-article. Публикация научных статей. – Режим доступа: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1430314732>.

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ДИЗАЙН ОБРАЗОВАНИЯ

Свиридова Д. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

sviridova451@gmail.com

Введение. Воспитание толерантности студентов обусловлено социальными процессами современного этапа развития человечества, характеризующимися противоборством интеграционных и дезинтеграционных тенденций. С одной стороны, самого широкого спектра культурные связи между странами перерастают в глобальную взаимозависимость, что приводит к появлению новых видов коммуникаций. С другой, под воздействием роста национального самосознания увеличивается число межэтнических и межконфессиональных разногласий, прогрессируют такие явления, как сепаратизм, национальный экстремизм, ксенофобии и пр. Все это актуализирует проблему воспитания толерантности отдельного человека, способного преодолевать межкультурные конфликты, что, в свою очередь, позволит смягчить деструктивные процессы в мировом взаимодействии.

Перед высшим образованием поставлена задача по созданию условий для духовно-нравственного развития студентов, для реализации их прав на самореализацию в условиях расширяющихся межкультурных контактов. В связи с этим возрастает роль дизайн образования, основной целью которого является формирование функциональной грамотности будущих специалистов, развитие творческого потенциала и усовершенствования творческих способностей. Ученые (И.Л. Бим, Н. Д. Гальскова, Р. П. Мильруд, Е. И. Пассов и др.) отмечают, что дизайн образование имеет огромный духовный потенциал, позволяющий молодому поколению вступать в полноценное межкультурное общение, как в реальном, так и в виртуальном пространстве. В то же время анализ программ обучения дизайнеров в ВУЗах показывает, что данные цели не всегда реализуются в полной мере, потому, что массовая практика преподавания продолжает базироваться на традиционном подходе, при котором недостаточно акцентируются воспитательные задачи. Современная система высшего образования должна стать не только пространством профессионального, но и духовно-нравственного развития, ориентированного на воспитание толерантности будущих специалистов средствами межкультурной коммуникации, создать условия для формирования данного качества как экзистенциальной ценности.

Экзистенциализм – направление в философии, иными словами философия существования, которая в большей степени направлена на анализ уникальности бытия человека. Основными принципами данного направления философии являются:

- человек делает себя сам;
- свобода выбора – человек сам решает, как жить, не подстраиваясь под общие рамки;
- ответственность – решая как поступить в той или иной ситуации, человек выбирает быть таким или другим всему миру;
- конечное и временное существование – это бытие, обращенное в смерть.

Таким образом, правомерно утверждать, что воспитание толерантности студентов, формирование менталитета толерантности является важнейшей стратегической задачей дизайн образования в XXI веке.

Цель исследования – разработка духовной ориентации содержания и модели воспитания толерантности студентов средствами межкультурной коммуникации.

Основные результаты. Судьбу нового дела взяли в свои руки десятки тысяч учителей-практиков. А тот простой факт, что разрастаясь и укрепляя свои позиции, новая система вопреки пессимистическим прогнозам шагает по земному шару вот уже три десятилетия, прямо и косвенно предлагает «пророкам» от науки окунуться в живое дело и, не чураясь самой простой работы, разобраться в существе происходящего. К счастью, практически мыслящих ученых в нашей стране несравненно больше. Это В. П. Вахранев, С. Г. Дугаров, В. Д. Корнеев сотни других кандидатов и докторов науки, пришедших в новую методику не случайными прохожими и не инспекторами, а тружениками, имеющими огромный опыт работы.

Психолого-педагогический аспект развития толерантности представлен в исследованиях А. Г. Асмолова, В. В. Глебкина, Л. П. Ильченко, Е. А. Некрасовой, Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой, О. Д. Шаровой, Л. И. Рюминой и др., в которых акцент сделан на процессе приобщения подрастающего поколения к искусству жить в мире непохожих людей и идей.

Исследование взаимосвязи межкультурной коммуникации, дизайн образования и воспитания толерантности мы находим в работах Н. В. Барышникова, Е. Ю. Литвиненко, Е. Г. Петренко, В. В. Сафоновой.

Заключение. Воспитание студентов предполагает целенаправленный духовно ориентированный процесс становления системы ценностей у студентов, направленный на овладение смыслом человеческого бытия; создание благоприятных условий для нахождения воспитанниками оптимального смысла своей жизни. Отсюда воспитание

толерантности студентов рассматривается нами как целенаправленный духовно ориентированный процесс становления толерантности как осознаваемой ценности жизни, как нравственного императива события различных экзистенций.

Цель воспитания толерантности студентов: активизация потребности и готовности к конструктивному толерантному взаимодействию с людьми и группами людей независимо от их национальной, социальной, культурной и конфессиональной принадлежности, взглядов, мировоззрения, стиля мышления и поведения.

Принципы воспитания толерантности: персональной установки на развитие толерантности; индивидуально-личностный биосинергичный принцип; культур креативности и диалога культур; персонализации или опоры на внутреннюю активность студентов; создания толерантной среды в образовательном учреждении; соборности и единения на основе события; воспитывающей рефлексии.

Вера в успех как следствие труда порождает привычку к активной деятельности, привычка же – прямой путь к созданию характера цельного, устойчивого, бескомпромиссного.

Список литературы

1. Андреева, И. А. Цветопсихология в рекламе: искусство манипулирования людьми. Рекламные технологии / И. А. Андреева. – 4–е изд. – М.: Кнорус, 2004. – 320 с.
2. Алешина, И. В. Корпоративный имидж: стратегический аспект по материалам сайта / И. В. Алешина. – М.: «Прогресс», 2010. – 240 с.
3. Борисов, Б. Л. Технология рекламы и PR / Б.Л. Борисов. – М.: ФАИР–ПРЕСС, 2001. – 624 с.
4. Бушуева, Л. И. Применение методов анализа взаимосвязей между признаками в маркетинговых исследованиях. Маркетинг в России и за рубежом / Л. И. Бушуева. – 3–е изд. – М.: Кнорус, 2004. – 830 с.
5. Веркман, К. Я. Товарные знаки: создание, психология, восприятие: пер. с англ./ К. Я. Веркман. – М.: «Прогресс», 1974. – 140 с.
6. Василенко, А. С. Пиар крупных российских корпораций. / А. С. Василенко. – М.: ГУ–ВШЭ, 2001. – 214 с.
7. Дегтярев, А. Р. Изобразительные средства рекламы: Слово, композиция, стиль, цвет / Р. Дегтярев. – М.: Фаир–Пресс, 2006. – 256 с.
8. Ковешникова, Н. А. Дизайн: история и теория / Н. А. Ковешникова. – М.: Омега–Л, 2009. – 224 с.
9. Курушин, В. Д. Графический дизайн и реклама / В. Д. Курушин. – М.: ДМК Пресс, 2007. – 272 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДИЗАЙН-МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ

Трошкин А. В., канд. пед. наук., доцент,

Подобная Е. Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

avt63@mail.ru

Введение. С развитием технологического прогресса социума, подготовка креативно-развитых специалистов в области дизайна, способных создавать свои проекты, внедрять и развивать новые идеи, выпускается довольно большое количество. Однако в условиях жесткой конкуренции экономического кризиса для привлечения все большего количества потребителей к своей продукции, дизайнерам студентам для того что бы ни разориться, необходимы новые решения. Так как на основе идейной ясности, многие фирмы привлекают завоевание общественного внимания, до того как выпустят свой продукт. Рассматривая данные обстоятельства, подготовка специалистов в высшей школе, должна давать возможность продвигать собственные бизнес-проекты. Достаточно непросто подготовить процесс подготовки конкурентно-способных профессионалов в рамках дисциплин высшей школы. От преподавателя требуется формирование креативного мышления студентов по выбранной творческой специальности. Именно «будущий дизайнер» начиная свое творчество, должен привлекать нарастающий интерес к своим разработкам, которые в итоге могут стать глобальными проектами для многих компаний.

Анализ последних исследований и публикаций. На данном этапе чтобы подготовить студентов-дизайнеров к будущему развитию в своей сфере детально потребуется использование новых методик обучения, изучение формы подачи материала, трансформации мышления самого преподавателя и мышления студентов. На данный момент главной задачей преподавателя воспитание в дизайнере, даёт возможность самостоятельно приобретать новые знания, в режиме самообучения осваивать новые технологии, для выполнения тех или иных операций связанных с информационными процессами.

С прогрессом на сегодняшний день только креативности для будущих экспертов в своей сфере деятельности мало, с развитием технологий, внедрений новых тенденций, возникают новые направления. Одним из таких направлений стало «Дизайн-мышление».

Дизайн-мышление раскрепостило организационную культуру, в которой многое оказалось потерянное: радость эксперимента, быстрых

действий, искренний интерес к неизвестному, энтузиазм и отсутствие страха совершить ошибку.

В основе дизайн-мышления лежит принцип антропоцентризма. Любой, кто использует этот принцип, подчиняет свое исследование и работу интересам человека, а не интересам компании, начальника, менеджера проекта или бюрократии.

Главная идея дизайн-мышления – выйти за рамки сложившихся стереотипов и шаблонных методов решения задачи.

Цель исследования. Дизайн-мышление лежит больше к стратегическому между стратегическим и креативным мышлением. Их взаимосвязь дает решение проблем. Дизайн-мышление пытается понять и найти какую-то проблему, основываясь на ее признаках

Основные результаты. Решая проблему, будущий специалист сможет основываться на основных принципах дизайн-мышления:

- фокусировка на потребностях человека;
- уклон в сторону действий (конкретный практический метод который позволяет уже сейчас делать и повышать процент ваших действий);
- не говори, а покажи (покажи как можно больше, если хочешь добиться взаимопонимание с общественностью);
- ясное виденье;
- постоянные эксперименты (эксперимент-главная задача);
- понимайте процесс.

Именно эти принципы начинают направлять на понимание проблемы, и как улучшить продукт, который не имеет спрос на рынке.

Наши будущие дизайнеры могут задействовать алгоритм который вскоре принесет свои результаты.

Алгоритм дизайн-мышления:

Эмпатия – сопереживания опыту ситуации и эмоций потребителя, для которого работают.

Фокусировка – процесс анализа собранных данных с целью сформулировать концепции проблемы пользователя POW.

Генерация идей – перевод потребностей в решении, поиск наибольшего количество вариантов решения за пределами очевидных идей.

Прототипирование – думайте руками и создавайте быстрые прототипы с которыми можно работать (основная цель выявить количество недостатков).

Тестирование – получение обратной связи очень важный этап, он позволит понять свои недочёты или же наоборот дать ожидаемый результат.

В дизайн-мышлении есть подсказки и инструменты, которые помогают структурировать наши мысли и прийти к новым идеям; есть инструменты, которые помогают нам новые подручные и полезные

инструменты создать, а есть те, что слегка регламентируют последовательность наших действий – что и в каком порядке мы должны совершить, чтобы получить значимый результат.

Задача педагога – не только обеспечить высокое качество образовательного процесса, и сделать его более привлекательным для учеников, родителей, коллег.

В процессе анализа своей деятельности, и ориентируя себя на восприятие ее глазами потребителя (в данном случае – учащегося), дизайн-мышления позволяет реконструировать весь образовательный процесс, ориентируя его на конкретны изменения, способствующие решению поставленных задач.

Одной из ключевых задач обучения – является личностное развитие обучающегося.

Отвечая интересам и конкретным запросам развития, педагог создает образовательный процесс таким образом, чтобы возникновение конкретных знаний и опыта отвечала личностным особенностям восприятия каждого студента, так и образовательного социума в целом.

При этом метод дизайн-мышления дает оценку основных трудностей при внедрении новых форм и методик, и делая эту реконструкцию образовательного процесса более гибкой.

Метод дизайн-мышления можно также использовать как один из инструментов формирования организационной культуры учащихся, в том числе для введения новых практик и форм обучения.

Заключение. Образование должно измениться, чтобы появились люди, которые смогут решить глобальные проблемы планетарного масштаба: человечеству необходимы новая система обучения. Таким образом, использование дизайн-мышления позволяет не только активизировать «мозговой штурм» будущих специалистов, но и сформировать креативную составляющую с алгоритмическим решением, необходимую в дальнейшей профессиональной деятельности дизайнера, благодаря которой можно достичь успеха в современном информационном обществе.

Регулярное применение метода дизайн-мышления помогает вывести на первый план личность человека, с его актуальными потребностями, что в свою очередь, дает возможность упрощать процесс постановки задач и поиска путей их решения.

Нельзя сказать, что все эти элементы полностью описывают метод работы, скорее, акцентируют наше внимание на отдельных востребованных моментах рабочего процесса. В дальнейшем это может решить быстро и точно проблему, с которой каждый профессионал своего дела может столкнуться. Именно поэтому данное направление для студентов специальности дизайн необходимо, что генерация идей не давала «утонуть» потенциалу наших будущих специалистов. Дизайн-

мышление содержит многое из философии деятельности – того, с каким, набором ментальных установок мы подходим к делу. И да, в дизайн-мышлении есть элемент культуры, новой культуры деятельности и «работы».

Список литературы

1. Жолдасбекова, К. А. Формирование креативного мышления студентов специальности «Дизайн» / К. А. Жолдасбекова, Т. С. Буркитбаев, К. А. Есенбаева, Г. И. Сманова, М. Н. Ердесова // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – №11-5. – С. 664-665.
2. Brown, T. Deliver on a great / T. Brown // Harvard Business Review. – 2008. – P. 85–92.
3. Батра, Р. Рекламный менеджмент: пер. с англ. / Р. Батра [и др]. – 5-е изд. – К.: Вильямс; М.; СПб.: [б.и.], 1999. – 780 с.

УДК 75

ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ДИЗАЙНЕ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

Трошкин А. В., канд. пед. наук,

Руденко Ю. О.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

avt63@mail.ru

Введение. По определению Л. М. Дмитриевой: «Рекламный дизайн – проектная деятельность, направленная на разработку средств визуализации рекламного образа товара в рамках творческой стратегии рекламной кампании. Визуализация рекламного образа достигается в большей части с помощью дизайн-графики» [1, с. 214].

Региональная идентификация является неотъемлемой частью стратегии рекламного дизайна. Значение региональной идентификации переоценить трудно: они определяют ориентиры развития, помогают сформировать этикет, сокращают издержки на поиск решений для поставленных задач.

Цель исследования – изучение проблем региональной идентификации в дизайне полиграфической продукции.

Основные результаты. Региональная идентичность тесно связана с образом региона в глазах его жителей. Формирование образа зависит от множества факторов, в том числе и от восприятия регионального историко-культурного наследия, одним из объектов которого является прикладное искусство региона. Целью данной раздела является выявление взаимосвязи между актуализацией традиционной художественной

культуры посредством дизайна и формированием региональной идентичности.

По определению М. П. Крылова, региональная идентичность – это «совокупность культурных отношений, определяемых понятием «малая родина», являющаяся местным проявлением «культуры укоренности» [5, с. 360]. При этом «малая родина» понимается как восприятие множественностью взаимодействующих индивидов своей среды обитания, как особой, некой условной целостности, обладающей внутренней культурной и пространственной логикой [6, с. 188].

Понятие «малая родина» не может иметь строго определенного пространственного эквивалента из-за своего субъективного характера, поскольку «у каждого индивида своя малая родина», и отождествление себя происходит не с внешне продиктованным регионом, а со своим, наполненным личным смыслом пространством [5, с. 361]. Таким образом, можно отметить, что региональная идентичность является своеобразным выражением отношения человека к земле, где он был рожден или проживает в настоящий момент [2, с. 339].

Как отмечает Н. А. Докучаев, «процесс региональной идентификации предполагает конкретизацию пространственно-временных координат» [3, с. 81]. В данном случае территория приобретает особый смысл для самосознания человека, культурный ландшафт формирует региональное сообщество и определяет его особенности.

Следовательно, «Процесс «освоения» пространства – это конструирование «идеальной модели территории» [3, с. 81].

Заключение. Дизайн, с одной стороны, формирует предметную среду, а с другой – задает отношение человека к этой среде, используя художественные и материальные формы прошлого. Эта историческая рефлексия способствует проникновению проектного сознания в традиционные слои культуры и ставит дизайн в рамки мифопоэтических, природных, социокультурных и прочих аспектов исторического бытия [7, с. 259]. Кроме того, обращение к художественному наследию позволяет формировать представление о культуре региона, его месте в отечественной истории. Связь традиционной культуры с природой, окружающей средой всегда находила отражение как в жизненном укладе, так и в прикладном творчестве.

Поэтому использование в дизайне художественных традиций данной территории тесно связано с локальностью места, природным и культурным ландшафтом [7, с. 263].

Стоит отметить, что подобный дизайн выполнял бы сразу несколько очень важных ролей. Во-первых, он позволял бы изучать и актуализировать художественные традиции региона. Во-вторых, такой подход к дизайну способствовал бы своеобразному «сохранению» исторически сложившихся культурно-значимых объектов, имеющих для

региона художественную и/или архитектурную ценность, отображая их в предметной среде или виртуальном пространстве. В третьих, подобные разработки позволили бы представлять регион, как на национальном, так и на международном уровне. В-четвертых, это способствует ознакомлению жителей с художественной культурой региона, а значит осознанию связей со своей малой родиной, и поддержке региональной идентичности.

Список литературы

1. Андреева, В. Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия / В. Андреева, В. С. Куклев, А. Ровнер. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 598 с.
2. Алешина, И. В. Корпоративный имидж: стратегический аспект по материалам сайта / И. В. Алешина. – М.: «Прогресс», 2010. – 240 с.
3. Борисов, Б. Л. Технология рекламы и PR / Б. Л. Борисов. – М.: Фаирпрес, 2001. – 624 с.
4. Бушуева, Л. И. Применение методов анализа взаимосвязей между признаками в маркетинговых исследованиях. Маркетинг в России и за рубежом / Л. И. Бушуева. – 3–е изд. – М.: Кнорус, 2004. – 830 с.
5. Веркман, К. Я. Товарные знаки: создание, психология, восприятие: пер. с англ./ К. Я. Веркман.- М.: «Прогресс», 1974. – 140 с.
6. Василенко, А. С. Пиар крупных российских корпораций. / А. С. Василенко. – М.: ГУВШЭ, 2001. – 214 с.
7. Мокшанцев, Р. И. Психология рекламы / Р. И. Мошканцев. – М.: ИнфраМ, 2007. – 230 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Русский язык. Грамматика и словообразование

<i>Белых А.В.</i> Синхронный (эквивалентностный) анализ наименований лица в аббревиатурной группе «авиа»	5
<i>Борозенец Д.И., Теркулов В.И.</i> Способы глагольного действия в этимолого-словообразовательном гнезде «знати»	8
<i>Данилова Е.А.</i> Функционально-коммуникативный подход к анализу языковых единиц на примере высказываний с семантикой антицели	11
<i>Крамаренко И.И., Теркулов В.И.</i> Структурно-ономасиологическая классификация сложносокращённых слов со значением процессуальности	13
<i>Лялюк А.А.</i> Ономасиологический класс аббревиатурных наименований точечных пространственных объектов	16
<i>Назар Р.Н.</i> Сложносокращённые слова с аббревиатурным компонентом <i>строй</i> в современной публицистике	20
<i>Рязанова В.А., Теркулов В.И.</i> Дешифровальные стимулы как индивидуальные критерии развёртывания сложного слова	23
<i>Соснина Л.В.</i> Процессы конденсации в русском языке: семантическая и лексическая направленность	26
<i>Теркулов В.И.</i> Уровни текстовой эквивалентности сложносокращённого слова ...	29
<i>Халабузарь А.О.</i> Модели дешифровки сложносокращённых слов, входящих в аббревиатурную группу «авиа»	32

Русский язык. Актуальные проблемы лингвистики

<i>Атанова Г.Ю.</i> Особенности терминологической вариативности (на материале терминов строительной механики)	35
<i>Бессарабов О.В., Бессарабова Ю.В.</i> Язык – ключ к пониманию культуры	38
<i>Бондарчук Т.А.</i> Наречная региональная лексика в романе Б.Л. Горбатова «Донбасс»	40
<i>Бурлай А.С.</i> Языковая личность журналиста	43
<i>Власкина Т.Ю.</i> Образы современного Донбасса в речевых манифестациях: центр и окраины	45
<i>Гладкая Н.В.</i> Интернет-дискурс как особый тип общения в глобальной сети	48
<i>Гончаренко С.Б.</i> Проблемы формирования языковой личности в условиях медиамногообразия	50
<i>Гордиенко В.П.</i> Язык как вектор развития народа	53
<i>Гулькина В.О.</i> Виды лексических ошибок в работах донецких студентов	56
<i>Евсеева М.Г.</i> Регионально-специфическая лексика в языке города (Донецк)	58
<i>Игнатъева О.П.</i> К проблеме формирования патриотизма средствами языка	59
<i>Кириллова А.И.</i> К проблеме детерминализации военной лексики	62
<i>Курмакаева Н.П.</i> Лингворегионоведение как новое научно-образовательное направление в лингвистическом цикле магистратуры	64
<i>Литичевская М.А., Панчехина М.Н.</i> Взаимодействие речевых жанров в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»	67

<i>Мельникова Л.В.</i> «Донецкий диктант» как продуктивное средство повышения орфографической и пунктуационной грамотности жителей республики	70
<i>Мозговой В.И.</i> Проблемы классификации имён собственных	74
<i>Николаев А.М.</i> Лексические минимумы в профессионально ориентированном обучении русскому языку как иностранному (довузовский этап подготовки)....	78
<i>Панчехина М.Н.</i> Речевой жанр «предсказание» в коммуникативном аспекте (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)	81
<i>Стебунова А.Н.</i> Концепт «мир» в языковом сознании донецких студентов	83
<i>Щенникова Е.П.</i> Колебания орфоэпических норм в русской речи (на основе мониторинга речи туляков)	86
<i>Щур Е.А.</i> Динамические процессы в орфографической и графической системах современного русского языка	89

Общее языкознание и история языка

<i>Балко М.В.</i> Реализация категории эмотивности в письменном мультикодовом тексте	92
<i>Борисова Л. П., Янышевская В. В.</i> О статусе коммуникативов в контексте дихотомии «язык – речь»	95
<i>Гапонова Т.Н.</i> Комплексный подход к средствам выделения компонентов актуального членения предложения	98
<i>Гордова Ю.Ю.</i> Создание каталога донецкой топонимии: возможности, реализация, перспективы	101
<i>Дмитриева Ю.Л.</i> Особенности вербализации образа осени в цикле «Осенний вихрь» С. Городецкого	1004
<i>Ивашко К.С., Изосимова С.А., Пигуз В.Н.</i> Психолингвистические особенности языка рекламы	106
<i>Емельяненко А.В.</i> Структурные типы русскоязычных комиксов	108
<i>Касьяненко Н.Е.</i> Собственные имена в «Лексиконе трехязычном» Ф. П. Поликарпова (1704 г.)	112
<i>Новикова Ю.Н.</i> Особенности морфологической парадигматики фамилий в современном русском языке	115
<i>Першина К.В.</i> Растительный код в топонимии Донбасса	118
<i>Титаренко Э.А.</i> Корреляция семантики интенсивности и значения обычного, узаконенного порядка	121
<i>Усенова К.У.</i> Изучение этнолингвистики в тюркских языках	124
<i>Шокотко Н.А.</i> Инновационные подходы к методике лингвистического взаимодействия	125
<i>Ярошенко Н.А.</i> Антропоморфный код в урбанонимиконе Донбасса (на материале отопеллятивных годонимов г. Донецка)	128

История русской литературы и теория словесности

<i>Белоконь С.А.</i> Жанровые идеи М.М.Гиршмана	133
<i>Даренский В.Ю.</i> Архетипическая модель литературного произведения	135
<i>Димитренко М.А., Фёдоров В.В.</i> Реализация эстетического конфликта в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»	138

<i>Жарикова О.В.</i> Ощущение безнадежности в пьесе А. Блока «Незнакомка»	140
<i>Куштыменко Н.В., Корablёв А.А.</i> Машина времени как фактор изменения человека	143
<i>Майборода Н.В.</i> Романтическое начало русской литературной сказки начала XIX века	146
<i>Максименко А.В.</i> Гиперлипограммы в русской комбинаторной поэзии конца XX – начала XXI века	149
<i>Матвиенко О.В.</i> Поэзия А. Ахматовой в переводе Г. Гордасевич	153
<i>Миннуллин О.Р.</i> Противостояние теории художественной целостности и концепции поэтического бытия в донецкой филологической школе	156
<i>Перетятая О.С.</i> Жанровые модификации современной литературной сказки «Недотрога» Т. Корниенко	160
<i>Першина К.В.</i> Диалогическая этика versus эстетика: Э. Левинас и М. Бахтин	163
<i>Плахтий Т.Н.</i> Семиотический код барочной драмы (на материале славянских пьес XVI – XVIII веков)	165
<i>Сенчина Л.Т.</i> Жанр идиллии в романтическую эпоху	168
<i>Сорокин А.А.</i> Памятник как атрибут социального мироустройства в произведениях А.А. Зиновьева	171
<i>Тыщук Д.С.</i> Жанровые особенности повести-сказки А. Волкова «Семь подземных королей»	174
<i>Чуприна И.И.</i> Н.Ф. Фёдоров и Ф.М. Достоевский: в братстве – спасение	177
<i>Шепелева О.А.</i> Мифологическая мотивировка и мифологическое толкование в суевериях и приметах (по материалам международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций ДонНУ на Верхний Дон)	181

Славянская филология и прикладная лингвистика

<i>Бородинова М.В.</i> Поэзия Т. Шевченко «Пророк»: авторский и литературный контексты	184
<i>Васильева Е.Ю.</i> Вербализация концепта «смерть» средствами паремиологического фонда русского и украинского языков	187
<i>Кононец Е.А., Зенина А.В.</i> Выразительный потенциал лексики поэтических текстов Анны Ревякиной	190
<i>Кравченко А.И., Могила Н.Н.</i> Метапредметный подход в обучении украинскому языку	192
<i>Кудрейко И.А.</i> Вариативность падежных форм имени существительного в донецком диалекте	196
<i>Могила С.А.</i> Англицизмы в периодических изданиях Донбасса	199
<i>Талалаенко Д.А., Могила Н.Н.</i> Кросс-культурный подход в обучении украинскому языку в условиях двуязычия	202
<i>Чернышова Л.И.</i> Родительный падеж субстантива как носитель атрибутивной семантики	204
<i>Ярошевич И.А.</i> Художественное воплощение семейных ценностей жителей Донбасса в романе Н. Руденко «Орлова балка»	207
<i>Ясюченко С.Э., Зенина А.В.</i> Лингвистический анализ вербальной составляющей плакатной рекламы города Донецка	210

Журналистика

<i>Анисимов Н.А.</i> О некоторых особенностях ценностных ориентаций в мировой публицистике XX века	214
<i>Антоненко Ц.А.</i> Теории формирования и распространения политического фрейма....	216
<i>Артамонова И.М., Держак О.В.</i> Эффективность медиаобразования как инструмента распознавания манипулятивных технологий в СМИ в системе школьного образования	219
<i>Артамонова И.М.</i> СМИ и общественное сознание молодежи	222
<i>Артамонова И.М.</i> Технологии информационной войны в современных медиа	226
<i>Безродный В.П.</i> Манипулятивные технологии украинских СМИ, направленные на дискредитацию жителей Донбасса	229
<i>Булгакова А.А.</i> Манипулятивные возможности дискурса телевизионных новостей ..	232
<i>Гудова Т.В.</i> Эмоциональное воздействие на аудиторию как уникальная особенность радиовещания	235
<i>Карпий С.В.</i> Прямое телевизионное включение: воздействующие факторы	237
<i>Кухаренко Е.А.</i> Современные СМК как активатор социальной мобилизации молодежи	240
<i>Левкович В.А., Артамонова И.М.</i> Проблемы детского культурного пространства и пути их решения	242
<i>Ломидзе К.М.</i> Специфика функционирования информационной войны в условиях военных действий на юго-востоке Украины: манипуляционные методы и тактики политической пропаганды	245
<i>Лютикова А.А.</i> Эволюция жанровой системы журналистики в интернет-медиа ...	248
<i>Марценюк М.А., Артамонова И.М.</i> Трансформация медиапрофессии: требования к современному журналисту	251
<i>Петлевая А.А., Артамонова И.М.</i> Принципы создания контента для масс-медиа и социальных сетей в сфере бренд-журналистики	254
<i>Плохотнюк К.В., Артамонова И.М.</i> Роль участников воздействующей коммуникации в политических ток-шоу (на примере программы «Вечер с Владимиром Соловьевым»)	257
<i>Саламатина А.В., Наливайко Ю.Ю.</i> Теоретические аспекты подготовки периодического печатного издания	259
<i>Тулупов В.В.</i> Журналистское образование в России: дискуссии продолжаются	262
<i>Чайка О.С.</i> Основные признаки телевизионного социального репортажа при освещении политических событий в России и мире	266
<i>Якель А.О.</i> Пути воспитания критического мышления студентов-журналистов в условиях общественных кризисов	269

Проблемы обучения нормам русского литературного языка

<i>Казанцева И.Г.</i> К вопросу о нормированности словоупотребления	271
<i>Кулиш С.В.</i> Самостоятельная работа как базисная составляющая кредитно-модульного обучения	274
<i>Сторчак Л.В.</i> К вопросу о валентности согласных фонем в структуре слога русского языка	276

<i>Сторчак Л.В.</i> Орфоэпические нормы русского языка и их интенсификация в обучении	277
<i>Суслова И.А.</i> Отражение концептов «правда» и «истина» в английской и русской концептосферах	279
<i>Юдина Л.В.</i> Воспитательное значение грамматики при обучении русскому языку.....	281

Мировая и отечественная культура

<i>Агаркова А.А.</i> Исторические метаморфозы поэтики отечественного быта	283
<i>Бондаренко А.О.</i> Аидзومه в культуре Японии	286
<i>Вертикова А. В., Каика Н.Е.</i> Социокультурные особенности современной коммерческой рекламы	288
<i>Гулякина С.И., Минат В.Н.</i> К вопросу о происхождении понятия «культура»	290
<i>Гулякина С.И., Минат В.Н.</i> Теоретические подходы к пониманию культуры в XX веке: анализ и критическая оценка	293
<i>Ерохина А.А.</i> Экфрасис в поэзии Максимилиана Волошина	296
<i>Калиниченко Е.Н.</i> Феномен «болдинской осени» в изобразительном искусстве	299
<i>Квашина Л.П., Красицкая Н.С.</i> Проблема соотношения визуальной и словесной семиотической систем (на материале агитационного плаката)	302
<i>Кокоткина О.С.</i> Культурное наследие Луганщины: гончарство – традиции и современность	305
<i>Кравченко О.А.</i> Образы страдающих животных: трагический ракурс восприятия природы	308
<i>Кроливец А. А., Кондаурова А.В.</i> Мифологические представления кочевых народов в семиотическом пространстве города Донецка	311
<i>Кузина Е.А.</i> Благоукрашение храмов – дело для молодых	314
<i>Лях И.В.</i> Культурогенез как теоретико-методологический концепт исследования культуры	317
<i>Малыхина М.А.</i> Отделения государственного управления цирками УССР на Донбассе (1933 год)	319
<i>Мартынова Т.В.</i> А. Сухово-Кобылин «Смерть Тарелкина». современные сценографические решения	322
<i>Минасян Н.Г.</i> Диалог с мастером как методология формирования духовно-нравственных ценностей молодежи в контексте преподавания учебных предметов художественно-эстетического цикла	325
<i>Минат В.Н.</i> Велика и поразительна область географии: «Мысли о географии» Николая Васильевича Гоголя	328
<i>Минат В.Н.</i> О значении понятия «географическая культура» в научном познании картины мира	331
<i>Мостяев Ю.Н., Минат В.Н.</i> К вопросу о закономерностях генезиса культуры	334
<i>Мостяев Ю.Н., Минат В.Н.</i> Феномены духовной культуры общинно-родового строя	337
<i>Пиченикова С.Г.</i> Культурологическое осмысление проблем эстетики нонконформизма	339
<i>Плахтий Т.П.</i> Жанровый подход к изучению религиозной драмы барокко (на материале славянских пьес XVI – XVIII веков)	342

<i>Ревяков И.С.</i> П.Я. Чаадаев как этнокультуролог	345
<i>Ревяков И.С.</i> Образ города в современной донецкой поэзии	348
<i>Ретюнских В.Н., Судакова Г.Ю., Минат В.Н.</i> Информационная культура и информационная компетентность в современном обществе	350
<i>Рыбина О.В.</i> Изучение музыкальных произведений как путь формирования системы ценностей личности	353
<i>Семенов А.В., Минат В.Н.</i> К вопросу о предпосылках и начале становления культуры	356
<i>Семенов А.В., Минат В.Н.</i> Разработка идей о культуре в философии Нового времени	359
<i>Соколов А.С., Минат В.Н.</i> К вопросу о роли культуры в жизни индивида и общества	362
<i>Соколов А.С., Минат В.Н.</i> «Творческая работа духа над природными стихиями»: разум и культура	365
<i>Сторчоус С.С., Кондаурова А.В.</i> Особенности символического текста в японском аниме (на примере «Повесть о принце Гэндзи», Г. Сугии)	368
<i>Судакова Г.Ю., Минат В.Н.</i> «Горизонтальный аспект» понимания культуры и формирование пространственных типов цивилизаций	370
<i>Тамаровская Ю.В.</i> Синтез художественной резьбы и культуры	373
<i>Теремова Т.И.</i> Русский мир Луганщины	375
<i>Черноземова Е.Н.</i> Всероссийская олимпиада школьников по искусству: принципы составления заданий	378

Дизайн и art-менеджмент

<i>Данильян Л.В., Тюркеджи Е.В.</i> Плакатная графика в исторических и социокультурных реалиях XX века и современный дизайн плаката	380
<i>Кулютина Г.А., Гринева А.А.</i> Технологический процесс изготовления фотокниги	384
<i>Мальцева Д.М.</i> Рисуночный опорный конспект	387
<i>Мальцева Д.М., Бычкова В.Г.</i> Типология проектов. Их структурирование	389
<i>Петрикина С. В.</i> Профессиональная направленность в преподавании основ философии студентам специальности «Дизайн» (из опыта Донецкого художественного колледжа)	392
<i>Свиридова Д.А.</i> Воспитание толерантности студентов средствами межкультурной коммуникации в процессе дизайн образования	395
<i>Трошкин А. В., Подобная Е. Н.</i> Педагогические условия формирования дизайн-мышления у студентов	398
<i>Трошкин А. В., Руденко Ю. О.</i> Проблема региональной идентификации в дизайне полиграфической продукции	401

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2019:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
IV Международной научной конференции
31 октября 2019 г.,
г. Донецк

**ТОМ 4
Филологические науки. Культура и искусство
Часть 2**

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Ответственный за выпуск *М.Н. Панчехина*

Дизайн обложки	<i>Е.Г. Грудева</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>М.Н. Панчехина, М.В. Фоменко</i>

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, ДНР
e-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 16.10.2019 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 23,91.
Тираж 300 экз. Заказ № 19окт124/6.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.